

Annotation

История о том, как главный герой отправляется на рыбалку, находит некий артефакт и попадает в тело 12 летнего парня в 1888 год.

Утро было восхитительное! Я встал пораньше, чтобы вовремя добраться до озера где, по рассказам знакомых рыбаков, водится и, что самое главное, клюет линь. Я не знал где оно находится, но мой друг Чернухин рассказал, как туда доехать и даже снабдил картой, скаченной из Интернета и склеенной из отпечатанных на принтере листов. Правда, озера на той карте почему-то не было, но Чернухин сам нанес его и обозначил маршрут, пояснив, что добираться до него надо на мотоцикле, поскольку на машине туда не проехать. Можно конечно и на машине, но оставить ее придется, чуть ли не в двух километрах от берега. Меня это вполне устраивало, поскольку машины у меня уже не было. Зато был новенький китайский мопед, на котором я мог проехать куда угодно.

До озера, по словам Чернухина, было километров тридцать, причем двенадцать по проселочным дорогам, а последние два так и вовсе по бездорожью. Меня это не пугало, и свернув, в отмеченном на карте месте, с трассы, я бодро покати́л навстречу встающему на горизонте солнцу.

Проселок, изрядно попетляв, вывел меня на взгорок. Я остановился и, достав карту, увидел, что мне придется распрощаться с укатанной дорогой, которая шла дальше по вершине длинного холма и спускаться вниз по глинистой размытой дождями тропе к заросшей ивняком речушке. Спуск был довольно крутой. Заглушив двигатель, и притормаживая, я скатился вниз.

Речка была более глубокой, чем казалось сверху. Весенний паводок смыл хилый мосток и углубил русло. Ниже по течению я нашел пару жердин и доску, застрявшую в кустах. Видимо это все что осталось от мостка. Перекинул их в самом узком месте и, рискуя искупаться, перебрался на ту сторону. Передохнув, завел чудо китайского автопрома и, объезжая промоины и рытвины, покати́л вверх по пологому склону.

На вершине я вновь достал карту. Озеро располагалось правее, в низине, и нужно было найти в зарослях кустарника и ежевики проход, который должен быть рядом с приметной березой. Чем она замечательна Чернухин не пояснил, лишь сказал, что мимо не проедешь. Поскольку ничего сколь-нибудь приметного вблизи не росло, пришлось двигать дальше. Проехав еще с километр по исчезающей под травой дороге, я, наконец, увидел изогнутую самым причудливым образом древнюю березу всю в каких-то наростах и трещинах. Метров через двадцать отыскалась и чуть приметная тропинка, ведущая в заросли. Даже на таком сверх проходимом транспорте, ехать по ней было не слишком комфортно из-за того, что тропинка одновременно служила естественном желобом для стока дождевой воды, которая оставила после себя рытвины и вылезшие наружу корни. Пришлось вести своего железного коня в поводу.

Так спотыкаясь и проклиная себя за то, что в очередной раз купился на рассказы рыбаков я тащился вниз пока, наконец, не вышел на пологий берег, поросший какой-то мелкой травкой. И вожде́ленное озеро предстало во всей своей диковатой красе. Овальное, оно сверкало под лучами восходящего солнца всеми оттенками голубого и зеленого, у дальнего берега, цвета. Ветра не было, и озерная гладь нарушалась лишь редкими всплесками играющих у поверхности рыб, да легкий туман клубился на еще не освещенных солнцем участках.

О! Это были самые лучшие мгновения любой рыбалки. Предвкушение! Так можно.

одним словом охарактеризовать мое состояние. Все впереди: и длинный июньский день, и адреналин когда поплавок вдруг ныряет в глубину и удилице сгибается под тяжестью сопротивляющейся рыбины, и глубокое разочарование, когда вожаемая добыча ускользает буквально из рук, сорвавшись с крючка у самого берега, и скука ожидания поклевки, когда рыба, по только ей ведомой причине, перестает брать наживку, и удовлетворение, когда после долгого ожидания поплавок вновь оживает и тихонько уходит в сторону или ныряет в прозрачную глубину, показывая, что не все еще потеряно и снасти сворачивать рано.

Однако нужно выбрать место, где расположиться с удочками. Лучше всего там, где уже кто-то рыбачил до тебя и рыбу прикормил. Я проехался по берегу. На удивление берег был чист лишь в двух местах виднелись следы прошлогодних кострищ вокруг которых валялось несколько водочных бутылок да мятых банок из под пива. В метрах пятидесяти от береговой кромки возле косогора торчал из под земли громадный валун. Подкатив поближе, я увидел что это не просто каменюка, а скорее всего вершина скалы скрытой под слоем песка и глины. «Похоже на вершину пирамиды» подумал я, вспомнив телепередачу, где народ пугали концом света, пирамидами, пришельцами и прочими разнообразными чудесами.

Но пирамиды пирамидами, а время идет, и пора уже где-то устраиваться. Подходящее место отыскалось почти напротив камня. Приткнув мопед к кусту боярышника, достал из сумки репеллент и щедро попрыскал на траву вокруг себя, не забыв и про одежду с обувью. Я элементарно боялся клещей. Был знаком с человеком, перенесшим энцефалит и очень этим впечатлился. Поэтому не жалел противоклещевой химии.

Потом воткнул в берег, самолично изготовленные из толстой дюралевой проволоки, подставки для удилиц. Достал и оснастил удочки и после недолгого замера глубины забросил их в не широкий проем между камышами. Покидал прикормку и, достав из сумки складной стульчик, уселся медитировать над поплавокми.

Прошло минут двадцать. Поплавки по-прежнему неподвижно торчали в воде. Меня это нисколько не расстраивало. Я наслаждался утренней прохладой, ласковым солнцем, озерной гладью и тишиной. Тишина была конечно относительной. В кустах чирикали и копошились какие-то мелкие пичужки, в траве возились и цвиркали кузнечики, а может и не кузнечики, а другая какая-нибудь насекомая мелочь, легкий ветерок изредка шелестел в камышах. Но эти звуки воспринимались как непреложное свойство этой расслабляющей тишины и не вызвали никакого раздражения. Я глядел на безмятежно голубое небо, на ярко зеленый противоположный берег и прозевал первую поклевку. Глянув на поплавок, увидел лишь один, а другой, судя по натянутой леске, затонул у камышей. Схватив удилице, я осторожно вытянул из травы плотненького золотистого линька граммов на двести. Все! Клев начался.

К полдню в садке плескалось с десятков красавчиков, весом от ста до двухсот грамм. Клев прекратился, и можно было собираться домой, но хотелось поймать более крупную рыбку. «До четырех часов посижу и буду собираться» — решил я поудобнее усаживаясь и настраиваясь на долгое ожидание.

Посидев с полчаса, я почувствовал какое-то изменение в окружающем пространстве. Толи ветерок стих, толи птицы перестали посвистывать и вроде проклюнулся посторонний звук похожий на работу какого-то далекого огромного механизма. Казалось, что почва под ногами подрагивает, и появилась мелкая рябь на воде.

Но тут в кармане куртки затренькал мобильник. Звонил Чернухин. Включив телефон, ничего не понял, поскольку в трубке что-то булькнуло, и связь прервалась.

«Надо подняться повыше» — решил я и пошел к торчащей над травой каменюке. Оценив высоту в метра полтора и отметив довольно правильную форму валуна, с трудом взобрался на небольшую площадку на самом верху. Телефон вновь зазвонил. Включив его, я услышал веселый голос Чернухина, спрашивающий нашел я озеро или нет.

— Нашел, конечно.

— Ну и как? Клюет?

— Нормально клюет. Уже с десятков поймал. — Ответил я и тут же выругался от неожиданности.

— Эй! Что там у тебя?

Но мне было уже не до ответа. Странное голубоватое марево заплесало в глазах, взорвалось дикой болью в голове. Телефон, мгновенно нагревшись, обжег руку. Я попытался отбросить его, но он как будто прилип к уху и, казалось, выжигал мозги. Вместе с невыносимой болью наплывала на меня какая-то чернильная темь, и последней мыслью было: «Песец! Песец пришел».

Глава первая

Песец! Какой на фиг песец? Я попытался открыть глаза, но получилось плоховато. Нет, глаза то открылись, даже руками их протер, но ничего кроме плавающих красных шаров не увидел. Да и в голове какой-то дятел поселился. Долбит и долбит. Еще кожа на груди горит, будто горящую сигарету кто-то приложил. Попытался осторожно потрогать болячку, наткнулся на какую-то железку на веревочке. Ощупав ее, понял — крестик. Откуда крестик? В жизни крестиков не носил. Да и в бога-то не верю.

Между тем дятел в моей голове превратился в стахановца с отбойным молотком. Блин! Так и до инсульта, гад достучится. Бывало со мной такое уже, когда голова буквально раскалывается от боли. Средство у меня одно: таблетка «Новигана», после лечь, расслабиться и мысленно гнать кровь от головы к ногам. Ну, там ноги становятся теплыми и тяжелыми, теплыми и тяжелыми. Об этом методе давным-давно прочитал в книжке, название которой не помню. Помню лишь автора: Леви его фамилия. Еврей, однако.

Блин! Какая чушь лезет в больную голову. О! Вспомнил — есть у меня таблетка. Она всегда лежит в нагрудном кармане моей рыбацкой куртки. На рыбалке я или где? Нда...! Похоже, что «или где», поскольку нагрудного кармана нащупать не удалось. Ни левого, ни правого. Попытка разглядеть, во что же я одет, кончилась рвотными позывами. Придется, видно, обойтись без химии. Лег на спину и попытался расслабиться, массируя голову и покалывая ногтями те участки, над которыми особенно упорно трудился пресловутый «стахановец», ну и мысленно гнал кровь от головы в ноги. Довольно долгое время ничего не происходило, но я был настойчив, и потихоньку «стахановец с дятлом» успокоились и покинули мою бедную голову. Даже впал в состояние легкой полудремы.

Очнулся от звука похожего на стук лошадиных копыт, частый и громкий. «Галопом чешет» — подумал я. Открыл глаза и попытался, что ни будь увидеть и мне, хоть не сразу, но удалось разглядеть, что здоровенная коняга прет прямо на меня, а на спине у нее сидит, безо всякого седла («охлюпкой» появилось откуда-то в голове дивное слово), седобородый и седовласый мэн в серой, длинной, почти до колен, рубахе, в неопределенного цвета, штанах и, что характерно, босиком.

Такой сюрр, последний раз, я видел более шестидесяти лет назад, и это был мой дед Денис. Одетый подобным образом, на ногах, правда, у него были старые валенки с отрезанными голенищами, дед, с моим старшим двенадцатилетним братом, гнули полозья для саней, а я, под предлогом помощи всячески мешал им, получая от брата, то легкий пинок, то подзатыльник. Только мой дед был лысым как вождь мирового пролетариата, а гриве этого пейзажника мог позавидовать и сам товарищ Сталин.

Между тем подскакавший старик, лихо спрыгнул с коня и бросился ко мне, схватил и прижал к широченной груди.

— Живой! живой, летна боль! — рокотал он. — А то Архипка прибег. «Леньку молонья убила — кричит — на Ведьмином омуте». Я на Игреньку и сюда. А ты живой слава те Господи!

Я натурально обалдел, и на всякий случай прикинулся ветошкой до выяснения всяких непоняток. Тем более где-то из района моего живота проклюнулась какая-то другая, слезливо-сопливая личность:

— Тятя, я так испужался. — хрипло и с большим трудом просипела личность. Эта

малоинформативная речь произвела, на поименованного тятей, очень сильное впечатление. Он на мгновение завис как старый комп под десятой Виндой, потом, шепотом, и словно не веря себе, произнес:

— Заговорил! Слава те господи заговорил. — И снова сжал меня могучими ручищами.

Блин, «молонья» не убила, так этот старый пень придавит. Но совладелец моей тушки лишь всхлипывал, орошая слезами рубаху дедка, и бормотал:

— Молонья грудь обожгла. Больно.

Действительно грудь ощутимо побаливала, и я захотел посмотреть что там, но с удивлением понял: тело мне не подчиняется. Все чувствую, но управлять не могу. Мешает какой-то пацаненок, сидящий в моей голове. Точно совладелец! Я попытался силой перехватить управление тушкой. Результат получился плачевным. Пацан пискнул испуганно и, похоже, упал в обморок. Следом в черный омут утянуло и меня.

Очнулся я в какой-то халупе. Лежал на широкой лавке застеленной тоненькой дерюжкой и укрытый другой такой же дерюжкой. В избушке пахло сушеным сеном, дегтем и свежеспеченным хлебом. У, занимавшей чуть ли не пол-избы, печи хлопотала допотопная бабулька. «Баба Ходора» — прорезался в голове внутренний голос. Блин! Какой еще внутренний голос?

Между тем Баба Ходора вытащила из печи на широкой деревянной лопате умопомрачительно пахнувший каравай, положила его на стол к трем таким же, и накрыла все это холстинкой. Потом подошла ко мне и, приподняв дерюжку, стала осматривать мою грудь; хиленькую такую с торчащими ключицами, совсем детскую грудь. Не мою. Точно не мою. И руки тоже не мои. Я конечно не Шварценнегер но вполне в форме и, что греха таить, даже несколько толстоват. А тут тоненькие детские ручки с маленькими ладошками. У внука моего такие же. Двенадцать лет ему. «И мне тоже двенадцать». Опять «внутренний голос»? Ага: внутренний голос! Раздвоение личности это называется. Словом — шиза рулит.

— Проснулся Олешенька. На-тко выпей отварчику. — бабулька подала какую то деревянную пиалу с горьким пойлом и заставила выпить, приговаривая при этом:

— Пей, пей. Не смотри, что горький. Горький да полезительный. Выпил. Вот и молодец. Сейчас грудь помажем, поспим чуток. А там и дед твой, Софрон Тимофеевич, подъедет. — Говорок ее был успокаивающе плавный, гипнотизирующий. В подтверждении своих слов помазала, пахнувшей дегтем, мазью ожог на груди, подозрительно напоминающий по форме небольшой крест. Потом поводила ладошками над моей (моей ли?) тушкой что-то бормоча неразборчиво, легонько шлепнула меня по лбу. «Экстрасенс однако» успел подумать я, проваливаясь в глубокий сон.

Проснулся я в той же хате и на той же лавке. Нестерпимо хотелось в сортир. Отварчику перепил наверное. Встав с лавки, я стал искать штаны и рубаху. Заодно мельком осмотрел себя, и скривился. Жалкое зрелище. Тощенький пацанишка ростиком метра полтора, а скорее всего еще меньше. Штаны с рубахой нашлись тут же на лавке. «Ну да ладно могло быть и хуже» — размышлял я над увиденным, одеваясь и выходя через небольшие сени во двор.

Не заморачиваясь поисками сортира, завернул за сараюшку, в которой слышалась какая-то возня и бляение. Коза что ли? «Ага, Баба Ходора Маньку доит в пригоне». Хихикнул в голове детский голосок. «Молоко у Маньки скусное, сладкое с хлебушком прям — благодать». Освоился видать постреленьщ, разговорился.

Оросив местный заборчик, сляпанный из трех жердинок и палок заткнутых меж ними

(«Плетень это» съехидничал уже привычный внутренний голос), я оглядел окрестности и, аж, задохнулся от нахлынувших звуков, запахов и цвета. Пришлось даже глаза закрыть: так торкнуло. Забыл как ярко и свежо воспринимался мир в детстве. Какими красками играл. Забыл, забыл старый пенек, как бегал, ранним мартовским утром, не проваливаясь, по «чарыму». Каким волшебным, нежно-розовым светом окрашивало крутые заснеженные склоны, встающее из-за горы солнце. Как рвалась душа навстречу этому прекрасному миру. И как позже заменил волшебное слово «чарым» тусклым и скучным словом «наст».

ТЬфу ты как накатило! Чуть стихами не заговорил. Как там, у Пушкина «Он чуть с ума не своротил, или не сделался поэтом». Вот-вот, почему бы и мне поэтом не сделаться. Ну да, понял я, что попал. Попаденец блин! Прочитал как-то несколько книжек в интернете про этих типов. Правда, попадают там, в основном, в сорок первый год, немцев валят штабелями, Сталина поучают, ну и Берию до кучи. И главное все они крутые спецназовцы, рукопашники не хилые, и если не историки, то технари-прогрессоры. Песни поют, Высоцкого все очень плагиатят. Ну, а я чем хуже? Правда, рукопашник из меня никакой. Последний раз дрался лет пятьдесят назад на танцах. Навалили мне тогда изрядно. Историк же из меня еще хуже, чем рукопашник. Да и технарь средненький. Вот стихов знаю много, а уж Высоцкого я помню почти всего. Так что прямая дорога в плагиаторы.

Ладно, как говорила одна американская героиня: подумаю об этом завтра. Пока дорога мне в избушку Бабы Ходоры, которая судя по всему, является местным доктором, то бишь, знахаркой. Лечит, похоже все: от ожогов до душевных травм.

В хате сел на лавку и осмотрелся. Бедновато конечно, но опрятненько, если не считать, что повсюду висели и сохли пучки разнообразных растений.

Стукнула дверь в сенях и, с крынкой в руках, появилась Баба Ходора. Среднего роста, худощавая в нелепой старушечьей одежде она глянула на меня, удивительно яркими, я бы даже сказал молодыми синими глазами:

— Проснулся Олёшенька — проговорила она, поставив крынку на стол. Затем с полки, расположенной рядом с печью, достала глиняную кружку, налила в нее молока, отломил от каравай горбушку хлеба:

— Садись дитятко поснедай.

Я с сомнением посмотрел на кружку. Пить теплое, только что надоевшее из козы молоко! Нет уж, увольте. Но оголодавший организм меня не послушался и с удовольствием употребил эту желтоватую жирную субстанцию, именуемую козьим молоком.

Баба Ходора подошла ко мне и провела несколько раз рукой по волосам. От ее ладони в голове прокатилась, какая то волна принесшая покой и умиротворение. «Будто ангел босиком по душе прошел» — вспомнилось мне присказка, употребляемая, правда, совсем по другому поводу.

— Рассказывай Олёшенька, что с тобой приключилось.

Пришлось вызывать наружу «Олёшеньку». Тот нехотя выглянул. Бабу Ходору он явно побаивался.

— Рассказывай дитятко не бойся.

— Архипка позвал рыбачить на Ведьмин Омут. Говорил: караси там большие ловятся. Накопали червяков за пригоном, удочки взяли и пошли.

— Архипка — это Степаниды Назаровой сын?

— Ага. У него удочек нет, а мне тятя новую недавно сделал, ну я старую ему дал. — Пацан хрипло с трудом выговаривал слова: — На озере мы с Архипкой поймали... один, два,

три... во шесть. Шесть карасей. Здоровенные!. Ну а потом рыба клевать перестала. Мы с Архипкой искупались и стали собираться домой. Не заметили, как туча наплыла, а потом молонья в озеро ударила. Да так громко, что ушам больно стало. А из озера шар светящийся выскочил и к нам быстро так поплыл. Архипка ближе стоял, но шар мимо него пролетел и прямо ко мне, прилип к груди. Больно было. Я хотел его оттолкнуть, а он рассыпался искрами. Дальше не помню. Очнулся, когда тятя прискакал. Только опосля того шара в голове у меня какой то дядька поселился. Сначала я сильно испужался, а сейчас уже не боюсь. Я эти... как их, «мультики» смотрю.

Вот паршивец! Сдал меня. И какие такие мультики он смотрит? «Такие — «Ну погоди!» называется про волка и зайца». Это что же? Меня малец сканирует, когда пожелает, а я его могу услышать только тогда, когда он сам захочет, что ни будь сказать. Однако это «ни есть гуд»! И с этим надо что-то делать.

Из-за этой катавасии я как то упустил из виду Бабу Ходору (странное имечко), а между тем с ней произошли некоторые изменения. Вместо доброй, уютной бабульки, передо мной была, чисто надзирательница концлагеря с ледяным взглядом; я бы даже сказал с люто-ледяным взглядом. Она как то быстро скользнула ко мне, схватила меня за голову обеими руками и прошипела:

— Кто ты? Антихрист?

Малец в моей голове испуганно пискнул и рухнул куда то в район живота и чуть не описался. Хорошо, что я успел перехватить управление тельцем, а то бы сидел сейчас с мокрыми штанами.

Взяв бабкины руки за тонкие запястья, я отодвинул ее ладони от своих висков:

— Спокойней Баба Ходора. Не парте мне ауру. Ну где Антихрист и где я? С Антихристом вам надо в столицу, к царю иль, на худой конец к президенту какому ни будь, а не в эту глухую дыру с убогим мальцом.

— Ну тогда кто же ты?

— Человек я. Вернее, до сих пор думал, что человек, а вот теперь уже начинаю сомневаться. Скорее всего, я копия меня прежнего на флэшку записанная, а тельце — комп биологический, малец это система ну вроде «Винды». Во блин все сходится. Он меня считывает, а я его фиг. Ой! — Пораженный этой догадкой я бормотал, забывши про Бабу Ходору, и схлопотал деревянной ложкой по лбу. Инстинктивно почесав лоб, спросил невпопад:

— Баба Ходора, а какой сейчас год? — Бабуля на секунду зависла, но ответила:

— Одна тыща восемьсот восемьдесят восьмой от рождества Христова.

— Ни хрена себе! Вот засада! Угораздило же меня.... На престоле сейчас вроде Александр Третий. А скажи-ка Баба Ходора, когда отца его Александра Второго революционеры грохнули? — Глянув на вновь зависшую старушку, поправился:

— Убили его когда?

— Восьмой годок пошел, как преставился.

Александр Третий правил вроде тринадцать лет, значит жить ему осталось чуть больше пяти лет. И что это мне дает? Ну так особо и ничего, но обстановку немного проясняет. Не воевал этот царь ни с кем. За что получил прозвище «Миротворец». Промышленность развивал, железные дороги строил. Революционеров пригнобил изрядно. Братца Ильича повесил, или еще не повесил? Да нет, наверняка повесил. Ильичу восемнадцать уже, значит год уже «другим путем идет». Ну да бог с ним, с Ильичем. Флаг ему в руки. Мне то, что

делать?

Ага «Что делать?» и «Кто виноват?» любимые вопросы российской интеллигенции. Я хоть и не совсем интеллигент, но на вопрос «кто виноват?» ответить могу. Сам и виноват. Ну на фига поперся за этими гребаными линиями? Да еще в такую даль. И на каменюку на фига полез? Наверняка там под песком пирамида спрятана. А ведь Прокопенко вместе с Чапмен уже несколько лет про пирамиды талдычат. Мол, портал там в иное измерение. Правда сам я последнее время телевизор смотрю редко, но жена передачи смотрит. Вот она и рассказала мне про пирамиды. Я над ней тогда посмехался. Выходит — зря смеялся.

Вспомнил про жену — нахлобучило не по детски. Тоска накатила. Без меня ей на одну пенсию худо будет. Ведь наверняка я на той каменюке «ласты склеил». Валяется там моя упитанная тушка с выжженными мозгами, и найдут не скоро. Да нет! Чернухин знает, где я: поможет найти. Ладно, проехали. Ленка — баба энергичная выкрутится, да и дочь с зятем помогут если что.

Что то я отвлекся — растекся мыслью по дереву, а Баба Ходора вон смотрит как на врага народа. Ну да ладно, со временем определился, осталось с определится с местом:

— Баба Ходора, последний вопрос. Как ваша деревня называется?

— Не деревня у нас — село, а прозывается — Сосновка.

Информативненько! Этих Сосновок по России не считано.

— А город близко есть какой?

— Есть и не один, а целых два. Бийск да Барнаул. Ты давай-ка рассказывай, кто ты есть такой и зачем мальчонке в голову забрался? Нето я тебя...! — и бабулька снова протянула ручки ко мне. Я быстренько отодвинулся.

— Баба Ходора вы бы не волновались так. Нервы беречь надо. От них все болезни.

— Говори! Не вилай как собачий хвост. — старушка, с нешуточной угрозой во взоре, снова включила гестапу. Я немного испугался, поскольку опыта общения с экстрасенсами не имел. Конечно, как и все, пару раз, видел по телевизору Кашпировского с этим как его? Надо же, фамилию забыл. Ну этот, который молча руками пассы делал, воду заряжал, умер недавно. Чумак, вроде, его фамилия. Ну, точно Чумак. Веселился я тогда сильно, глядя на жену, которая, хоть и не слишком верила в их чудеса, но воду в банке перед телевизором ставила и Кашпировского слушала регулярно. То есть по телевизору экстрасенса видел, но чтобы вот так вживую — бог миловал.

Ишь как глядит сурово. Может и правда чтонибудь сделает со мной. И тут меня осенило, а вдруг бабулька меня назад вернуть сможет. Может она экстрасенс сильный. Вероятность конечно ничтожно мала, но чем черт не шутит.

— Ладно, ладно, Баба Ходора: все расскажу, расколуюсь как грецкий орех. Но только предупреждаю сразу, поверить в это будет трудновато. Значит так: зовут меня Алексей, фамилия — Щербаков. Родился в 1950 году. Да, да не удивляйтесь в 1950. Шестьдесят два года еще до моего рождения. Почему так произошло, не знаю. Думаю, что это случайность. Поехал на рыбалку на одно озеро, а там меня молния шаровая и ухайдокала. — Про шаровую молнию я, конечно, загнул, но как я еще могу объяснить человеку девятнадцатого века, то чего и сам не понимаю.

— А случилось это в 2021 году, и было мне 70 лет. Когда молния мозги выжигала, я успел подумать, что все конец мне, потом чернота. Очнулся уже здесь в теле этого пацанчика. Вот вкратце и все.

Баба Ходора некоторое время, молча, сверлила меня взглядом, словно хотела заглянуть

под черепушку. Потом спросила:

— Ленька то где?

— Да здесь он. Куда ж ему деваться то с подводной лодки. Вас он побаивается: вот и спрятался. Собственно он у нас главный захочет, вернет себе управление тушкой. Я ведь команду тельцем только с его разрешения.

— А ты, значит, меня не боишься?

— А чего мне бояться, я ведь, скорее всего, умер там у себя. Хотя может и не умер, кто знает. Ты Баба Ходора поднапряглась бы, да вернула меня назад. — с надеждой в голосе попросил я. Баба Ходора от неожиданности даже закашлялась.

— Я те не Господь-бог, чтобы души туда-сюда перебрасывать. Молись ему, проси истово, может, и выпросишь милость божью.

— Ага, выпросишь тут, как же! Обломала ты меня Баба Ходора. Последнюю надежду отняла. А может, все-таки знаешь кого, кто бы вернул меня?

— Это не в силах человеческих. Никто тебе не поможет кроме Господа или Антихриста: — вновь уколола меня вредная старушка.

— Эх Баба Ходора, Баба Ходора! Я бы и богу помолился, да и Антихриста бы не испугался, лишь бы помогло. Но сильно подозреваю, что и богу и антихристу не до нас: у них там свои тёрки. Вот ты, к примеру, много обращаешь внимания на муравьев, когда ходишь по лесу? Да ты их в упор не видишь. Боюсь я, что для бога, что для антихриста мы вроде муравьев.... Ну да ладно, не будем унывать. Ибо сказано в писании, что уныние есть грех великий.

— Это в каком же писании такое сказано, богохульник, ерничаешь ты как оглашенный, плетешь не весть что: — рассердилась старушка.

— Да ты Баба Ходора похоже не веришь мне. И напрасно. Мне показалось что, ты женщина прогрессивная, на убогую деревенщину совсем не похожая и в вере не фанатичная. И сдаётся мне, грамотная, коль знаешь, что есть в писании. Поверь мне, я тебя не обманываю.

— Вижу, что не лжешь. И слышала, что бывает так, когда в одном человеке два живут. Но ты богохульствуешь, говоришь глумливо, бога не боишься, сам дитё. Если не угомонишься, то до беды недалеко.

— Да понимаю я все. И тебе бы не открылся; но сдал меня ваш Олешенька. Ты же Баба Ходора наехала на меня как паровой каток. Пацан напугался и спрятался; пришлось мне отдуваться. А насчет двух человек в одной голове, то болезнь душевная и называется она — раздвоение личности или шизофрения. Развивается постепенно, и чаще всего эти две личности не знают о существовании друг друга. В нашем случае совсем все наоборот: и пацан обо мне знает и я о нем в курсах. Да к тому же вторая личность развивается на основе той реальности, в которой этот шизик проживает. Хотя черт его знает, может это и не так. Ну не специалист я, так нахватался верхушек.

— Вот — вот, нахватался и несешь невесть что. Нечистого, зачем поминаешь.

— Какого нечистого? — теперь уже я завис: — черта что ли? Так это присказка такая, вместо слова матерного употребляется.

— У вас в этом вашем будущем все такие словоблуды или ты один такой.

— Эх, Баба Ходора, ну что ты знать можешь о словоблудстве, живя здесь без телевизора и интернета. Не слышала ты наших депутатов, губернаторов и прочих либералов. Вот где словоблудие так словоблудие. Да по сравнению с ними речь моя ясна как стеклышко. Да,

кстати, что за имя такое странное Ходора?

— Феодора меня зовут. Ребятишек лечила, так те по малолетству имя мое правильно выговаривать не могли: вот и стала Бабой Ходорой.

— Ясненько! Вижу, спросить меня о чем-то хочешь? Так спрашивай не стесняйся.

— Вот ты говоришь, прожил там у себя 70 лет. Так значит наше будущее тебе ведомо. А мое будущее предсказать сможешь? — с пытливым усмешкой спросила бабушка.

— Ты видимо меня не поняла Феодора, как там тебя по батюшке?

— Савватеевной зови.

— Так вот не поняла ты меня Феодора Савватеевна. Я ведь не Ванга предсказывать не умею, знаю лишь о тех, из ныне живущих людях, о которых в книгах написано и если я эти книги читал. А ты женщина не публичная, известности избегающая. Так, что в истории ты не засветилась и значит, что твоего будущего я не знаю. А вот про царя-батюшку сказать могу: умрет он в 1894 году от почечной недостаточности. Хотя писали, что отравили его английские агенты, но я в это не верю. Еще будущее страны нашей знаю, и поверь Феодора Савватеевна, рассказывать тебе о нем мне совсем не хочется.

— Испытывала я тебя. Не врешь ты мне. Я лжу чую. А кто это «Ванга», что предсказывать может? Умение предсказывать — дар редкий. И пошто про страну говорить не хочешь? — заинтересовалась бабулька.

— Испытывала значит! Все таки подозреваешь в порочащих связях с нечистой силой. Думаешь: пробрался сатана в вашу убогую деревушку смущать народ православный. Три раза ха-ха. Я в вашей деревне никого не знаю, но вполне уверенно сказать могу, что людишки грешат по черному: прелюбодействуют в охотку, жену ближнего желают непременно, врут даже на исповеди, убивают при случае: не важно за дело или по пьяни. Словом, нарушают все десять, или сколько их там, заповедей. И ничего, справляются сами, без всякого сатанинского участия.

По нахмуренным бровям и поджатым губам Бабы Ходоры вижу, что мои утверждения недалеки от истины и примеры нарушения библейских заповедей селянами ей хорошо известны и зачем то добавляю:

— А через три десятка лет тут такое начнется по всей стране; всем чертям тошно станет. Развернется народ-богоносец во всю ширь славянской души. Никому мало не покажется, всем достанется, и царю, и князьям, и чиновникам, и купцам, и простому люду — никто не уйдет обделенным.

А насчет Ванги; была такая прорицательница, слепая, в Болгарии, ну то есть будет еще. Народ толпами к ней на прием ходил, все хотели судьбу свою узнать, ну она, значит, и предсказывала.

— И что сбывались предсказания? — заинтересовалась Баба Ходора (буду так ее называть, так короче — нынешние детишки совершенно правы: идет ей это странное имечко).

— Да откуда ж я знаю! — удивился я: — Я к той Ванге не обращался, да и во всякие предсказания, верю очень слабо, можно сказать, совсем не верю. Ну, вот сама посуди: предскажут мне, например, что утону в Ведьмином Омуте, так я к нему, после этого, близко не подойду. Вот предсказание и не сбудется. Другое дело предсказания глобальные: война там или катастрофа техногенная, вроде «Титаника», или землетрясение где либо. Такие предсказания вроде сбывались.

Ах да, про «Титаник» ты ни слухом ни духом. Пароход это пассажирский, по тем

временам самый большой в мире. Считалось, что утонуть он не сможет — слишком уж велик. Но в первом же рейсе столкнулся с айсбергом и утонул, а с ним утонуло полторы тыщи человек, спаслось же вдвое меньше. И вроде, какой-то прорицатель предсказывал, да не послушали его. — И тут меня осенило. — Феодора Савватеевна, а давайте, мы из вас великую прорицательницу сделаем. А что, навспоминаем предсказаний, да напечатаем книгу тиражом малым. Назовем ее «Книга предсказаний Феодоры Савватеевны .... Кстати как фамилия то твоя?

— Новых моя фамилия. — поджав губы сказала Баба Ходора.

— А девичья как?

— Это и есть девичья. Я не была замужем, нельзя нам выходить замуж.

— А случайно Григорий Ефимович Новых из села Покровское, что не далеко от Тюмени, тебе не родственник?

— Гришка что ли? Племянник троюродный. А ты откуда про него знаешь? Неужто...? — Баба Ходора изумленно смотрела на меня.

— Да уж! Умеешь ты удивить Феодора Савватеевна. Этого у тебя не отнять.

— Да что с Гришкой то. Никчемный человек, с хлыстами спутался, радеет с ними.

— А ты его давно видела?

— Так мальцом еще. Они с Ефимом в Тюмень приезжали. Я там тогда жила, с бабушкой. Хворый Гришка был, помирал уже, бабушка моя, Христина Павловна, его на ноги поставила. А про дела его нынешние маменька мне все прописала.

— Вот как! Жива значит маменька. — Я посмотрел на Бабу Ходору повнимательней. Если убрать старушечий прикид, надеть нормальную одежду, да сделать правильный макияж, получится вполне себе симпатичная женщина лет сорока с удивительно яркими синими глазами. Несколько худовата, но это ее не испортит, а придаст налет некой изысканности и благородства. И чего она себя хоронит, скрывается что ли? А ведь судя по тому, что от Тюмени до села Сосновки в Алтайском крае дистанция изрядного размера, то действительно скрывается. Интересно от кого? Ну да ладно, каждый сам кузнец своего счастья.

— Жива, что ей будет, не старая еще. Ты мне про Гришку расскажи, чем это он так прославился. — требовательно проговорила Баба Ходора.

— Григорий ваш в будущем личность известная. Куча книг о нем написана, фильмов вон про него, сколько наснимали, в том числе и непристойных. Даже водка с его портретом на этикетке одно время продавалась. Возьмешь бутылку в руки, повернешь, а он на картинке тебе и подмигивает.

— Что же он такое натворил, что ты про него такие страсти рассказываешь? И что за фильмы такие? — приступала женщина, прямо с ножом к горлу, так ее любопытство разобрало.

Вот блин снова прокололся. Ну не знает женщина про кино, не изобрели видимо еще. Вот не помню, когда братья Люмьер его изобрели.

— Извини Феодора Савватеевна, все время забываю, что некоторые вещи, о которых у нас известно даже младенцам, еще не изобрели. Фильмы — это такие движущиеся картинки. Про фотографии или дагерротипы ты надеюсь, знаешь? — Баба Ходора утвердительно кивнула. — Ну, а кино, то есть фильмы, это можно сказать дальнейшее развитие фотографии. Подробности потом расскажу.

А насчет Григория ну это прямо песня какая-то. Лет через пятнадцать переберется

Гришаня в столицу, познакомится там с какой-то фрейлиной императрицы, кажется Вырубова ее фамилия, та познакомит его с царицей. У них там проблемы с наследником будут. Царевич болен гемофилией, не свертываемость крови это, а Григорию удавалось купировать приступы болезни или еще как-то помогать. Не то он экстрасенс был сильный, не то гипнотизер, не то молитвой помогал, не знаю точно.

Старцем его называли, хотя было ему тогда лет сорок. Освоился Гриня в Петербурге, да и пустился во все тяжкие: пиры в ресторанах закатывал, великосветские дамы в бане его парили, министры к нему на прием записывались, царю Николаю Второму советы подавал, судьбу царской семьи предсказывал, говорил, что пока он жив ничего с ними не случится. Прав оказался. Убили его в конце декабря 1916 года, в феврале 17-го Николая заставили отречься от престола, а 1918 царскую семью расстреляли. Всех. Четырех девчонок, пацана и царя с женой. Даже прислугу с собачкой не пожалели. Вот такие пироги Феодора Савватеевна. А ты мне антихрист, антихрист! Не нужен нам никакой антихрист, сами с усами.

И чего я так завелся? Ну расстреляют и расстреляют, мне то что за дело. Да и нет еще у Николая никаких детей, по крайней мере, законных нет. Не женат даже! Но с детства точит меня этакий маленький червячок. С тех самых пор как узнал впервые о расстреле принцесс и царевича, точит. Ну ладно царя с царицей, а детей-то за что? Гнусный отпечаток накладывает это убийство на светлый образ «комиссаров в пыльных шлемах», да и на Ильича тоже.

Самое смешное, что выгодополучателями этой гнуса были отнюдь не большевики. Выгодно это было как раз белым. Они получили не убиваемый пропагандистский козырь, а генералы и один адмирал командовавшие белыми армиями, и похоже уже примерявшие свои зады к российскому трону, не замаравшись, избавились от потенциальных соперников.

Поверить в то, что среди руководителей большевиков были сплошь клинические идиоты довольно сложно. Тот же Ленин виртуозно провел корабль, именуемый революционной Россией к цели. Наверняка смог бы просчитать отрицательные последствия убийства царской семьи. Тем не менее, расстреляли — грохнули последних представителей трехсотлетней династии. Невольно поверишь и в ритуальное убийство, и в убийство за бабки (царская семья имела изрядные личные вклады в европейских банках, а в случае смерти всех членов семьи и отдавать не надо), и даже в убийство по пьяни (и такая версия имела хождение в интернете).

Писали так же, что приказ о расстреле царской семьи отдал Яков Свердлов, «пламенный революционер» и человек номер два в тогдашнем большевистском правительстве. Мутный товарищ этот Яков Михайлович. Мало того, что царя с семьей угробил так еще и на Ленина вроде покушался. Видимо самому Россией рулить хотелось.

А самое противное во всей этой истории это предательство. В феврале 17 года царя предали все: и генералитет, и высшие чиновники, и церковные иерархи, и даже великие князья. Лишь два, всего два генерала, из всей великосветской шоблы, остались верны присяге — Келлер Федор Артурович и Гусейн Хан Нахичеванский. Вот им надо был поставить памятники. Нет, я ни разу не монархист по убеждениям, большевики мне гораздо ближе всех остальных, а последнего царя презираю за слабость и никчемность, но предателей не люблю. А Колчак и иже с ним, по сути — предатели.

Но, похоже, правителям нашим урок не в прок. Наверняка и в окружении ВВП достаточно харь, примеряющих свою толстую жопу к президентскому креслу. Вот они при

случае и продадут гаранта за тридцать серебряников.

А Якова Михайловича, в девичестве Мойшевича возьму на заметочку. Может встречу, гденибудь в году эдак тринадцатом, побеседую душевно о роли личности в истории. Хотя писали в интернете, что Яша был парень крутой. Мол, организовал банду из молодых еврейчиков и те мочили полицейских. Правда это или нет не знаю, но буду иметь ввиду.

Все! Все! Успокоился! А то вон Баба Ходора смотрит на меня как солдат на вошь, что-то бормочет и мелко крестится. Видно проняли старушку мои предсказания.

— Все, все, Феодора Савватеевна закончили вечер воспоминаний! Пацан наружу просится, кушать захотел. Не последний раз встречаемся, поговорим еще.

Баба Ходора поглядела на меня отрешенным взглядом, провела ладонями себе по лицу, как бы стирая что-то, подошла к печи и, открыв заслонку, с помощью ухвата (это такая рогатая штука на палке) достала из печи чугунок (чугунный горшок определенной формы, очень способствующей для манипулирования ухватом), начерпала половником в деревянную миску щей и поставила миску передо мной. Руками отломил от каравайя кусок хлеба и подала очень неудобную деревянную ложку.

Пацан мигом выскочил наружу и ловко стал наяривать этой неудобной ложкой, густые теплые щи, закусывая вкусной корочкой. Баба Ходора села напротив, положила руки на чисто выскобленный стол и о чем-то скорбно задумалась, глядя мимо жующего подростка. Я, задвинутый мальцом, в самый дальний уголок сознания, ничем ей помочь не мог. Между тем мальчишка умял не хилую чашку щей, облизав ложку, положил ее на стол и скромненько сказал:

— Спасибо Баба Ходора.

Баба Ходора отмерла, глянула внимательно в лицо пацанчика и спросила ласково:

— Скажи-ка Олешенька — не обижает ли тебя дядька, который у тебя в голове?

— Не а! Он добрый. Давеча, когда рассказывал про царевича, ему больно было. Жалко ему царевича и этих, как их..., принцесс. Мне их тоже жалко. Они страсть, какие красивые.

Обана! Где же он их увидел? Где, где? В памяти у меня конечно. Я ведь как раз за день перед рыбалкой шарился в интернете, ну набрел там на раскрашенную фотографию всех четырех царевен. Симпатичные девчонки. Подумал еще — какими же уродами надо быть, чтобы стрелять в упор в эти лица. Блин да что со мной? Опять завожусь с пол оборота. Видимо юное тельце как то влияет на сознание старого циника.

— Олешенька да как же ты их видел то? — продолжила свой допрос любопытная бабушка.

— Ну, когда он говорил про принцесс, тогда я их и увидел как на иконе в церкви.

— Неужто как на иконе? — Усомнилась Баба Ходора.

— Ну не так. На иконе Богоматерь смотрит строго. А они сидят веселые, смеются.

— Так ты все слышишь, о чем мы с этим дядькой говорим? — не отставала Баба Ходора.

— Когда хочу — слышу. Но он много непонятного говорит и мне скучно становится, тогда я мультики смотрю. Интересные — жуть! Там волк с зайцем рисованные, а бегают на двух ногах и в одежках, ну совсем как люди. Заяц убегает, а волк его догоняет, а когда догнать не может, то кричит «Ну погоди!». — пацан неожиданно зевнул, потер глаза и отключился. Это Баба Ходора как то по-особому провела рукой перед моим (или его?) носом. Потом посмотрела строго и заявила:

— Вылазь варнак.

— Почему же варнак? — возмутился я. — Никакой я не варнак, а вполне

законопослушный пенсионер. Ты, Феодора Савватеевна усыпила мальчонку что ли? И как тебе это удастся? Ты шаман, однако.

— Не ерничай. Скажи-ка лучше, что за мультики он смотрит и как он это делает?

— Я сам бы хотел знать — как это у него получается. Но голова предмет темный и даже в наше время малоизученный. Гипотез строить я не хочу и, потому, ответа на этот вопрос у меня нет. А насчет мультиков объяснять долго, лучше покажу тебе слабое подобие. Есть у тебя тетрадь или книга какая-нибудь и карандаш?

Баба Ходора молча встала, подошла к стоящему в углу сундуку, открыла и, покопавшись, извлекла подшивку журнала «Нива» за 1886 год, достала откуда то из глубин сундука карандаш и подала мне. Взяв в руки толстенную подшивку, я полистал ее, покривившись на непривычный шрифт с лишними буквами, которые резали глаза своей ненужностью и затрудняли чтение текста. Положил подшивку на стол и, под пристальным взглядом Бабы Ходоры, изобразил в уголке десятка трех страниц схематичного человечка стараясь поразному нарисовать положение рук и ног. Словом сделал то, что в нашем детстве делал, наверное, каждый школьник младших классов. Потом согнул журнал и придерживая большим пальцем уголок быстро пролистал страницы. Схематичный человечек задвигался, дергаясь и приплясывая. Показал Бабе Ходоре. Та взяла журнал в руки, повторила несколько раз мои манипуляции и вопросительно посмотрела, требуя разъяснений.

— Видишь на каждой странице неподвижный человечек, а когда листаешь, кажется что движется. Художники рисует одну картинку, ну скажем волка, затем вторую, на которой тот же волк, но лапы у него нарисованы по-другому, то есть он как бы шагать начинает. Затем третью картинку, четвертую и так далее. Каждая картинка называется кадром. Потом каждый этот кадр фотографируют на специальную ленту, узкую и длинную, затем помещают ее в специальный аппарат, где с помощью линз и сильной лампы картинка отображается на белом полотне в затемненной комнате. Когда лента неподвижна, то картинка на полотне неподвижна, но стоит потянуть ленту за один конец, так чтобы кадры-картинки менялись шестнадцать, а лучше двадцать четыре раза, в одну секунду, тогда на полотне волк будет бегать. Свойство зрения у человека такое. Вот такой рисованный фильм и называется мультипликация или по-простому — мультик.

Баба Ходора помолчала, осмысливая, затем выдала:

— Это сколько же картинок то нарисовать надобно?

— В корень зришь Феодора Савватеевна, мультик, про который пацан говорит, идет пятнадцать минут, значит и картинок нужно — я на секунду задумался, умножая — не менее пятнадцати тысяч. Артелью год рисуют.

Баба Ходора покачала головой, молча встала, подошла к печи задвинула чугунок со щами обратно в печь, достала оттуда другой чугунок, побольше, поставила его на загнеток. Потом взяла со стола миску с ложкой зачерпнула, из стоящего рядом с печью глиняного черепка, горстку золы, протерла этой золой миску с ложкой и прополоскала их теплой водой из чугунка, зачерпнув ее небольшим деревянным ковшиком. Затем протерла миску с ложкой холстинкой и положила на стол, перевернув их вверх дном. Все это она проделала споро, но не торопясь, какими то, плавно-округлыми, привычными движениями. По чуть сдвинутым к переносице бровям и легкой складке на лбу было видно, что выполняя привычную работу, она о чем-то тяжело размышляет. Потом с тем же отрешенным видом взяла со стола подшивку с «Нивой» еще раз пролистала, глядя на дергающегося человечка, и спрятала журнал обратно в сундук. Затем перекрестилась на иконы и снова задумалась.

Да уж! Загрузилась бабуля по самое не могу. Того и гляди «процессор перегреется» или «контакты поплаваются». Мне стало жаль ее:

— Да не парься ты так Феодора Савватеевна. Все не так уж страшно, привыкнешь.

Баба Ходора непонимающе посмотрела на меня. Тут до меня дошло: ну не понимает человек сленга двухтысячных годов.

— Не парься, в смысле не грузись, то есть не бери в голову. Тьфу! Совсем тебе мозги запудрил. Я хотел сказать, не расстраивайся так Феодора Савватеевна. Прорвемся! Лучше помажь своей мазюкой ожог на груди. Побаливает.

Баба Ходора наконец отмерла, покопалась в шкафчике висящим на стене, достала чеплашку с мазью:

— Снимай рубаху и ложись на лавку. — Я быстренько выполнил указания. — Почто у тебя ожог в виде креста малого?

— Это от крестика вот этого. По словам Леньки, его шаровая молния шарахнула. Вот она и нагрела медный крестик так, что он шкуру то и подпалил. Ну как тавро лошадям ставят, так и тут.

— Что это за шаровая молния такая? Ты говорил, что тебя там шаровая молния убила. А здесь Леньку только обожгла да тебя к нему подселила.

— Ну, про шаровую молнию у нас много что говорят. Почти сотню разных предположений о природе шаровой молнии напридумывали. Да впустую все — никто толком ничего не знает. Ведет она себя всегда по-разному: одних людей убивает других от болезней излечивает, третьих необычайными способностями награждает. Ту же Вангу возьми: девчонкой унес ее ураган, ну вроде и шаровая молния ее там долбанула, от этого она ослепла, но получила способность предсказывать. Вот и Леньку молния в живых оставила да и предсказывать он теперь с моей помощью сможет, но не будет — слишком хлопотно это, да и опасно.

— А коль не послушается он тебя. Сам же говорил, что он главный.

— Главный то он главный, да только темный как таракан. Ну, то есть необразованный, читать — писать не умеющий. А чтобы разобраться, что у меня в голове есть, какие то базовые знания нужны. Я ведь там у себя, как никак, политехнический институт закончил, инженером на заводе работал, да и читал много всякой ерунды. Конечно, большую часть прочитанного не помню, но с его и твоей помощью многое можно вспомнить.

— Да как же это? — удивилась Баба Ходора.

— Ну есть такая теория, что человек ничего не забывает, только откладывает не используемую информацию в самые дальние уголки. Да так, что сам вспомнить не может, но под гипнозом эти знания можно вытащить. А ты же вроде как бы гипнотизер, да пацан вон как шустрит. Я ведь этот мультик очень давно видел, многое не помню, а он вроде вытащил его из моей памяти и как то посмотрел. Так, что Феодора Савватеевна, придется идти к тебе в ученики. Если ты конечно не против?

Ответить Баба Ходора не успела. Входная дверь громко хлопнула и в избушку влетела довольно симпатичная девчонка лет двенадцати, в длинном до пят сарафане, в подвязанном под подбородком платочке. Ну чисто Маша из мультфильма «Маша и медведь», только босиком. С порога она затараторила:

— Ой, Баба Ходора, чё дееется! Чё дееется! Вчерась дядька Ничипор пьяный, хотел тетку Марфу бичом побить; так она бич то отобрала да на пригон и забросила. Дядька Ничипор озлился, взял ружжо и хотел ее стрелить. Тетка Марфа убежать стала, а он за ней, кричит

«убью стерва». Тетка Марфа к Нечунаевым в пригон заскочила да спряталась там. Дядька Ничипор не нашел ее, стал по улице бегать, баб ружжом пугать. Бегал, пока Щербаченки ружжо у него не отобрали. Потом связали его, да в баню евоную и засунули. А когда тетка Марфа его развязала, так он ее все равно побил, но не сильно.

А еще, вчерась, Леньку Немтыря молонья на «Ведьмином Омуте» убила. — Тут девчонка увидела меня лежащего на лавке. От удивления глаза ее, от природы большие, стали еще больше, рот раскрылся и она замерла. Я приветственно помахал ей рукой.

— Ой! Немтырь ты живой чо ли? — пролепетала она. Я не отказал себе в удовольствии ответить марктвеновской фразой:

— Слухи о моей смерти несколько преувеличены.

Но ирония моя пропала втуне. Удивление девчушки стало безмерным:

— Заговорил! Заговорил! — и она кинулась к двери. Видимо новость, что Немтырь ожил, да еще и заговорил, жгла ей не только язык, но и пятки. Правда на пороге она нашла в себе силы, обернулась и протараторить:

— Баба Ходора, мамка сказала, чтобы ты шла к Нюрке Кирьяновой. Рожат она. — После этого пулей вылетела из избы. Я глянул в окошко: девчонка со страшной скоростью пылила вдоль улицы. Похоже, торопится первой осчастливить деревенские массы новостью об ожившем и заговорившем Немтыре.

— Что, Феодора Савватеевна, труба зовет? — сказал я, увидев озабоченную Бабу Ходору, торопливо что то складывающую в некое подобие санитарной сумки.

— Нюрка Кирьянова девчонка еще, семнадцать весен недавно исполнилось. Первородка. Надо помочь. А ты давай одевайся, отведу тебя домой к деду Софрону. По пути нам. Ленька пусть поспит. Не трогай его — сам проснется.

И мы пошли. Так началась моя новая жизнь.

Глава вторая

«Деревня, где скучал Евгений была прелестный уголок». Я не аристократ Онегин, скучать мне не статусу. Да и село (именно село, а не деревня, поскольку есть церковь) Сосновка на прелестный уголок не тянула. Неряшливая какая то, пыльная в сухую погоду и грязная в дождливую, она была разделена на две примерно равные половины широкой площадью с проторенной посредине дорогой, что вела в Солтон и далее в Спасск — городишко золотоискателей. Южная половина села и была собственно Сосновкой, хотя ни одной сосны я там не видел, да и в ближайшей округе сосен не наблюдалось. До ближайшего соснового бора было километров десять, то бишь верст; про километры здесь слыхом не слыхивали.

Северная половина села называлась Мшанкой по имени маленькой речки скорее ручья на берегу, которой она и расположена. Речка Мшанка брала свое начало из пресловутого Ведьмина Омута, который же, не смотря на свое странное название, был обыкновенным, хотя и довольно глубоким озером, располагавшимся в километрах четырех от села. До озера добраться можно было лишь по тропинке, петляющей между зарослями кустов и деревьев.

У озера была дурная слава, и местные жители редко навещали его. Лишь вездесущие мальчишки регулярно наведывались туда, чтобы половить громадных карасей, искупаться и потом хвастать, что они не испугались побывать в страшном месте. Собственно и Архипка с Ленькой пошли на озеро за тем же самым. И в Ленькином случае, недобрая слава Ведьмина Омута нашла подтверждение. Но полной информацией о случившемся владеет только Баба Ходора. Разглашать ее у Бабы Ходоры нет ни какого резона, поскольку и сама она находится под подозрением в колдовстве.

В ученики к ней я втерся без труда. Просто на следующий день она пришла к нам, попила с дедом чаю, поговорила по душам, а по ее уходу дед сказал мне:

— Пойдешь к Савватеевне. Учить она тебя будет. Смотри — не балуй. А то, летна боль, таволожка по твоей заднице давно соскучилась.

Таволожка это гибкий прямой прут из кустарника, который местные называют таволожником. Почему его так называют я так и не понял. Из прошлой жизни таволга, почему-то ассоциируется у меня с травой. (Поэт Игорь Кохановский. «Подпеваю иволге. Обрываю таволгу».) Все мои знания об таволге только из этих стихов. Дедовскую таволожку фиг оборвешь. Прутик очень крепкий. Дед с его помощью шерсть взбивал, закладывая валенки. Предмет в воспитании молодого поколения сибиряков, видимо не последний. Ленька, управляющий в это время тельцем, инстинктивно почесал упомянутое место и на следующий день поскакал к Бабе Ходоре. Та для начала скормила пацану кружку козьего молока с хлебом, затем достала из сундука самую настоящую азбуку, отпечатанную типографским способом, только не цветную, показала ему буквы, заставила повторить за ней несколько раз, потом поводила перед его лицо ладошкой, усыпляя. Обратившись ко мне, сказала требовательно:

— Вылазь варнак!

— Ну что ты, Феодора Савватеевна, все — варнак да варнак. Слово это у нас уже не употребляется, но значение его видимо ругательное. Ты никак обидеть меня норовишь? Не старайся! Обидеть меня трудно, хотя в этом тельце я все воспринимаю очень остро. Как говорится, и небо голубее и морковка слаще.

— Это как не употребляется. А как же каторжников зовете?

— Да нету у нас каторжников. Бандиты есть, убийцы есть, мошенников не сосчитать, а каторжников нет. Да каторги никакой нет.

— Ишь ты! Как же без каторги то? — удивилась Баба Ходора.

— Обходимся как то. Но бог с ними, с варнаками, ты Расскажи, почему Ленька с дедом живет, родители его где?

— Вот как раз из-за варнаков он и сиротствует. — И Баба Ходора поведала историю Леньки.

Шесть лет назад заболела жена деда Софрона — Ленькина бабушка. Дед послал весточку дочери с просьбой приехать, та с мужем и Ленькой жила в соседнем селе в верстах тридцати от Сосновки. Ленькины родители собрались и отправились к деду. Не доехали до села верст семь. Там их и нашли убитыми мужики из Солтона, шедшие с обозом в Барнаул, и видимо спугнувшие убийц. Они привезли в Сосновку тела Ленькиных родителей и самого пацана, с разбитой головой и с трещинами в ребрах.

Дед Софрон отвез Леньку к Бабе Ходоре, поручил сыновьям готовиться к похоронам сестры и зятя, а сам ускакал на поиски бандитов. Вернулся через пять дней, почерневший от усталости и чуть живой от потери крови. Баба Ходора сбилась с ног, выхаживая его с внуком, но выходила, заполучив в лице деда надежного защитника. А по деревне разнесся слух, что Софрон Щербак нагнал сбежавших с каторги варнаков, убил четверых, а пятый скрылся, пырнув его в бок ножом. Приехавшие из Бийска дознаватели, расколоть деда не смогли, и оставили его в покое, тем более что бежавшие каторжники убили кроме Ленькиных родителей, еще двух стражников. После этого деда в селе стали побаиваться.

Ленькина бабушка не пережила гибели любимой дочери и через две недели умерла. Ленька же перестал после этого говорить. Не мог просто. Начинал дико заикаться и замолчал. Из детей общался только с Архипкой Назаровым — эдаким Томом Сойром сибирского разлива, выдумщиком и шкодой. Шкодничали вместе, вместе и получали от деда Софрона или от Степаниды Назаровой, рослой и суровой вдовы, в одиночку тянувшей двух пацанов: Архипку и четырехлетнего Егорку.

Кроме Архипки был у Леньки еще один верный друг — трех годовалый пес неизвестной породы, крупный, лохматый и молчаливый — в хозяина. Дед назвал пса Кабыздох, но пес на это слово не отзывался, а выдумщик Архипка сократил кличку до Кабай. Эту кличку пес признал и сейчас ждал хозяина во дворе Бабы Ходоры.

Рассказав Ленькину историю, хозяйка спрашивать о будущем меня не стала, разбудила мальчишку, наказав ему выучить дома азбуку, отправила со двора. Заскучавший Кабай хозяину обрадовался и попытался облизать, но был поставлен на место и потрусил рядом.

Дома нас дожидался Архипка, притащивший с озера удочки и изнывавший от любопытства. Ленька рассказал ему, что Баба Ходора учит его читать и принялся рисовать щепкой на земле буквы, произнося вслух их названия. Архипка с интересом смотрел, слушал, и даже старался повторять. Обучение азбуке было прервано матерью Ленькиного приятеля, которая заставила друзей поливать огород.

Заниматься скучным делом пацанам не хотелось, но деваться было некуда и они, пыхтя, крутили колодезный ворот, доставая тяжеленное деревянное ведро, разливали воду в ведра поменьше и таскали их на грядки.

В прошлой жизни у нас, вернее не у нас, а у жены была так называемая дача, по сути —

обыкновенный огород в три сотки с небольшим домиком, где Ленка пахала все лето как маленький трактор. Пыталась приобщить к этому делу и меня. Я же как мог сопротивлялся, поскольку к сельхоз-работам с детства питал стойкое отвращение. Но обстоятельства были сильнее меня, поэтому приходилось весной копать землю под грядки, летом поливать иногда, а осенью убирать урожай.

Так, что я, можно сказать, опытным взглядом осмотрел огород тетки Степаниды. Большую часть огорода, как и положено, занимала картошка. Широко были здесь представлены: и капуста, и свекла, и морковь с редькой, ну и репа; куда же без нее. Не было привычных помидоров, зато огурцы сидели на высокой грядке из навоза в лунках засыпных землей. А что, вполне технологично, навоз прел и нагревал грядку, огурцы быстро росли, поливай только, если дождя нет. А вот малины по периметру не было. Вместо нее колосилась высоченная конопелька. Более того, мак вольно рос среди картошки и даже цвел отдельным клином. И никому не было до этого дела. Дикие люди! Цивилизация не коснулась их. Значит, и я не буду просвещать, пусть прозябают в своем неведении. Достаточно им религии, которая, как известно, и есть опиум для народа. А мак пусть кушают в хлебобулочных изделиях.

Хотя мать рассказывала, что употребляли жители отвар из маковых головок. Маленьким детям давали для сна, чтобы те поменьше орали, да побольше спали. Некоторые так и вовсе не просыпались.

Выходит, что не все так благостно было в сибирских селах. Надо бы у Бабы Ходоры насчет опия расспросить. Какое никакое а обезболивающее, может и пригодится когданибудь.

Между тем друзья, обработав назаровский огород, перешли на соседний, то есть на наш, который был устроен схожим образом. Посажено то же самое, только в гораздо меньших количествах. Исключение — картошка. Ее было даже больше, что вполне понятно; за картошкой не надо ухаживать, достаточно вовремя прополоть, да и колорадский жук еще не добрался до этих благословенных мест. Остальные овощи высаживала, скорее всего, та же тетка Степанида, взявшая своеобразное шефство за вдовым соседом. И, похоже, дело там не ограничивалось обоюдной помощью по хозяйству. Ну и бог им в помощь; люди взрослые — разберутся.

Закончив полив огородов, мальчишки рванули купаться на речку, протекающую в полукилометре от села, и носившую гордое название — Большая Речка.

Ничего большого там не было — обыкновенная речка, коих в Сибири не считано. Метров двадцать — тридцать в ширину, она знатно петляла по округе, перемежаясь перекатами, бродами и не слишком глубокими омутами. Самый удобный брод был как раз напротив села, именно к нему и вела дорога, а чуть выше по течению располагался пляж с неширокой песчаной косой и пологим берегом поросшим, мелкой травкой. Там уже плескались, бегали и орали, закончившие домашние дела мальчишки. Еще выше за кустами находился видимо девичий пляж. Оттуда также неслись смех и визг. Увидев Архипку с Ленькой мальчишки окружили их, живо заинтересовавшись произошедшим на Ведьмином Омуте, но потом потихоньку вернулись к приятному времяпровождению.

Друзья с удовольствием присоединились к веселой компании. Вместе со всеми они наперегонки плавали, ныряли, носились друг за другом по песочку, бегали подглядывать за девчонками. Те, радостно визжа, прятались друг за друга и кидались в мальчишек разным мусором. Одним словом деревенская детвора, отринув домашние хлопоты, предавалась

самому беззаботному и безудержному веселью.

Я хоть и не управлял Ленкиной тушкой, но тоже не остался безучастен к происходящему. Вернувшееся детство вновь окатило меня счастьем бесхитростного и беспечного бытия. Я понимал, что слишком стар для детских забав, но юное тельце как то подействовало на старческое сознание, заставляя его вибрировать от самых простых и безыскусных радостей жизни. Так что подумать над извечным русским вопросом «Что делать?» у меня пока не получалось. Ну и слава богу! Успею еще озаботится.

Набегавшись, наоравшись и накупавшись до посинения, мальчишки попадали на горячий песок отдохнуть, погреться и поговорить о том о сем. Тем временем к речке стала подтягиваться более взрослая часть населения Сосновки. Мальчишки и девчонки 14–16 лет подходили мелкими группками, разделялись по гендерному признаку, степенно раздевались и купались без азарта присущего малолеткам. Хотя детство еще довлело, но взрослая жизнь уже наложила на них свой отпечаток. В эти времена все дети выросли быстро, а дети крестьян особенно: работать приходилось рано и много.

Опа! А это еще что за явление Христа народу? К речке не спеша подходили четверо подростков лет пятнадцати — шестнадцати. Впереди вальяжно вышагивал парень, одетый, по деревенским меркам, роскошно: на нем была, голубая в белый горошек, косоворотка, поверх был надет коричневый жилет, с цепочкой, предполагающей наличие часов, на голове фуражка с лакированным козырьком, довольно широкие штаны были заправлены в начищенные сапоги. За ним шли двое одетые примерно так же, но без жилетов. А сзади плелся подросток одетый поплотнее, физиономия, которого являла собой удивительную смесь наглости и угодливости. Похоже, это была теплая компашка доморощенных мажоров с шестеркой в пристяжке.

Мажор он и в Африке мажор; без понтов ни шагу. Вот и сейчас увидевший Архипку с Ленкой жилетоносец громко сказал:

— Гляди ко — Немтырь! Его же молонья убила. Косой проверь живой Немтырь или можетдохлый.

— А как проверить то? — озадачился шестерка.

— А ты пни его под зад; ежели побегит то значит живой, а ежели полетит тодохлый. — Заржали приятели жилетоносца.

— Щас изладим. — С готовностью отозвался Косой, подходя вихляющей походкой к пацанам.

Надо сказать, что друзья, завидев приближающихся мажоров, успели одеться и стояли в полной готовности задать стрекача. Подошедший Косой попытался пнуть Ленку, но тот ловко увернувшись, схватил ногу в стоптанном сапоге, подняв ее вверх, усадил Косого на свежую коровью лепешку. И под гомерический хохот собравшихся, Архипка с Ленкой рванули в сторону от матерящегося Косого, который погнался за ними с дубиной схваченной тут же на берегу. Проскочив на хорошей скорости кусты разделяющие купающихся девок и парней, друзья под громкий визг деревенских наяд побежали в сторону села.

Выскочивший из кустов и ничего от злости не видящий Косой споткнулся о корягу засыпанную песком и растянулся, выпустив из рук палку. Его тут же закидали сухими коровьими лепешками и грязью опомнившиеся девки, а рослая девица, одетая в одну нижнюю рубаху схватив оброненную дубину стала охаживать ею несчастного Косого. Она лупила его и при этом визжала так, что уши закладывало. Избитый, грязный и оплеванный Косой, успел как то соориентироваться и на четвереньках убежал обратно в кусты,

провожаемый визгом и громким смехом. Друзья остановились и некоторое время смотрели на творящееся веселье и на всякий случай побежали дальше.

Что и говорить! Праздник жизни на Большой Речке сегодня явно удался. И снова главными героями дня стали, еще не знающие о настигающей их славе, Архипка с Ленькой, которые отбежав от пляжа на изрядное расстояние, упали на травку хохотать.

— Ха-ха-ха: — заливался, катаясь по траве, Архипка. — Сенька Косой как шлепнется в коровье дерьмо, аж брызги в разные стороны. А девки то как визжали когда Сенька им под ноги свалился.

Ленька тоже смеялся от души, но в отличие от беспечного дружка понимал, что в ближайшее время с Косым, в миру Семеном Косенковым, им с Архипкой лучше не встречаться.

Между тем село Сосновка жило своей обычной жизнью, то есть основная масса аборигенов привычно вкалывала от темна и до темна, добывая себе пропитание и с весны готовясь к будущей зиме. Но работа не утоляла духовную жажду. Люди сами того не осознавая страдали от информационного голода, поэтому самое ничтожное происшествие, вроде того смешного случая на пляже обсуждалось всей деревней, обрастало подробностями и наконец забывалось вытесненное каким либо другим происшествием.

Церковь со стареньким отцом Серафимом, человеком искренне верующим и довольно образованным, хотя и давала своим прихожанам некое подобие осмысленной духовности, но явно пасовала перед слабо верующими неграмотными сибиряками, привыкшими свои проблемы решать самостоятельно, не надеясь ни на бога, ни на черта. Конечно, отца Серафима уважали, но и посмеивались над его интеллигентскими привычками.

До появления в селе ссыльного студента, главным собеседником священника была, как ни странно, Баба Ходора, которую наиболее религиозная часть населения, в основном недавние переселенцы из «Рассеи», считали колдуньей и даже немного ведьмой.

Ссылный студент оказался довольно взрослым недоучившимся медиком и к Бабе Ходоре относился с немалым уважением, увидев в ней не безграмотную деревенскую знахарку, а в некотором смысле коллегу, которая своими не совсем научными методами добивалась впечатляющих результатов.

Свято следуя традиции русской интеллигенции: приседать мозгами на кухне, и отец Серафим, и студент частенько навещали скромный домишко знахарки: попить чайку на травах, поговорить и даже поспорить о народе, о вере, о традициях и о достижениях науки. Власть наговорившись уходили из дома Бабы Ходоры довольными и умиротворенными.

Следующим центром притяжения был, если так можно сказать экономический блок села, состоящий из трех семейств местных богачей. Безусловным лидером здесь был Савва Зырянов пятидесятилетний крепкий мужик с цепким взглядом из под нависших бровей. Он держал в своих руках всю сельскую торговлю: имел лавку и так называемый «заезжий двор», где можно было остановиться переночевать, поесть и главное выпить. Все это приносило ему неплохую прибыль, поскольку и разразившаяся к этому времени сибирская золотая лихорадка с местным центром в Спаске поставляла ему клиентов хоть и не в изобилии, но постоянно. Лавкой и заезжим двором руководили два его старших сына. Младший же звался Фролом и был тем самым мажором в жилетке.

В селе поговаривали, что Савва знался с варнаками, тайно скупал золото у старателей и не брезговал краденым. Но за руку пойман не был, а к сплетням относился равнодушно. Он довольно часто ездил в Барнаул, всегда в сопровождении жилистого мужика с глазами

снулой рыбы, явно бывшего каторжника, который откликнулся на имя Пахом. Иногда Савва брал в поездки и Фролку, видимо приучал вести дела. Оттуда и привез тот свой знаменитый жилет с цепочкой. Часов на цепочке, как выяснилось позже, не было; не дорос Фролка до часов, но и без них, выглядел он среди босоногой деревенской детворы, ну очень круто.

Двух других деревенских «олигархов» звали Федор Жабин и Захар Самылов. Жабин с многочисленной родней имел самый большой в селе пахотный клин и владел помимо привычных сельхозорудий еще и механической молотилкой, с приводом на конной тяге. А еще была мельница ветряная, которая махала крыльями на холме за селом и приносила владельцу изрядный прибыль.

Самылов же был «начальником транспортного цеха». Два с лишком десятка подвод летом и столько же саней зимой развозили по округе товары, возили в Барнул и Бийск зерно, муку, масло.

Собственно эта троица и рулила в селе Сосновка. Да и как иначе, если почти половина жителей зависела от них в той или иной мере. Остальные были обычными сибирскими крестьянами, зажиточными и независимыми, которым было наплевать на всякую власть, если она не слишком мешала им жить. Местные «олигархи» прекрасно это осознавали и не переходили определенных границ в стремлении нажиться.

Дед Софрон с сыновьями, теми самыми Щербаченками, занимал в этом ряду особое положение. Все трое были кузнецами; профессия на селе уважаемая и некоторым мистицизмом сдобренная. Да и сама личность деда Щербака не располагала к панибратским с ним отношениям. Ростом под метр девяноста, он обладал широченными плечами и невероятной силой. Выходец из кержаков-старообрядцев, был молчалив и сохранил привычку, даже в церкви, крестится двумя перстами. По рассказам очевидцев, на замечание отца Серафима он всего лишь молча глянул на священника, и тот, бормоча молитвы и мелко крестясь, оставил деда в покое, и больше никогда не докучал ему своими упреками.

Сыновья его, Иван да Кузьма были пожиже и попроще, но на масленицу, когда два конца деревни сходились стенка на стенку, их всегда заставляли драться по разную сторону, несмотря на то что жили они оба на Мшанке рядом с кузницей. Если бы они оба бились за мшанских, то у сосновских не было бы ни каких шансов.

Дед никогда не дрался в стенке, но его всегда привлекали к некому подобию судейства и он, находясь в обществе седобородых ветеранов кулачного веселья, лишь снисходительно усмехался, глядя, как по деревенски размашисто, мутузят друг друга односельчане. Но в спорных вопросах кулачных схваток его слово было последним.

Ну а в селе были и страстные болельщики, этого своеобразного спорта. Деревенская молва сохранила имя некого деда Тришки, который, обезножив, болел за сосновских, сидя на печи, благо домишко его находился напротив площади, где и происходило действо. Специально выпиленная дыра позволяла ему следить за боем прямо с насиженного места и, когда однажды, мшанские погнали сосновских, то дед Тришка отступая вместе с любимой командой, упал с печи и расшибся насмерть. Славная смерть фаната, достойная остаться в скрижалях деревенской истории.

Все эти подробности я узнал постепенно, вычлняя кусочки полезной информации из рассказов детворы, на которую взрослые не обращали никакого внимания во время разговоров друг с другом. В результате детское население обладало довольно большим объемом сведений из жизни села. Нужно лишь правильно задавать вопросы, внимательно и главное заинтересованно слушать.

Надо сказать и Баба Ходора не оставляла меня без своего внимания. Хожу к ней уже целую неделю. Вернее ходит Ленька. Он очень быстро учится, уже читает бегло и приступил к изучению письма. Каждый раз позанимавшись Баба Ходора усыпляла его и вызывала наружу меня. Правда варнаком уже не обзывала, называла Ляксеем и выспрашивала меня в основном о медицине.

Рассказывал ей все, о чем мог вспомнить по теме. Кое что она знала, кое о чем догадывалась, кое о чем не имела представления. Так например она знала что надо мыть руки и обмывать раны кипяченой водой, но не знала ничего о бактериях. Откровением для нее стало, что можно спасти человека при воспалении аппендикса. Достаточно сделать операцию по удалению отростка. Очень заинтересовала ее тема внематочной беременности.

Посоветовал ей вместе со студентом начать делать простейшие хирургические операции. Наверняка студент имеет представления об анатомии, она же поработает анестезиологом. Объяснил, что самое главное при проведении операции — чистота. Эх нет в кустах рояля, то бишь хотя бы школьного микроскопа, а то бы показал бабуле какие кракозябры водятся на немых руках. Но ничего — поверила на слово.

Поговорила со студентом насчет знания анатомии. Выяснилось: студент лекций не пропускал, да и в анатомическом театре при университете поработал, то есть теория вполне на уровне. Непонятно на кой ляд ему революция. Оказалась, был знаком с кем то из так называемых народников, запрещенную литературу почитывал, еще кому то давал почитать, вот и «загремел под фанфары».

Ладно, надо этих двоих подвигнуть на хирургию, а то мало ли что. В прошлой жизни аппендикс мне удаляли, вдруг и здесь прихватит.

А студент то хорошо устроился у вдовушки под крылышком. Оказалось ссыльным деньги какие то платят, а он еще и в деревенской школе при церкви подрабатывает на пару с отцом Серафимом, арифметику преподает. Только вот скучно ему здесь, среди народа, который хотел просветить. Ни в какую народишко не хотел просвещения, жрать хотел, вино пить хотел, а о своей тяжелой доле знать совершенно не хотел. Вот и случился у студента когнитивный диссонанс. Ну, а по простому, в который раз интеллигенту не повезло с народом.

Кстати, что то много вдов в деревне, мор что ли какой то на мужиков напал. Спросил у Бабы Ходоры, та и рассказала, что как нашли в окрестностях Спасска золото, то мужики словно с ума посходили, кинулись золото искать. Ну и пропал кое кто в тайге, а кто вернулся, так те золото не нашли или нашли очень мало. Не вернулся, сгинув в тайге и отец Архипки, а вместе с ним пропали еще два его приятеля. Вот и множатся вдовы на селе.

Блин, вот и рояль в кустах. Я ведь точно знаю, где можно золотишко нарыть. И главное не так далеко отсюда. Километров двести или чуть больше. Нужно лишь детство свое золотое вспомнить.

Глава третья

Забавно работает человеческая память. Детство вспоминается какими то яркими эпизодами. Вот мы с моим ровесником Мукаешом, четырехлетним шорцем, вооружившись палками, осторожно крадемся к нам в ограду. Там хозяйничает наш враг — здоровенный, разноцветный петух. Он ходит по двору, громко квохчет, сзывая кур и зорко следит за воротами. По какой то причине петух на дух не переносит маленького шорца, а мне достается от него видимо за компанию, иначе, чем объяснить, что когда я один петух не обращает на меня никого внимания, а стоит Мукаешу присоединится ко мне, как тут же нам обоим достается на орехи.

Вот мы входим в ворота и тихонько пробираемся к крыльцу. Мы заранее договорились, как будем палками лупить зловредную птицу, и даже потренировались на кустах крапивы. Молодая крапива покорно сникла под ударами наших мечей, что вселяло в нас не шуточную надежду на успех в войне.

Петух дождался, когда мы выйдем на середину двора и, с орлиным клетотом, ринулся в бой. Мукаеш не выдерживает и, бросив оружие, пытается малодушно сбежать. Но не тут то было; петух догоняет его и, подпрыгнув, клюет в темечко. Мукаеш тоже не прост, наученный горьким опытом, он заранее надел на голову, в качестве шлема, зимнюю шапку, и отделался бы легким испугом, но споткнулся и упал, чем враг молниеносно и воспользовался. Он накинулся на поверженного батыра, стараясь побольнее клюнуть или ударить шпорами.

Я пытаюсь спасти друга и нападаю на петуха, размахивая палкой, и тут же получаю ответку. Петух быстр, яростен и беспощаден, он успеваает несколько раз пребольно клюнуть меня, прежде чем, бросив мешающую палку, я, вслед за Мукаешом, выбегаю за ворота. Петух, изгнав вражескую армию, гордо прошелся по двору, красуясь перед курами. Мы же избитые и униженные, плотаем горькие слезы поражения. Немного отойдя от стресса и успокоившись, снова начинаем лелеять мстительные замыслы. А на крыльце катается от смеха мой старший брат.

Или вот другой эпизод. Мы — мальчишки поселка с названием «Аптаза» надевши сапоги и ботинки, идем на «Разрез» бить змей и есть землянику. В поселке геологической партии нас всего четверо в возрасте от шести до девяти лет. Есть еще несколько девчонок, но они с нами не водятся.

«Разрезом» называется рукотворный овраг, с треугольной дырой в стенке. Здесь в начале века мыли золото, а сейчас росла ядреная земляника и водилось множество змей. Они грелись на камнях и прятались в норах при нашем появлении. Погоняв змей и поев земляники, мы, пошарившись в кустах, густо росших по берегу речушки, которая как и поселок тоже называлась Аптазой, нашли золотоискательский лоток и лопату. В лотке блестела желтая песчинка, специально оставленная очередным старателем, периодически наведавшимся на заброшенный прииск.

Набрав в лоток песка и гальки, промыли породу. Проделав эту операцию еще раза три, намыли всего несколько золотых песчинок. Оставили их в лотке, а лоток с лопатой положили на место и пошли домой довольные проведенным временем.

И третий эпизод. Мне уже восемь лет и осенью пойду во второй класс школы, которая находится в трех километрах от нашего поселка. Но поселка как такового уже нет. Избы остались, но стоят пустые — все разъехались. Геологи видимо закончили свои изыскания и

весь июль вывозили буровое оборудование, склады и двигатель с генератором — нашу электростанцию. Для этого пригнали два бульдозера, которые проделали дорогу для грузовиков.

Всего две семьи оставались на зиму в поселке. Мы и семья Прохоровых с сыном Мишкой, которого все называли почему то, Минькой. Родители мои никак не могли решить куда ехать; в Таштагол, где проживали родственники отца или в Барнаул где жили две сестры матери. Родители Миньки были из старообрядцев и, похоже, тоже не спешили с переездом. Так что вся деревня была в нашем распоряжении.

Первое время, мы ходили по поселку заглядывали в незапертые дома. В брошенных домах ничего интересного не было. В бывшей конторе валялись на грязном полу какие то бумаги. Были здесь и геологические образцы, в виде каменных цилиндров аккуратно сложенных в деревянные ящики и просто небрежно брошенных на пол. В бывшем клубе тоже не было для нас ничего интересного: валялись те же образцы, да висела на стене прошлогодняя стенгазета. Правда, в углу среди хлама нашлось несколько блестящих шаров от большого подшипника. Их использовали в качестве биллиардных, вместо родных, утерянных видимо еще в незапамятные времена. Вот и вся наша добыча.

Минькин отец, видя наше неприкаянное состояние, решил занять нас полезным трудом. Он вытесал небольшой лоток и предложил нам пойти на разрез и намыть золота. Мы с энтузиазмом откликнулись на призыв и, прихватив лоток, лопату и тяпку, отправились совершать трудовой подвиг.

Придя на место, поспорили о том, где начать промывку. Ни мне ни Миньке лезть в воду не хотелось, потому что промывая песок в речке непременно вымокнешь. Поискавши, решили, что маленький ручеек, вытекающий из шахты — треугольной дыры в стене оврага, вполне нам подходит. Зачерпнули рядом с ручейком несколько лопат песка, галек и глины положили все это в лоток и стали промывать, гоня тяпкой по лотку воду. Когда в лотке песка осталось немного, Минька взял его в руки и, как заправский старатель, стал смывать песок. Вот он смыл последнюю горсть, и в ложбинке лотка заблестело несколько желтых песчинок, а в уголке притулился здоровенный желтый таракан — самородок весом грамма три.

Поорав и поплясав от радости мы в течении следующих минут сорока добыли еще два, похожих на зловредных домашних насекомых, самородка. После чего трудовой порыв в нас резко угас. Минька завернул добычу в тряпочку и засунул в карман. Желтые песчинки мы даже не стали выбирать из лотка.

Оставив на месте лоток и лопату с тяпкой, пошли на берег Аптазы, поискать черную смородину. Смородину красную, которую здесь называли кислицей, искать было не надо. Весь склон горы на противоположном берегу зарос ею. Ягод было так много, что когда выпадал первый снег, то противоположный склон был красно-белым. А вот сладкой черной смородины было мало и росла она только на берегу.

Мы поели смородины, потом погоняли полосатого бурундука, который не слишком нас боялся и с неохотой убегал, возмущенно попискивая. Потом увидели здоровенную змею, от которой сами благополучно удрали, тем более, что мы ей были и на фиг не нужны, она ползла по своим змеиным делам.

Наконец, усталые и проголодавшиеся пошли домой. Я помог, другу донести лопату с тяпкой и договорившись завтра продолжить старательские дела, мы разбежались по домам.

Но на следующий день на разрез мы не попали. Минькин отец, прихватив наши орудия

труда, недели полторы с утра идо вечера горбатился на пресловутом ручейке. Только начавшиеся дожди сбили с него старательский зуд. Сколько золото он намыл было неизвестно. Об этом он никому не рассказывал. Да и никто его об этом и не спрашивал.

А потом мы пошли в школу.

Глава четвертая

К чему про детство вспомнил? Золото! Я где то читал, что в конце девятнадцатого в начале двадцатого веков за золотник, а это четыре с небольшим грамма, можно было получить от двух до трех рублей. Вполне приличные деньги. Не знаю как в деревне, а в городе зарплата квалифицированного рабочего в это время была 40–50 рублей в месяц и на эти деньги он нормально жил вместе с семьей. Правда и вкалывать приходилось по 12–14 часов шесть дней в неделю. Неквалифицированный рабочий получал 12–15 рублей. Выходит мы с Минькой за час не кипешной работы намыли почти месячную зарплату неквалифицированного рабочего девятнадцатого века. Не хило! Правда обратить золотой песок в наличные будет не просто, но какие то ходы наверняка есть. Тому же Зырянову можно сдать.

Ладно! Не буду делить шкуру здравствующего медведя. Может статься, что нашли уже там золотишко, и я пролетел фанеркой над Парижем. Значит надо думать и над альтернативными источниками благ.

Ну да! Ну да! Пришло время мне озаботиться вопросом «Что делать?». Ну не крестьянин я ни разу. Пейзанская жизнь меня не вдохновляет. Как собственно и вкалывать на станке по 12 часов за мизерную зарплату мне запахло. Надо как то выбиваться в буржуи, так сказать, в эксплуататоры рабочего класса ну заодно и крестьянства. На самый крайний случай можно и в творческую интеллигенцию податься. Плагиатить в меру попаденческих сил, благо не все пока ниши в искусстве заняты детьми богоизбранного народа, есть еще где развернуться.

А что! Сваяю черный квадрат раньше Малевича. На этот художественный подвиг моих талантов наверняка хватит. Ну и философскую базу под это дело подвести сумею. Зря что ли прочитал гору всяческой философско-эстетской ерунды, забыл правда почти все, но того что смогу вспомнить вполне достаточно. Тут главное вещать надо с апломбом первооткрывателя, и не знать сомнений.

Но вот незадача, не принесет мне никаких дивидендов пресловутый «Черный квадрат». Рано еще «Черному квадрату». Не примет интеллигенция такого наглого наезда на искусство. Передвижники вроде еще в почете? Или уже нет? Ну не помню я историю русской живописи. Не интересовался почти. Когда там кризис случился? В начале двадцатого века вроде. Развитие фотографии и кинематографа художникам подгадило. Вот и стали изгаляться и крушить устои. Вот тогда и «Черный квадрат» к месту пришелся. И то лет пятьдесят его нужно пиарить постоянно, иначе не впарить эту откровенную туфту будущим олигархам. Так что, пусть спит спокойно дорогой товарищ Казимир, не покушусь на святое.

Петь песни Высоцкого и других авторов у меня тоже не получится. Мало того что говорю с трудом, хриплю почище Владимира Семеновича, так еще медведь на ухо наступил. Нет когда поет кто то другой, я прекрасно слышу фальшивые нотки. Но когда пытаюсь петь сам, то фальшивлю безбожно. Выходит, медведь не на ухо наступил, а на язык.

Заняться литературой? Жутко муторное дело. Во первых дословно не помню ничего, а это значит что нужно все придумывать заново. Будь у меня как у нормального попаденца хотя бы ноут завалящий, тогда попробовать набивать текст в «Ворде» конечно, можно было бы. А елозить перышком, макая его в чернильницу да еще при этом морщить мозг, напрягая чахлые извилины; нет уж, увольте.

А вот тему спекуляции зерном надо обмусолить. Читал, что в конце восьмидесятых и в

начале девяностых годов 19 века неурожай был в европейской части империи и на Урале, а на Алтае как раз наоборот; хлеба нарастет до фига, и барнаульские купцы изрядно наварятся на этом деле. Скупать зерно будут по 25–30 копеек пуд, продавать в Тюмени или Тобольске по 1рублю 70 копеек. Если отминусовать издержки по транспортировке, то за сезон можно утроить капитал. И такая лафа будет продолжаться года три.

Дело верное, но есть тут маленький нюанс: сначала этот первоначальный капитал надо где то раздобыть. Как завещал один из первых наших долларовых миллионеров товарищ Стерлигов: чтобы заработать миллиард нужно, для начала украсть пару миллионов и никак иначе. А вот с этим засада! Я бы пожалуй и украл тыщонку другую, только у кого? У местных «олигархов» наверное не найдется нужной суммы наличными, да и попробуй укради у них, сами ограбят кого угодно. Банк грабануть что ли? Непростое это дело, да и где искать те банки? В Барнауле вроде банков никаких пока нет, да и в Бийске тоже. Остается одно. Золото! Видимо от этой темы не отвертеться. Но заняться этим мне удастся в лучшем случае через год, а скорее всего через два года. А значит готовиться надо и готовиться серьезно без дураков.

Между тем, Ленька как то очень быстро обучился грамоте, читает и пишет вполне уверенно. Вместе с ним и я освоился с современным алфавитом, уже не раздражают: ни шрифт, ни яти с фитой, ни твердый знак в конце некоторых слов. Да и вообще, странное явление я заметил: вроде сближаемся мы с ним. Он взрослеет стремительно, а я также быстро молодею; ну в смысле вполне хорошо себя начинаю чувствовать в обществе деревенских малолеток. А может мы постепенно сливаемся в единую личность или, что то подобное происходит. Ладно, поживем увидим что да как.

С моей подачи Ленька с Архипкой принялись ладить арбалеты или как они их называли, самострелы. А подвигло на эту инновацию, желание подстрелить здорового глухаря. Он напугал, вылетевши буквально у них из под ног, когда, они в очередной раз топали на Ведьмин Омут; уж больно крупные караси водились там.

Конечно, у деда было ружье, но этот карамультук с восьмигранным стволом и массивным прикладом весил, наверное, как ручной пулемет, заряжался с дула, выстрел производился с помощью капсюля (местные называли его пистоном), который перед выстрелом надевался на запальную трубку. Я сильно подозревал, что ствол этот был переделан из кремневки или того хуже из фитильного ружья. Стрелять из такого тот еще геморрой. Хотя дед из него стрелял и неудобств не испытывал. Даже на медведя с этим раритетом хаживал. Ну то дед. Думаю, что с небольшим медведем он бы и без ружья справился. Ленька же с трудом поднимал эту дуру, о стрельбе даже и речи не могло идти.

Поэтому арбалету не было альтернативы, тем более, что кроме глухарей, которые встречались довольно редко, в окрестностях села было много рябчиков, вот на них то охотиться с арбалетом было вполне реально.

Но изготовление девайса, неожиданно для меня, оказалось под угрозой. У деда не нашлось необходимого обрезка доски. Досок не было и у Назаровых, то есть свободных не было, хотя крыши подавляющего большинства домов были покрыты, но как выяснилось, увы, не досками — тёсом они были покрыты. То есть доски не пилились, а вытесывались из бревен.

К слову сказать, прогресс дошел и до Сосновки. Жабин, оказывается, завел лесопилку. Я пошел посмотреть. Как говорил мультяшный ослик Иа: «Душераздирающее зрелище». Два мужика, один наверху другой внизу, терзали длинной, широкой и, по всему виду, тяжелой

пилой не слишком толстое бревно. Нижний тянул пилу на себя, совершая рабочий ход, получая в морду заряд опилок, верхний вытягивал пилу вверх и следил, чтобы она не уходила с прочерченной углем линии.

Я, конечно, мало понимаю в обработке древесины, но данная технология вряд ли намного ускорила изготовление досок. Вытесывать доски куда комфортнее.

Хотя вспомнил вот: Хокусай (японский художник 18–19 века, если кто не в курсе). Гравюры из серии «36 видов Фудзи». Там на одной из них показана распиловка квадратного бруска на доски по японски. Брусок закреплен под углом и два голозадых японца его старательно пилят. Один наверху, второй внизу, но в отличии от наших мужиков орудуют каждый своей пилой, то есть сразу два реза делают. Третий япошка пилу на пеньке закрепил и видимо затачивает. Ну, а вдаль ихняя священная гора Фудзияма виднеется. И все аккуратненько так на картинке, аж тошно становится. К чему это я? Да так ни к чему: вспомнилось просто. Великолепный альбом с гравюрами Хокусаи был у меня в той жизни. Часто его листал.

Сделав в памяти зарубку, озабочиться механизацией распиловки бревен, в деле изготовления самострела я пошел веками проторенным путем, а именно: Леняка с Архипкой нашли бревнышко миллиметров 200 в диаметре отрезали от него чурбачок длиной чуть больше метра, потом, потев и тихонько ругаясь, расщепили его с помощью деревянных клиньев на четыре части, получив две заготовки и стали их обтесывать тяжелыми топорами.

Дед увидев неуклюжие телодвижения, изъял инструмент из кривых, по его мнению ручек, в течении нескольких минут обтесал заготовки и вручив Леняке рубанок велел заглазить неровности от топора. После рубанка получилось две вполне зачетные дощечки.

Теперь надо было сделать ровненькую канавку для стрелы. Дед и тут оказался на высоте. Пока друзья чесали репы пытаюсь придумать, как это сотворить; дед Софрон вынес из сарая похожий на рубанок инструмент с узким ножом, который обозвал дорожником, и быстро выстрогал канавки на обеих заготовках.

Всю следующую неделю пацаны опиливали лучковой пилой контур ложа, сверлили коловоротом отверстия, сглаживали рашпилем углы, искали в лесу заготовки для лука, из старой струны для шерстобитного лучка делали тетиву, оплетая ее, для прочности, волосом, срезанным с конского хвоста и, в конце концов, собрали два самострела, связав лук с ложем сыромятным ремешком. Спусковой крючок выстрогали из щепки, одну сторону, которой на три четверти длины составлял конус. Привязали его к ложу сапожной дратвой, и самострел был готов.

Стрелы изготовили из прямых прутьев таволги, но без тяжелого наконечника стрела летела не точно. Да и слабоват оказался самострел, взвести более тугий лук пацаны не могли. Для этого нужно было что то придумывать. Но Архипка с Ленякой были вполне довольны самоделками, и без устали тренировались, стреляя по мишени с разных дистанций.

Пытались охотиться и даже сбили пару рябчиков, подпустивших их шагов на пятнадцать. Глухаря добыть не удалось. Дело было даже не в слабости самострелов. Глухарь подпустил их довольно близко. Они элементарно промахнулись, а пока перезаряжались, птица улетела. После этого у меня явилась идея изготовить многозарядный и более мощный арбалет. Но изладить такую вундервафлю без металлических деталей было невозможно; пришлось идти на поклон к деду. Попали как нельзя кстати.

Дед сидел за столом, а перед ним на холстинке лежали детали полуразобранного ружья. Увидев мальчишек, он горестно покачал головой и сказал:

— Гляди-ка Ляксе́й, сломалось ружьишко то, летна боль.

Ленька подошел поближе и среди немногочисленных деталей разглядел сломанную пружину.

— Тятя пружину то новую сделать можно.

— Пружина что, пружина ерунда; ствол треснул летна боль. Вот смотри сюда. — Дед ткнул заскорузлым пальцем в ствол карамультака.

Действительно возле запальной трубки имелась еле заметная трещина. Видимо ствол был изготовлен методом кузнечной сварки и лопнул по шву. Деду повезло, что сломалась пружина курка, и ему пришлось разбирать ружье. Возясь с разборкой, заметил трещину. Даже представлять не хочется, что было бы пальни он из этого инвалида, да еще усиленным зарядом, приготовленным на крупную дичь.

А ведь момент подходящий и нужно им воспользоваться. Понимая, что толково объясниться с дедом не сможет, Ленька уступил управление тушкой мне.

— Тятя, а давай сделаем многозарядный самострел.

— Какой такой многозарядный самострел? — заинтересовался он.

— Дай чем нарисовать. — попросил я.

Дед пошарил за иконами и достал оттуда карандаш, который был больше и толще обычного. «Плотницкий, наверное» подумал я, и прямо на столе начертил магазин со стрелами, тетиву, ложе, спусковой механизм, рычаг взвода. Дед с интересом и удивлением смотрел то на рисунок то на меня.

— Летна боль откуда ты это взял?

— У отца Серафима в книжке картинку видел. — соврал я.

Небольшая библиотека у священника была, и мирские книги были. Баба Ходора похлопотала за меня, ну то есть за Леньку, и мы с ним книжки почитывали. Мне они были не очень интересны, Ленька же читал захлеб. Дед об этом знал и, кажется, поверил.

— Это что такое? — спросил он указывая на магазин.

— Это называется магазин. Я его в разрезе начертил. Это стрелы, их еще болты называют, а это рычаг, чтобы тетиву тянуть. Вот смотри тетиву натягиваешь; она за эту штуку сама зацепляется. Стрела в желоб падает. Нажимаешь на спусковой крючок и стреляешь. Снова рычагом взводишь. Следующая стрела в желоб падает, и можешь еще раз стрелять, и так пока стрелы в магазине не кончатся. Тут главное лук мощный надо сделать да тетиву крепкую раздобыть. Ну и со спусковым механизмом повозиться. Сначала нужно сделать самострелы для нас с Архипкой. На них все проверить и отладить. Потом себе можешь сделать такой, что и кабана убить из него можно будет или даже медведя.

Дед посмотрел на чертеж, потом на разобранное ружье, потом снова на чертеж, почесал свою роскошную гриву, похмыкал, и вынес вердикт:

— Попробуем летна боль.

Дед сопли не жевал! Уже через три дня нам был явлен пятизарядный самострел, с мощным луком и рычагом для взвода. К девайсу прилагалось десяток стрел-болтов выполненных из дерева снабженных стальными наконечниками.

— Стреляйте летна боль. Скажете потом что нужно переделать.

Ленька с Архипкой схватили самострел, стрелы и побежали к реке. Был там, в одном месте, крутой глиняный склон, а перед ним песчаный пляж шириной метров пятьдесят. В половодье река заливала его, летом же отступала, оставляя отличный чистый песок. Но там никто не купался. Вода была холодная из-за родников, бьющих на дне.

Палкой начертили на глине круг отошли метров на двадцать, начали стрелять. Сначала стрелы ни как не хотели лететь в мишень, но потом, приноровившись, стали попадать в нарисованный круг. Архипка оказался прирожденным снайпером и через некоторое время клал все пять болтов в цель. У Леньки получалось похуже. Его лучший результат четыре стрелы в мишень, одну в «молоко». Стрелы уходили в довольно плотную глину почти целиком. Доставая их, изрядно расковыряли и обрушили склон. Настрелялись вдоволь, извозились в глине и потопали домой.

Дома дед спросил:

— Ну что стрельцы, как самострел?

Отвечать Ленька позволил мне:

— Отличная штука! Надо только сделать предохранитель... ну защиту от случайного выстрела и на тетиву, там где она трется об ложе, нужно накрутить проволоку, чтобы не перетерлась и не порвалась.

— Чего, чего нужно сделать? — не понял дед.

Пришлось рисовать предохранитель, показывать на арбалете, где нужно его установить, и где тетиву обмотать проволокой. Дед посмотрел, посмотрел и выдал:

— Больно мудрено, летна боль. Ну да ладно! Иди завтра к Ваньке, пусть откует этот твой предохранитель, и проволоку возьми в кузне.

В благодарность подкинул деду идею блочного арбалета. Он проникся и надолго завис обдумывая. Потом спросил подозрительно:

— Это тоже у попа в книгах подсмотрел?

— Нет, сам придумал. Тетива длиннее получается и рваться меньше будет. — снова соврал я.

— Изменился ты Ляксей, как молонья тебя приголубила. Сильно изменился.

— Ну так учусь же. Книги читаю. Баба Ходора писать заставляет про травы.

— Ишь ты как завернул. Спрошу Савватеевну, чему ты там учишься. И это ... суббота сегодня. Натаскайте с Архипкой воды в баню. Дрова возьмите и протопите каменку. Как протопится, идите мыться. А то извозюкались как поросята.

Вот блин, выросли Ленька с Архипкой — баню топить поручили. Радости полные штаны! Да уж! Нелегка пейзажная жизнь. Работать приходится все больше и больше. Поневоле задумаешься о том «Кто виноват?» и «Что делать?». А тут еще зима впереди и грядет заготовка дров. Чувствую — попилить нам с Архипкой придется не по-детски. Нет надо, надо денег, где то срубить и валить в город.

На следующий день к Щербаченкам я не пошел. Воскресенье же. Небось бражку пьют Кузьма да Иван, а может и не пьют, а опохмеляются, кто их знает. Дед то вон довольно редко прикладывается к лагунку (лагунком аборигены называют небольшой бочонок, в котором заводят бражку). У деда он стоит под кроватью, причем не торчком, а на боку на специальных брусочках, квадратным отверстием вверх. По субботам после бани дед накатывает стаканчик — другой, но без фанатизма. Может и сыновей в трезвости воспитал. Но проверять не буду. К Бабе Ходоре пойду.

Топаю не спеша, обдумываю устройство лесопилки. Доски нужны. Сортир к зиме построить хочу. Сортиров ни у кого нет. В пригонах да за сараями нужду справляют.

В принципе ничего сложного в пилораме нет, главное решить с силовой установкой. Чем пилы двигать? Лучше всего паровую машину приспособить. Да где ее взять? А может построить большое беличье колесо; мальчишек туда, пусть бегут и крутят колесо. Нет,

мальчишки не подходят, легкие они, сил маловато. Деда с сыновьями в колесо загнать? Представив бегущего в колесе деда, развеселился. В голове захихикал Ленька, который в последнее время все больше и больше тихарится где то внутри, а когда вылезает, рассуждает уже вполне по взрослому, да речь становится все грамотнее. Как ни как тринадцать лет уже исполнилось недавно.

Я же за собой стал замечать черты характера ранее не свойственные мне. Чувствую, что решительней стал, злее, и как бы поистончилась свойственная мне интеллигентность. Ну, к примеру, если раньше я никогда бы первым не двинул в морду какому ни будь уроду, то теперь даже и не засомневаюсь.

Да вот кстати и они — уроды. Ну то есть урод-то один — Косой и трое с ним помладше, и явно по мою душу. Хреновато! Похоже огребусь я сейчас трюндалями. Кабай еще, куда то свинтил, сучку что ли течную учуял. Вот блин ходок! Был бы пес рядом не решились бы мне морду бить. Кабай песик серьезный может и откусить, что нибудь болтающееся. Хотя может быть отбрешусь.

— Ну чё Немтырь? Вот и встретились. Щас пожалеешь, что молонья тебя не убила. — С гаденькой ухмылкой Сенька не спеша подходил ко мне.

Нет, не отбрешусь, Косой настроен решительно и похоже бить меня будут больно. Я отступил на пару шагов назад, оглянулся и понял — не убежать. Придется прорываться:

— Косой да ты никак боишься один на один со мной встретаться. Целую артель вон собрал. Трусишь падла! — и в подтверждение сказанного плюнул ему под ноги. Я нарывался специально, думал, разозлится Косой, кинется на меня, а я постараюсь увернуться и может быть даже повезет свалить его на землю, и пока остальная троица наверняка некоторое время будет пребывать в растерянности, сделать ноги. И у меня почти получилось.

От моей наглости у Косого сорвало крышу и он, зарывав, широко размахнулся, желая размазать нахала одним мощным ударом. Так бы оно и случилось, но я уклонился и кулак просвистел над ухом. Я же основанием ладони снизу вверх двинул ему по носу. И собрался проскочить мимо схватившегося за нос Косого. Но тот оказался крепче, чем я ожидал. Оттолкнув меня, он закричал:

— Чего стоите? Бейте его.

И меня начали бить. Сначала я держался, крутясь как ужаленный, даже заехал пару раз кому то по уху. Но быстро оказался на земле. Тут врагам моим надо было угомонится и соблюсти пацанское правило: «лежачего не бить». Но видно мое сопротивление разозлило их и меня стали пинать.

Выручало еще то, что троица была босой и попинать хорошенько у них не получалось. Слава богу нет здесь «канибадамских мастеров, что на носок сапога железные подковки приколачивают», вспомнил я любимую книжку моего детства. * *(Соловьев. «Похождения Ходжи Нассредина»). Обутый в сапоги Косой не сразу оправился от удара по носу. Но когда проморгался, то тоже принял горячее участие в деле воспитания наглого шкета. Он настойчиво пытался заехать сапогом мне по носу. Я же, приняв позу зародыша, как мог, закрывался руками, чувствуя, что надолго меня не хватит.

Спас Кабай. Он вылетел откуда то из переулка и всеми своими сорока с лишним килограммами обрушился на Косого. Тот упав на бок быстренько повернулся на живот, спасая свое горло от разъяренного пса.

— Фу! Кабай нельзя! — прохрипел я, встав на колени.

Кабай недовольно рыкнул и клацнул зубами в непосредственной близости от уха

перепуганного Сеньки. Пацаны замерли на секунду, а потом потихоньку стали пятиться. Пес придавив передними лапами сомлевшего Косого, ощерил пасть показывая здоровенные белые клыки, издал, не передаваемо звериный рык, от которого даже у меня по спине побежали мурашки. Самый тощий из троицы, взвизгнув испуганно, бросился, сломя голову, прочь. Двое других тоже не задержались и резво кинулись догонять приятеля.

Кабай проводил их взглядом, потом, смешно дергая носом, обнюхал, уткнувшегося в землю, Косого, неожиданно поднял ногу и, по собачьи деловито, оросил лежащего. После чего вполне осмысленно посмотрел на меня, как бы говоря «Кого ждем? Пошли уже».

Я, опираясь на холку пса, поднялся на ноги. Было большое желание немного попинать урода, но, поразмыслив, решил, что уподобляться быдлу мне запахло, пес его уже достаточно унизил, пометив как столбик. Пошевелив ногой распластавшуюся тушку, прошипел разбитыми губами:

— В следующий раз останавливать пса не буду. Пусть тебе, падла, хозяйство отгрызет, чтобы таких же козлов не наплодил.

Не знаю, услышал Косой или нет — это не имело уже никакого значения. Меня ощутимо потряхивало из-за адреналинового отката. Поэтому, проковыляв вдоль улицы метров двести, я уселся на бревнышко, лежащее возле одного из домов, отдышаться и подумать над неожиданно нарисовавшейся проблемой.

Не оставит в покое Косой. Подловит меня, когда я буду без собаки. Да и Архипке тоже надо опасаться. И ему при случае несдобровать. Вдвоем с Архипкой мы конечно от одного Косого отобьемся, но и жилетоносец Фролка с присными, тоже имеет к нам какие то претензии. Не даром на пляже, пацаны, едва завидев приближающихся мажоров, поспешили одеться и готовы были немедленно удрать.

Вывод один — надо заняться укреплением хилого тельца, ну и свою бандгруппу создавать. Озадачить Архипку подбором кадров. Наверняка среди деревенских пацанов найдутся обиженные Косым или мажорами. Собрать три — четыре организма, замотивировать, поучить драться не как попало в одиночку, а организованно в группе, помогая и прикрывая друг друга, да и отлупить пару раз того же Косого с компанией; вот и отстанут мажористые, получив отпор от новоявленной деревенской ОПГ. Да наверняка и в будущем пацаны пригодятся.

Только вот тренировать нас кто будет? А ...? Где вы — монахи Шаолинского монастыря, или японские сэнсеи помогающие нормальному попаденцу научиться мордовать своих врагов? Ау! Не наблюдается таковых ни в селе ни в окрестностях. Не дошли! Потерялись наверное по дороге. Придется самим чего то изобретать. А ведь видел в интернете книжку Харламбиева про самбо. Нет, чтоб скачать да изучить, но не скачал, не изучил, лишь мельком посмотрел иллюстрации, да и забыл.

А собственно, что я так парюсь. Мои нынешние враги — это всего лишь дети. Ну тогда я кто? Вот блин! Ну не ощущаю я себя семидесятилетним стариком, совсем не ощущаю. Но и пацаном малолетним тоже не явлюсь. И сегодняшняя трепка меня не сильно напрягла в моральном плане.

Помнится в детстве и ранней юности, попадая в похожие ситуации, я сильно страдал и вовсе не от побоев, страдал от собственного бессилия и унижения, от уязвленного самолюбия страдал. Даже делал попытки заняться боксом, но боксерской секции вблизи не было, а в спортзале «Динамо» меня не приняли из за плохого зрения.

В этой же ипостаси никаких проблем со зрением нет. Зрение как минимум сто

процентов. Не испортил его Ленька пока чтением. Будем надеяться, и не испортит.

Интересно его самолюбие как то страдает от того, что этому тельцу изрядно досталось? «Чего страдать? Это тебя били, а не меня». Ишь ты, прорезался. Морда то у обоих болеть будет. «А...! Ерунда! Пройдет. К Бабе Ходоре иди, пусть полечит». И снова спрятался, тихушник.

Я встал с бревнышка, потрогал языком зубы; вроде целы. Голова гудела, но не тошнило, значит, сотрясения нет. Левый глаз заплывать начал. Похоже Косой пробил раза два сапогом по морде. Вот гад! Хотя вспоминаю, что голова уже больше недели побаливает и жрать постоянно хочется. Это что же получается? Или я расту ускоренно, или мозг усиленно выращивает новые связи между нейронами, чтобы было где разместить информацию. Ведь я ее до хренища затащил в Ленькину башку. Скорее всего, и мозг ускоренно развивается, и тельце растет. А как иначе? Мозги питать надо. А в хилом тельце и мозги расти не будут.

Под это дело вспомнились, виденные в интернете, лекции некоего профессора Савельева, который с видом человека обладающего истиной в последней инстанции, вальяжно рассуждал о мозге. Немного забавляла меня эта манера, но рассказывал он о вещах мне не известных, языком простым, не злоупотребляя специальными терминами. Говорил о том, что мозг состоит из нескольких десятков систем, которые варьируются многообразно. Это многообразие и порождает индивидуальные особенности и таланты каждого человека.

Социальные потрясения и революции восемнадцатого, девятнадцатого и начала двадцатого веков объяснял тем, что промышленно-техническое развитие потребовало людей с определенной организацией мозга. Требовалось таких людей все больше и больше и, в конце концов, осознав свою силу, они стали добиваться своей доли пирогов и пышек.

А ничего так теория — простенько и со вкусом. Если продолжить ее на век двадцать первый, где грянет информационная революция и востребованы будут люди эту информацию создающие, хранящие, обрабатывающие и впаривающие массам, в виде простеньких идей. Представив себе царство грядущего хакера, немного развеселился.

Хотя есть в этих рассуждениях некая сермяжная правда. Недаром в двухтысячных годах прямо косяком пошли, поучающие народ по ящику, носители самой примитивной информации: артисты, певцы и другие представители свободных профессий. Особенно умилительно высказывались некоторые певички. У них у всех из-за пятой графы в анкете, в Советском союзе возникали невероятные трудности. Дома у них не было ни рояля ни еды, в школе их травили сверстники и учителя, в институты их не принимали, нести культуру в массы не давала условная антисемитка Фурцева. Одним словом мрак кромешный. Еле дождались, сердешные, свободы и демократии.

А вот я, наверное, жил в совсем другом Советском Союзе. Ну не помню, чтобы в детстве и юности кто-то из нас интересовался национальностью сверстников. Были в приятелях и евреи, и казахи, и немцы, и даже один армянин, и никто не заморачивался пятой графой.

Я же до сих пор с большим уважением вспоминаю своего первого начальника — мастера фрезерного участка инструментального цеха завода «Трансмаш», щуплого пожилого еврея, Гродзинского Наума Абрамовича. А зауважал я его, когда он, увидев мои довольно неуклюжие попытки отфрезеровать кривую поверхность по разметке, сам встал за станок и в течении нескольких минут обработал деталь настолько точно и чисто, что мне осталось только вздохнуть и тихо позавидовать. Увы, такого профессионализма я за свою, правда не слишком длинную карьеру в качестве фрезеровщика-универсала, так и не добился.

Что то развспоминался я, расфилософствовался. Мозги Косой мне, похоже, стряхнул.

Ишь вон, какую теорию соорудил. Проще, проще надо быть, тогда и люди будут добрее, ну и морда соответственно, целее.

Баба Ходора, увидев мою покоцанную физиономию, спросила:

— Это кто ж тебя, милоч, так разукрасил.

Ответил цитатой из киноклассики:

— Поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся — гипс.

Баба Ходора классику, конечно, не знала, но гипсом заинтересовалась:

— Гипс? Какой такой гипс?

Вот блин! Опять прокололся. Ведь не отстанет. Придется рассказывать:

— А разве ты не знаешь? Пирогов, ну это доктор знаменитый, вроде еще лет тридцать назад гипс применял при переломах костей. А гипс это материал такой. Размочишь его в воде, а потом он высохнет и затвердеет как камень. Пирогов размельченным гипсом марлевые бинты натирал, потом замачивал в воде и в мокром виде на сломанную руку или ногу наматывал. Гипс затвердевал и не давал сломанным костям шевелиться. Подробнее лучше у студента расспросить. Там свои тонкости есть и их нужно соблюдать иначе плохо будет.

— И откуда ж ты так много знаешь всего?

— Про Пирогова читал, а гипсовую повязку сам таскал больше месяца в детстве. Руку сломал ну доктор повязку и наложил. А когда кости срослись, повязку срезали.

Расспрашивая, Баба Ходора достала из сундука кошелек и, покопавшись в нем, извлекла, приличных размеров медную монету:

— Приложи пятак к глазу и держи, синяк поменьше будет, а то вон как наливаются.

Я приложил монету к заплывшему глазу и, действительно, стало как будто легче. Баба Ходора, между тем, мазала мои ссадины и царапины, пахивающей дегтем и болотом, мазью и что-то бормотала тихим шепотом. Заговаривала однако.

Хотел приколоться насчет мази Вишневого, но вовремя прикусил язык. Двинутая на медицинской теме, женщина не отпустила бы меня живого, пока б не выпытала все об этой «чудодейственной» мази. Вот блин! Осторожнее надо языком трепать, а то и Бабе Ходоре придется отрачивать новые синапсы или что там еще. Информации я ей не хило вывалил, пусть осмысливает ее постепенно.

Закончив лекарские процедуры, она спросила:

— Ты чего пришел то?

— Хотел с тобой позаниматься гипнозом, да придется отложить на время. Сильно мне гады по мозгам настучали. Не до гипноза мне сегодня. Домой пойду, отлежусь маленько.

Дома застал Архипку, который под руководством деда собирал второй арбалет. Увидев мою разукрашенную физиономию дед насмешливо похмыкал, а Архипка кинулся было с расспросами, но я его остановил:

— Потом расскажу. Давай доделывай самострел. Завтра попробуем глухаря подстрелить. А я пойду прилягу. Баба Ходора сказала, чтоб полежал немного.

С авторитетным мнением Бабы Ходоры спорить никто не стал, и я отправился на лавку отлеживаться. Хотелось заодно обдумать свое дальнейшее житье-бытье. Но строить планы не получилось — уснул.

Проснулся утром следующего дня. Не хило так поспал — часов шестнадцать не меньше. Просканировал тушку. На удивление ничего не болело, синяки имелись, но вид их был такой как будто им уже неделя. Однако! Сильна Баба Ходора! Или это у меня такая сильная

регенерация? Ну как бы то ни было мне это только в плюс. Спустя некоторое время я, свистнув Кабаю, топал к кузнецам на Мшанку.

Ивана в хате не застал. Его жена, еще довольно молодая и по деревенским меркам красивая баба, хлопотала у печи, а по полу шустро ползал крепенький карапуз. На спине у него восседал белый пушистый котяра и руководил движением. Он лапой хлопал пацана по щеке и тот, заливаясь счастливым смехом, поворачивал в эту сторону. Кот другой лапой хлопал по другой щеке и пацан поворачивал в другую сторону. Заметив мое удивление, женщина с улыбкой сказала:

— Дениска с Васькой еще не то вытворяют. А ты зачем пришел то?

— Тятя велел кое-что отковать.

— Так в кузню иди, там Иван с Кузьмой коней куют. Хотя погоди. На вот пирогов поешь, да и им отнесешь горяченьких пусть перекусят.

Пироги были вкуснейшими, особенно если их есть со сметаной. Варвара, так звали жену Ивана, с удовольствием смотрела, как я наворачиваю ее стряпню. Когда наелся, Варвара подала приготовленный узелок с пирогами:

— На вот. Мастерам отнеси — пусть покушают.

Возле кузницы процесс ковки лошадей был в самом разгаре. Коня заводили в специальный станок, коротко привязывали, Иван брал лошадиную, ногу сгибал ее в коленке и укладывал ее на специальный чурбачок, пристегивал к чурбачку ремнем. Потом обрабатывал копыто специальным скребком, прикладывал подкову и прибивал хитрыми плоскими гвоздями, острия которых вылезали наружу сбоку копыта и потом загибались. Коняга стоически переносил экзекуцию, лишь изредка взмахивал хвостом, отгоняя насекомых.

Но вот последняя лошадь докована, деньги получены и мастера сели отдохнуть на бревно, лежащее у стены. Тут и я подкатил с узелком:

— Варька твоя опять пирогов напекла. — сказал Кузьма развязывая узелок. — Знатные пироги у нее получаются.

Иван довольно хмыкнул, молча, сгреб пирожок и стал неторопливо жевать. Было видно что Варьку свою он любит и немного гордится умением жены.

— Чего то маловато сегодня пирогов она прислала. — Сказал Кузьма с удовольствием поглощая стряпню.

— Да поди Ленька дорогой слопал. — Усмехнулся Иван.

— Ленька? Этот может.

— Да не ел я ваших пирогов. Тетя Варя меня дома накормила со сметаной. А у вас я всего один взял вот для него. — Сказал я указывая на пса, который сидел молча в сторонке, старательно делая вид, что пироги его совершенно не интересуют. Кузьма засмеялся и, оторвав от очередного пирога половину, бросил Кабаю. Тот покосился на меня, как бы спрашивая разрешения и, дождавшись моего кивка, быстро расправился с угощением.

— А кто ж тебе рожу то так разрисовал? — любопытствовал Кузьма. — Ишь фонарь какой под глазом хоть на крюк вешай.

— А ерунда. — Отмахнулся я. — Сенька Косой с друзьями меня подловили. Больше бы навалили, да Кабай Сеньку свалил и чуть не погрыз.

— Молодец какой. — Сказал Иван и бросил псу свою половинку пирога, вытер руки об кожаный фартук и позвал: — Митька подь сюда.

Из дверей кузницы показался хмурый подросток с измазанным сажей лицом. Был он

постарше Леньки, почти на голову выше и в плечах гораздо шире и чем то неуловимым походил на деда Софрона.

— Чего батя?

— Пирог поешь, мать с Ленькой передала.

Митька взял пирог и тут же отломил половину псу. Иван, показывая на меня, сказал:

— Вишь как Косой с дружками Леньку отделали.

Тот, глянув в мою сторону, ухмыльнулся и вопросительно посмотрел на отца.

— Объясни Косому с друзьями, что Щербаков трогать нельзя.

— Как объяснить то? Отлупить что ли?

— Ну, если слов не поймет, то и отлупи.

— Ладно, и объясню и отлуплю, что б лучше понял.

И ведь правда отлупит. За ним не заржавеет. Вон кулаки какие. Пожалуй, не всякий взрослый мужик с этим подростком справится.

— Не надо Косого лупить. Сам с ним разберусь. Я не за этим пришел.

— Ну как знаешь. Чего хотел то?

— Надо две таких штуки отковать.

Я не рискнул делать чертеж, а выстругал из дерева макет детальки. Иван повертел в руках деревяшку и спросил:

— Что за хрень такая?

— Деталь для самострела. Тятя сказал, что вы откуете.

— Ну, раз «тятя» сказал, то откуем. Митька на деревяшку. Сможешь отковать?

— Чего не смочь. Излажу. Пошли, поможешь. — Кивнул он мне.

В кузне Митька пошарился в железном хламе, выудил оттуда железку, повертел в руках и засунул в горн.

— Качай меха. — Сказал он мне.

Что такое меха я знал, видел в детстве у отца в кузнице и, похоже, здешние по конструкции мало чем отличались. Схватив ремennую петлю, я потянул ее вниз. Перекинутая через небольшой блок, веревка поднимала верхнюю часть мехов и воздух засасывался, затем под тяжестью груза верх мехов опускался и очередная порция воздуха поступала в горн. Правильную перекачку воздуха видимо обеспечивала пара клапанов. Конструкция их мне была не известна, но наверняка что ни будь предельно простенькое, как почти все механизмы, которые я видел в этой деревне.

Качать меха было тяжело. Митька насмешливо смотрел на меня. Потом молча, отобрал кожаную ручку и начал качать в приличном темпе. Видно было, что процедура ему привычна и работать в таком ритме он может долго. Однако через минуту он бросил нагнетать воздух и, поворошив кочергой в горне, обратился ко мне:

— Что за самострелы такие вы делаете?

Я посмотрел на парня и решил, что его надо обязательно привлекать в свою банду. Не сейчас, а попозже. Сейчас Митька относится к Леньке снисходительно и ничего слушать не будет. Надо его заинтересовать.

— Самострелы обыкновенные. Приходи к нам сам увидишь.

— Ладно, зайду.

Митька оказался вполне приличным учеником кузнеца. Он за полчаса отковал мне два предохранителя и показал проволоку, которая у них была. Мда! Что-то я постоянно туплю. Я представлял себе тоненькую проволочку и скорее всего медную, а тут кусок стальной

проводами толщиной не менее полутора миллиметров. Вряд ли получится намотать ее на тетиву. Ну на нет и суда нет, обойдемся и без проволоки.

Глухаря мы с Архипкой не подстрелили, не дался нам глухарь. Рябчиков — этих да, постреляли. Митька не утерпел, примчался в тот же день. С ним и ходили добывать глухаря. Арбалет его впечатлил. Я сказал, что дед тоже хочет себе такой же сделать. Митька покивал и задумался. Похоже, появятся еще два арбалета и

митькин арбалет будет не намного слабее дедовского; уж больно здоров хлопец для своих лет.

Попытался соблазнить деда и братьев Кузьму да Ивана соорудить лесопилку, но получил отлуп. Не пожелали кузнецы менять устоявшуюся жизнь на хлопоты и маяту изготовления вундервафли. Дед трезво смотрел на жизнь и сразу же нашел слабое место проекта.

— Доски кому продавать будешь? Летна боль! В селе они не слишком то нужны, а возить их куда, себе дороже. А чтобы лесопилка работала надо Мшанку перегородить да колесо поставить. Это ж сколько работы то.

Пришлось признать, что дед полностью прав. Кроме того я подозревал, что изготовить сей, на первый взгляд, простой механизм будет совсем не просто. Наверняка вылезет куча не учтенных трудностей; замучаешься их преодолевать. И значит надо построить совсем небольшую лесопилку. Можно сказать детскую. Тем более, что Митька заинтересовался. А Митька это серьезно и если дед поможет, а он поможет, никуда не денется, то малую лесопилку сделать вполне реально.

Никудышный из меня прогрессор получился. Две недели Митька я и Архипка вкалывали не разгибаясь, пытаюсь изладить маленькую лесопилку. И пока дед с сыновьями не подключились ничего у нас не выходило. Но даже после того как девайс был изготовлен нормально пилить даже тонкие бревнышки он отказывался. И если бы не дед с Митькой ничего бы у меня не вышло, бросил бы я эту затею. Митька же с дедом терпеливо вникали в проблему и находили способ ее решения. В конце концов малая лесопилка заработала.

И вот Архипка и я сидели за неким подобием велосипедов и с помощью педалей раскручивали довольно тяжелый маховик. На одной оси с маховиком был закреплен малого диаметра шкивок, соединенный, широким кожным ремнем, со шкивом большого диаметра. Маховик раскрутился и дед опустил прижимной ролик и рама с четырьмя пилами пришла в движение. Митька стал подавать закрепленное на специальной тележке бревнышко и посыпались опилки. Минут через двадцать мы имели три двухметровые доски и два горбыля.

— Ишь ты! Ловко то как, летна боль. — Сказал дед, беря в руки свежеспиленую доску.

— Что? Запалились? — Усмехнулся он, глядя на запыхавшихся пацанов. — Нут-ка Кузька смените мальцов.

Кузьма махнул рукой Митьке и они, взгромоздившись на наши места, даванули так, что не слишком хорошо отбалансированный маховик затрясся как в лихорадке.

— Легче, легче идола! — Закричал Иван. — Развалите механизму.

Бугаи сбавили темп и распластали второе бревнышко минут за десять. Дед не выдержал и, согнав их с «велосипедов», сел сам и следующее бревнышко распилит, не напрягаясь, минут за пятнадцать. Когда за педали полез Иван, пришлось остановить его, чтобы осмотреть «мехизму». Все таки опорные подшипники были деревянными и смазывались дегтем. На удивление с подшипниками все было нормально, а вот пилы нагрелись.

— Не надо так быстро крутить, а то пилы перегреются и их поведет. Ну и подшипники с

рамой нужно смазывать почаще.

На том и порешили. Иван не торопясь распилил еще три бревнышка и заготовки закончились.

Глава пятая

Как известно, нормальный попаденец должен: построить лесопилку, ввести промежуточный патрон, под автомат Калашникова, озадачить конструкторов командирской башенкой для Т-34, ну и Сталину советов надавать. Ну что ж лесопилку, можно сказать, я построил. А вот с промежуточным патроном и командирской башенкой пролетел. Советов товарищу Сталину пожалуй надавать смогу и даже товарищ Сталин мои советы и воспримет. Надо только в Грузию смотаться, найти там восмилетнего пацана — Сосо Джугашвили, ну и что ни будь ему посоветовать.

Осталась правда еще одна совсем небольшая задача — Россию в очередной раз спасти. Ну так какие наши годы, успеем еще. Вот только шнурки разглядим да и кинемся спасать. А пока нам некогда даже шнурки гладить — мы с Архипкой пилим. Дед привез два воза бревен и мы пилим дрова. Надо сказать, на редкость нудное занятие. Нам с Ленькой еще ничего, мы время от времени меняемся, а вот Архипка один мается.

Напилив десятка два чурок, мы их колем на поленья. Колоть мне нравится. Топор, несколько тяжеловат для меня, но тем приятнее с одного удара развалить чурку пополам. Правда с особо толстыми сучковатыми чурбаками так не получается, но для них у нас есть колун, этакий тяжелый клин на длинной ручке. С размаху загоняем его в чурбак, а потом молотим тяжеленькой чуркой с длинным сучком в качестве ручки по обуху до победы. Одним словом совмещаем приятное с полезным — дрова заготавливаем и мускулы наращиваем. А еще по вечерам мы играем в футбол. Я не знаю как в остальном мире ситуация с футболом, но у мальчишек сибирского села Сосновка он в почете.

Нормального мяча у нас не было. Я сшил его из тонкой кожи и набил соломой. Мяч получился так себе; его приходилось набивать перед каждой игрой, но другого у нас нет и в ближайшем будущем не будет, а для деревенских мальчишек и этот вполне годился. Пинать босыми ногами по такому мячу удовольствие ниже среднего, но пацаны нашли выход. Обулись кто во что горазд, приноровились и гоняли его с азартом настоящих футболистов. В ходе игры возникало много спорных вопросов, иной раз доводящих спорщиков до драки. Догадываетесь с трех раз, к кому обращались они, в конце концов для их разрешения? Конечно же к Леньке Немтырю, который лучше всех знал правила игры.

Так, довольно быстро, я из малоуважаемого изгоя Леньки Немтыря стал вполне заметной фигурой среди деревенских пацанов. Когда же количество игроков стало вполне достаточным, то однажды разводя очередных спорщиков, предложил ввести должность футбольного судьи. Для подростков это было что то новое и они охотно согласились. Следующую игру я уже бегал с самодельным свистком с сухой горошиной внутри, и время от времени издавал пронзительные трели, приучая пацанов к нормальному судейству. Далеко не сразу удалось заставить мальчишек останавливать игру после свистка, но постепенно справился и с этим.

Поскольку, со временем сложились две команды с более — менее устоявшимися составами, предложил выбрать капитанов команд. Разумеется, капитаном сосновских футболистов стал мой лучший друг Архипка. Мшанские же выбрали Платошку Нечунаева, крепкого тринадцатилетнего подростка с задатками настоящего игрока. Платошка быстро бегал, отлично держал мяч, не старался сам забивать голы, а при необходимости пасовал, чем выгодно отличался от большинства игроков обеих команд. Не удивительно, что команда

Платошки чаще всего выигрывала.

Вот и сегодня после очередного проигрыша Архипка наехал на меня:

— Ты зачем нам штрафной назначил? Да еще девятишаговый. Вот Платошка и забил гол.

— Ну штрафной я назначил правильно. Петька схватил Платошку руками когда тот хотел пробить по воротам. Так что все по честному.

Архипка насупился. Понятно ему хотелось, чтоб я подсуживал своим.

— Ладно не дуйся! Научу тебя как обыграть мшанских. Вот смотри как вы играете. — Нарисовал палкой на земле эскизик нашего футбольного поля. А надо сказать, что футбольное поле у нас было почти настоящее, только размером чуть больше хоккейной коробки. Три вечера было потрачено на разглаживание и разметку. Выкопали по периметру небольшую канавку и засыпали ее желтым песочком, таким же образом провели среднюю линию. Заморачиваться с разметкой всяких штрафных площадок не стал; во первых, не являясь ни болельщиком ни футболистом, об игре имел самые общие представления; во вторых в детстве мы играли без всяких разметок и ничего азарта и удовольствия от игры было вполне достаточно. Ворота, правда, сделали: вкопали четыре столбика а сверху привязали перекладины. При этом деревенские мальчишки поразили меня тем, что уяснив что нужно изготовить, сделали все бес подсказок и вполне основательно. Конечно, ворота получились кривоватые и немного разные, но это уже не имело никакого значения.

На эскизике я палочками обозначил футболистов и пояснил:

— Вы бегаеете толпой за мячом, а поскольку Платошка играет лучше любого из вас, да и бегаеет быстрее, то отобрав мяч, он вырывается вперед, и вы его всей толпой догнаеет не можете, а уж забить гол Матоне, когда никто не мешаеет для него плевое дело. — Свои слова, подражая геройскому комдиву, я иллюстрировал, двигая палочки по нарисованному полю. Архипка, разглядывая мои построения, спросил:

— И че тепеерь делаеет?

— А делаеет надо вот что. Ты играееш в общем не хуже Платошки, тебе и надо быеет центральным нападающим. — Я положил одну палочку по центру, по краям еще две палочки. Ближе к воротам и к центру еще две, и возле самых ворот еще две. В ворота торчком поставил еще одну палочку:

— Вот смотри: это — я указал на палочку в воротах — Матоня — вратарь. А эти двое защитники — они всегда находяеется ближе всех от своих ворот, за среднюю линию не бегаеет и мешаеет прорвавшимся противникам забить гол. Вот это — полузащитники они при необходимости помогаеет защитникам, когда атакуеет ваши ворота или помогаеет нападающим, когда атакуеет вы. Эти трое — нападающие. Ты получаееш мяч и ведееш его к воротам. Мшанские толпой нападаеет на тебя. Ты не дожидаяеется, когда мяч у тебя отберут, пасуееш его, скажем, Антохе на левый край, а сам бежиеш сюда. Антоха, когда Платошка, со своими, побежит к нему передаеет мяч тебе, ты ведееш мяч вперед и в свою очередь пасуееш его Кольке на правый край. Так пасуя мяч друг другу вы добегаеет до ворот и забиваеет гол. Вы даже не вспотеете, а мшанские языки повысовываеет бегаеет от Антохи до Кольки. Полузащитники вас страхуеет, подхваеетывая мяч, если у вас его отобьют. — Все свои рассуждения я иллюстрировал, двигая своих футболистов по полю.

— Здорово! — восхитился впечатленный Архипка, но поразмыслив сказаал:

— Не! Не получиеся.

— Да почему не получиеся?

— Пацаны не согласятся. Каждому хочется самому забивать голы, а тут двое вообще за среднюю линию не заходят.

Под этим углом я проблему не рассматривал. Блин! Вот так и рушатся грандиозные планы, не учитывающие интересы исполнителей. А что нужно пацанам от игры? Победить? Не без этого конечно. Но в данном случае девиз: «Главное не победа, а участие» это как раз про них, про сосновских пацанов. Они явно за всякую движуху, которая позволит им отвлечься от скучной и суровой деревенской действительности, побегать и поорать в охотку.

— Ну и какие проблемы? Меняйтесь друг с другом. Можно даже в ходе игры. Договоритесь только заранее.

— Ага! — ожил Архипка. — Так согласятся.

— Только вы потренируйтесь завтра и послезавтра, а потом в субботу вызовите мшанских поиграть.

В субботу сенсации в виде разгромного счета не случилось, но команда Архипки выиграла и выиграла довольно уверенно. Что меня удивило так это возросшее количество зрителей, которые вели себя почти как настоящие болельщики: то есть орали, свистели, размахивали руками, были недовольны судьей, но пока «Судью на мыло» не вопили, не доросли еще. Если так и дальше пойдет, то из судей надо сваливать. А то подтянутся более взрослые болельщики и будет мне кисло. «А ты Митьку научи судить, пусть его попробуют отлупить» — прорезался в голове Ленькин голос. Точно! Надо Митьке предложить судействовать — тогда количеств желающих разобраться с судьей резко уменьшится, а то и вовсе сойдет на нет. Одно дело дать пинка хлипковатому Немтырю и совсем другое дело налететь на уменьшенную копию деда Щербака, который ежедневно машет не легонькой кувалдой, помогая дядьке и отцу в кузне. «Дельное предложение» — мысленно проговариваю — «А ты что в последнее время тихаришься то». «Учусь».

А ведь и правда учится. Это он подсказал, как измерять время игры. Пока я мучился, пытаюсь сгондобить некое подобие солнечных часов, Ленька, заметив, как льется вода из разошедшейся бочки, предложил проколупать в одном из поливочных ведер маленькую дырочку и посмотреть, как быстро будет выливаться вода. Так и сделали. Получили оригинальные водяные часы, воды в которых хватало минут на двадцать. Следить за ними поручили младшему брату Платошки, восьмилетнему Фильке, который отнесся к делу со всей серьезностью. Получив в руки второй свисток, он звонко подавал команду на начало игры и вынимал затычку, приводя в действие свой хронометр. Если по какой либо причине я игру останавливал, то Филька, вставив затычку на место, останавливал часы. А конец первого тайма или конец игры он отмечал длинной чуть ли не минутной трелью. Так, что судейство у нас было почти на мировом уровне.

Митька судействовать согласился. Я объяснил ему правила игры и даже дал памятку, где на нарисованном футбольном поле карандашом отметил все моменты остановки игры, и особенно те нарушения, за которые назначался девятишаговый штрафной. Девять шагов я выбрал, прежде всего, из-за мяча. Согласитесь, что мяч набитый соломой это не совсем то, что нужно для игры в футбол. Кроме того, двенадцати или тринадцатилетние ребяташки далеко не звезды бразильского футбола, да поле у нас чуть ли не вдвое меньше стандартного.

Митька, на следующей игре побегав со мной первый тайм, во втором тайме уже во всю свистел и даже правильно назначил девятишаговый в ворота Платошкиной команды за игру рукой возле своих ворот. И что характерно, никто не возмутился, и спорить с судьей не стал.

Я же, передав дальнейшее развитие деревенского футбола в надежные руки

молотобойца Митьки, взялся за строительство спортивного городка. Под это дело выпросил у деда часть огорода, вкопали с Архипкой два столба под турник. Из старого мешка и соломы сделали боксерскую грушу. Из досок, которые мы с Архипкой напилили, я соорудил уголок для метания ножей. На двух метровый глухой заборчик навесил несколько мишеней из кругов, нарезанных из бревен. Ножи, естественно, отковал Митька. Правда особой нужды в метании ножей не было, но мне с другом нравилось это занятие.

Теперь наше с Архипкой утро начинается с разминки, потом турник, подтягиваемся пока раз по десять, молотим грушу минуты две за один подход и минут десять-пятнадцать в общей сложности; грушу дубасим в рукавицах. С полчаса кидаем ножи. Пока не слишком успешно; втыкаются только три из пяти, но как говорится «терпение и труд все перетрут» и мы не теряем надежды. Потом несколько минут стреляем из арбалетов метров с двадцати. Вот здесь прогресс на лицо: все болты попадают в круг диаметром сантиметров пятнадцать. Потом снова турник с грушей, то есть пока один лупит грушу, другой болтается на турнике и наоборот. Завершаем все пробежкой до речки, ныряем в холодную уже воду и не спеша трусим домой. А днем пилим дрова и пилим доски. В таком режиме мы живем уже месяца полтора. Сначала было тяжело, но потом втянулись и даже пока не знаю чем эти упражнения заменить зимой, до которой осталось чуть меньше месяца.

Дров напилили и накололи много, на зиму хватит и нам, и тетке Степаниде. Две телеги наколотых дров дед отвез Бабе Ходоре. Так что мы с Архипкой поработали изрядно. Кстати и досок мы напилили достаточно, и даже заработали мешок овса. Его нам за доски подогнал односельчанин — Прохор Иволгин.

Жабин озаботился внезапно появившимися конкурентами и пришел к деду с предложением продать лесопилку. Дед над ним посмеялся и отослал ко мне, сказав, что лесопилка моя и пусть договаривается с Ленькой. Тот не стал чваниться и согласился торговаться со мной. Зря он это сделал. Я сходу запросил сто рублей, Жабин предложил десять. Я сказал, что на десять рублей досок напилим с Архипкой за три дня, и снизил цену до девяносто рублей. Жабин сказав, что мы с Архипкой и алтына за седмицу не заработаем, предложил двадцать. Я сорвал с головы фуражку бросил ее на пол со словами «Лучше разломаю механизму, но за такие смешные деньги не отдам» и снизил цену до семидесяти рублей. Наверно я выглядел забавно и Жабин, скрывая улыбку, сказал «Ломай» и предложил тридцать рублей. Я поднял фуражку и нахлобучил ее на голову со словами «Давай пятьдесят и забирай эту чертову лесопилку». Под откровенный смех деда, сторговались за сорок пять рублей. Жабин наконец засмеялся в открытую:

— Экий купец у тебя Софронушка растет. Чуть меня, за малым, по миру не пустил. Ладно, покажете моим лоботрясам как управляться с лесопилкой. Ну и ремонт в случае чего за вами.

— Хорошо — согласился я — Только пилы будем менять за отдельную плату.

— Ты посмотри на него! На ходу подметки рвет. Почему это пилы за плату?

— Все остальное мы сами сделали, а пилы покупные. Они могут долго служить, если их не перегревать и во время затачивать. Испортить их можно только неправильной эксплуатацией.

— Эксплу... Чего? — не понял Жабин.

Блин! Опять прокололся.

— Ну это, если начнете пилить очень быстро, бревна толстые пихать. Или гвоздь железный в бревне попадет, а вы его не заметите.

— Господь с тобой! Откуда ж в бревне гвоздь возьмется то?

— Откуда возьмется, я не знаю. Может забьет кто, вам в досаду. Мое дело предупредить, а вы уж сами смотрите.

— Тьфу на тебя, окаянный, не накаркай!

— Ты Федюня здесь не лайся. Малец дело говорит. И это, если лесопилку к себе перевозить будешь, то ставь ее в сарай какой ни будь, на улице не оставляй. — все еще не просмеявшись, сказал дед.

— Поучи еще меня, Софрон Тимофеич, как дело вести. Ишь как с внучонком своим на меня навалились. Не продохнуть.

— Ладно, ладно. Не кипятись. Поможем тебе с лесопилкой, и перевезти, и с ремонтом. — Похлопал его по плечу дед, и ко мне — А ты Ляксей вежество к старшим имей. Ишь разговорился! Задница по таволожке соскучилась?

— А я чо? Я ни чо. — Пошел я на попятную, потихоньку двигаясь к выходу.

— Вот — вот, Немтыря своего поучи. — Засмеялся Жабин.

А ведь я конкретно испугался, что дед возьмется с помощью прута поучить меня, как он выразился «вежеству». Слишком по детски как то; не мой это страх, хотя именно я испугался. Неужто Ленькина личность проявляется, но ведь его давно не слышно. «Ага, знаешь как больно таволожкой то. Один раз тятка меня так стеганул, что я даже через табурет перепрыгнул без разбега». Прорезался тихушник! Что же, получается: идет вращение Ленькиной личности в мою. А может наоборот? Да нет; слишком разные весовые категории. Семьдесят лет это не тринадцать. Ладно, еще не вечер, посмотрим, что к чему.

А полученные деньги я поделил. Пятнадцать рублей взял себе, десять рублей Архипке, десять — Митьке. По пять рублей — Ивану с Кузьмой. Митька с Архипкой обалдели от такой суммы. Архипка отдал деньги матери и заставил ее прослезиться. Митька же на эти деньги справил себе одежду не хуже чем у местных мажоров. Я по примеру Архипки отдал свою долю деду. Тот ухмыльнулся и уважительно спрятал их за божничку.

Глава шестая

В начале октября, на короткое время установилась теплая и сухая погода. Солнце снисходительно ласково взирало с хрустально голубого неба на прозрачный лес, на убранные поля, на обмелевшую речку с желтым песочком, ну и на меня с Архипкой, когда после тренировки, пробежки и купания в холоднющей воде, мы бежали трусцой в деревню. Простыть я не боялся. Помнил, как Ленка с подругами по воскресеньям ходили купаться на Чумыш до самых ноябрьских снегопадов и никто из них даже ни чихнул.

Хорошо было ощущать как тысячи иголочек пронзают разгоряченное пробежкой тело после холодной воды. Ну и самое главное, чувство свободы от осенних забот и дел. Дрова напилены и сложены в поленницу, картошка выкопана, просушена и спущена в погреб, морковка в погребе засыпана сухим песком. На огороде осталась только капуста. Ее срежут после первых заморозков, до которых еще не менее десятка дней. Своеобразные каникулы наступили у деревенской детворы.

Дома занялись изготовлением тупых болтов для арбалетов. Опытным путем мы выяснили, что со стрелами, где вместо острого наконечника, имеется этакая бульбочка, на рябчиков охотиться удобнее. Да их не так жалко когда потеряешь. Мы их вытачивали на токарном станке с ножным приводом, на котором дед делал деревянную посуду. В хвостовике стрелы, на специальном станочке, который мы с Митькой сварганили, делали пропил. В пропил вставляли небольшой кусочек гусяного пера, смазывали все рыбьем клеем и надевали на хвостовик маленький деревянный стаканчик, внутренний диаметр, которого был чуть меньше, диаметра хвостовика. Перо, потом обрезали ножницами по диаметру стаканчика. Не бог весть что, но нам вполне хватало.

Сделали чуть больше десятка болтов, когда прибежал Антоха Савельев, левый нападающий, и один из кандидатов в мое ОПГ. Он, похоже, бежал быстро и изрядно запыхался:

— Там это.... — он ловил ртом воздух и показывал пальцем на улицу.

— Что это?

— Бабу Ходору жечь идут.

— Кто идет? — на автомате спросил я, но уже понял в чем дело. Осень на дворе и похоже шизофрения рулит.

— Где они? Откуда идут?

— Идут со Мшанки. Я их не на много обогнал. Они быстро идут. Там Бараниха голосит страшно; корова у них сдохла, так она кричит, что ведьма корову извела и скоро весь скот на селе сгубит.

— А Баба Ходора здесь причем? — завис я. — А! Ну да....

Конечно же знахарка. Больше никто на должность ведьмы в селе не тянет. А Бараниха, неопрятная рыхлая баба, вздорная и, похоже, склонная к кликушеству, подзавела неуравновешенных женщин и направила их к дому Бабы Ходоры. По дороге к ним присоединялись другие любители зрелищ и попадали под воздействие возбужденной толпы. И черт знает, что может натворить эта возбужденная толпа. Я лихорадочно соображал, что делать?

— Так! Надо сказать деду и послать кого то к Щербаченкам. Антоха!

— Деда Щербака я по дороге встретил. Он пошел к дому Бабы Ходоры. А к

Щербаченкам побежал Платошка.

— Молодцы! Архипка бери тупые болты, заряжаем по полному магазину и идем на помощь деду. Антоха, ты без оружия, поэтому не вмешивайся.

— Ага! Щас! — Антоха на дворе подхватил какой то дрын и побежал за нами.

Мы успели во время. Дед стоял посредине дороги, а вначале улицы показалась гомонящая толпа человек в тридцать, в основном женщины. Мы с Архипкой встали в шагах четырех слева и справа от деда. Антошка, сжимая в руках дубину, встал позади. Дед молча глянул на меня.

— Стрелы тупые, никого не убьем, остановим только. — Он понимающе кивнул и сосредоточился на подступающей толпе.

Я посмотрел на него. Дед был эпичен. Высокий, широкоплечий, он спокойно стоял, засунув большие пальцы рук за пояс. Легкий ветерок шевелил его бороду и непокрытые волосы. Я вдруг подумал, что дед единственный из всей деревни не носил летом головного убора. Вот блин, какая ерунда лезет в голову в такой момент.

Между тем гомонящая толпа остановилась в шагах десяти от нас и смолкла. Дед, окинув всех тяжелым взглядом, спросил:

— И куда же торопитесь так, люди добрые?

«Добрые люди» опасливо молчали. И тогда над толпой раздался пронзительный женский взвизг. Толпа колыхнулась и выплеснула, какого то придурка, одетого, несмотря на сезон, в грязную меховую безрукавку, с длинным кнутом в руке. С некоторым опозданием я опознал в этом персонаже пастуха, малого не совсем нормального и до сего момента считавшегося безобидным. Единственным его талантом было виртуозное владение кнутом, бичом по местному. Вот этим то бичом он и зарядил по деду.

Увы, сегодня был явно не его день. Дед ловко поймал конец бича и дернул на себя. Придурок, привязавший рукоять любимого инструмента ремненной петлей к запястью, полетел под ноги деду и замер там. Дед наклонился, чтобы зачем то, снять с руки пострадавшего кнут. Тут из толпы, размахивая нунчакой переростком, ринулся юркий мужичонка. Сейчас я понимаю, что дед вряд ли дал бы ударить себя цепом, но тогда мы с Архипкой, не рассуждая, и практически одновременно, спустили курки. Я попал в район солнечного сплетения, Архипка залепил болтом мужичку в лоб. Тот выронил цеп и, сведя к переносице глазки, повалился на землю. Мы с Архипкой синхронно перезарядили арбалеты и навели их на притихшую толпу. Антоха, перехватив по удобнее дубину, решительно встал рядом со мной. Толпа колыхнулась, отступая на шаг. Неужели, нас испугались? Загордиться собственной крутостью не дал громкий как выстрел щелчок бича, взбившей пыль у ног, впереди стоящих, ведьмоборцев. Оказалось, что дед владеет кнутом не хуже придурка, который потихоньку стал отползать в сторону. Еще один щелчок бича, заставивший толпу отшатнуться, дед сопроводил презрительными словами:

— Вы что же, убогие удумали то, летна боль? Единственную лекарку извести собрались? А она вас, уродов, лечит. Ваших ребятишек от лихоманки в прошлом году сберегла. — Щелчок бича и решительный шаг вперед.

— Ты, толстомяся, еще по весне к ней бегала, лечилась от чего то. А сегодня орешь, что она корову твою извела. — Дед рукоятью указал на открывшую было рот Бараниху. Та, испугавшись, что следующий удар придется по ее толстому заду, попыталась протиснуться во вторые ряды, но ее вытолкнули. Дед резко взмахнул кнутом и Бараниха тонко визгнула. Но визжала она от страха, кнут лишь щелкнул по ее подолу. А дед продолжал:

— А что делала твоя корова вчера на болоте? Расскажи, как ты, лахудра, проспала, когда собирали стадо, но корову выгнала. Думала, что твоя тупая корова сама дорогу на выпас найдет? Вот она и нажралась чего то на болоте.

Свой спич дед сопровождал еще одним ударом бича, толпа в очередной раз подалась назад, и кто то крикнул:

— Щербаченки скачут!

Вот тут ведьмоборцев пробрало по настоящему. Как то сразу все поняли, что впереди дорогу загородил, страшный убийца Щербак с пацанами, которые на их глазах хладнокровно застрелили Проньку Карася, а сзади, потрясая дубьем, неумолимо надвигались, не менее страшные Щербаченки и сейчас их всех будут бить. И толпа сломалась, рассыпалась на отдельные составляющие, каждому пришлось спасаться самому. Подскакавшие Иван с Кузьмой и держащийся за стремя Кузьмы, запыхавшийся Митька, с удивлением смотрели на разбегающихся, и голосащих баб, мужики уже успели смыться.

— И где эти гады, что хотели Бабу Ходору жечь? — сказал Кузьма.

— Вон разбегаются кто куда.

— Чего это они? — озадаченно спросил Иван.

— Чего, чего. Дык, вас испугались. Скачете, орете как оглашенные, дрынами размахиваете, Митька, вон как сохатый ломится. Вот переляк их и хватил.

Все засмеялись, а Кузьма указал на лежащего мужичка:

— А Карась, чего тут валяется?

— А ты у стрельцов спроси. Они его ухайдакали. — С досадой сказал дед.

— Этот ушлепок на тятю с цепом кинулся, ну мы ему и врезали. — Вылез я с пояснениями.

— Вы часом не убили его? — Озаботился Иван.

— Не, не убили. Глаза вон открыл, и шишка на лбу выскочила. Живой гадюка. — Сказал Архипка. Потом вздохнул и заявил:

— Слабоват самострел-то. — В словах и позе его было столько уморительного сожаления, что мужики расхохотались, довольные, что все счастливо разрешилось и не нужно бить пусть и виноватых, но своих же односельчан. Лишь Митька хмурился: уже в который раз не удалось ему принять участие в очередном деревенском кипеше. Так и жизнь пройдет зря.

— Ладно! Кузька тащите с Митькой этого к Савватеевне. Пусть посмотрит чего там. — Дед быстро сориентировался и начал раздавать указания. — А вы стрельцы дуйте домой, там поговорим.

Мы с Архипкой почувствовали себя неудобно. Боюсь, достанется нам по первое число. Да и Антоха тоже несколько поувял. Пора потихоньку сваливать. Что мы и сделали незамедлительно. Навстречу попались, запыхавшиеся отец Серафим и студент, не обратившие на нас никакого внимания.

— Архипка ты зачем этому хрену в лоб зарядил, ведь он чуть копыта не откинул. — Наехал я на дружка, когда мы отошли подальше.

— Я ему туда не целил, в грудь хотел попасть, но ты чуть раньше ему в пузо стрелил, он от того согнулся, да поймал болт лбом.

— А чё! Здорово получилось. Карась вон как zenки свел и, похоже уссался. — Захихикал Антоха.

— Врешь поди. — не поверил Архипка.

— Чё это вру! Видел я, что у него штаны мокрые.

— От такого удара в лоб этот ханурик мог не только уписаться, но и обделаться. —

Сказал я.

Антоха вдруг схватился за живот и захохотал.

— Антоха ты че? — уставились мы на него.

— Ха-ха...! Митька с дядькой Кузьмой его сейчас потащат, а из штанов дерьмо повалится.

— Митька тогда его прибьет. И нам с тобой, Архипка, достанется от него на орехи.

— Не достанется, не догонит нас Митька. — Засмеялся Архипка.

Я, глядя на веселящихся приятелей, тоже захохотал. Подбежавший и запалено дышащий Платошка, сначала смотрел на нас недоуменно, но потом тоже принялся смеяться. Немного просмеявшись, хотели двинуть дальше, но Платошка вдруг спросил:

— Вы чего ржете то?

Вопрос нас добил окончательно. Архипка икнул и захохотал сползая на землю. Не в силах вымолвить ни слова, он трясся и лишь показывал на Платошку пальцем. Глядя на вопрошающую платошкину физиономию, мы с Антохой тоже залились смехом. Платошка сначала обиженно смотрел на нас, не понимая причины столь бурного веселья, но потом не выдержал и присоединился. Отсмеявшись, я сказал:

— Антоха расскажи ему че там было.

И Антоха рассказал. Даже мы с Архипкой узнали много нового. Звучало примерно так: «Дед Щербак бичом трах, Бараниха обосралась и завизжала. Пронька Карась цепом хрясь Ленька из самострела ему в пузо бац, тот согнулся, а Архипка Карасю в лоб бумс, Карась упал и в штаны наложил, шишка у него на лбу вот такая вылезла. Тут Щербаченки как налетят с дрынами, так все и разбежались как тараканы кто куда». Рассказывая, он еще все это разыгрывал в лицах, забавно изобразив как Карась сводит в кучу глаза и оседает на землю. Самое смешное, что Платошка все прекрасно понял и лишь пожалел, что прибежал так поздно.

— Платоха ты молодец, что Щербакам вовремя сказал, если бы не ты, то они бы опоздали, и нам бы худо пришлось. — Искренне похвалил я хлопца.

— Да я чё, я ни чё. — засмутился Платошка. Я хлопнул его по плечу и мы весело поскакали по домам.

Дома, дожидаясь деда, я обдумал ситуацию с наездом сельчан на Бабу Ходору. Ведь дед мог бы и не успеть, и кончиться это могло плохо. А у меня на Бабу Ходору кой какие планы. Потому нужно обезопасить знахарку. Тем более, что я надеялся уломать деда будущим летом поискать, все таки, золотишко. Дорогу до места залегания драгметалла я помнил.

В восемьдесят четвертом, мы с братом, будучи в отпуске, ездили в Таштагол к двоюродной родне, ну заодно, проехали по местам, где прошло наше детство. На «Разрез» мы не попали. Проехать туда было невозможно, бросать машину и топать пешком три километра не решились. Походили по бережку речки, в которую впадает Аптаза. Честно сказать, я не видел разницы между этим ручьем и тем, мимо которого мы проезжали минут пятнадцать назад, и поинтересовался, почему именно этот ручей — речка моего детства. Брат ответил:

— Видишь вон справа пустырь с кочками? Здесь была деревня Кичи. Сюда ты ходил в школу. Ну, а если вот с этого места посмотреть на ту скалу, то увидишь лицо старика в профиль. Вон лоб, брови, нос и борода. — он говорил и указывал пальцем. — Но увидеть это

можно только с этого места. Отойди шагов на десять — пятнадцать в сторону и старика ты не увидишь.

Я прошел в указанную сторону, и точно, профиль потерялся на фоне открывшихся взгляду камней.

Так что, я был уверен, что найду эту скалу, и если дед согласится, а он согласится куда он денется, то вероятность найти золотишко у нас большая. А это означает, что в селе деда не будет все лето, наверняка и сентябрь захватим. В случае чего защитить Бабу Ходору от наезда он не сможет. Поэтому нужно хорошенько пугануть потенциальных ведьмоборцев. Сегодня они уже изрядно трухнули. Осталось усилить и закрепить посыл.

Когда дед пришел домой с перевязанной рукой — достал таки, бичом полоумный хмырь, я подкатил к нему с предложением и пояснением. Дед сначала не понял, но немного подумав, засмеялся и сказал:

— Пошли к попу.

Идею дед попу изложил вполне внятно. Даже ничего поправлять не пришлось. Отец Серафим врубился в тему сразу. Сказал только, что надо привлечь к этому делу старосту Акима Силантьева. Разговор со старостой взял на себя.

На следующий день село было взбудоражено, не бывалым доселе, действием. По главной сельской улице от церкви шла представительная делегация. Впереди опираясь на посох, в новой рясе, с большим медным крестом на груди, шествовал отец Серафим. Рядом с ним шагала староста. В новой одежде с расчесанной надвое бородой, в новой фуражке, с какой то, бляхой на груди, он выглядел очень внушительно и официально. Отставая на шаг, шел дед Щербак, в красной рубахе подпоясанной черным кожаным ремнем и как всегда без головного убора. В руке он нес сложенный в несколько раз кнут. Чуть поотстав, шагала тройка пацанов: Ленька Немтырь, Архипка Назаров и Антошка Савельев. Одетые в новые одежды и сапоги они несли амбарную книгу, чернильницу с ручкой и доску. За пацанами шел ссыльный студент. Его, похоже, забавляла ситуация.

Процессия, обрастая по дороге зрителями, подошла к барановским воротам. Ворота были плохенькие, висели на одной петле и весь вид двора и домишки говорили о криворукости хозяев. В этих благословенных местах надо быть лодырем, или совершенно бестолковым человеком, чтобы жить в такой бедности. Дед постучал рукоятью кнута в ворота:

— Эй! Хозяева! Хозяева, открывайте.

Из хаты вылез замызганный, заспанный и нечесаный мужиченка, приоткрыл ворота и испуганно уставился на пришедших.

— Чего застыл, убогий, ворота отворяй и бабу свою Бараниху зови сюда. — произнес дед Щербак. Голос и тон, каким было это сказано, заставили мужичонку съежиться, открыть ворота и прокричать срывающимся фальцетом:

— Мотря...! Мотря поди сюда. Мотря ...! Мотря!

— Чего разбазлался? — недовольно сказала Бараниха, выходя из дома. Увидев делегацию, она побледнела и схватилась рукой за дверной косяк. Староста, оглядев притихших хозяев, солидно произнес:

— Господин Заславский читайте.

Студент вышел вперед, достал из амбарной книги лист бумаги и стал читать, четко и громко произнося слова:

— Четвертого октября сего года у крестьянина села Сосновка Томской губернии

Баранова Епифана пала корова. Жена упомянутого Баранова, Матрена, впав в ересь кликушества, криками возбудила некоторых жителей села и повела их к дому Новых Феодоры, облыжно обвинив последнюю в колдовстве и попытке извести весь сельский скот. Она призывала сжечь Новых Феодору вместе с ее домом. Сие деяние есть прямой призыв к бунту против власти. Но, поскольку злоумышленникам не удалось совершить данное злодеяние, то мы: староста села Сосновка Аким Силантьев и приходской священник отец Серафим, сочли возможным не извещать исправника, а предупредить Баранова Епифана и его жену Матрену, что в случае повторения преступного злоумышления вы будете наказаны по закону Российской империи. Подписи Силантьева и отца Серафима имеются.

Конечно, текстик был не ахти; студент его за пятнадцать минут набросал, но на неизбалованных эпистолярным жанром пейзаж, подействовал убойно.

— Баранов Епифан распишись в том, что данное предупреждение ты услышал.

Мужичонка впал в ступор, не понимая, что от него хотят и беспомощно озирался.

— Баранов! — громко повторил студент.

— Ась?

— Хренась! Расписывайся давай. — дед потерял терпение и подтолкнул Епифана рукоятью кнута к Архипке и Антохе. Те держали в руках доску с лежащей на ней амбарной книгой. Доску я вчера взял из приготовленных на сортир, укоротил и прошелся по ней рубанком. Епифан обреченно подошел. Обмакнув ручку в чернильницу, я сунул прибор в руки мужика и показал место против его фамилии:

— Ставь крест. — сказал староста. Тот неловко нарисовал кривой крестик.

— Баранова Матрена! Распишись. — Бараниха, тяжело переступая ватными ногами, подошла и тоже поставила крестик в указанном месте.

— Дщерь неразумная! Налагаю на тебя епитимью: сто земных поклонов перед иконой богородицы и тридцать раз прочтешь молитву, какую знаешь. Аминь! — вставил свои шесть копеек отец Серафим. Все повернулись выходить, когда дед со словами «Эх! Рукожопые», резким ударом бича сломал стоящие у стены покосившейся сараюшки, кривые деревянные вилы. Услышав запомнившийся звук, Бараниха сомлела и сползла на землю. А дед, выходя со двора, бросил понурому хозяину:

— Зайдешь завтра. Другие дам.

Выйдя за ворота, я увидел среди любопытствующих пацанов, Платошку и подозвал его:

— Платоха держи чернильницу с ручкой. Сейчас к Карасю пойдем; обмакнешь ручку в чернильницу и подашь ее Карасю, когда скажут, что тому надо расписаться. — Платоха молча кивнул, принял у меня из рук чернильницу с ручкой, приосанился и поважнел. Вот, блин, что должность с человеком делает. Но с другой стороны, надо было как то поощрить будущих членов моей ОПГ, тем более и Антошка, и Архипка, и Платоха, так или иначе поучаствовали в защите дома знахарки, поэтому и придумал фокус с доской и чернильницей. Выдернув же из толпы Платошу, и назначив его на должность чернилоносителя, недвусмысленно показал пацанам, кто тут главный. Главнюк, блин.

Карася мы застали сидящим на бревне возле дома. Его видимо уже известили и он обреченно дожидался своей участи. С перевязанной тряпицей головой и с синяками под обеими глазами, он выглядел пришибленным и жалким. Сгорбившись и глядя в пол, выслушал обвинения, молча расписался, именно расписался, а не поставил крестик как Барановы, покивал священнику наложившему на него епитимью. Но когда мы уходили, я заметил быстрый и злой взгляд, брошенный на меня и Архипку. Вот блин! Похоже мы с

Архипкой заимели врага посерьезнее Сеньки Косенкова. Ну что же; зря выдал себя Карась. В случае чего цацкаться с ним не буду. замочу, как говорится и в сортире. Хотя это вряд ли. Нет у Карася никакого сортира. Тогда так: «где прихвачу там и замочу» прямо на кучке.

Когда, в сопровождении многочисленных зрителей, мы подошли к дому придурочного пастуха, там нас уже ждали: мать, невысокая, но крепкая старушенция и сам «герой», боязливо прятаящийся за ее спиной. Мать в пояс поклонилась подошедшим:

— Простите люди добрые моего дурня. Ён не ведает, что творит. Злые люди подучили его. И ты, Софрон Тимофеич, прости нас. — она снова поклонилась и, шлепнув сына по затылку, сказала:

— Кланяйся дурень! Проси прощения. — Но тот с диким страхом смотрел на деда и пытался отодвинуться вжимаясь в закрытые ворота. Дед сплюнул себе под ноги, молча, отдал бабке кнут, и, развернувшись, пошел обратно. Староста с попом растерянно посмотрели ему вслед. Опомнившись, староста взял у Архипки гроссбух, не раскрывая, потряс им перед толпой и зычно провозгласил:

— Миряне! Здесь переписаны все бунташные, никто не пропущен. А потому должны они придти на исповедь к отцу Серафиму, в грехах покаяться. Ну и исполнить епитимью, кою отец Серафим наложит на них.

Отец Серафим, подняв посох и сверкая начищенным крестом, трижды перекрестил притихшую толпу и заключил:

— Аминь! — и вместе со старостой неспешно тронулся вслед за дедом Щербакком. Мы с пацанами свернули свою канцелярию и в сопровождении студента пошлепали за ними, оставив бабку с сыном да всю толпу в недоумении и растерянности.

Еще бы! До сегодняшнего дня все было понятно и привычно. Подумаешь, ведьму чуть не сожгли, но не сожгли же, да если бы и сожгли, что тут такого, дело то житейское. Вон в позапрошлом годе конокрадов поймали, так забили их до смерти, прикопали тихонько, да и позабыли. А тут поп со старостой вон, что утворили: переписали всех, кто ведьму жечь ходил, а Бараниху с Епифаном и Карасем так вовсе расписаться заставили. Дед Щербак, еще вон, с кнутом, да в красной рубахе, чисто кат, как жажнет бичом: вилы пополам, Бараниха в обмороке. Если по спиняке врежет, до костей прошибет. Жутко! Так или примерно так, по моему мнению, должны были думать сельчане об этом действе. Впрочем, пусть думают, что угодно лишь бы боялись. На год страху хватит, а там перевезем Бабу Ходору в город.

Войдя гурьбой в дом знахарки, застали ее сидящей за столом и перебирающей какие то бумажки. На столе стояла небольшая шкатулка видимо с украшениями. Баба Ходора взглянула на нас и сказала:

— Зря вы все это затеяли. Не нужно было их останавливать я сама бы справилась. — Но в голосе ее не было уверенности.

— А как бы не справилась? Что тогда? Да не бойсь Савватеевна, мы тебя в обиду не дадим. — Покрестившись на иконы сказал дед.

— Кто это мы? — улыбнулась женщина.

— Как кто? Отец Серафим, Аким, студент вот. Ну и эти молодцы. — дед указал пальцем на нашу шмыгающую носами четверку. — Ведь это они Карася чуть было не ужокошили.

— Вы Феодора Савватеевна не беспокойтесь. После сегодняшнего спектакля, вряд ли кто осмелится причинить вам вред. Очень впечатлились сельчане. — Студента явно позабавила ситуация с подписями. Принимая участие в этом действе, он как бы мстил

неразумным пейзажам за пренебрежение к его попыткам просветить народ.

— Да уж, не худо пужанули иродов. А то взяли моду своевольничать мира не спросясь. Отец Серафим их завтра еще пропесочит. — Силантьев был явно доволен своим участием в запугивании односельчан. Будучи старостой, он особой власти не имел, все решал сход или как его называли — «Мир». Возглавив, в качестве представителя власти, сегодняшние разборки он сделал серьезную заявку на расширение своих полномочий. И, кроме того, подписал, можно сказать, первый самостоятельный властный документ. А это вам не фунт изюма. Вот тебе и убогая деревня! Да тут политическая жизнь, кипит и пенится, интриги плетутся, борьба за власть идет. Не упустил момента Аким Силантьев! Не упустил! Ну, флаг ему в руки и барабан на шею. Электричку на встречу не пожелаю. Пусть живет сермяжный политикан, пригодится еще.

— А не угостишь ли нас чайком Феодора Савватеевна? — поставил точку в самовосхвалении отец Серафим.

— Да чего ж это я. Совсем растерялась. — Засуетилась знахарка. — Ребятки ставьте самовар. — Это она нам.

— А чего только чайку? День сегодня исключительный, не грех и отметить. Нутка стрельцы, сбегайте к нам, принесите две крынки бражки. — Приказал нам дед.

— Не надо бегать, пусть самовар ставят. У меня тут вот, что припасено. — С этими словами знахарка достала из сундука и водрузила на стол бутылку самогона.

— Ух ты! — восхитился Силантьев. — Чистая какая, прямо слеза.

Баба Ходора выудила из сундука небольшие стеклянные стаканчики, нарезала хлеба и обратилась ко мне:

— Олешенька слазь в погреб достань огурчиков из кадушки и капустки принеси.

Взяв деревянную миску, я метнулся в погреб, нагреб капусты, наложил соленых огурчиков, принес и водрузил на стол.

— Экий ты отрок быстрый да ловкий. В церковь почему не ходишь? На исповеди ни разу не был. — Отец Серафим строго посмотрел на меня. Блин, я и правда, за эти четыре с половиной месяца в церковь заглянул от силы раза два, не больше. А ведь это прокол. Выручила знахарка:

— Так болеет он, отец Серафим, нормально говорить только начал, а то все заикался да мычал. Оздоровеет тогда и придет на исповедь. Софрон Тимофеич, налей-ка по первой.

Дед быстренько разлил по стаканчикам самогонку:

— Ну, за твое здоровье, Савватеевна!

Гости, не чинясь, хряпнули по рюмочке и вкусно захрустели огурчиками. А я выскочил во двор к пацанам, хлопочущим вокруг самовара.

Глава седьмая

Зима в России, как известно, приходит неожиданно, но это не про жителей Сосновки. Приход зимы они отпраздновали еще осенью грандиозной пьянкой. Как там у поэта:

«В деревне празднуют дожинки,
А за окном летят снежинки.»

Не знаю, что праздновали пейзажи села Сосновка, но праздновали они основательно: с песнями, плясками и мордобоем. В связи с этим вылезло одно отвратительное явление: пьяные мужички частенько жен своих лупили, а отдельные особенно пакостные индивидуумы, еще и всячески над своими бабами издевались, причем издевались на показ, прилюдно.

Вспомнил вот: еще пролетарский философ и русофоб Фридрих Энгельс, в какой то, из работ, писал об этом явлении в сибирских деревнях, иллюстрируя дикость и варварство русских, утверждая вслед за своим другом Марксом, что русский народ в массе своей народ не «исторический» и контрреволюционный. Заблуждались основоположники, сильно заблуждались. Не пройдет и тридцати лет как вся благополучная Европа вздрогнет и обделается от яростной русской революции.

Хотя должен заметить, что, не смотря на всю русофобию основателей, марксизм все таки, самое адекватное философско-социальное учение, что бы там не говорили по этому поводу, современные апологеты капиталистического хипеса.

Ну да бог с ними и с основателями и с апологетами. Сибирские мужики, почему жен своих колотят?

Помню, летом хоронили одного дедка, когда шли с кладбища, жену покойного, маленькую сухую старушонку, кто то спросил:

— Что Ефимовна, жалко поди старичка то?

На что та ответила неожиданно резко:

— Ну как же не жалко то! Иду да оглядываюсь, как бы не догнал, да не набил.

Я, тогда не обратил на эти слова особенного внимания, да и летом, ввиду сугубой занятости сельчан сельхоз-работами, все это не выходило за рамки обычных семейных дрызг. Но зимой некоторые утырки оторвались по полной. Один из таких угрёбищ запряг свою бабенку в пристяжку к лошади и та, раздетая, в одной рубахе и босиком, подгоняемая не слабыми ударами бича, была вынуждена бежать рядом с санями.

Но такой беспредел осуждался большинством сельчан. Аким Силантьев, пользуясь своей властью, и привлеки в помощь братьев Щербаченков, пресек это откровенное глумление над бедной женщиной. Иван с Кузьмой немного перестарались и чуть не прибили садиста. Но это крайний случай. Вопли же избиваемой мужем очередной бабенки, раздавались над заснеженным селом чуть ли не каждый вечер.

Надо сказать, что и я неким образом приложил руку к этим экзорцисам. Число женщин, щеголявших с синяками под глазом, заметно увеличилось сразу же после шоу, устроенном, с моей подачи, старостой и священником. Но этих не состоявшихся ведьмоборцев, женского пола, мне ни сколько не жалко. Поделом им.

При очередной встрече со знахаркой, спросил у нее о причинах столь постыдного явления. Та на секунду задумалась и выдала:

— А что разве у вас баб не бьют?

— Бьют. — Был вынужден констатировать факт. — Бьют, но это происходит очень редко. Да и к тому же за это и в тюрьму сесть можно.

— Ну а ты жену свою бил?

Я даже поежился, представив в какой форме вылилась бы Ленкина ярость, если бы я посмел ее ударить. Ведь когда она шла по улице с двухлетней дочерью (а мы жили тогда в частном секторе, где по улицам бегало довольно много собак), то даже здоровенные собачары оббегали ее стороной. А она была женщиной миниатюрной, нежной и хрупкой. И обидным несправедливым словом ее запросто можно было довести до слез. Но я не позавидую тому, кто б ее ударил или, не дай бог, обидел бы, ее ребенка. В таких случаях она превращалась в натурального «берсерка». Были, знаете ли, прецеденты.

— Я женщин не бью в принципе. Да и моя жена не из тех, кто стерпит побои.

— Вот ты и сам ответил на свой вопрос. Бабам у нас деваться некуда вот многие и терпят, ну а тех кто не стерпит, тех и бить опасаются. Да и мужиков вроде тебя на селе достаточно. Вон дед твой, Софрон Тимофеич, на жену руку ни разу не поднял. Сыновья его такие же. Ванька так тот, только что, пылинки со своей Варьки не сдувает.

— Я бы тоже с той Варьки пылинки сдувал. Пирог у нее знатные получаются. Я таких вкусных пирогов и не ел никогда. Да и сама она женщина сдобная.

— Все вам мужикам сдобное подавай. — Засмеялась знахарка.

Между тем зима в этом году выдалась снежная. Середина декабря всего, а снегу навалило уже с полметра. Мы с Архипкой чуть ли не каждый день чистим дворы: сначала их двор, потом наш. Назаровский пригон тоже иногда чистим. Тетка Степанида держит корову и телку. Жрут эти две скотиняки здорово, соответственно и навозу производят изрядную кучу, а там еще куры да поросенок подросший, ну а нам за ними убирать.

Хорошо еще, что у нас с дедом нет ни коровы ни кур ни поросенка, а за тремя лошадьми дед сам ухаживает. Мне пока не доверяет. А еще дед катает зимой валенки. Вообще то, валенки или пимы, по местному, тут катает, чуть ли не каждый третий. Но ни у кого на селе, да и в ближайшей округе не получают такие как у него. Местные называют их чёсанки. Тонкие, легкие, очень теплые и, в отличии от обыкновенного сибирского пима, белые и мягкие.

Заказывают эти валенки еще с осени, размеры небольшие, видимо для женщин, иногда и вовсе малюсенькие, для детей. Кузькина шестилетняя дочь Анфиска и Егорка Назаров в таких щеголяют. Шерсть для валенок заказчики везут свою, ну то есть не свою конечно, а овечью, но уже протеребленную и очищенную от вездесущего репейника. Принимая шерсть, дед взвешивает ее на безмене, и соглашается, если шерсти достаточно или отказывается, если ее не хватает на заказанное.

Изготовление валенок начинается с дополнительной обработки шерсти. Дед взбивает ее с помощью специального приспособления, именуемого лучком. Главной деталью этого «гаджета» является струна, сделанная из обработанных бараньих кишок. Лучок с помощью веревки вешается на стену, чуть выше узкой полки, на которой лежит небольшая кучка шерсти, дед опускает в шерсть струну и бьет по ней специальным инструментом — битком. Струна от ударов вибрирует и взбивает шерсть так, что пыль стоит столбом, причем в прямом смысле.

Я попробовал; все оказалось не так просто. Сунешь струну глубоко в кучу, шерсть тут же обовьет ее и перестает взбиваться, возьмешь повыше, струна захватывает лишь самую верхушку и от этого толку совсем мало. Сам лучок тяжелый и его в нужном положении

удерживать трудно. А вот смотреть, как дед управляет, очень приятно. Уж больно ловко и быстро у него все получается. Дед в этом отношении настоящий монстр. Он умеет делать все! И за что берется, делает это хорошо, не жалея ни времени и ни сил.

Вот и с валенками-чёсанками так же. Оказалось, что даже малюсенькие детские чёсанки требуют труда и умения куда больше, обычных пимов. Дед, из взбитой и очищенной от пыли шерсти с помощью пресловутой таволожки выкладывает нечто похожее на огромный сапог. Прокладкой формирующей внутреннюю полость сапога служит специальная холстинка, которую дед расстилат, перед тем как приступить к выкладыванию второй половинки этого огромного сапога. Затем все это прикатывает, чтобы шерсть немного свалялась, и опускает в чан с горячей водой. В воду он добавляет, из стеклянной бутылки, какую то химию, скорее всего, это разбавленная серная кислота, видимо для обезжиривания шерсти. Интересно, где это он ее берет? Приставать к деду с расспросами реально побаиваюсь. Тот очень не любит когда ему мешают, а таволожка у него всегда под рукой и в ход он ее пускает нисколько не опасаясь ювенальной юстиции. Проверено!

Заготовки валенок из чана достаются через несколько часов. И тут начинается самая главная работа по изготовлению пимов. Заготовку снова замачивают в горячей воде и, свернув в валик, начинают аккуратно катать этот валик по верстаку, периодически окуная в кипяток. Дед для катания использует деревянный валик с мелкой насечкой. Повторив эту операцию бесчисленное количество раз, дед начинает горячую и мокрую заготовку наматывать на четырехгранный железный прут и прокатывать ее с помощью валька, повторяя и эту операцию много раз.

Наконец, решив, что достаточно поиздевался над будущими валенками, он вставляет во внутрь колодки, распирает клиньями голенища и начинает осаживать заготовку. Для этого у него есть рубель, метровый брусок с крупной насечкой. По этому рубелю дед гоняет будущие валенки до тех пор пока они плотно не охватят колодку и клинья. Все это он продельывает в специальном помещении, пимокатни, которая представляет из себя, довольно обширную полуземлянку с печью и небольшими окнами. Дед в ней не только пимы катает, но еще и столярничает при необходимости.

Высохшие валенки сначала опаливаются на огне, а потом обрабатываются пемзой до гладкости фетра. Так, что катание валенок-чёсанок геморрой еще тот. Но зато дедовские чёсанки отличаются от фабричных, да и не только фабричных, пимов так же, как в советское время, зимние женские сапожки, сделанные в Финляндии отличались от матерчатых говнодавов производства «Мухосранской» обувной фабрики.

Я говорю это вовсе не в пику ярым поклонникам и защитникам Советского Союза. Собственно, я и сам защитник и поклонник разрушенной страны. Но из песни слов не выкинешь; что было — то было. Такие вот выверты зарегулированной плановой экономики. «Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей». — Пел по этому поводу известный бард.

Что то опять и меня не туда занесло. Не отпускает меня мое прошлое, или может будущее? Ну, это как посмотреть. Вот лежу на лавке, размышляю. А что еще делать? Зимний день короток, электрического освещения нет, да и будет не скоро. До плана ГОЭРЛО и лампочки Ильича еще как до Пекина на карачках. Ильич и сам, в лучшем случае при керосиновой лампе, свои нетленки кропает.

Лампа керосиновая у деда есть, да только керосин в дефиците. Зимой тут все спать ложатся рано, встают поздно. Потому, наверное, и детей в деревне так много, а чего еще делать бедным пейзажам долгими зимними вечерами. Сначала баб своих отлупят, ну а потом

миряются интенсивно.

Но это не про меня. Слава богу, не тянет еще на баб. Хотя Немтырь не прочь задружится с одной девчонкой. Я долго смеялся, когда узнал, кто так поразил воображение моего «Альтер эго». Это оказалась та самая юная разносчица новостей и тараторка, с которой я познакомился в хате Бабы Ходоры. Звали ее Катька Балашова, большеглазая, худенькая, с правильными чертами лица, она грозила вырасти в настоящую красавицу. Но вряд ли ее высоко оценят деревенские женихи. Тут свое понятие о женской красоте. Признанная в селе красавица Варвара, жена дядьки Ивана, стати имела вполне выдающиеся, хотя до кустодиевских купчих не дотягивала. (Для особо одаренных поясню: Кустодиев это художник такой. Любил рисовать роскошных женщин). А Катька Балашова будет, скорее всего, тонкой, изящной и стройной, растолстеть ей не даст бьющая через край энергия. Сколько бы раз не встречал ее в деревне, она всегда летела как на пожар, только сарафан развеивается. Ну что ж, хотя бы здесь наши с Ленкой вкусы совпадают. Мне ведь тоже нравились женщины стройные и энергичные, ну как моя Ленка... Эх! Ленка, Ленка, Елена Михайловна! Как ты там без меня?

Чего это я? Ведь если я попал в прошлое своего мира, то даже Ленкины родители еще не родились. Другое дело если эта реальность параллельная, а тот мир продолжает идти дальше своим путем и там меня уже давно похоронили, ну то есть не меня, я то, вот он, лежу на лавке, философствую помаленьку. Труп мой похоронили, брэнное тело, так сказать.

И как мне теперь узнать, мой это мир или параллельный? Можно конечно определить по историческим событиям, то есть сравнить тутошние с теми которые были там, в прошлой жизни, и если они не совпадают, то реальность параллельная. Но увы! Нет у меня под рукой ни Большой Советской Энциклопедии, ни ноута с интернетом вкупе. А сам я, как оказалась, ни хрена не помню даже из школьной программы. Надежды на гипноз провалились; не может Баба Ходора в транс меня ввести, не получается у нее. Леньку — пожалуйста, а меня нет. Так что сравнить не с чем. Да и местные новости доходят до наших «палестин» в урезанном и изрядно искаженном виде.

Лично мне без разницы, в каком мире я сейчас обретаюсь, в своем или в параллельном. В любом случае надо как то жить и жить по возможности хорошо. А то задолбала эта пейзажница!

Утрирую конечно. Определенные плюсы в моем новом житие — бытие есть и плюсы вполне себе весомые. Второй шанс, как ни посмотри. Но, выражаясь языком киноклассики, хочется «принять ванну, выпить чашечку кофе»; комфорта хочется, даже дивану с зомбоящиком обрадуюсь как родным, а уж про комп с интернетом и не говорю, да что там комп, лампочку электрическую бы, хоть ватт на тридцать, да и библиотеку мою в придачу. Но чего нет того нет, и ничего поделаться с этим нельзя.

Как утверждал основоположник марксизма: «Бытие определяет сознание». И вот это конкретное бытие мое сознание уже притомило. Блин! Встретил бы сейчас автора шлягера про упоительные российские вечера с балами и шампанским, то морду ему бы точно набил, ну хотя попытался бы. Ну и режиссеру тому, что плакал о «России, которую мы потеряли» тоже бы навешал до кучи. Это здесь в Сибири еще более-менее, а в «Рассее», которая не до Енисея, а всего лишь до гор уральских, в будущем году миллионов двадцать-тридцать с голода пухнуть будут. По Чубайсу, они в рынок не вписались, а значит пусть подышают, а те, кто вписались французской булкой хрустят. Жаль, что бывший «ГРУ-шник» по этому рыжему утырку промазал, очень жаль.

А с другой стороны, кто им доктор, что картошку то не сажают? Наверняка больше бы собрали и голод на картошке бы пережили. Но скорее всего не все так просто, наверняка там у большинства крестьян ни земли, ни ума не хватает. Даже здесь, в Сосновке, несколько семей живут в изрядной бедности, хотя и не голодают, но это, скорее всего, благодаря Жабину. Он их мукой да картошкой кредитует, но и отрабатывать заставляет по полной. Вкалывают они у него изрядно, для его жабинской пользы.

Вот тебе и бытие с сознанием и непонятно, кто из них рулит. Хотя у этих рукожопых и бытие хреновое, и сознание не лучше. Живут, будто спят. Ну да черт с ними! Детей только их жалко.

Маркс, конечно, мужчина серьезный, основоположник, как ни крути, и его утверждение про бытие и сознание, хоть и с оговорками, принять можно. Но в моем случае оно не катит. У меня все с точностью до наоборот — сознание рулит. Вот осознал в какое дерьмо влетел, и решил из него выбираться, ну и по дороге бытие своё, и не только своё, потихоньку стал менять. Сортир, мы с Архипкой вон построили — бытие самую малость поменяли. Завтра, если погода позволит, пойдем с ним на охоту, Кабая с собой возьмем, может зайчишку добудем, еще чуток бытие свое улучшим, хотя пост сейчас и жрать скоромное грех вроде.

Но как говорится, не согрешишь — не покаешься, а не покаешься, то и прощен не будешь. Дед вон плюет на пост — мяско кушает и бражкой балуется по субботам, исповедоваться не торопится. Но, а мне на исповеди хоть будет в чем кается. А то в прошлый раз не знал, что и придумать. Сказал наобум, что грешен в помыслах, хочу морду Сеньке Косому набить. Отец Серафим счел грех не великим, но епитимью назначил. Теперь вот по утрам поклоны земные бью. Конечно, разомнусь сперва, ну а потом кланяюсь, держа ноги прямыми, касаюсь пола для начала ладонями, затем локтями стараюсь достать. Хорошо епитимья способствует растяжке и гибкости, наверняка поможет осуществить греховный помысел и набить все таки Косому морду.

А в селе Сосновка с моим появлением бытие пейзаж хоть на капельку, да изменилось. Кое-кто из мужиков уже интересовался сортирным домиком. Думаю, по весне появятся еще несколько. Пацаны вон, в футбол, по теплу, всю игру играли, а не давно, хоккей им показал. Без коньков правда, но с клюшками; гоняют шайбу по расчищенному футбольному полю и не заморачиваются по поводу убогости их спортивного инвентаря. Шайбу Архипка на дедовском станке из деревяшки выточил. Как делать клюшки из толстой ветки, с сучком, торчащим под нужным углом, показал я. Еще лексикон у пацанов обогатился изрядно, слова, правда, не все печатные и приличные, но кругозор расширяют и горизонты раздвигают. Ну а как иначе то? Прогрессор я, или погулять вышел?

Конечно, мне скажут, что не прав я в своих рассуждениях о сознании и бытии, что сугубо абстрактные философские понятия приземляю, наделяю конкретикой. Тем самым вывожу их из сферы «чистого разума» в сферу, вульгарной и низкой бытовухи. И правильно скажут. Каюсь! Вывожу и приземляю! Однозначно!

Слишком долго я в той жизни пытался приобщиться к высокой мудрости философских теорий. Казалось по молодости: вот почитаю Канта и Гегеля с Фейербахом, проштудирую Маркса с Энгельсом, приобщусь к мудрости античной философии и будет мне счастье ясного понимания мира и моего места в нем.

Наивный чукотский юноша!

Начав с Канта и Гегеля, пришел к неутешительному выводу: или я туп беспросветно, или эти ребята пытаются обуть меня, нагородив вокруг простых, по сути вещей, столько

мозгодробительной схоластики, что мои бедные извилины чуть ли узлом не завязывались, в тщетной попытке, что ни будь понять. Фейербаха и читать даже не стал, решив, что классическая немецкая философия это вещь в себе и для себя, ну может еще для каких либо гениев, но уж точно не для меня. (К слову, даже Владимир Ильич штудирова гегелевскую «Науку Логики», обронил что то вроде: следующие энное число страниц придумано Гегелем для вызывания головной боли у читателя. А кто я такой чтобы тягаться с гением, именно с гением без всяких кавычек.)

А вот Маркс с Энгельсом порадовали, особенно «Диалектика природы», «Антидюринг» и первый том «Капитала». Как то сразу в голове все уложилось. Некая ясность появилась. Но как говорится: «Не долго музыка играла ...». Заметил со временем, что окружающая меня действительность не укладывается в рамки, очерченной основоположниками системы, всякие противоречия нагло выпирают из всех углов. И как то ходульно все суховато. Заподозрил, что и основоположники меня несколько прокатили: толи не досказали чего то, или сами чего не домыслили, толи я их не правильно понял. Помыкался по источникам, почитал официальных марксистов, академиков и докторов наук — за очень редким исключением, лажа полная, голимое начетничество и повторение задов. Плюнул на все, окончил политех и жил технарем. Почитывал, конечно, умные книжки, не без этого, но уже не надеялся на просветление.

Через некоторое время перестройка грянула, хлынула и потекла рекой такая информация, что казалось, дамбу прорвало на огромном дерьмонакопителе. Узнал про «философский» пароход. Вот, думаю, где собака зарыта! Выслал Ильич всех мыслителей из страны, вот и оскудела русская земля думателями и радетелями. Посчитал, кого из высланных, чаще всего поминают в печати. Оказалось Бердяева Николая. Дай, думаю, приобщусь, припаду, так сказать к истокам, свободомыслия и мудрости.

Пошел в книжный магазин, выбрал книжонку «Философия свободы», утверждалось, что это знаковое для творчества Бердяева произведение. Припал. Нет, конечно, философ из меня еще тот, но такого фееричного словоблудия, читать до сей поры не приходилось. «Конгениально!» Сказал бы великий комбинатор и мыслитель Остап Бендер. Вот именно: «конгениально!» Не единожды по мере чтения на хи-хи пробивало, потому что, если воспринимать серьезно все, что там написано, то можно и в дурку угодить с диагнозом — «вывих мозга». Подумалось: «Что ж такое курил гений русского экзистенциализма во время ваяния этого шедевра философской мысли?». Трудно поверить, что можно наворотить такое, при ясном уме и твердой памяти. *

*(Для не верящих — цитирую: «Тайна свободы — вот пробный камень истинной мистики и истинной философии. Где нет свободы, где свобода рационализируется, где свобода тонет в пантеистическом океане, где свобода истолковывается в духе теософической эволюции, где свобода заколдована в магии естества, там нет подлинной мистики, там философия сбилась с пути. Свобода — таинственна, изначальна, исходна, бездонна, безосновательна, иррациональна. С свободой связана тайна греха и тайна искупления. Христос — свобода, ибо Сын делает нас свободными. Свобода лежит в основе истинно христианской теософии, и нет свободы в теософии гностической сектантской. Гнозис люциферианский, змиинный, не знает свободы и не учит свободе.» и т. д. и т. п... Если кто ни будь поймет о чем тут речь, пусть первый бросит в меня камень. В принципе такое мог бы произнести небезызвестный сын адвоката, имей он ума поменьше, соответствующее образование и желание выразаться долго, красиво и малопонятно. Темперамент

соответствует.)

А как гений экзистенциализма обходится с коллегами — предшественниками и современниками. С каким легкокрылым изяществом разбирает их построения, вешает ярлыки, критикует и воздает должное! А какая начитанность и широта охвата! Одно слово — гений!

Разумеется не все написанное Николай Александровичем показалась мне полным бредом, далеко нет. При необходимости и цитат можно надергать чуть ли на все случаи жизни, и в его, пусть сугубо отвлеченных и заумных построениях, если хорошенько поднапрячься, можно увидеть не только отражение современной ему действительности, но и отблески будущих идеологических проблем. Самое забавное, что такие вот разумные пассажи роняются как бы вскользь между, делом, для затравки, а дальше следует многословная, заумная богословская трескотня, напрочь обесценивающая эти зерна здравомыслия.

Если и остальные мыслители, уплывшие на пресловутом пароходе, подобны Бердяеву, могу сказать одно — мудёр, ох мудёр Владимир Ильич. Он и страну спас от мозголомного философского словоблудия, а главное, самих мудрецов от безвременной кончины, на какой ни будь, из очень северных, строек социализма, ну и «просвещенному» западу немного нагадил. А как иначе? Только представьте: прибыло разом несколько десятков профессиональных приседателей мозгами, ну и принялись окучивать бедных европейцев. Уверен, что их вклад в будущую европейскую либеральную толерантность просто еще не оценен. Нет на них современного Николая Бердяева.

Правда и минусы такого решения налицо. Избавившись от критиков, доморощенные марксисты, в конце концов впали в жуткий догматизм и за редким исключением советская философия, на мой взгляд выродилась в пустую, почти религиозную схоластику. Может я и ошибаюсь, но судя по событиям постперестроечного времени, если и ошибаюсь то не сильно.

А я же, в философии и философах разочаровался окончательно и, выражаясь языком гения экзистенциализма, прозябал в навозе рационализма и духовной не свободы. Воспарять в горнии выси философско-мистических измышлений больше никогда не пытался, и бог даст, не буду пытаться и в дальнейшем. Накушался, одним словом.

Ну ладно, хватит себе мозги парить, спать уже пора. Вон дед на кровати за стенкой храпит давно. А я тут растекаюсь «мыслью по древу», а завтра на охоту с Архипкой. Зря, что ли арбалеты проагрейдели, болтов наделали, все зайцы наши будут. Ну если не промахнемся конечно.

Глава восьмая

За хлопотами, как то подкралось не заметно Рождество, и грянули святки. Прямо по Окуджаве:

«Вот и январь накатил, налетел

Бешенный, как электричка.»

У нас здесь хоть и не январь, а конец декабря — градус веселья зашкаливает несколько не меньше, чем в новогодние праздники в том моем (склонен думать, что все таки, параллельном) мире. Я бы даже сказал гораздо сильнее, зашкаливает. Здесь не надеются на то, что их будут веселить по ящику Петросян и Дубовицкая с присными. Ввиду отсутствия телевизоров и записных юмористов, сами себя веселят. Люди они все, за редчайшим исключением, простые, сами поют, сами пляшут, сами шутят и сами же над своими шутками смеются, причем смеются не натужно, как сладкая парочка — Басков с Киркоровым по телеку, а вполне искренне и беззаботно. Святки же!

Редчайшее исключение — студент, хватанув у Бабы Ходоры, к которой они со священником зашли по старой памяти, пару рюмок крепчайшего самогона, оделся старухой и укатил с молодежью в соседнее село, где и оторвался по полной, удивив актерским мастерством простодушных пейзажей.

Парни и девки потом с восторгом и смехом рассказывали, какие коленца выделявал, проникшийся народным духом, студент, пока коварный зеленый змий не свалил его замертво. Но и тогда его не бросили посреди дороги, а таскали с собой. В конце концов, бедный интеллигент был доставлен домой и передан в заботливые руки вдовушки, у которой он квартировал. Представляю, каким жесточайшим похмельем страдал он на следующий день. Надолго ж ему запомнится праздничное хождение в народ.

А мне святки неожиданно понравились. Я с удовольствием присоединился к детской компании: ходил колядовать, катался с горы на санках, смеялся вместе со всеми над плясками и ужимками ряженных, ну и, конечно, вместе с остальными пацанами, играл в хоккей. Похоже, хоккей, даже такой примитивный, без коньков и с самодельными клюшками понравился пацанам больше чем футбол. И чего это летом я так затупил, совсем забыл про хоккей на траве. Вот болван то! Хотя там у нас в травяной хоккей вроде только женщины играют. Но даже если и так, сосновским пацанам откуда это знать, я то им не расскажу. Будут, будут они у меня летом по травке с клюшками бегать. Все лучше, чем кое как обутыми ногами, мяч, набитый соломой пинать.

А может девок научить? Представил, как местные девы носятся по полю в своих, длинных до пят, сарафанах, в платочках и с клюшками, засмеялся. Нет, девок играть в хоккей заставить не удастся. Такой продвинутый модерн село не переживет и пейзажи забьют меня как мамонта, ни дед ни братья Щербаченки не спасут. Хотя кое что в направлении эмансипации одной девицы сделать нужно.

Вон она в окружении подруг тараторит чего то, руками машет, а те хихикают и глазками стреляют в нашу сторону. Видно про нашу дружную четверку сплетничают. Ишь как зелеными глазами сверкает и, кажется, в мою сторону поглядывает.

— Ленька ...! Ленька! Немтырь ты че зависто? Катьку что ли не видел? — Антоха толкает меня в плечо. Блин нахватались пацаны от меня всяческих слов.

— Чего тебе?

— Чего, чего! Пошли, говорю, к вам, нарты возьмем и двинем кататься на Марьину Горку. Там спуск долгий, целую версту проехать можно.

— А чё! Пошли.

— Девок давай позовем. — Внес предложение Архипка. И тут же заорал: — Девки Пошли кататься на Марьину Горку.

— А на чем кататься то.

— Нарты у деда Щербака возьмем длинные такие.

Есть у нас такие санки узкие и длинные, с широкими полозьями, дед с сыновьями на них бревна весной по насту возят. И обзываются они нартами. Девчата немного приуныли — деда реально побаивались в селе. Архипка их успокоил:

— Не бойтесь девки! Дед Щербак разрешил нам с Ленькой санки брать.

Девчонки ожили, пошептались, похихикали и Катька, смеясь, крикнула:

— А вы нас отвезите туда. — И они снова засмеялись.

— Ладно прокатим. — Я подмигнул пацанам. Мы вытащили сани и я, кланяясь, провозгласил:

— Карета подана! Мадамов прошу занять места.

Девчонки хихикая сели в санки, и справедливо ожидая, от нас подвоха вцепились друг в друга. Мы впряглись в длинную веревку и бегом потащили легкие санки с повизгивающей и смеющейся поклажей. Завидев впереди большой сугроб с мягким снегом, я тихонько сказал:

— На счет три опрокидываем сани. Раз, два, триии! — и громко взвизгнувшие малолетние красотишки забарахтались в снегу. Мы, как истинные джентльмены, стали помогать им выбираться из сугроба и отряхиваться. Разумеется, Катьку Балашову вытаскивал и отряхивал от снега я. И мне это нравилось.

Платоха, отряхнув свою жертву, уселся в сани и солидно произнес:

— Ну всё девки! Вы в санях не усидели, теперь нас повезете. Пацаны садись. — Упрашивать нас было не надо. Быстро уселись и выжидающе уставились на красавиц. Те, пошептавшись, постреляв в нашу сторону глазками и похихикав, схватили веревку и потащили санки. Дорога шла под горку и девчонки развили изрядную скорость. Платоха, сидевший впереди, сказал:

— Сейчас опрокидывать будут. Держись за санки, пацаны. — Мы схватились за санки, ну и перехитрили сами себя. Мало того что воткнулись в сугроб головами, так еще сверху нас накрыло перевернувшимся транспортом. Девчонки, помогать нам выбираться из под саней не стали, а наоборот, коварно закидали снежками.

Так веселясь, добрались до пресловутой горки. А там, на вершине к нашим саням прицепились еще чуть не десяток самых разномастных санок и, под радостный смех и визг, веселый поезд полетел вниз по склону, набирая скорость. Я сидел в середине и, прижимая к себе, одетую в нелепую шубейку и радостно визжащую, зеленоглазую девчонку, сам кричал что то, напрочь забыв о том, что вообще то, я старый циник, пессимист и ёрник, а не начинающий только что жить, тринадцатилетний мальчишка.

Вечером лежа на лавке и стараясь не обращать внимания на доносящийся из-за стенки могучий храп, размышлял о том, что ж это такое было? Почему я залип на двенадцатилетнюю соплюху, пусть даже и напоминающую мне чем то мою Ленку. Разумеется не Ленку — бабушку, а ту с которой только что познакомился и мы шли с ней по Ленинскому проспекту в кинотеатр «Родина». На ней было чудное бирюзовое платье, открывающее ее стройные, загорелые ножки, выше колен сантиметров на двадцать, белые

туфельки-лодочки, а на голове прическа типа «карэ»

Она цокала каблучками по асфальту и смеялась над моими рассказами, а я, неся какую то чепуху, любовался ее тонким профилем, с гордо задраннным носиком, ее большими зеленоватыми глазами, изящной тонкой шейкой, ну всем остальным, разумеется. Но Ленке на тот момент было двадцать лет. Вполне взрослая девушка. А этой двенадцать и что между ними общего?

Есть, есть общее, и это не только зеленые глаза, но и какая то чистота, наивность, а еще бьющая через край энергия и жажда жизни. Вот что привлекало меня в Ленке всегда, а в сочетании с ее внешностью, делало ее неотразимой и не только для меня. Пришлось, знаете, побороться кое с кем за ее внимание и взаимность.

Но это было в другой жизни. А в этой что? Неужели здесь я педофил? Если не брать во внимание то, что этой тушке всего тринадцать лет, то несомненно педофил, но к счастью педофил платонический. Ну как Льюис Кэрролл с его Алисой и даже более платонический, чем Льюис, тот все таки мужик взрослый.

Правда на мой не просвещенный взгляд книжка его про «Алису в Зазеркалье» полная хрень заумная, а не детское чтиво, но как говорит Сидорович из моей любимой игры «Тени Чернобыля»: «Я в чужие дела не лезу», хотя отыскать эстеты-математики в ней какой то скрытый глубокий смысл — пусть ищут. Я же человек простой, и абсурдную чепуху, нагороженную этим чудачком, так и называю.

А вот портрет Алисы Лиделл мне нравится, спасибо Льюису за то, что сохранил для нас ее образ. И скорее всего, не прав я по поводу его книги. Вполне возможно весь смысл этой экзотики не дать забыть ту чудную девчушку, однажды встретившуюся в его жизни. И если это так, то я снимаю перед ним шляпу и беру свои слова обратно. С этим и заснул.

А утром припёрся к нам сам господин староста — Аким Силантьев. Сняв шапку и покрестившись на иконы, не раздеваясь, присел к столу. На вопрос деда, что привело его к нам в такую рань, сказал:

— Шатун возле села объявился, Софрон Тимофеич. Утром раненько прибег до меня Ивашка Соболев, ну ты знаешь его, домишко его крайний, рядом с согрой.

— Да знаю я тут всех и Ваньку тож. Летна боль! Ты по делу давай.

— Ну дак я по делу. Прибег, значит, трясется, говорит вышел ночью во двор по малой нужде и слышит ломает кто то пригон, и порывается. Забежал в хату ружьишко кой как зарядил да и выпалил, дверь чуть приоткрыв.

— И чё? Попал?

— Да где там. Но вроде напугал. «Хозяин» зорить пригон перестал порычал только да и ушел.

— Он, что видел «хозяина»?

— Говорит, видал, когда по новой ружье зарядил, ну и выглянул, тот как раз к согре подходил. Просидел Ванька со своей пукалкой в обнимку, возле двери всю ночь. А чуть забрезжило так и прибег ко мне во двор.

— Справил, значит, Ванька нужду. Летна боль!

— Ага! Справил! В исподнее. — ухмыльнулся своей немудрящей шутке Аким.

Блин! Это что такое? Староста хочет подбить деда на медведя-шатуна поохотиться. Вот гад какой! А ведь дед согласится, точно согласится. Ну и что делать? Да ничего делать не буду, с дедом пойду. Ну за одним и на медведя поохочусь, надо же когда ни будь начинать. Попаденец я, или где?

С другой стороны, что это я так разволновался. Силантьев ведь не с бухты-барухты к нам пришел. Дед, уже не одного медведя завалил, думаю и с этим справится. Но все равно стрёмно. А между тем, дед продолжал расспросы:

— Аким, а ты к Семену Шабалкову ходил?

— А чего ноги зря бить? Пьет Семка! Какой день не просыхает. Да и не пойдет он в святки на охоту? Боюсь, порвет кого ни будь шатун. Кроме тебя Софрон и просить некого.

— А ты не знаешь кто «хозяина» поднял?

— Да откуда же? Хотя постой. Приезжал тут намедни из Солтона мужик. Вот он и рассказывал, что подрал зверь какого то, охотника. Кажется Терентий Злобин его звали.

— Вона как, Злобин значит. Терентий охотник знатный, не одного зверя взял, значит, говоришь, подрал его «хозяин».

— Ну за что купил, за то и продаю.

Дед помолчал, почесал бороду и сказал:

— Хорошо! Попробуем его выследить. Только ружье у меня сломалось. Ладно, у Ваньки с Кузьмой ружье есть. Справимся!

— Дак это.... Я с вами пойду, ружье у меня новое, двуствольное, ну и собаку свою возьму.

Дед снова потеревил свою роскошную бороду:

— Нет, собаку не бери. Вот если из берлоги поднимать, тут собаки нужны. А шатуна и спугнуть пустобрёхи могут. Обойдемся одним Кабаем, он зря не гавкнет, а выследить поможет. — Дед обернулся ко мне — Ляксей сбегай к Ивану с Кузьмой, обскажи им все, пусть приходят не мешкая. Да и пусть ружье с рогатиной захватят.

Я быстренько оделся и выскочил за двери. Во дворе встретил, направляющегося к нам, Архипку:

— Архипка, побежали к Щербаченкам. Тятка с дядькой Акимом на шатуна охотиться собирается, ну и их позвать велел.

— Ух ты! А мы с тобой как? Нас то возьмут? — заприплясывал от желания сходить на настоящую медвежью охоту Архипка.

— А мать то тебя отпустит. — Уже на бегу спросил я его.

— С дедом Щербаком и с тобой отпустит. — Уверенно ответил он.

Добежали быстро и даже не запыхались, не зря уже почти полгода тренируемся.

— Архипка давай к дядьке Кузьме. Скажи, чтоб ружье взял. А я к Ивану заскочу.

У Ивана семейство сидело за столом и завтракало. На высоком стульчике с перекладной восседал Дениска и возил ложкой кашу по деревянной чашке и по своей мордахе, отрываясь только на попытки накормить своего друга Ваську, который сидел рядом на лавке и отворачивал толстую усатую морду от каши.

Едва я вошел, меня тут же попытались усадить за стол и тоже покормить. А когда я сослался на недостаток времени и рассказал за чем я пришел, тетка Варвара всучила мне вкуснейшую шанежку. И когда я доедал вторую, в хату ввалились Кузьма с Архипкой, которые тоже получили по шанежке. Сколько же их она напекла то? Иван глянув на жующего Кузьму спросил:

— Ружье то взял?

Кузьма, прожеваввши шаньгу, сказал:

— В сенях стоит. Митька, а где твоя бандура? Вдруг я промажу, а ты тут как тут с самострелом, ну и завалишь «хозяина».

— Да уж не промахнусь. — Хмуρο сказал Митька не любивший дядькины подначки.

— Вань, вы поберегитесь там. — Скрывая тревогу, сказала Варвара.

— Не бойся Варька! — засмеялся Кузьма. — С нами вон какие стрельцы идут. — Кивнул он на нас с Архипкой. — Они Карася влет срезали, чё им какой то шатун. Ты лучше пирогов поболе напеки. Найдем мы «хозяина» или не найдем, а нашьлемся вдосталь и жрать захочем. Вот пироги и пригодятся.

— Ладно, побежали мы. — сказал я выскакивая с Архипкой из хаты.

Через некоторое время все охотники собрались у нас во дворе. Дед увидев нас с Архипкой с арбалетами в руках ухмыльнулся, но не прогнал. Сказал лишь:

— Митька отдай свой самострел Ленке, а сам мой возьми. Сможешь взвести?

— Попробую! — Митька взял монструозный дедов арбалет и с трудом взвел. Блин! Силён Митька, очень силён. Я его арбалет взвести смог лишь с помощью Архипки.

Встревоженной тетке Степаниде дед тихонько сказал:

— Не волнуйся Стеша! Ничего с мальцами не будет. Пусть мужиками растут.

Выходя на дорогу, я оглянулся — тетка Степанида, что то шептала и крестила наши спины.

Выйдя за деревню, встали на медвежий след. Следы огромные, снег под ними уплотнен и по ним можно спокойно идти, не проваливаясь. Дед сразу же распределил роли:

— Ванька и ты, Кузька, идёте сзади и смотрите, если он нас почует, то может петлю сделать и с заду напасть. Вы стрельцы идете в середине. А мы с тобой, Аким впереди идем, ну и Кабай с нами. Не орать! Говорите тихо.

Таким ордером мы уже третий час снег пашем. Устали как собаки и надоело всё. Похоже, медведя мы сегодня не увидим. Этот гад истоптал всю округу и я даже уже и представление не имею где мы находимся и в какой стороне родная деревня и дом. А дед прёт по следам без устали. Ну понятно он работает — следы разбирает, а мы за ним тащимся бездумно, а медведя как нет так и нет. Я вдруг вспомнил, а ведь мужики ни разу медведя медведем не назвали, все зверь, шатун или «хозяин», табу у них такое, что ли перед охотой. Спрошу потом.

Дед вдруг остановился, перехватил поудобнее рогатину, он ее почему то «пальмой» называл, и стал оглядываться. Аким спросил с тревогой:

— Ты чего Софрон?

— Тихо. Здесь где то он, рядом.

— Неужто ты его чуешь? — удивился Силантьев.

— На пса посмотри. Вот он чует. — И правда, поведение Кабая изменилось он как то подобрался и шерсть на загривке дыбом встала.

— Так мужики приготовились. Аким, Кузька не зевайте. Вы стрельцы встаньте за мной и в стороны. Ванька за Акимом с Кузькой приглядывай. Митька ты за мальцами смотришь. Давай Кабаяшка куси его!

Кабай гавкнул пару раз и побежал, забирая по дуге, к большой пихте стоящей в метрах тридцати от нас. Снег под пихтой будто взорвался и оттуда выскочил здоровенный медведь. Он взревел и помчался на нас как танк. Кабай кинулся к нему и схватил его за заднюю ногу, но медведь даже не замедлился, махнул лапой, Кабай кувыркнулся в воздухе и зарылся в снег. У меня екнуло сердце, но горевать было не время. Аким вскинул ружье и бабахнул. Но явно промазал староста. Второй раз выстрелить не успел. Медведь, пробежав мимо Силантьева, свалил его легким касанием. Аким, выронив ружье, забарахтался в снегу. Тут

выстрелил Кузьма и, похоже, попал, но медведь не остановился, а взревев, ринулся на загородившего ему дорогу, деда.

Я, конечно, читал про охоту на медведя и знал, что тот, вроде бы, должен встать на дыбы, и идти на охотника на задних лапах.

Этот гад явно не грамотным был и книг не читал. На дыбы вставать не стал, а пёр на нас, наклонив лобастую голову и страшно рыча. Дед, низко пригнувшись, вогнал ему свою «пальму» чуть ниже морды, заставил медведя присесть на задние лапы, вбил противоположный конец рогатины в снег и придавил его ногой. Медведь, заполучивший сантиметров тридцать острого железа в мохнатую тушу, подыхать не собирался. Он ревел от боли и ярости, выбрасывая вперед громадную лапу с чудовищными когтями, пытался полоснуть противника. Дед, хрипло рыча от натуги, держал трещащее древко и отклониться не мог. Иван ломился на помощь как лось, боясь не успеть, кричал зависшему от неожиданности сыну.

— Митька! Бей!

Мы с Митькой отмерли, подскочили к медведю почти вплотную и с разных сторон выстрелили в оскаленную морду. Тот рывкнул, дернулся и ткнулся носом в снег, выбив из рук деда древко. Дед отступил на два шага, а мы взвели арбалеты и направили их на лежащего медведя, готовые выстрелить при малейшем движении. Но тот не шевелился. Подбежавший Иван, осторожно подошел, потыкал своей рогатиной мохнатый бок, махнул рукой и сказал:

— Готов!

Дед, наклонившись, с трудом выдернул из лежащей туши свою «пальму» и, опершись на нее, просипел подскочившему Кузьме:

— Акима глянь. Живой ли.

— А чего ему делается? Вон копошится, ружье свое ищет, а ружье то вот оно. Там в одном стволе заряд остался, а вы тут и без меня справились. — И, повернувшись к роющемуся в снегу Силантьеву, весело прокричал: — Эй, староста, не ищи. У меня твое ружье. О! Смотрите, Кабай ковыляет. Живой, собака.

К нам по дороге, как бульдозером проторенной медведем, прихрамывая, плелся пес. Мы с Архипкой, побросав арбалеты, кинулись к нему. Я упал на колени и, обхватив мохнатую шею, пробормотал:

— Кабаяшка! Живой, живой.

Кабай виновато глянул, по щенячьи тихо, гавкнул и облизал мне лицо своим мокрым языком. Архипка, осмотрев пса, сказал:

— Крови нет. Знать ушибся только. Ничего! Заживет как на собаке.

Когда подошли поближе к убитому медведю, Кабай порычал немного и отошел в сторонку. А вокруг собрались все участники охоты и разглядывали огромную тушу. Кузьма, свистнув, озадаченно произнес:

— Ну и как мы попрем его? В нем весу пудов пятнадцать не меньше.

— Да кабы не больше пятнадцати будет. Матерый зверюга! — Сдвинув шапку и почесав затылок, констатировал Аким.

— Гляди-ка! Не промазал ты, Аким. Вон куда попал. — Иван указал на левую заднюю ногу. — Вскольз прошла.

— Да и Архипка не промахнулся. — Засмеялся Кузьма. — вон стрелка торчит в другой ноге. Ты куда стрелял то, охотник.

— Не помню! Испужался сильно.

— Ну, это тебе не в Карася целить. Штаны то сухие, или как?

Архипка испуганно дернулся проверить штаны. Увидев это, все захохотали. Тот, убедившись, что не уписался со страху, заулыбался и сказал с торжеством:

— Чё я трус што ли? Знамо дело, сухие. — Чем насмешил еще больше. Похоже, пошел адреналиновый откат. Иван, просмеявшись, спросил Кузьму:

— Ты то куда попал?

— Ну, я куда целил туда и попал. Вон гляди. — Показал на обильно залитый кровью бок. — Жилу пуля перебила. Сдох бы скоро.

— Сдох то бы он сдох. Но головенки всем успел бы открутить. Хорошо, Митька ему в ухо болт засадил, до мозгов достал. — сказал дед. — Да Ленька вон прямо в пасть попал.

— Выходит только ты один, Ванька, не при деле, даже не пощекотал «хозяина». — Снова засмеялся Кузьма. Тот несколько не огорчаясь данным фактом, развел руками, не судьба мол. Дед, чуть отдохнув, начал командовать:

— Ну, поржали и будет. Аким ты с мальцами, иди в село за санями, запряжешь лошадку, что покрепче, а лучше две и саней двое. А вы — кивнул он нам — баб успокойте, скажите, что скоро будем. Архипка матери передай, пусть баньку нашу протопит, поесть соберет. У нас посидим. Ванька мы с тобой тушу разделяем, Митька с Кузьмой волокушу делайте. — Заметив, что Аким стал оглядываться, не зная куда идти, ухмыльнулся и показал:

— Дорога в той стороне, близко, меньше четверти версты до нее. А село вон там, тоже не далеко.

Я поднял Митькин арбалет, и удивился тому, что он взведен. Но потом вспомнил, что сам и взвел его, в запале забыв о том, что на этот подвиг мне не хватает силенок. Выходит, хватает! Но повторить это упражнение в ближайшем будущем вряд ли смогу, ну если еще раз не попаду на медвежью охоту. А я не попаду! Одного раза хватило с избытком. Это у деда с сыновьями стальные гм... тестикулы, я же органами такой крепости пока не обзавелся, штаны хоть и сухие, но коленки то дрожат. Да и медведи ничего плохого мне не сделали. Ну бог с ними с медведями; домой пора. Позвал Кабая и мы с ним почапали вслед за Силантьевым и Архипкой.

Победу над шатуном мужики отпраздновали знатно. Выдули у деда всю бражку, заставили меня с Архипкой слетать за самогоном к жене Акима, которая с сомнением на нас посмотрела, но бутыль мутноватой жидкости выдала.

Нам с Архипкой не налили, а вот Митьке стаканчик бражки дернуть разрешили. Правда один стакан слабенькой бражки хлопцу был, что слону дробина, но спорить и просить добавки он не посмел, и совершенно трезвый, повел глубокой ночью изрядно набравшихся мужиков по домам. Дед, пивший со всеми наравне, держался твердо и проинструктировал Митьку, чтобы тот развел Акима с Кузьмой по домам и сдал на руки женам, и лишь потом отвел отца к его драгоценной Варьке. Митька молча кивнул и пьяная троица обнявшись, шатаясь из стороны в сторону, нещадно фальшивя и сбиваясь, громко поведала заснувшему селу о пресловутом бродяге, который проклиная судьбу, подходит к Байкалу. Чуть отстав, Митька зорко следил за певцами и при необходимости задавал им нужное направление.

На следующий день, несколько подуставшим от святочного веселия, пейзамам, придало новые силы, известие о том, что староста Силантьев Аким и дед Щербак с сыновьями, выследили и упокоили здорового медведя-шатуна, кошмарившего село последние два дня, и праздник, можно сказать, получил второе дыхание. Прямо с утра, чуть ли не все сельчане подтянулись ко двору старосты, куда, по распоряжению, предусмотрительного и не

любившего лишнюю колготню, деда, была свезена вчерашняя добыча.

Силантьев, в лучших традициях предвыборного пиара, выдал промерзшую в сарае тушу для «продолжения банкета». Опухшая и отупевшая от многодневного пьянства, активная часть «электората» воспряла духом. Мигом нашлись организаторы и исполнители. Уже через час тут же на улице в нескольких котлах варилось мясо незадачливого медведя, а на вытащенных из хат столах появились капуста квашенная, огурчики солененькие и другая нехитрая снедь. Ну и самогон с бражкой оказывается не все были выпиты за праздники. Изрядно еще оставалась веселящего напитка на селе. И праздник медленно, но неумолимо обретал новую силу и мощь.

Я, видя, что селяне полны решимости схватить медведя и вспомнив, что читал о зловредных паразитах, водящихся в медвежьем мясе, сказал деду:

— Тятя! Я читал у отца Серафима в книжке, что нельзя медвежье мясо есть, какие то паразиты, ну очень маленькие червячки такие, в нем. Если в человека попадут то и умереть можно.

— Не первого медведя едят. Летна боль! Живы пока. Врет поповская книжка.

— Ну там написано, что нужно долго варить мясо или прожаривать хорошо.

— Дак и варят долго. Иначе не уварится мясо то, хрен прожуешь. Хотя знавал я ухарей, что печень медвежью сырьем ели.

— И как? Все живы?

Дед задумался, вспоминая, и удивленно посмотрел на меня:

— Дак, двое их всего было. Помер один, а Гришка Ненашев из Кузедеевки, сказывают животом мается, того и гляди помрет. Летна боль! Не врет, значит, книжка то?

— Думаю, не врет. Тятя, вели нашим поберечься, пусть проваривают мясо хорошо, ребятишкам маленьким пусть не дают.

— Хм! Ладно, скажу. Летна боль!

Теперь за родню я был спокоен. Иван да Кузьма хотя давно живут самостоятельно, но дедовское слова для них закон. Дед правда очень редко давит на них авторитетом, но уж если, что велит, то исполняется неукоснительно. А своим пацанам я сам разьясню «политику партии».

К слову сказать, поедание медвежьего мяса никак не повлияло на здоровье сельчан. Толи правда, долго вываривали, толи бражка с самогоном была паразитам не в жилу, но как бы там ни было, никто не заболел. А медвежью шкуру выпросил у деда Аким Силантьев.

Так что мы с дедом с той охоты не получили никакого прибýtка. На мой вопрос, дед ухмыльнулся и сказал:

— Какой тебе, летна боль, прибýtок нужен? Целы остались и ладно. — Потом произнес серьезно. — Нельзя подраненного шатуна оставлять возле села, обязательно бедокурить будет: пригоны ломать, скотину драть, а там и до людей добраться может. Вы вон с Архипкой почитай через день на охоту ходите. А встрел бы он вас, или кого другого? Что тогда?

Действительно, что тогда? А ничего тогда не было бы: ни меня, ни Архипки. Видел я, как стремителен и страшен нападающий медведь. После этого как то слабо верится рассказам, о том, что его можно убить ножом. Какой на фиг нож? Куда втыкать то его, если зверюга прет на тебя со скоростью колесного трактора. Полюбопытствовал у деда насчет ножа:

— Ножом? Ну, сам такого не видал, хотя и слышал, что есть такие охотники среди

самоедов.

— Понятно! А почему вы в разговоре ни разу медведя медведем не назвали, все шатун или «хозяин». Табу такое что ли?

— Чего? Что за Таба такая? Летна боль!

— Табу — это запрет, то есть запрещено что ли перед охотой медведя медведем называть?

— Дак никто не запрещал. Хочешь — называй. Только удачи не будет или того хуже: заломает тебя медведь, летна боль.

— Ну тогда понятно.

Самое забавное; вся слава в деле избавления деревни от шатуна досталась старосте. Ну, еще Митьку упоминали. Про деда с сыновьями если и говорили то вскользь, как о чем то обыденном. И правда, что тут такого? Завалил дед Щербак с Щербаченками медведя, ну так не первого же. Бог даст, еще не одного возьмут на рогатину. Аким Силантьев и не охотник вовсе, а поди ж ты, не побоялся. А с другой стороны, много видели вы чиновников, готовых лично рискнуть здоровьем и жизнью, спасая граждан? Ни одного не видели? То-то! А староста села Сосновка Силантьев Аким — вот он!

Наш же с Архипкой авторитет, среди сверстников, вырос до небес. Платоха с Антошкой даже обиделись, что мы их не пригласили. Я, стараясь поумерить их пыл, сказал:

— Знаете пацаны, я там чуть в штаны не наложил со страху. Если бы не дед с Митькой, то нам с Архипкой полный пипец пришел бы. Порвал бы нас шатун в клочки. Он прямо на нас пёр, а дед ему «пальму» в грудь воткнул и держал пока Митька болт медведю в ухо не засадил, ну и я, с перепугу, ему в морду стрельнул. Нет пацаны, пока не вырасту как дед, на медведя не пойду. Стремно!

— Архипка ты тоже спужался? — Это Платошка обратился к другу.

— Я?.... — Было видно парню очень хочется похвастаться смелостью. Но, взглянув на меня, сознался. — Еще как испужался. Только в лапу шатуну и попал. А что ему моя стрелка? Не заметил даже. Вон Кабай его за гачи схватил, так тот лапой махнул и полетел Кабай в снег. Как только цел остался? А когти какие у него, вершков пять не меньше. А лапища, что твое тулово. Он этой лапищей с когтями всё деда Щербака доставал, ну и ревел страшно. Ну ее на фиг такую охоту. — передернул плечами Архипка.

— Ладно пацаны, не партесь! Подрастем, купим ружья тогда и сходим на медведя. — Обнадежил я друзей.

Глава девятая

Выражение «крещенские морозы» явилось не на пустом месте. Измерять температуру за окном было нечем, но по ощущениям градусов сорок держались больше недели. Нос на улицу высовывать не хотелось, но приходилось. Скотину кормить надо? Надо. Дед еще силков в лесу наставил; ходили с Архипкой проверять. А, впрочем, притерпишься, вроде и не так уж и холодно. Да и одевались мы тепло. Когда температура поднялась градусов до двадцати, то деревня ожила. Ребятишки на улицу выползли, бабы вон у колодца о чем то судачат, мужики за сеном поехали. Движуха пошла.

А у нас новость! Дед с теткой Степанидой решили отношения узаконить. Вообще то деду всего пятьдесят семь лет, и он здоров как ни знаю кто. Так что могут с теткой Степанидой еще и ребенка завести. И что раньше то не поженились? Скорее всего какие то церковные заморочки. Но дед видимо попа уломал и тот согласился их повенчать. Правда, венчание прошло совершенно не торжественно, и свадьбы как таковой не было. Так посидели немного, в узком кругу, где кроме двух семейств Щербаченков были: Баба Ходора, отец Серафим с попадьей, маленькой, кругленькой старушкой, староста с женой, студент и, неожиданно для меня, Жабин тоже с женой.

Видать дед с местным «олигархом» вполне в дружеских отношениях. А Жабин это ведь зерно, хлеб то бишь. А если еще и Самылова привлечь то и транспорт этот хлеб возить в наличии. Хм! Надо как то деда уломать, что бы с Жабиным поговорил о создании «ООО» по торговле зерном с нашим участием. Жабин похоже организатор приличный и выгоду не упустит. Вот только с золотишком как быть? Это дело упускать совершенно не хочется и, если место там никто еще не застолбил, то тысячи две рубликов за сезон там поднять можно. А это сейчас очень приличные деньги. А значит дед из участников «ООО» выпадает. Кузьму привлечь к делу по торговле зерном? А что, это идея! Пожалуй Кузьма справится. Осталось всего ничего — убедить этих упрямец. Пророком поработать что ли? Рассказать о грядущем неурожае в Рассее и скачку цен на хлеб. А может Бабу Ходору привлечь, пусть по предсказывает. Ладно! Время еще есть, обмозговать надо все. Да и денежек надо где то взять. Хотя, подозреваю, есть у деда заначка на черный день.

Нам с Архипкой женитьба деда только в плюс. Тетка Степанида с Егоркой переехала в наш дом. А мы из их хаты себе спортзал сделали, ну ночевали там, чего молодоженам мешать. В импровизированный спортзал и Антоха с Платошкой подтянулись. Теперь вчетвером занимаемся, ножи кидаем, ну и драться учимся.

Я в той жизни, еще школьником, чуть меньше года классической борьбой занимался, потом ее еще греко-римской назовут. Особых спортивных достижений не имел, но кое чему научился. Правда в реальной уличной драке все эти приемы оказались мало пригодны, хотя бы потому, что нам на тренировках было буквально вбито в подкорку — при проведении бросков страховать партнера, чтобы тот не сильно приложился об маты.

Мой друг детства, Генка Скляр, который занимался гораздо дольше меня и имел даже какой то разряд, рассказывал, что, учась в техникуме и будучи на сельхоз-работах в одном из колхозов, столкнулся на танцах в деревенском клубе с местным пьяным бугаем, разогнавшим танцующую молодежь. Генке удалось перехватить его и бросить через бедро, разумеется подстраховавав, чтобы тот не свернул себе что ни будь. Бугай, поднявшись с пола, снова кинулся на него и снова был повержен чисто выполненным броском и так несколько раз,

пока в очередной раз, изрядно подуставший, Скляр не смог чисто провести прием против, весившего килограммов на двадцать больше, противника. И тот, оказавшись сверху, схватил его за горло. И только удар ладонями по ушам, и подоспевшие сокурсники, стащившие озверевшего буйна, спасли его.

Я тогда спросил друга, а почему он не приложил своего визави хорошенько об пол с первого или второго раза. Тот, подумав, ответил, что действовал на автомате. Бугай, нападая, так хорошо напрашивался на броски, что проводя тот или иной прием, он по привычке подстраховывал «партнера» переводя борьбу в партер. Но поскольку судей в деревенском клубе не было то, не слишком пострадавший от бросков бугай, раз за разом вставал и, наконец, подловил уставшего подростка, которому было тогда всего шестнадцать лет, и чуть не придушил.

Поэтому я не стал с пацанами отрабатывать знакомые мне борцовские приемы. Да и матов у нас не было, а на пол падать не айс. Больно блин! В снегу возиться тоже не очень хотелось. Лупили набитый соломой мешок, учились уклоняться от ударов ну и растяжка. Гибкость и скорость реакции отрабатывали. Надев самодельные перчатки, периодически друг друга колотили. Но вспомнив интернетский обучающий ролик, где девчонка лихо освобождается от захватов и даже бросает противников на пол, решил, что не худо и пацанам такому поучиться. Больше всего в такой борьбе преуспел Архипка. Ловкий и крепкий, он хотя и был ростом ниже нас троих, но валял и бросал любого из нас, как котят. Даже втроем нам не всегда удавалось с ним справиться.

С Косым я все таки подрался. Подловил он меня когда я от Бабы Ходоры домой топал. На свою голову подловил! Взял я грех на душу, набил таки морду своему давнему врагу. Мне, конечно, тоже досталось и как бы не больше чем Косому, но тот удрал от меня с разбитым носом и подбитым глазом. Не знаю теперь: сознаваться на исповеди или погодить, сохранить, так сказать, грешок на будущее. Не последняя исповедь то, будет в чем каяться.

А еще я пристроил в ученицы к Бабе Ходоре Катьку Балашову. Когда начал разговаривать о девчонке со знахаркой та, улыбаясь, спросила:

— Понравилась что ли? Девка она хорошая, но тощенькая, да и вырастет не раздобрее. А ты вон вроде Варьку Щербаченкову нахваливал.

— Ну Варвару я расхваливал за доброту и умение очень вкусно готовить, а вовсе не за дородность. Катька же по моему вырастет в редкую красавицу, и вовсе не худая будет, а стройная. Потом нравится мне она. Чем то жену мою напоминает.

— Ишь ты! А что жена твоя красавица была?

— Почему была? Надеюсь, что и сейчас есть, там у себя. А красавицей я бы ее не назвал, она у меня лучше, чем красавица, хотя заноза еще та.

— Госкуешь?

— Ну а ты как думаешь? У меня там еще и внуки есть. Внучка уже совсем взрослая в Москве отучилась и работает там же. А внук в школе учится двенадцать лет ему.

— Девка! В Москве! Одна! И кем же она там работает?

— Ну вряд ли тебе ее должность о чем то скажет. Исполнительный директор в каком то клубе она.... Эх Феодора Савватеевна ты даже не представляешь насколько там другая жизнь. И женщины там другие: на машинах ездят, в армиях служат, странами управляют. В Германии уже лет двенадцать или даже больше, баба правит. Ангелой Меркель ее зовут. Да и в некоторых других странах президентами женщины. Вон даже в Америке ну то есть САСШ по местному, чуть было бабу в президенты не выбрали. А нашем мире Америка самая

богатая и сильная страна. Американцы себя самыми главными в мире считают. Главнюки блин. Лезут во все щели.

— САСШ у вас значит самая богатая и сильная. Не любишь американцев? Ишь как тебя разбирает когда говоришь об них.

— А за что Пиндосию любить? На них у нас полмира работает. Их доллар главная валюта, вся международная торговля в долларах ведется. Было когда то, золотом доллар обеспечивался, но потом они это отменили. Теперь за резаную бумагу они любой товар получают. Да черт с ними с пиндосами ты Катьку учить возьмешься?

— Чему же ее учить то прикажешь?

— Для начала грамоте: читать, писать, арифметике, ну лекарскому делу по возможности. Пусть она рецепты переписывает. Есть же у тебя какие либо записи о лечебных свойствах трав.

— Есть как не быть то. И записи есть и так в памяти многое держу.

— В памяти говоришь, а что записать не судьба. Записанное оно всяко надежнее сохранится.

— Так не все записать можно. Тут даже рядом стоять будешь, а ничему не научишься коли «силы» нет. А у Катьки твоей «силы» нет, тараторка и сплетница она.

— Сплетница говоришь? Есть малёхо. Но это скорее от того, что мозги в деревне девчонке занять особо нечем. Да еще и энергия ее прямо таки распирает, по селу пешком не ходит, носится только пыль столбом. А что «силы» нет так это не беда. Отвары и мази твои, что без «силы» не лечат? Так, что давай бери девчонку в ученицы. Вот только как родителей ее уговорить?

— Это как раз и не трудно. Намекну, сами приведут, учи только. Ладно уговорил. Возьму твою Катьку, пока моя внучка в возраст не войдет.

— Вот как! Внучка у тебя есть? И сколько ж лет той внучке?

— Год еще только. Года через три можно будет уже и учить начинать. «Сила» у ней должна быть не малая. «Сила» то у нас от бабки к внучке передается. Вон бабушка моя Христина Павловна очень сильна была. Я то послабже буду.

— Ишь ты как у вас все запущено. Ладно! Договорились значит насчет Катьки! И еще, Феодора Савватеевна, я тут хочу соблазнить деда за золотишком сходить. Место еще с той жизни знаю. Как бы так нежненько просветить его насчет меня. Может посоветуешь что?

— Чего советовать то! Говори как есть. Дед твой все знает. Рассказала я ему про тебя намедни. А золото то тебе зачем? Зло от него только.

— Ну ты даешь Феодора Савватеевна! Неужели ты думаешь, я всю жизнь крестьянствовать буду, землю пахать, хвосты коровам крутить? Нет уволь, не мое это. Золото как таковое тоже пока не нужно. Вот денежки, которые за это золото получить можно, очень даже пригодятся. И нужно мне тех денежек очень много. Планы у меня кой какие есть. А насчет зла, нет его в золоте, это всего лишь металл, в людях зло, ну и добро, собственно, там же.... Так говоришь знает все дед? И что, поверил он тебе?

— Не сразу, но поверил. Уж слишком развернулся ты в селе. Потихе надо бы. Среди ребятишек только и слышно: Ленька Немтырь то, Ленька Немтырь се. Да и мужики начинают интересоваться, Жабин, вон рассказывает как ты с ним торговался, Проньку Карася опасаться вам с Архипкой надо. С гнильцой он Пронька то, все перед Саввой Зыряновым лебезит, в доверенные влезть хочет. У Зырянова же с дедом твоим вражда старая. Как бы не нагадили чего.

— А! Ерунда! Бог не выдаст, свинья не съест. Спасибо что предупредила. Как говорил кто то из великих: «Предупрежден, значит вооружен».

— Ага, еще говорят: «Дай бог нашему теляти волка поймати». — Съязвила знахарка и, помолчав, спросила:

— Ленька-то как там? Что-то не видно его и не слышно.

— Ленька говоришь? Ты не поверишь Феодора Савватеевна, я и есть Ленька!

Знахарка с изумлением посмотрела на меня, не веря сказанному. Наконец произнесла:

— Ты? Ленька?

— Ленька, Ленька. Наполовину, а скорее даже больше, чем на половину. И Алексей Щербаков это тоже я.

— Да как же это?

— Хрен его знает как.

Я не врал Бабе Ходоре. Буквально два дня назад мне показалось, что проснулся под утро и не мог понять кто я. В голове вертелась какая то карусель из слов, обрывков мыслей и образов. Какие то видения наплывали на меня из темноты. Светлые и радостные сменялись вдруг темными мрачными. Вот я бегу по зеленой-зеленой травке к красивой, молодой женщине, присевшей на корточки и расставившей руки. Я подбегаю, она обнимает меня тормозит, целует и я вдыхаю неповторимый запах — запах мамы. Она пахнет свежим хлебом, молоком и цветами. Она поднимается на ноги, подкидывает меня в яркое голубое небо, а потом, взяв за руки, начинает кружить, счастье захлестывает меня. И вдруг я вижу бородатых скособоченных уродов, одетых в рванье, которые тащат мою маму в сторону от дороги она кричит и вырывается. Я, схватив какую то палку, бегу следом и бью изо всех сил одного из них. Тот бросив маму оборачивается ко мне и свет взрывается красными искрами и гаснет. А в наплывшей тьме мелькают лица, безобразные хари, вращающиеся серые круги и еще что-то бесформенное темное и страшное. Потом снова зеленая травка, а по ней бежит смешной щенок. У него непропорционально большая голова и толстые длинные лапы, которые плохо его слушаются. Вот они запутались в траве, и щенок кувыркнулся через голову, поднялся и, звонко тьякая, стал нападать на травяную кочку свалившую его. И снова тьма: медленно уплывающее в эту тьму мамино лицо. Я бегу за ней, но тьма становится вязкой и не пускает меня. Я в отчаянии зову: «Мама! Мама!» и окончательно просыпаюсь.

Сердце колотится у горла, лицо мокрое от слез. Я встал с лавки сунул ноги в валенки надел полушубок, нахлобучил шапку и вышел на крыльцо. Ветер гонял по двору солому, кидал в лицо колючие снежинки, посвистывал в печной трубе. И ни одного огонька не видно в серой заснеженной мгле. Спит село. Я подставил лицо под снежные заряды и закрыл глаза. Не знаю сколько я так стоял; может час, а может всего несколько минут, замерз как цуцик и пошел досыпать.

Проснулся поздно, голова как пустой котел, кажется, постуки — зазвенит. Встал с лавки, попытался дойти до умывальника и чуть не упал. Ноги не шли и равновесие держать было очень трудно. Накатил страх. Это что, я ходить разучился? Я? И кто этот я? Вот блин новость! И ходить разучился и память потерял, и что теперь делать? Хлопнула дверь и странно одетый подросток появился в дверном проеме. Он повернул ко мне румяное от мороза лицо и громко произнес:

— Ты че Немтырь валяешься! Там снегу навалило! Я один чищу, чищу, а тебя все нет и нет.

— Архипка .... — просипел я и замолк, потому что в мою бедную голову хлынул поток

информации, я захлебнулся в этом потоке и отключился.

Очнулся от того, что кто-то тряс меня:

— Ленька! Ленька! Ты чего? — мой друг Архипка Назаров тормозил меня, приводя в чувство. — Немтырь ты чего сомлел то? Никак заболел?

— Архипка перестань меня трясти. Я уже очухался. — прохрипел я, приподнимаясь и оглядываясь по сторонам. Фильм такой был: «Вспомнить все!» назывался. Вот и я вспомнил все! Но легче от этого не стало. Как говаривал классик: «Все смешалось в доме Облонских». Вот и у меня в башке все смешалось. Толи я тринадцатилетний подросток Ленька Забродин по прозвищу «Немтырь», толи старик из двадцать первого века по имени Алексей Щербаков, или я некто третий, слепленный из двух уже упомянутых. Ага, «Я его слепила из того, что было ...». По хорошему: обдумать бы все это надо, прикинуть кое что кой к чему, ну и определиться в конце концов. Мешал Архипка, заглядывающий мне в лицо с тревогой и надеждой.

— Давно я тут валяюсь? — спросил я друга.

— Как ты упал, так я к тебе подскочил трясу, зову, а ты как мертвый — не откликаешься. Я уже за дедом Щербаком хотел бежать.

— Минуты две значит. — Констатировал я факт. — Не надо никуда бежать и рассказывать никому не надо. Сморило, меня что-то. Ты, Архипка иди, почисти двор пока один, а я отлежусь чуток и выйду, помогу.

— А ты снова не хлопнешься?

— Не бойсь, не упаду. Прошло уже всё. Матери скажешь, что подойду чуть позже, пусть каши мне оставит.

— Ладно. Только ты долго не залеживайся, а то дед за тобой придет, он пока коней обихаживает.

— Хорошо!

Я поднялся с пола и, пошатываясь, дотащился до лавки. Архипка дождался, пока улягусь и убежал. Я же, закрыв глаза, попробовал разобраться в происшедшем. А ведь ничего особенного и не произошло. Просто две личности обитавшие в одной хиловатой тушке, наконец слились в одну. И кто же теперь я? Конечно же не Ленька «Немтырь» деревенский мальчишка тринадцати лет от роду недавно заговоривший и совсем уж недавно научившийся читать и писать, и не Алексей Щербаков с его разнообразными но бессистемными знаниями, а некто третий. Покопавшись в памяти, я с удивлением обнаружил, что могу вспомнить все, что имелось в памяти старика, даже то, что он сам вряд ли помнил, а вот воспоминания мальчишки были обрывисты и до предела эмоциональны. И что же это значит? Поразмыслив решил, что я все таки Лёнька, пацан который смог каким то образом присвоить знания и опыт старика, не зря ведь он последнее время тихарился. «Ленька то ты Ленька, да не совсем, меня тоже со счетов не сбрасывай». Эта насмешливая фразочка возникла в голове ниоткуда и повергла меня в шок. Шиза вышла на новый уровень? «Не надо суетиться — притремся. Как там у Пушкина: «Смешон и юноша степенный, смешон и ветреный старик». Вот и будем одновременно и юношей и стариком, а там посмотрим кому это покажется смешным». Гм! Звучит несколько двусмысленно.

Ладно! Хватит валяться и заниматься самоедством. Какая разница кто я. Главное жив, а там посмотрим что к чему. Как там, в детстве любимой, но, еще не написанной в этом мире, книжке (Или может это было в фильме по книге Соловьева? Вот блин не помню.): «Будем жить, будем петь, да на солнце глядеть, и кричать на весь мир: «Пусть подохнет эмир». Про

эмира это конечно лишнее, но с другой стороны, что их жалеть эмиров этих.

Встал с лавки, оделся, помахал руками, понаклонялся, поприседал. Все вроде нормально. Видимо моя новая личность вполне освоилась в тельце. Натянул валенки, полушубок, шапку, рукавицы и вышел во двор. Солнце радостно скалилось с ярко голубого неба, чистый снег сверкал мириадами искр, небольшой, всего градусов пять, морозец бодрил и принуждал двигаться. Архипка расчистил уже больше половины двора и видимо подустал. Я отобрал у него лопату со словами:

— Отдыхай! Остальное я почищу. — Тот лопату охотно отдал и спросил:

— Одыбался? Что было то с тобой?

— А хрен его знает, сомлел чего то. Прошло уже все.

— Это хорошо. На охоту то пойдем сегодня? А то Платошка с Антохой скоро придут. По свежим следам пару зайчишек всяко скрадем.

— Тогда бери вторую лопату и помогай мне. Побыстрее отгребемся да и двинем.

Охота, можно сказать, удалась: трех зайцев добыли. Правда если бы не Кабай, то вряд ли бы и одного взяли. Пес выгонял зайчишек прямо на нас, а мы безбожно мазали по шустрой подвижной мишени. Двух всего и подстрелили. Третьего словил сам пес и положил к моим ногам и насмешливо рыкнул, ощерив свои не маленькие клыки. Мне показалось, что пес держал нас за неразумных и неуклюжих щенков. Так это или не так у пса не спросишь, но его хитрая морда, прямо таки открытым текстом говорила о наших охотничьих умениях. Антоха с Платошкой взяли по зайцу, ну и нам на троих достался один. Дед, глянув на нашего зайца, сразу понял, чья это добыча. Спросил ухмыляясь:

— Что горе охотники всего одного добыли, и того Кабай поймал? — говоря эти не обязательные слова, он странно смотрел на меня. Под его взглядом я вдруг почувствовал себя маленьким мальчиком, чего то натворившим и ожидающим не минуемого наказания. Положение спас Архипка:

— Не а! Еще двух подстрелили! Их пацаны забрали. Антоха с Платошкой. Скачут зайцы быстро, тяжело попасть в них из самострела. — Его простодушная речь разрядила обстановку и развеселила деда:

— Быстро скачут говоришь? Дык на то они и зайцы, летна боль. Ну да ладно. Шкурку снимите да по аккуратнее, не попорте.

— Знамо дело, чай не маленькие. — Важно произнес Архипка. И надо сказать не подкачал. Шкурку с бедного зайца он снял мастерски и столь же ловко надел ее на специальное приспособление, которое обозвал пальцами и поставил сушится. Я глядя на это действие понял, что тоже так умею, но похуже и не так шустро.

Вечером, лежа на лавке попытался проанализировать в спокойной обстановке все происшедшее со мной с момента попадания личности Алексея Щербакова в тельце двенадцатилетнего подростка Леньки Забродина, по прозвищу «Немтырь». Как такое могло произойти я вряд ли когда либо узнаю. Да это не так уж и важно. Если бы я верил в существование бога, то можно было бы сослаться на божий промысел. Стоп! Как это если бы верил? Я верю! «В какого бога это ты веришь? В того, который позволил уродам убить у тебя на глазах отца с матерью или в какого то другого бога?». А ведь прав, прав старик. Боль и ненависть на мгновение захлестнули сознание. Я снова, в который уже раз, очнулся на той дороге. Двое или трое возились за кустами, что то там делая. Двое в рванье смотрели на лежащего и подергивающего ногами неказистого мужика. Под головой его растеклась темная жидкость. Неподалеку лежал ничком отец с топором в мертвой руке. Высокий рябой

мужик, одетый получше и почище остальных, стоял возле нашей телеги и копался в мешке с едой. Вот он оставил мешок и прислушался:

— Едет кто то. Обоз похоже. Эй вы! Бабу бросьте! Уходим. Пискун хватай мешок с жратвой. Чалый с Цыганом, лошадь выпрягайте, Горбатого на лошадь. И быстро, быстро.

— Рябой чё с ним возиться,дохлый он уже. Мужик ему башку топором расколол.

— Хош поспорить со мной? Делай, што говорю! Отвезем подальше и бросим. Здесь оставлять не след. И топор заберите.

Проследив за подельниками, Рябой подошел к лежащему отцу и вытащив из-за голенища нож ткнул этим ножом уже мертвое тело. Потом быстро заскочил за кусты и дважды резко взмахнул рукой. Затем сделал несколько шагов ко мне, но услышав близкий шумдвигающегося обоза, махнул рукой и нырнул в кусты вслед за подельниками. Я кое как поднялся и на заплетающихся ногах потащился к дороге. Не дошел, упал, но меня заметили.

Я никому не рассказывал про это. Горе и ненависть перехватывали горло и я не мог говорить. Но я запомнил тебя, Рябой, крепко запомнил. Ведь это ты там в кустах маму убил. И наверняка это ты ускользнул от деда и если есть на свете справедливость, то мы с тобой встретимся, Рябой. Я не верю в этого бога. Ты прав старик. Я не верю, но буду ему молиться — молиться о встрече. Ты напрасно не зарезал пацана, Рябой. Ненавистью жить нельзя и я снова запрячу эти воспоминания в самый дальний уголок, но не забуду, нет не забуду. Я не граф Толстой и щеки подставлять не буду, и если мы встретимся, то я узнаю тебя, Рябой, ну а там посмотрим. Ведь не зря же ко мне вселился этот старик из будущего. Он много чего знает и я теперь не испуганный семилетний пацан. Тебе понравится, Рябой.

Я поднялся с лавки, оделся и вышел на крыльцо; душно в хате. Полная луна сияла над селом. Снег таинственно мерцал и переливался в холодном лунном свете. Легкий мороз охладил тело и разгоряченную голову. Я вдыхал чистый морозный воздух и успокаивался. Ну что такого, что я теперь не Ленька Немтырь и не старик Алексей Щербаков. Память то, и того, и другого у меня в голове. Остается все это как то утрясти, расставить по ранжиру и обратить себе, новому, на пользу все: и молодость, горячность и жажду действий Леньки Немтыря, и опыт, знания и осторожность старика Алексея Щербакова. Еще с дедом надс определиться: рассказать ему, что ли обо всем? А то он как то странно на меня посматривает в последнее время. А зайду-ка я завтра к Бабе Ходоре, посоветуюсь. Заодно и насчет Катьки Балашовой удочку закину. Надо на будущее команду подбирать. Трое вон уже есть и Катька лишней не будет, да и нравится она мне.

Все это я и рассказал сейчас Бабе Ходоре. Она выслушала меня не перебивая. Лишь в конце рассказа произнесла:

— Досталось тебе, врагу не пожелаешь.

— Не мне Феодора Савватеевна, не мне. Досталось Леньке Немтырю. Я не он, хотя и унаследовал его память и тело, но память старика из будущего я тоже унаследовал. Теперь я и не Немтырь и не старик. Я теперь нечто среднее.

— А встретишь того Рябого, убьешь его?

— Да, что ты Феодора Савватеевна, зачем же убивать? Еще не знаю, что с ним сделаю, но, думаю, ему понравится. Ты поворожи там, чтобы мы с ним встретились.

— Истязать значит будешь. Не по христиански это. Душу свою загубишь!

— Не по христиански говоришь. А я и не христианин. Я, скорее всего, язычник, хотя ни в каких богов не верю. А насчет души, так их у меня теперь две: одну погублю, вторая останется. С другой стороны почему ты думаешь, что это я буду Рябого резать, может все

наоборот станет.

— Не богохульствуй! Не веришь — не верь! Только кричать об этом не надо и ерничать тоже не надо. А у Рябого, против тебя, шансов мало. Это ты его узнаешь, а он про тебя и забыл давно, значит, и опасаться не будет. Слушайся только старика и зря на рожон не лезь.

— Кстати, Феодора Савватеевна, давно спросить тебя хотел: почему ты мне поверила тогда? Ведь в такое поверить очень трудно, особенно, человеку, живущему в этой глуши. Я сразу как-то на это внимания не обратил, но потом мне это показалось, по меньшей мере, странным.

— Я ж не всегда здесь жила. А бабушка моя, Христина Павловна, так та вовсе родом из Москвы. Очень умная, образованная и не простая женщина была, царство ей небесное. Многому меня научила: и травами лечить, и «силой» своей пользоваться, и людей понимать, ну и про бога и религию тоже много чего рассказывала. Да и сама я по молодости читала книжки. А в глушь эту залезть обстоятельства заставили. А поверила тебе потому, что Леньку хорошо знаю, не мог он такое придумать. Ну да еще кое что есть, о чем тебе рассказывать не буду.

— Понятно! Значит повезло мне, что я тебя встретил. Интересно тогда, как Гришка Распутин тебе в родню то попал? Где тот Гришка, а где бабушка твоя!

— Отец мой, Савватей Иваныч, из села Покровское родом. А там почти все друг другу родственники.

— И как же бабушка за крестьянина дочь отдала?

— Ну почему же за крестьянина? — Улыбнулась Баба Ходора. — Батюшка тогда приказчиком служил у купца первой гильдии. Он в молодости был статным, веселым и кудрявым, вот матушка и влюбилась. А после того как меня бабушка забрала в пять лет, так и сам в купцы выбился. Большого богатства не нажил, но и не бедствует семейство. Братья мои сейчас делами занимаются. Отец, как от дел отошел, в религию ударился, библию читает да толкует. Приятель у него есть, вроде тебя не шибко верующий, вот и спорят друг с другом. Матушка пишет, что чуть до драки дело не доходит.

— Почему же бабушка дочку свою учить то не стала.

— А нет у матушки ни способностей, ни «силы». Я же говорила тебе, что у нас в роду «сила» от бабушек внукам передается.

— Не повезло, значит, матери твоей.

— Наоборот, очень даже повезло. В девках жила — горя не знала, замуж вышла за любимого человека, детей родила да вырастила и сейчас все еще жива и здорова, а коль заболит так вот она я, лечить буду, ни куда не денусь.

— Ну, значит, тебе не повезло.

— Экий ты, однако! Повезло — не повезло! «Сила» — она ведь и награда, и проклятье. Если ее не обуздать, да не научиться правильно, пользоваться, то она тебя саму изведет, сгоришь как свечка. А бабушка научит и поправит, проведет как по жердочке.

— Откуда это у вас?

— По женской линии род наш очень древний — к прамати восходит.

— К Еве что ли?

— К какой Еве? А! Ты о библии. Ну, библейские сказания сами по себе, а мы сами по себе.

— Ну тогда род вы ведете от Лилит. — схохмил я.

— Это еще кто?

— Вроде первая жена Адама. Бог ее чуть ли не первой из глины вылепил, а уж Адама потом. Или даже она вообще была демоницей. Вот представь себе: Адам простоватый парень, а каким он еще может быть, ведь только, что комком глины был, а тут жена, красавица и умница, но властная и строптивая. Вот и принялась командовать, и всячески помыкать простофилей: подай то, принеси сё, пойди туда, сюда же не ходи, этого не делай, а делай чё скажу, ну и так далее и тому подобное. Зачморила беднягу по самое не могу, вот он и взмолился богу: мол, сил никаких нет терпеть издевательства, руки, мол, на себя наложу! Бог внял. Строптивицу куда то сплавил, а Адаму жену из его же ребра изладил, мол, эта по приличней будет. Так ведь и эта, из ребра сотворенная, умудрилась беднягу под монастырь подвести. Вот кто после этого вы — женщины? — скорбно обратился я к Бабе Ходоре.

Та, прикрывая рот уголком платка, хихикала и махала на меня рукой. Видимо с воображением у нее был полный порядок, и она, вполне красочно, представила себе этот библейский бедлам. Я же продолжил:

— Ты зря смеешься Феодора Савватеевна. Лилит вроде демоницей была, а значит, обладала какими то сверх способностями. И если она заставила Адама согрешить с ней, а она заставила и к бабке не ходи, то родившаяся девочка эти способности унаследовала. Ну а поскольку женские гены отвечают за сохранение родовых особенностей, то «сила» ваша и передается по женской линии.

— Ну нагородил. Прямо сто верст до небес и все лесом. — все еще посмеиваясь произнесла Баба Ходора. — Сам то хоть понял что сказал?

— А что? Нормальная теория не хуже любой другой — заступился я за свои домыслы.

— Не хуже, не хуже. — успокоила меня женщина и снова хихикнула. — Ты только ее больше никому не рассказывай, а то ведь могут не понять твоего скоморошества. Плетей всыпят, это если по малолетству, а подрастешь и на каторгу за богохульство угодить можешь.

— Да я так, стебаюсь по привычке, только с тобой и отвожу душу. Ну а волхвы, друиды да колдуны всякие вам родня или нет?

— Чего это про волхвов да друидов вспомнил? К нам они отношение имеют такое же, как и попы. Ведь волхвы и друиды это жрецы были при своих богах, а значит, при тогдашней власти терлись и на нас они ополчались не хуже тех же инквизиторов. Конечно и среди волхвов, друидов, да и среди наших священников встречались ведающие люди. Но мало их было. Про колдунов ничего не скажу, не знаю, может и есть они, а может, и нету их вовсе.

— А ты тогда кто? Ведь не простая же знахарка деревенская.

— Чем же тебе знахарки не угодили? Знахарка ведь от слова знать. Правда знать то мало, надо еще и уметь знание применить. Таких, как бабушка моя, исстари ведуньями называли, от слова ведать. Мы знания ведаем.

— Как это ведаете? Управляете что ли?

— Сказанул тоже — управляете! Скорее они нами управляют. Ведаем, это значит, как бы с рождения они нам даны вместе с «силой», наставница, а это чаще всего, но не всегда, родная бабушка, помогает правильно раскрыть их и учит пользоваться. А знахарство это нам как бы в подарок дается обычным научением, как в школе.

— То есть, Катьку Балашову или любую другую девицу знахарству обучить можно.

— Любую не получится, какую можно обучить тех тоже не много, но Катьку твою научить можно.

— И то хлеб! А нельзя ли продемонстрировать, ну показать то есть, что либо такое-эдакое.

— Чего тебе показать то?

— Хотя бы файербол, какой ни будь завалиющий.

— Это, что за зверь?

— Это не зверь, а шар огненный. — Я решил немного постебаться над Бабой Ходорой. — Разводишь значит по шире руки, — показал как нужно развести руки, — захватываешь побольше энергии, — показал как захватывать энергию, — мнешь ее в ладонях как снежок, потом бросаешь куда ни будь, ну скажем в печку.

Я старательно помял, якобы, захваченную энергию и швырнул ее по направлению к печи и от удивления и испуга шлепнулся задом на пол. И было от чего, поскольку с моей руки сорвался светящийся шар, врезался в печную заслонку прожег ее и бабахнул внутри. Я сидел на полу, обалдело мотал головой и тихо матерился. Потом я услышал какие то всхлипы. Глянув, с испугом, на Бабу Ходору увидел, что та, прикрывая рот рукой, пытается сдержать рвущийся наружу смех и не может с собой справиться. Я, вскочив на ноги, бросился к печи, заслонка была целехонькой, отодвинув ее, заглянул в печь и там никаких следов взрыва. Обернулся к женщине и спросил:

— Как ты это сделала?

Та, подавив смех, сказала с преувеличенной серьезностью:

— Я то здесь причем. Это ты огнем швыряешься, чуть печь мне не развалил. — Но, не выдержав, засмеялась. — Ты так хорошо изображал мага, что оставалось чуть-чуть подтолкнуть и готово.

— Получается, ты что угодно внушить можешь?

— Тебе внушить чего либо не возможно, не знаю почему, но ты у меня первый такой, после бабушки. Остальным, кое что внушить могу.

— Тогда что это было?

— Да просто все. Ты, ведь когда своими грабками «энергию» греб да мял, представлял же все это себе. Оставалось немного подправить да подтолкнуть и вот он файербол твой. Так что смекай, как тобой управлять такие как я могут и не подставляйся.

— Вот блин! Спасибо за урок Феодора Савватеевна, здорово ты мне по башке настучала. Это, выходит, мы зря тебя тогда спасали, сама бы справилась.

— Вовсе даже не зря! Я может быть и справилась, но пару тройку особо ярых пришлось бы прибить, а нам нельзя убивать, сильно судьбу свою можно подпортить. Да из села пришлось бы уходить спешно.

— Не понял! Ты, что же и убить можешь? И чем же ты их убивать собиралась? Уж не настоящим ли файерболом?

— Тьфу на тебя! Сдался же тебе этот файербол! Не умею я огнем кидаться, и ни кто этого не может. Для этого пушки есть, ну бомбы всякие, вон даже царя-батюшку без всякого файерболола упокоили. А убить кого либо хотя и трудно, но можно; всяк свою смерть с собой носит. Остается подтолкнуть, ну как тебя, и готово. Для этого знать кое что надо, ведать то есть. А я ведаю!

Ладно, заболтались мы с тобой, иди-ка ты домой, да с дедом своим поговори. Покайся. А то извелся, поди, старик. Я ведь отговорила его, тебя расспрашивать. Сказала, что сам все расскажешь, когда время придет.

Глава десятая

Дойдя до дому, встретил у крыльца деда:

— Поговорить надо, тятя.

Дед, снял рукавицы, положил их на крыльцо, потом сел на них и произнес:

— Давно пора. Летна боль! Ну давай говори.

— Что прямо здесь на крыльце? Разговор то долгий будет.

— Ничего погода теплая не замерзнем.

И я рассказал ему все с самого начала. Дед, хмуро не перебивая и без всякого удивления, выслушал. Видимо Баба Ходора хорошо его подготовила. Помолчал и задал неожиданный вопрос:

— Чего раньше то молчал?

— Раньше? Раньше ты б меня и слушать не стал, да и кто должен был рассказывать? Ведь тогда как бы двое нас в одном тельце было. Ленька боялся рассказывать, а старик не хотел, потому что был уверен, что ты ему не поверишь.

— А теперь, думаешь, поверю!

— Можешь конечно не верить, но согласись, что ты стал потихонечку привыкать к тому, что Ленька сильно изменился после того как молния его шандарахнула. Да и Баба Ходора тебе все рассказала. Но только тогда она не знала про то, что теперь я один. И скорее всего я больше Ленька, но Ленька освоивший память старика из будущего. Будем считать, что Ленька чудесным образом повзрослел, хотя и остался в теле тринадцатилетнего мальчика.

— Ладно, посмотрим, что дальше будет. А точно помнишь, как мать твою с отцом варнаки убивали?

— Помню, но раньше рассказывать не мог — горло перехватывало, да и сейчас вспоминать не сильно хочется, но тебе, что помню, расскажу.

Я ведь спал тогда, когда эти гады телегу остановили. Проснулся от мамкиного крика, приподнялся и увидел как отец какого то зачуханца топором по голове хватил, а его другой оборванец ножом в спину ткнул. Два или три раза. А двое мамку схватили и в кусты поволокли, она вырывается кричит: «Ленька беги! Беги!». Я с телеги соскочил, но убежать не стал, схватил палку и одного этой палкой изо всех сил хряснул. Тот мамку бросил, ко мне обернулся и видно кулаком меня по голове саданул, голова как будто взорвалась и стало темно. Очнулся, вижу: высокий рябой мужик в нашей телеге шарится. Потом он голову поднял, прислушался и не громко так, крикнул своим: мол, обоз идет и надо уходить. Один схватил наш мешок с харчами, а двое быстро коня выпрягли, мужика, который с разбитой башкой валялся, на коня бросили и в кусты. А рябой мужик сначала лежащего отца ножом ударил, потом быстро так за кусты заскочил там тоже ножом раза два ткнул. Хотел ко мне подбежать, а обоз уже близко. Он рукой махнул и следом за своими в кусты нырнул. Я кое как на ноги встал и к дороге пошел. Дальше не помню.

— А этого мужика рябого запомнил? Узнаешь, если встретишь?

— Узнаю! Лишь бы встретить! Кстати у него вроде и кличка «Рябой». По крайней мере, так его подельники называли.

— «Рябой» значит. А ведь это он тогда от меня ушел. Пока я варнакам головы откручивал, он с заду подобрался, ткнул и убег. Ловок и хитер, оказался, добивать не стал, побоялся видать и правильно побоялся, придушил бы его. А так догнать не смог, сил не

хватило.

Я скрипнул зубами и перехваченным ненавистью горлом прохрипел:

— Зубами грызть суку буду!

Дед внимательно на меня посмотрел, но ничего не сказал, лишь головой покачал, и ушел в дом. Я же устало присел на холодное крыльцо и стал разглядывать вечернее зимнее небо. Из будки вылез Кабай, подошел, ткнулся мокрым носом мне в руки. Я потрепал его по голове и, глядя в умные собачьи, глаза произнес:

— Ничего! Ничего Кабаяшка. Еще не вечер! Земля круглая — бог даст встретимся.

Из сеней выглянул Архипка:

— Немтырь ты че зад морозишь? Айда вечерять. А то я мед весь съем, тебе не оставлю.

Я показал дружку кулак и пошел в дом. А то ведь и впрямь этот проглот весь медок схавает.

Через день я, наконец, рассказал деду о том, что знаю из прошлой жизни, где лет через двадцать найдут золото и хотел бы это золотишко будущим летом добыть. Дед почесал бороду:

— Стараться хочешь, летна боль. Ну и где же то место?

— Отсюда верст двести, может чуть меньше. Есть там в верстах шестидесяти от Спасска речка небольшая, у нас она Аптазой называлась. Впадает в другую речку — Кичи. Куда эта впадает, точно не знаю, кажется в Пурлу.

— Пурла? Знаю, бывал на той речке, лет тридцать пять назад или поболее даже.

— Вот как! И что же ты там забыл?

— Старался. Летна боль! Золотишко искал.

— Ни фига себе! Неужели нашел? — не поверил я.

— А! — дед махнул рукой. — Нашел. Вон на кузню и хватило того золота. С мая по октябрь горбатились с Федькой Жабиным, света белого не видя. Федюня вон, получше распорядился своей долей. Вишь, как забогател. Того и гляди в купцы подастся.

— Ну если ты бывал в тех местах, значит не заблудимся, найдем! Так что, едем или нет? — И вспомнив незабвенного губернатора Калифорнии сдохмил:

— Так каков будет ваш положительный ответ?

Дед снова поворошил свою роскошную бороду, ухмыльнулся и выдал:

— А и поедем! Летна боль! Свезет — разбогатеем, а не свезет так прокатимся.

— Вот это правильно! Теперь подготовиться надо и времени осталось не так уж и много. Кстати, насчет Жабина. Спроси его: хочет он свои капиталы в несколько раз увеличить года за три? Если захочет, то подскажу как, за долю малую, разумеется.

— Ишь ты! А чего же сам, летна боль, не хочешь капиталы умножить, коль знаешь как.

— И где у меня те капиталы? Пятнадцать рублей, да и их ты вон за божничку спрятал. А там чтоб дело начать как минимум тысячу надо. Может у тебя тысчонка — другая найдется?

— Эк хватил! Тыща рублёв. Таких денег пожалуй и у Жабина не сыщется. А что за дело то?

— Дело верное, но хлопотное, как раз по дружку твоему. Нужно весной и летом закупить как можно больше хлеба и к осени как то переправить в Тюмень. Неурожай и голод в Европейской части империи и на Урале в этом или в будущем году будет. В Тюмени за пуд будут давать от полутора до одного рубля семьдесят копеек. Как думаешь за сколько можно здесь пуд зерна купить?

— Ежели урожай хороший то копеек за двадцать можно будет сторговаться. Дак его еще

нужно до Барнаула доставить, а там на баржу и до Тюмени. Накладно будет.

— До Бийска то в два раза ближе возить. А там здоровенную лодку купить иль самим сделать, загрузить на нее тысяч десять пудов, гребцов нанять человек двадцать. Все это будет стоить не более четырех тысяч. Если до Тюмени догребут там можно выручить тысяч тринадцать — семнадцать. Чистой прибыли девять — тринадцать тысяч. Как думаешь, откажется Жабин от таких денег. Тем более такая халява будет года три продолжаться. У Жабина же и свой хлеб есть. Все покупать меньше.

Дед задумался, почесал затылок и выдал:

— Вона как все посчитал да разложил. Не по людски это — на чужой беде наживаться, летна боль. Грех великий.

Я даже онемел от такого поворота. Вот, блин, моралист-самоучка! Хотя, по большому счету, он прав. Есть в этом нечто подловатое. А с другой стороны, что плохого в том, что в местах охваченных не шуточным голодом окажется дополнительно несколько тысяч пудов зерна, пусть и дорого. Сдается мне, что в реальной истории дороговизна хлеба, была обусловлена еще и хреновой логистикой. Не успевали купцы за навигацию вывезти больше хлеба. Поэтому если Жабин во время подключится, то возможно и цена зерна, чуть упадет. Все эти расклады, после некоторого молчания, я и выдал озадаченному деду, добавив:

— Ну а если наживаться на голоде ему претит, то пусть зерно дешевле продает, только это все зря, просто тогда на его хлебе кто-то другой наварится.

Дед хмуро глянул на меня. Ему явно не нравилась идея торговли хлебом во время голода. Но приведенные аргументы, хотя и не убедили, но несколько поколебали его уверенность в аморальности этого предприятия:

— Летна боль! Ишь как на изнанку все вывернул! Ладно скажу Федьке, а там пусть сам решает.

Я хотел было поговорить о нашем участии в спекуляции зерном, но посмотрев на деда, решил пока промолчать, а то ведь и схлопотать таволожкой по заднице не долго. Почему-то был уверен, что не посмотрит дед, на мою якобы взрослость, отходит прутом за милую душу.

Возьмусь-ка я лучше за подготовку к экспедиции за золотишком, и начну с экипировки, то есть с одежды и обуви. Ну не нравились мне местные сапоги с их узкими и длинными голенищами, и поддевки не нравились. Решил берцы себе пошить, ну и куртку со штанами похожими на те, в которых на рыбалку ходил в прошлой жизни.

Дед не мог сначала взять в толк, зачем нужно шить какие то непонятные «берцы», когда есть вполне нормальные сапоги. Но я его убедил, сказав, что берцы удобнее, а во вторых хочу научиться шить обувь. Второй аргумент оказался весомым. И вот мы с Архипкой учимся сапожному ремеслу. Дед быстро просек идею берцов, сказав, что это те же сапоги, только голенища пониже, да есть еще дополнительное приспособление для шнуровки, которые он назвал «ушами». Показал, как при помощи специального шила прошивать дратвой голенища и носок. Мы с Архипкой тягали эту проклятую дратву, до крови изрезав пальцы, отчего идея пошить берцы показалась мне уже не столь привлекательной. А под конец меня поразили деревянные колышки для подошвы. Понравилось их заготавливать и забивать в проделанные шилом отверстия.

Как бы там ни было, берцы мы с Архипкой, в конце концов сгондобили. Получилось конечно не совсем то, о чем мечталось, но надев их на ноги и затянув шнурки, сделанные из сыромятной кожи, почувствовал себя в них вполне сносно. Главное они фиксировали лодыжки, что не маловажно при ходьбе по камням.

Дед посмотрел на нас, почесав бороду и затылок, взял да и сшил себе такую же обувь и, надо сказать, вышло у него гораздо лучше, чем у нас. Под это дело подкинул ему идейку о металлической окантовке отверстий под шнуровку. Дед справился и с этой задачей. Взял медную пластинку проковал потоньше, отжег и, свернув в небольшие трубочки, расклепал их в отверстиях, проворчав, что это надо было делать на заготовках «ушей». Правда для этого ему пришлось изготовить немудрящий инструмент, ну и отлично — не последние берцы тачаем.

Полотно на штаны и куртку нашлось у тетки Степаниды. Грубоватое и крепкое, оно вполне подходило для моих целей. Единственный недостаток это цвет — светло серый. Ну не было у меня желания отсвечивать в лесу, хотелось чего то более камуфляжного. Помогла Баба Ходора, выдав изрядную охапку сушеных растений, и наказав, выварить полотно в отваре из этих трав. Применив рекомендованную технологию, получил нечто грязно-зеленое с разводами. Тетка Степанида заругалась, испортил мол ткань, но я, просушив и разгладив полотно, решил, что лучше и не надо. Теперь надо было найти того, кто возьмется пошить куртку со штанами. Сам я на такой подвиг был не способен, хватило и берцев. Тетка Степанида тоже отказалась, сказав, что такое шить не умеет, да и никто в селе не возьмется за пошив такой странной одежды.

Снова пошел за советом к Бабе Ходоре. В хате знахарки, за столом сидела Катька Балашова и, прикусив кончик розового язычка, что то старательно корябала карандашом на листке бумаги. Я бодро поздоровался с хозяйкой и девчонкой, и хотел было спросить знахарку о наличии в селе портнихи, но та опередила меня сказав:

— Садись с нами чаевничать. Вон Катюша вкусных плюшек напекла, а у меня чуток медка есть. — И лукаво улыбнувшись добавила: — Знаю ведь, любишь плюшки то с медком.

Порозовевшая от похвалы девчонка, услышав последние слова, коротко хихикнула и стала помогать Бабе Ходоре накрывать на стол. Потом мы чинно сидели за самоваром и пили ароматный травяной настой, который удивительно сочетался с медовым вкусом. Плюшки, хоть не дотягивали до варваринной стряпни, были вполне съедобны. Катька, следуя деревенскому этикету, наливала горячий чай в блюдце и манерно отставив мизинец громко прихлебывала из него, время от времени бросая на меня торжествующие взгляды. Но, немного смешная и показушная манера, эдаким образом пить чай, в ее исполнении выглядела органично и даже изящно. Вот коза! И как это у нее получается. Баба Ходора с еле заметной усмешкой наблюдала за нами и наконец спросила:

— Ну что Алексей, понравились плюшки с медом?

— Очень вкусно всё Феодора Савватеевна, Прямо слов нет, одни слюни остались.

Знахарка улыбнулась, девчонка прыснула, прижав ко рту ладошку.

— Я посоветоваться с тобой пришел Феодора Савватеевна. Не подскажешь, кто в селе одёжку охотничью мне пошить может?

— А Степанида, что же не пошьет?

— Да мне особую одёжку надо. Тетка Степанида говорит, что такую она не знает как и кроить.

— Это что за одежда особая такая? — удивилась Баба Ходора.

— Дай-ка карандаш да листок бумаги нарисую.

На листке быстро набросал эскизик штанов и куртки, точно повторяющих мой рыбацкий костюм из прошлой жизни. Нравился он мне своей функциональностью и удобством. Пока рисовал, любопытная девчонка пристроилась рядом и заглядывала в листок,

приоткрыв рот. Закончив, подал рисунок Бабе Ходоре.

— Карманов сколько много. — сразу уловила особенность костюма знахарка. — Даже не знаю кто и возьмется за такую работу.

— К Машке Лучкиной нужно бечь. Она возьмется. — Протараторила Катька.

— Машка Лучкина? — засомневалась Баба Ходора. — Молода больно.

— Пошьет, пошьет! Она вон недавно Федьке Самылову, эту как ее..., а вот — жилетку сшила. Получилось лучше чем у Фролки Зырянова. А Фролка свою в Барнауле купил.

— Отлично! Катерина, отведешь завтра нас с Архипкой к этой Марии, но бечь мы не будем — шагом пойдем. — Заключил я.

На следующий день, взяв с разрешения деда десять рублей и прихватив полотно, отправились с Архипкой в сопровождении Катьки к Лучкиным. Девчонке идти шагом было не привычно, и она все порывалась пуститься рысью, но Архипка притормозил ее, схватив за рукав, а я стал расспрашивать об учебе у Бабы Ходоры. Обучаться, похоже, Катьке нравилось и она всю дорогу увлеченно рассказывала о том как знахарка ее учит. Так за разговорами подошли к дому юной портнихи. Домишко не впечатлил. Видимо достаток семейства Лучкиных был не велик.

— Катерина позови портниху, пусть выйдет. Здесь поговорим.

Катька пулей метнулась на крыльцо и юркнула в сени. Минуты через две она уже тащила к нам рослую деваху. Портнихе было не больше шестнадцати лет и она явно стеснялась и робела. Но увидев меня с Архипкой, обрела некоторую уверенность и вопросительно на нас уставилась. Я не стал ходить вокруг да около и сразу приступил к делу:

— Катька говорит, что можешь сшить нам одежду. Вот посмотри картинку и полотно. — Я подал листок с эскизом. Та взяла листок и стала рассматривать рисунок, бросая на нас время от времени оценивающие взгляды. Спросила только:

— Карманы все накладными делать?

— Давай все.

— А на рукавах то карманы зачем?

— Ладно! На рукавах карманов не шей, без них сойдет. — согласился я с портнихой.

Изучив рисунок портниха взяла полотно и поморщилась, разглядывая его расцветку.

— Ну как? Берешься пошить? — спросил я.

— Возьмусь. Пойдемте в хату, обмерять вас буду.

— Сколько возьмешь за работу? — Спросил я. Девушка задумалась и стала что то подсчитывать, шевеля губами и загибая пальцы. Но потом нахмурилась и выдала:

— С тятей о цене говорите.

— С тятей поговорим обязательно, сама то сколько хочешь?

Девчонка вздохнула и, отведя взгляд, сказала:

— Меньше чем за три рубля не возьмусь.

— По три рубля за каждый костюм? — спросил я. Она с испугом уставилась на меня и тихонько, боясь, что не соглашусь, произнесла:

— Ага. За каждый.

Таланты надо поддерживать, и я сказал.

— Хорошо! На вот задаток. — Протянул два рубля. — Нитки купишь, пуговицы, если они есть в лавке.

— Есть. — Прошептала она, осторожно беря деньги. Да! Похоже, не балуют заказчики

юный талант, не ценят, а зря. Ладно! Посмотрим, что и как. И если действительно — талант, то пропасть не дадим.

В хате было бедновато но чисто. Мать портнихи возилась у печи, отец, сидя у окна, шил сапоги. На полу застеленном половиком возились два карапуза. Возле работающего отца сидел парнишка лет девяти и внимательно смотрел, как тот сшивает голенище, обучался видимо. Мы покрестились на иконы и чинно поздоровались. Мать, обернувшись, приветливо улыбнулась. Отец, отложив недошитое голенище, сказал усмехаясь:

— Здорово коль не шутите. — И, насмешливо оглядев нас, произнес: — Ты, Катюха, никак женихов Машке привела? Чего то мелковаты женихи то? Болели что ли?

— Ну тятя.... — пробормотала покрасневшая до корней волос портниха. Катька нисколько не смущаясь протараторила:

— Это не женихи дядька Матвей, это как их... — заказчики. Вот!

— Заказчики? Ну это совсем другое дело. И чего же хотят заказать господа заказчики?

Катька открыла было рот, но я дернув за рукав остановил словоохотливую девицу и выступил сам с сольным номером. Я понимал хозяина; скучно зимой в деревне, а тут какое-никакое развлечение.

— Мы, Матвей Спиридоныч хотим, чтоб Мария сшила мне и Архипке одёжку охотничью, особую и за работу заплатим, коль в цене сойдемся. Мария одёжку пошить согласилась, но сказала, что по вопросу цены нужно с вами разговаривать. Ну, так как — согласны вы?

— С чем согласен то? — Обалдел от такого моего красноречия мужик.

— Ну как с чем? Согласны вы со мной разговаривать или мне деда звать.

— Тятя, Немтырь мне уже задаток дал — два рубля. — Влезла в разговор Машка.

— О как! Даже задаток выдал! Ну тогда будем без деда твоего торговаться. — Засмеялся дядька Матвей. — Ты, сказывают, чуть Жабина не разорил с лесопилкой своей. Со мной у тебя такой крендель не пройдет. Так что, говори, сколько готов заплатить за Машкину работу. — Мужик откровенно веселился, предвкушая спектакль одного актера. Я постарался его не разочаровать:

— Дык два рубля уже отдал, ну еще рубль добавлю.

Машка возмущенно вскинулась. Мол договаривались же. Но отец вякнуть ей не дал:

— Ишь каков! Девка значит не спи ночами, пальцы иголкою исколи все, глаза испорти за шитьем а ты ей три рубля всего. Давай пятнадцать рубликов и пусть Машка за работу принимается.

— Пятнадцать рублей! — охнул я. — Побойтесь бога Матвей Спиридоныч! За что ж такие деньжищи. Таких цен даже в Барнауле нет. Ладно! Добавлю еще рубль.

— Рупь? Да за рупь только и скроить на одного можно, а вас вон два бугая. За рупь Машка вас только обмерить может, а шить то на что? Но, пожалуй, скину вам на бедность. Двенадцать рублей и одёжка ваша. — Сдерживая смех, торговался мужик.

Архипка, прибалдев, глядел на меня, а у Катьки — глаза в пол-лица и рот открылся буквой «О». Машка же умоляюще смотрела то на отца, то на меня. Ей очень хотелось получить заказ и даже не столько из-за денег. Как любому творческому человеку ей хотелось испытать себя в чем то новеньком, а мой заказ как нельзя лучше подходил под это дело. Я же, скинув полушубок и положив его на лавку, сказал возмущенно:

— Да где ж бугаи то? Сами же сказали, что мелкие мы. Чего тут кроить? Но раз вы настаиваете, так и быть накину еще два рубля.

— Это в женихи вы мелковаты, а обшивать вас так и за бугаев сойдете. Так что давай червонец и Машка мерять вас будет.

— Червонец? Нет червонец это много. Я и так хорошую цену даю по три рубля за костюм. Соглашайтесь Матвей Спиридоныч.

— Соглашаться говоришь? Ладно согласен по три рубля за костюм, но это не считая задатка. По рукам?

— Это как, не считая задатка? — возмутился я, но потом сделал вид что задумался, поскреб рукой затылок под шапкой и, удрученно махнув рукой, сказал: — Уговорили вы меня Матвей Спиридоныч, согласен я. Только пусть тогда Мария еще и банданы нам с Архипкой скроит.

— Чаво, чаво? Каки таки банд...наны? И не выговоришь еще, прости Господи.

— А! Ерунда мелкая. Косынка такая, на голову, ну как у девок. Я потом нарисую.

— Косынка? Ну тогда ладно. Так что, заказчики, по рукам.

— По рукам, Матвей Спиридоныч.

— Машка давай меряй этих мелких бугаев. Мать самовар поставь, будем их чаем отпаивать, может подрастут. А ты, Петька! — обратился он к сыну: — Учись у Леньки как торговаться надо.

Однако, завязывать надо с этими торговыми спектаклями, скучно селянам, замучают предложениями поторговаться. Нашли шоумена блин. А чай с медком и свежим хлебушком у Лучкиных хорош!

Дома у нас сидел и чаевничал с дедом, Федор Жабин. Похоже, дед ему про голод в «Расsee» рассказал, и тот пришел за комментариями. Я не ошибся. Жабин почувал изрядную прибыль, но сомнения грызли его. Дед, увидев нас, сказал:

— Вы где шляетесь то, летна боль? Мы уж заждались вас. Ляксея обскажи-ка все про голод Федыке. Очень интересно ему стало.

— Что вас интересует Федор Иваныч? — вежливо произнес я.

— Дак все интересует. Откуда про голод узнал да про цены? Повтори все что деду своему говорил.

— Откуда узнал, говорите, так газеты читать надо, там про неурожай в нескольких губерниях прописано, а о том, что цена на хлеб взлетит, вы как человек оборотистый сами сообразить должны. И самая большая цена у зерна будет в Тюмени, из-за железной дороги.

Жабин смотрел на меня как на заговорившую зверушку.

— Где же ты, мил человек, газету в селе увидал.

— Ну как где? Разве вы не знаете, что Бабе Ходоре болящие, которые лечиться к ней из Бийска или Барнаула приезжают газеты да журналы привозят. Студенту при okazji тоже везут. Отец Серафим читать большой любитель. Вам как человеку деловому тоже не худо бы чтонибудь выписать. А газету где про засуху прописано бийский купец оставил, что наемни жену к Бабе Ходоре лечиться привозил. Там я и прочитал про неурожай.

Самое смешное, я не врал Жабину. Оказывается, приезжали к знахарке лечиться состоятельные люди, редко но приезжали и газеты с журналами привозили, хотя посещения эти не слишком нравились Бабе Ходоре — опасалась она чего то. И в газетке той действительно была небольшая заметка с прогнозом засушливого лета. Я если бы не знал, то не обратил бы на нее никакого внимания.

— Ты посмотри Софронушка, какая жизнь пошла — яйца курицу учат! Ладно! Вот была бы у тебя тыща или даже две, чтобы ты сделал? — решил на халяву получить консультацию

хитрозадый деревенский «олигарх». Но я его не слишком вежливо обломал:

— А ничего бы не сделал.

— Как так! — непритворно удивился Жабин. — Ты вон деду все расписал.

— Видите ли уважаемый Федор Иваныч, деньги это даже не половина дела. Деньги сами по себе ничего не сделают. Для всякого дела люди надобны и людей тех нужно организовать, по местам расставить, и заставить делать не то что хотят они, а то, что вам нужно и одних денег для этого мало. Нужны: организаторский талант, знания и связи, ну и большое желание слупить деньги. Этого у меня нет, ну кроме некоторых знаний, но зато все это есть у вас, Федор Иваныч. Или я ошибаюсь?

Захваченный врасплох, Жабин не сразу нашел, что ответить на мой довольно наглый, а по деревенским меркам вовсе недопустимый наезд, мало того, что на старшего, так еще и уважаемого человека. Но Жабин не зря имел репутацию богатейшего жителя села, с нуля сколотившего состояние. Он не стал даже делать вид, что обижен или оскорблен словами наглого подростка. Ему вполне хватило ума быстро понять, что я знаю гораздо больше, чем говорю. Дело, которое я предлагал, было для него новое, не знакомое и, как всякий здравомыслящий предприниматель, он хотел получить как можно больше информации, прежде чем кидаться в авантюру. Он, может быть, и плюнул бы на всю эту затею, но возможность получить процентов двести или даже триста на вложенный капитал в течении одного сезона будоражило его воображение и не давало спокойно спать.

— Так ты что там деду говорил насчет большой лодки и гребцов? — Пытался разговорить меня хитрый мужик.

— Видите ли, уважаемый Федор Иваныч, я только что рассказал вам про необходимые условия всякого предприятия. А там среди прочего есть такое понятие как знания, без которых успех предприятию не гарантирован. А то, что вы пытаетесь вызнать у меня на дурняка, стоит некоторых денег.

Жабин даже рот открыл от неожиданности и возмущения. Дед, который знал теперь, кто я такой, крикнул, но промолчал, игнорируя обращенный на него взгляд. Федор Иваныч, краснея толстощеким лицом, переводил взгляд, то на несколько смущенного моей наглостью деда, то на мою безмятежную физиономию. Наконец, пересилив себя, спросил:

— Что ты хочешь?

— Вот это деловой разговор. Я готов вам выложить всю доступную мне информацию об этом деле за пять процентов от прибыли, которую вы несомненно получите если возьметесь за него.

— Пять процентов от прибыли? Ишь ты? И на какую прибыль ты рассчитываешь?

— Это смотря сколько зерна вы сможете переправить до Тобольска или Тюмени. Если вы доставите туда десять тысяч пудов, то выручить за них сможете от тринадцати до семнадцати тысяч рублей. Ваши издержки могут составить не более двух-четырёх тысяч. Значит и чистая прибыль будет от девяти до тринадцати тысяч. Моя доля тогда пятьсот пятьдесят рублей.

— Скока-скока? А морда не треснет? — И Жабин возмущенно обратился к деду: — Софрон угомони внука, обнаглел малый безбожно.

Дед, пряча усмешку в бороде, молча пожал плечами. «Мол разбирайся сам». Я, видя эту молчаливую поддержку, сказал:

— Вижу, что не готовы вы, уважаемый Федор Иваныч к деловому разговору. — И обращаясь к деду сказал: — Тятя пойдем мы. Нам с Архипкой еще пригон чистить.

Извиняйте Федор Иванович, что зазря отнял у вас время.

— А ну стой стервец! Извиняется он. Согласеный я на твои пять процентов.

— Так это совсем другое дело! — воскликнул я и стал излагать сельскому «негоцианту» все что знал о предстоящем голоде в европейской части империи, о ценах на зерно и о способах его доставки в Тобольск или Тюмень. Тот внимательно слушал, изредка кивал соглашаясь с моими доводами, иногда требовал подробности, особенно его поразило сообщение о трехлетней продолжительности халявы. Сначала он не поверил, но я был убедителен, сказав, что самая большая прибыль будет только в первый год, поскольку на второй и третий подтянется большое количество любителей наживы.

Посоветовал ему, если позволят средства и администрация горного округа, построить на одной из малых речек вблизи Барнаула или Бийска полноценную лесопилку, поскольку нужда в досках будет изрядная, суда для перевозки зерна строить. Сляпают на скорую руку довезут зерно, а там на дрова по дешовке продадут. Единственная трудность по транспортировке это верст четыреста или чуть больше вверх по Иртышу. Но и здесь есть варианты: парус треугольный в помощь гребцам, или Кулибинский способ плыть против течения. Заинтересовался. Пришлось рисовать схемы и пояснять. Сказал, что сам под парусом не ходил, но в книжке прочитал. А насчет Кулибинской придумки пояснил, что нужно испытать на модели, ну и канаты нужны длинные и прочные, два якоря и лодку, чтобы те якоря завозить вперед.

Жабин впечатлился, спросил только:

— Чего ж не используют Кулибинскую придумку.

— А бог их знает, наверное проще и дешевле было бурлаков нанять, чем с механизмом возиться, а как пароходы изобрели, так и вовсе нужда отпала. Кстати, советую парходик прикупить.

— Эк хватил! Пароход! Кто его водить-то будет? Где же людей знающих взять?

— Так внуков или племянников в учебу отдайте. Глядишь, через годик другой появятся у вас свои механики да капитаны. И вообще, если хотите наиболее выгодно вложить деньги, вкладывайте их в образование детей.

— Каких таких детей?

— Прежде всего внуков своих. Но в принципе можете и учебу чужих детей оплатить с условием, что они должны будут отработать на вас несколько лет, ну или деньги на них потраченные вернуть с процентами. Да и в оплате труда работников жмотиться не надо, и особенно специалистам хорошо платить нужно.

Жабин задумался потом спросил:

— А ты сам то будешь учиться на таких условиях, или и без учебы умный?

— Вы к тому, что готовы оплатить мою учебу. — Мужик кивнул утвердительно. — Дак я в этом не нуждаюсь пока. А нужда будет сам за себя заплачу.

— Экий ты ершистый! А что будешь делать, если обману тебя не отдам тебе твои пять процентов.

— Не отдадите — плакать не буду. Но поступать так я вам решительно не советую. Во первых это не последний мой коммерческий проект и если будете честно со мной работать то изрядно разбогатеете, ну а если все таки моча в голову ударит, то вам об этом придется крепко пожалеть. Я ведь не Христос — прощать не буду, ославлю на всю округу, как человека не держащего своего слова, жадного и не надежного. И поверьте, я сумею это сделать.

Жабин недоверчиво посмотрел на меня, потом сказал, обращаясь к деду:

— Ну ты посмотри на него, еще можно сказать вчера был Немтырем убогим, слова вымолвить не мог, а сейчас вон как рассуждает и даже грозит. Откуда что и взялось? Может и мне на старости лет к Ведьмину омуту сходить в грозу — умишка поднабраться.

Ах ты старый пень, кулак хитрозадый! Ведь это он тонко мне намекнул, что положение мое довольно шаткое и меня можно кое в чем обвинить. А что, пустит слух: мол в Немтыря бес вселился и потом доказывай что ты никакой не верблюд, а вовсе даже себе горбатый утконос. Ну я тебя — хитрован старый сейчас немножко приземлю и чуток покошмарю.

— Так на Ведьмин омут путь никому не заказан. Дерзайте Федор Иваныч! Ветер попутный вам в за...пасной парус! Только тут такое дело! Никому не говорил, даже тятю, но мне недавно разрешили рассказать. Я ведь умер там на Ведьмином омуте. — Деда переглянулись и недоверчиво уставились на меня. — Да-да умер! Убила меня молонья. Когда шар огненный к груди прицепился, то боль была не человеческая, будто разрывает кто изнутри. А потом раз и как бы выпрыгнул я из той боли, легко стало и как то безмятежно и вроде плыву я по воздуху, а внизу, вижу, лежит мальчонка маленький такой, бледненький и знаю вроде, что это я лежу, но как то не цепляет меня это. Вижу только, что Архипка подбежал и тормозит тельце, кричит что то, плачет. Мне жалко его стало, спустился пониже, говорю: «Не плачь Архипка. Мне тут так хорошо». А он не слышит. Тогда я хотел его за плечо взять; рука сквозь него прошла. Потом Архипка в село убежал, а надо мной закрутилась из света воронка и утянуло меня в эту воронку. Потом попал в туннель из света, но свет какой-то несветлый, темновато в туннеле и только впереди просвет брезжит. Не знаю сколько я по тому туннелю летел, может миг один а может и тыщу лет, нет там времени. Но как бы там ни было долетел до выхода. Осторожно выглянул: а там внизу в долине сад райский и далеко очень, а видно все как на ладони. Красота неопишуемая. Хотел было лететь туда в сад этот эдемский, но меня старик перехватил. Могутный такой старик, бородачи седая, на тятю похож, только лысый, и как бы светится. Он ладонь в грудь мою упёр и говорит, ну как говорит. Губы не шевелятся, а голос слышу. И говорит он:

«Ты внучок не спеши сюда, рано еще тебе, не всё, что тебе положено ты сделал. Велено тебя назад на землю вернуть».

А мне возвращаться не хочется и я говорю ему:

«Какие это дела я недоделал? Нету там уже у меня никаких дел».

Но старик усмехнулся руку мне на голову положил, подержал немного, а потом развернул меня и толкнул назад в туннель, только сказал напоследок:

«Ничего не бойся, велено помочь тебе. Я то помогу, но и ты сам многому научиться должен».

Я хотел спросить, кем это велено? Не успел. Очнулся, когда тятя прискакал. Никому не рассказывал, думал почудилось мне, а наемни приснился тот же старик, говорил мало, больше картины показывал, про голод, говорил, что я должен помочь голодающим, а как я могу помочь? Приказал к тебе Федор Иваныч обратиться, а тятю передать велел, чтобы доделал он, что задумал. Сказал «Нам с Марьей уже ничего не надо, ему самому надо для успокоения».

Фантазировал я убедительно, даже сам поверил. Мужиков мой рассказ пронял основательно. Все таки люди они были искренне верующими, хотя не слишком религиозными, то есть верили не только в бога, но чертей, домовых, леших, банников, кикимор и далее по списку.

Дед Софрон, хоть и знал уже про меня почти все, но воспринял мой рассказ как дополнительное доказательство божьего промысла. Жабин же был потрясен живописными деталями, которыми я расцветил свое повествование. Он справедливо считал, что такое придумать нельзя. Откуда ж ему было знать, что я ничего особо и не придумывал, подобных историй в интернете куча, оставалось их немного переработать, да и навесить лапши на свежие уши, что я с успехом и проделал. А про деда я в кузне у Митьки узнал, что тот крест железный ковать начал. Жабин посмотрел на деда и спросил:

— Дядька Тимофей? — Дед потрясенно кивнул. — Чего же ты не доделал?

— Крест кованный хотел на могиле отца с матерью поставить. Ковать начал в прошлом году, да железо кончилось, отложил, а тут то одно то другое, так и не доделал.

— Экий ты, однако. — Покрутил головой Жабин. А дед перекрестясь сказал:

— Докою теперь. Завтра и возьмусь, а по весне поставлю.

Потом оба уставились на меня, требуя продолжения. Но я развел руками, давая понять, рассказывать больше нечего. Жабин помолчав спросил:

— Какая же помощь голодающим от меня? Я хлеб задаром отдавать не буду.

— И не надо. Как я понял дело там не только в высокой цене, просто купцы спохватились поздно и не успели до ледостава вывезти необходимое количество зерна, а санями разве навозишься. Поэтому если вы доставите дополнительно десятков или два десятка тысяч пудов зерна, то лишними они не будут, может цена чуток меньше будет, но это вряд ли.

Жабин помолчал уставившись на иконы, потом перекрестился, что-то тихонько бормоча, а потом сказал:

— Ладно! Обдумать все надо хорошенько. Пойду, однако. Прощайте пока.

По его уходу дед молча уставился на меня. Глядел долго и наконец спросил:

— Ты правда отца моего во сне видел, или набрехал нам с Федькой?

Я не стал разочаровывать деда и сказал твердо:

— Видел, но не знаю то прадед был или еще кто, а может просто сон такой приснился.

Дед молча покивал головой, не столь моим словам сколько собственным мыслям, повернулся к иконам и истово перекрестился.

Глава одиннадцатая

Ну вот дождались наконец весны. Правда весной еще даже и не пахло, но наступила масленица, и даже не масленица, а МАСЛЕНИЦА. Святки казались теперь мне всего лишь репетицией настоящего деревенского праздника — пусть и генеральной, но все-таки репетицией. Веселье даже не зашкаливало, а выплескивалось через край. И, наконец, я увидел главную мужскую забаву — бой стенка на стенку. Ну что сказать? Сурово! Волтузили друг друга мужики не слишком умело, но самозабвенно и мощно, не для зрителей, а для себя. Собственно и зрителей было предостаточно. Я, глядя на это действо, ждал, что кого ни будь обязательно ухайдакают до смерти, но видимо слабые здоровьем участие в этой забаве не принимали, а разбитые в кровь носы и выбитые зубы, не служили поводом, прекращать веселье. В конце концов мшанские потерпели поражение и отступили, ну те что остались на ногах. Сосновских тоже полегло много, но на ногах их осталось больше.

А потом была грандиозная пьянка, где проставлялась проигравшая сторона. Хорошо поднабравшись, особо задиристые или обиженные принимались выяснять отношения и зачастую на кулаках, но это уже были затухающие отголоски ежегодной великой битвы.

К моему удивлению дядьки мои Иван да Кузьма на сей раз участие в веселии не принимали, а находились среди зрителей. Причину этого странного явления я не знал, хотя подозревал, что тут не обошлось без дедовского запрета, и оказался прав. В прошлый раз Кузьма кого то основательно приложил. Пришлось Бабе Ходоре хорошо повозиться с потерпевшим. После чего дед сказал сыновьям:

— Хватит дурью маяться! Ишь какие великие кулашники нашлись, летна боль. Без вас есть кому на селе кулаки почесать.

С дедом не поспоришь! А потому пришлось братьям перейти в разряд болельщиков. Я понаблюдал за ними: если Иван был спокоен, то Кузьме явно хотелось поучаствовать. Уж слишком эмоционально он «болел», но нарушить дедовский запрет не посмел.

Масличная неделя пролетела быстро и наступил великий пост. Дед всяческие посты не слишком жаловал, но тетка Степанида была женщиной достаточно религиозной, а посему пришлось нам с дедом поститься. Впрочем пожрать было чего. Степанида готовила много и вкусно. Не голодали, хотя мяска конечно хотелось.

Машка Лучкина костюмы пошила. Немного великоваты, но так и предполагалось — на вырост. Я надел костюм, напялил берцы, не забыл и про бандану, прошелся по хате, по приседал, по нагибался. Нигде не жало, не тянуло и не натирало. Молодец Машка! Если золотишко нароем, надо будет ей швейную машинку прикупить. Вроде фирма «Зингер» их уже выпускает. Архипка посмотрел на меня и спросил:

— Немтырь, ты зачем бабский платок на голову напялил?

— Ничего ты Архипка не понимаешь. Это не бабский платок а бандана, удобнейшая вещь, летом по лесу шариться. Давай одевайся, гляну на тебя со стороны.

Архипка оделся, я повязал ему бандану, отошел немного и сказал:

— Ну-ка походи по приседай, руками помахай. — Архипка подчинился: — Нигде не жмет? Двигаться не мешает?

— Не, не мешает, а карманов сколько!

Выглядел Архипка вполне прилично. Калаш ему в руки, рюкзак за спину, ну чисто сталкер из любимой игрушки. Блин! Вот тормоз то! Рюкзак! Забыл про рюкзак. Оставшуюся

ткань Машка отдала — на два рюкзака хватит. Надо снова договариваться с ней. Поясных ремней нет. Кожу на ремень найдем; за пряжками к Митьке обращаться придется, и еще для рюкзака надо пряжки сделать. Эх, нелегка ты — жизнь попаденца! Но деваться некуда, будем соответствовать.

Провозился больше недели. Сначала Машке надо было объяснять и показывать что такое рюкзак, а потом с Митькой стали изобретать пряжки для поясных ремней. За образец хотел взять пряжку офицерского ремня с двумя язычками. Но изготовить такую в деревенской кузне оказалось делом очень не простым, пришлось отказаться от девайса, и довольствоваться самым примитивным изделием, а именно отковали стерженек диаметром миллиметра четыре и длиной миллиметров триста пятьдесят, согнули, поставили два язычка и пряжка готова. Не слишком эстетично, но вполне функционально и прочно.

В порядке подготовки обратился к Бабе Ходоре с вопросом по поводу средства от комаров и гнуса. Та не задумываясь сказала:

— Есть и не одно. Тебе какое надобно.

— Хотелось бы то, что получше и не слишком вонючее.

— Ишь ты какой нежный! Ладно есть одно такое, но там толочь корешки надо. Так что завтра приходите ко мне с Архипкой да Катькой — они учиться будут, а ты толочь.

— Ну толочь так толочь.

И вот сидим мы дружной компанией за столом у Бабы Ходоры, занимаемся каждый своим делом. Архипка с Катькой переписывают с листочка, какой-то рецепт, а я, вооружившись медным пестиком, растираю в чугунной ступке корешки. Знахарка сказала, что растереть их нужно в мелкую пыль. И работа моя явно подходила к концу. Глаза уже начали слезиться от той пыли и в носу появился некий дискомфорт. Даже чихнул пару раз.

— Что пробирает тебя жабий корень? — засмеялась Баба Ходора.

Ответить я не успел; дверь распахнулась и в избу ввалилась странная компания. Первым вошел здоровенный жлоб с черными усами на красной морде. Он оглядел хату и отошел в сторону, давая дорогу господину в длинной шубе, который едва войдя небрежно стряхнул явно дорогую шубу на пол и прошел на середину хаты, постукивая тростью. Несмотря на некоторую полноту, двигался господин легко и мягко. Он как бы перетекал с места на место и чем то неуловимо походил на огромного кота и одновременно на артиста играющего Эркюля Пуаро, по крайней мере усики были один в один. Веяло от этого господина не шуточной опасностью и заграницей, как впрочем и от жлоба, который подняв, скинутую господином шубу, и не найдя куда повесить держал ее в руках. А в хату тем временем прошмыгнул еще один худосочный типчик с вытянутой, похожей на крысиную морду, физиономией и с ухватками полицейского филера. Прощмыгнув, притулился у двери, явно привычно контролируя выход.

Блин! Прямо театр абсурда какой-то. Посреди Сибири в бедную хату деревенской знахарки заявили европейские общечеловеки. И стало до жути интересно какого хрена они забыли в этой дыре. Ведь и в двадцать первом веке «просвещенные» европейцы имели весьма смутное представление о Сибири, а уж про девятнадцатый век и говорить не стоит. Тем не менее вот они, нарисовались — хрен сотрешь. Почему я решил, что это иностранцы? Ну а кем еще они могли быть, если господин бросил жлобу короткую фразу на языке похожим на итальянский, хотя сам он, на мой взгляд, больше смахивал на немца. Жлоб понятливо кивнул, положил шубу на скамью у входа и уставился на нас красными как с перепоя глазками.

Господин между тем безразлично оглядел хату, равнодушно глянул на нас и обратил свой взор на Бабу Ходору:

— Ты есть Новых Феодора? — С невообразимым акцентом спросил он.

Баба Ходора ничего не ответила. Она стояла возле сундука с бледным лицом и выпрямившись как натянутая струна вскинула руку с раскрытой ладонью и что-то негромко но распевно говорила и что характерно, не по русски. «Пытается подействовать на толстяка ментально» — догадался я. Но попытка явно не удалась; похожий на киношного Пуаро, господин усмехнулся и сказал:

— Сеньора, твое колдованье не имеет успех, сам падре Бальцони давать мне амулет против колдованья.

Затем он обратился к знахарке на языке, предположительно, итальянском. Говорил довольно долго, но из всего сказанного я смог выделить только слово Парацельс. Где Парацельс и где Баба Ходора? Знахарка отвечала гневно и бойко на том же языке, но про Парацельса не упомянула. Я не понял о чем она говорила, но, похожий на кота и одновременно на Эркюля Пуаро, господин сказанным оказался не удовлетворен. Он что-то грозно проговорил на иностранной мове и, шагнув, схватил знахарку за руку, но тут же, словно обжегшись, отпустил и даже сделал два шага назад. Видно при близком контакте амулет от падре Бальцони давал сбой. «Так тебе и надо козел забугорный. Ишь моду взяли наших ведуний за руки лапаты» позлорадствовал я.

Получив от ведуньи отпор, толстяк отступать явно не собирался. Он снова что-то попытался втолковать Бабе Ходоре, но та только отрицательно покачала головой. Тогда господин, указывая пальцем на притихшую Катюку, что-то сказал мордвороту. Тот, сделав зверскую рожу, двинулся в нашу сторону. Проходя мимо Архипки, он небрежным жестом смел того с дороги вместе со стулом и попытался ухватить шустрюю девчонку за косу, но та пискнув свалилась с табуретки и забилась под стол. Этот маневр озадачил усача и он на секунду завис с недоумением глядя на пустой стул. Этой секунды мне хватило, чтобы схватить горсть толченого корня и бросить ему в морду. Удачно получилось: изрядная доля смеси попала в глаза и повисла на роскошных усах, заставляя урода кашлять, тереть глаза и чихать. Любоваться произведенным эффектом не стал, а запустил медный пестик по немудрящей траектории в голову котообразного господина, который отвернувшись от нас, пытался что-то втолковать упрямой женщине. Он, не видя броска, получил пятисотграммовым пестиком по голове и, на время потеряв всякий интерес к происходящему, свалился Бабе Ходоре под ноги. Та кошкой метнулась к упавшему, с неожиданной легкостью перевернув его на спину, сорвала с его шеи цепочку с амулетом и проворно отскочила в сторону.

Все это я увидел боковым зрением, вскакивая на стол. Схватив увесистую ступку, врезал ею по залитой слезами и соплями усатой морде жлоба. Тот, видимо почуяв неладное, пытался прикрыться руками, но не преуспел и, получив не хило по усам, свалился на пол. Я быстро огляделся: мордворот с котообразным господином лежали без движения, а третий пребывал в ступоре от стремительности неожиданной битвы. Я крикнул Архипке:

— Беги за дедом.

Сам же кинулся к трости, валяющейся возле поверженного господина. Расчет был прост, не зная на что способен, оставшийся на плаву, третий участник банды, решил, что с помощью палки мне будет не в пример легче договориться с ним. Трость неожиданно оказалась слишком тяжелой для меня и я, теряя время, подскочил к печке и вооружился

ухватом. Оглянувшись, увидел забавную картину. Архипка, бросившись к дверям, был схвачен третьим участником банды за плечо. Но в следующее мгновение, крысиномордый филер, немного пробежавшись по кругу уже лежал уткнувшись носом в пол и вопил от боли. Архипка сидел у него на спине и от испуга выламывал ему кисть и локтевой сустав. Окончательно сломать руку ему не хватило решимости, а может и силенок. Я подскочил к ним и не очень сильно, но весомо щелкнул ручкой ухвата худосочному мужику по голове. Тот перестал орать и на время выбыл из игры. Я завел вторую руку ему за спину и крикнул Бабе Ходоре:

— Дай веревку! Савватеевна!

Знахарка мгновенно соориентировалась: быстро достала из сундука моток не толстой но достаточно прочной бечевки и передала мне.

Через пять минут все евробандиты, нагло наехавшие на ведунью, смиренно сидели на табуретах со связными за спиной руками и примотанными к ножкам табуреток ногами. А чтобы им было удобнее сидеть, мы их прислонили спинами к стенке. Руки я им связал по способу почерпнутому из детективной литературы и творчески мной доработанному, а именно, вместо удобной капроновой стяжки для пучка проводов, использовал бечевку, которой крепко связал между собой указательные пальцы каждого из бандитов. Той же бечевкой дополнительно скрутил запястья и привязал внизу к ножкам табурета.

Похожий на крысу господинчик, очухавшись, стал качать права, уверяя на чистейшем русском, что он является доверенным человеком тюменского исправника и стал грозить нам нешуточными карами за избиение иностранных ученых путешественников, которых он сопровождал. У меня, к этому времени начался адреналиновый откат, и на угрозы непонятого господинчика мне было наплевать. Но его вопли раздражали, поэтому, найдя на лавке у печи тряпку непонятого назначения, я зажал пальцами левой руки ему нос, а когда тот открыл рот, чтобы вдохнуть, сказав, что «жопе слова не давали», с силой забил ему эту тряпку в рот. Баба Ходора, видя это непотребство, пожалела:

— А если у него насморк? Задохнется ведь болезный.

— Задохнется туда ему и дорога. Все равно придется их всех под лед спровадить.

Услышав про мои кровожадные замыслы, крысомордый задергался и замычал. Видимо поверил. А собственно, что делать с этой шайкой и самое главное, что же хотели эти евробандиты от скромной знахарки? Но это потом, а сейчас надо доделать начатое.

— Архипка, выглянь во двор. Там еще один должен быть, ну этот как его — кучер ..., ямщик. Позови его, а сам заскакивай и хватай полено, когда я свалю этого кучера на пол, то ты его поленом по башке отоварь, но не сильно, не убей.

Но тут вмешалась Баба Ходора:

— Хватит! Ишь развоевались! И так делов натворили — не разгребешь. И чего ты, варнак такой, на них накинулся? Хорошо бошки у них крепкие, а то б поубивал.

— А че они тут..., развыеживались! Тебя за руки хватают. Катьку вон напугали.

Блин! Катька! А Катька сидела под столом с круглыми на пол лица глазами. Ну и что теперь с ней делать? Но Баба Ходора похоже решила взять ситуацию под контроль.

— Катюша, доченька, вылезай и ко мне подойди. — Ласковым голосом произнесла она. Катька выползла из под стола и тихонько приблизилась к знахарке. Та погладила девчонку по голове и тихим, но проникновенным голосом сказала:

— Катюша, на сегодня урок закончен. Иди доченька домой отдохни, поспи. Завтра оставайся дома, а послезавтра приходи, продолжим занятия. — Говоря все это, знахарка

приложила ладони к Катькиным вискам. Я вспомнил, какое действие производят на организм ее руки и озаботился Катькиным душевным здоровьем:

— Ты, Баба Ходора, поосторожней ручками шуруй, не повреди девчонке мозги. Она мне здоровая нужна.

— Ишь забеспокоился! Раньше надо было думать, а не пестиком господ иностранцев глушить. — И видимо вспомнив нашу с Архипкой эпическую, но скоротечную битву хихикнула: — А ловко ты kota этого приложил, ну и ступкой красномордого хорошо пригладил. Да и Архипка не подкачал, вон как знатно господинчика носом в пол воткнул. И откуда что взялось?

— Тренируемся мы! Каждый день занимаемся. — Буркнул я, с беспокойством глядя, как Катька заторможено одевается и идет к выходу. Знахарка, перехватив мой взгляд, понимающе хмыкнула:

— Не бойся, проспится девка, на завтра забудет все, что тут увидела, а если что и вспомнит, будет уверена, что это ей приснилось. И с мозгами у ней будет все в порядке.

— Ну дай бог, дай бог.... А с этим ..., с кучером, что делать будем?

— Что делать, что делать? Что-нибудь да сделаем. — пробормотала Баба Ходора и подпустив елея в голос сказала:

— Архипушка, сынок, оденься и за Софрон Тимофеевичем сбегай. А как из сеней выскочишь, скажи ямщику чтоб в хату зашел. Господа, мол, кличут.

Архипка понятливо кивнул, быстро оделся и шмыгнул за двери. Блин, ну и нервы у пацана. Вот что значит экология не тронутая цивилизацией и правильное деревенское воспитание. Чуть руку не сломал взрослому мужику и как будто так и надо, раскаяния ни в одном глазу.

Через минуту порог переступил, заросший бородой по глаза, мужик. Он хотел по привычке покреститься на иконы, но увидев своих работодателей, примотанными к табуретам, застыл столбом. Баба Ходора скользнула к нему, открытой ладонью поводила перед глазами остолбенелого мужика, пробормотала что-то маловразумительное и тот, повинуясь ее рукам, деревянной походкой дошёл до скамьи, сел и застыл истуканом. За тем она подошла к мычащему господинчику и, приставив ладони к его вискам, произнесла что-то тихонько и тот, расслабленно обвис на табурете. Потом вытащила у него изо рта забитый мною кляп. Оглядела не пришедших в сознание иностранцев. Покачала головой при виде расквашенной физиономии здоровяка и обратила свой взор на меня, явно желая сказать в мой адрес «пару ласковых» слов. Но я ее опередил:

— Колись Савватеевна! Какого хрена добивались от тебя эти европейские пидоры. — Видя некоторое непонимание уточнил: — Гомосеки, или как это по русски? А вот! Содомиты европейские зачем приперлись из своего Парижа к тебе в хату? Что такое ты прячешь от просвещенной Европы?

Баба Ходора со странной смесью брезгливости и интереса вновь осмотрела сладкую парочку и вынесла вердикт:

— Нет, эти нормальные. И не из Парижа они приехали, а из Рима, точнее из Ватикана.

— О как! Неужто от самого папы римского? Однако высоко летаешь Феодора Савватеевна!

— Папа скорее всего и не знает ничего. Это все аббата Бальцони дела. Как я поняла, он архивом ватиканским заведует. А приехали эти двое за «ларцом Парацельса», так они называют эту штуку. Не хотела тебе про нее говорить, ну да ладно.

Говоря это, Баба Ходора покопалась за божничкой, отодвинула в сторону дощечку с иконами, извлекла нечто, завернутое в чистую холстинку, развернула и показала мне.

— Смартфон! — не удержался я от восклицания. Но, взяв в руки в руки плоскую коробочку, понял — не смартфон, хотя габаритами вещь походила на мобильник, но толще раза в два, раза в три тяжелее и без всякого намека на экран и каких либо кнопок. Повертев артефакт в руках в поисках скрытых кнопок, ничего не нашел и вернул его знахарке:

— Спрячь пока Савватеевна, потом будем разбираться с вещицей. Но сразу могу сказать, что в моем мире таких штук еще не было и скорее всего ты даже не догадываешься на, что она способна. А заряжаешь ты ее как?

— Как ее заряжать то? Не ружье чай.

— Не ружье говоришь? Вполне может оказаться и пострашнее всякого ружья. На солнце эту штуку выставляешь?

— А ты откуда знаешь?

— Выставляешь значит. И с какой периодичностью? Раз в месяц или еще как?

— Один раз в месяц и на весь день. Это летом, зимой чаще нужно.

— Понятно! Ладно, потом разберемся. С этими то, что будем делать? Может и правда под лед их. Как говаривал один деятель, «нет человека, нет проблемы».

Сказав это, я поднял валяющуюся на полу трость. Блин, реально тяжелая тросточка. Вспомнив читанную в детстве книжку про какого то авантюриста восемнадцатого века, у которого в трости были запрятаны золотые монеты, стал искать способ разобрать палку. Понятно, что нужно открутить ручку, но сколько я ее не крутил и по часовой стрелке и наоборот, ничего не выходило — ручка держалась как приклеенная. Значит была какая то защелка. Кнопки, открывающей защелку, не было ни на ручке ни на самой трости. Ощупав ручку наверное раз в десятый нашел на ней внизу какое то углубление. Вспомнив про подъездные домофоны, полез под табурет к которому был принайтован, все еще не пришедший в сознание, котообразный господин. На среднем пальце правой руки у него обнаружился перстенок-печатка. Чтобы его снять пришлось прибегнуть к местному мылу и попытеть. В конце концов перстенок сдался и слез.

Баба Ходора с изумлением наблюдала за моими стараниями и даже никак не среагировала на мои намерения спровадить под лед общечеловеков с присными. Я же, сняв с руки котообразного господина перстень, надел его себе на палец и повернув его печаткой вниз, старался ухватить ручку трости так, чтобы попасть печаткой в углубление на ручке. В конце концов мне это удалось и легкий щелчок оповестил что защелка сработала. Повернул на пол-оборота трость, и ручка отделилась вместе с цилиндрической пружиной. Опрокинув нижнюю часть трости над столом, высыпал изрядную горку желтых кружочков. Последний, свалился со стола и подкатился Бабе Ходоре под ноги. Та подобрала монетку и с минуту крутила ее так и сяк, наконец, удовлетворив свое любопытство, подошла столу и положила монетку в кучку.

— Что ты собираешься с этим делать? — спросила она указывая на золото.

— Пока не знаю. Вот придет дед; обшманаем..., ну то есть обыщем этих гомосексов, допросим с пристрастием, ну а там и решим, что с ними и с их барахлом делать. Но золото в любом случае изымем как компенсацию за моральный ущерб, ну и оружие, какое у них найдем, тоже конфискуем. Кажется мне, что у этих двоих много чего по карманам заныкано. Да и у ямщика с крыской, наверняка, то же кой, что найдется. А кстати долго они еще будут

в таком заторможенном состоянии?

— Пока не разбужу.

— Отлично! — сказал я и без опаски подошел к ямщику, задрав правый рукав увидел на запястье тонкий сыромятный ремешок. С силой дернул за него и в руку мне выкатилась увесистая гирька. Стащив с запястья ремешок я показал кистень знахарке.

— Таким если по башке отоварить, мало не покажется, даже шапка не спасет.

Покрутив кистень в руках, решил, что без должной сноровки можно запросто залепить этой гирькой себе по лбу. Положил снаряд на стол, в компанию к золоту и хотел было продолжить обыск, но тут стукнула дверь и в хату вошли дед и Архипка.

Дед, не выказывая особого изумления (видимо Архипка по дороге кое что рассказал ему), оглядел страдальцев и, покачав головой, устался на знахарку. Но та кивком переадресовала его ко мне.

— Рассказывай, летна боль. — Хмуро бросил он.

Пришлось кратенько изложить события, не вдаваясь в подробности. Выслушав, дед спросил:

— Как же это вы с ними справились?

— А они нас и за противников не посчитали, потом против пестика со ступкой не больно то устоишь, да и двигаемся мы быстрее, чем они.

Дед посмотрел на расквашенную физиономию усатого жлоба, на золото, лежащее на столе, на трость, которую я собрал и разобрал на его глазах, спросил:

— Дальше то что?

— Ну, для начала обьщем их всех, освободим от оружия, похоже, у каждого из них ствол есть и возможно не один. Потом поспрашиваем их вежливо, чего они тут забыли. Ну после, если Феодора Савватеевна с ними справится, отпустим восвояси, а если не справится то придется... — Я провел пальцем себе по горлу: — И концы в воду, ну под лед то есть.

Тут вмешалась знахарка:

— И чего заладил: «под лед, да под лед». Справлюсь я с ними. Эти трое так, чисто ягнята, а вот с этим волком повозиться придется. — Указала она на котообразного. А расспрашивать их нечего и так понятно зачем они тут. — И она выразительно посмотрела на Архипку, увлеченно разглядывающего трость и монеты на столе. Я понимающе кивнул и посмотрел на деда, который взял кистень и взвесив гирьку в руке положил обратно, затем подойдя к ямщику вытащил у того из валенка приличных размеров нож и бросил его на стол в общую кучу.

Я, тем временем, стал обшаривать, похожего на крысу, господинчика. За пазухой у того оказался небольшой револьвер, в карманах обнаружилось 65 рублей ассигнациями, складной нож и пачка патронов. Деньги я оставил на месте, а оружие с патронами изъял. Потом по команде Бабы Ходоры отвязал его от табурета, но пальцы развязывать не стал. Так, на всякий случай.

Пока знахарка окучивала «крыску», мы с дедом обыскивали усатого жлоба. Вернее обыскивал я, а дед стоял рядом в качестве силовой поддержки, тем более, что тот стал приходить в сознание и даже привязанный был для меня опасен. Здесь улов оказался богаче: во внутреннем кармане его пиджака, или как в этом времени называют эту одежду, нашелся кошелек с серебряными монетами, в другом — еще один, туго набитый бумажными деньгами, рядом на хитрой подвеске висел вполне приличный револьвер с коротким стволом. («Бульдог» что ли?). Еще один небольшой двуствольный пистолетик нашелся в

огромном валенке пристегнутым к щиколотке прямо на штаны. Наверняка и в рукавах, что либо припрятано. Но развязывать не буду; пусть сначала Баба Ходора с ним поработает. А пока проверим саквояжик, который этот хмырь занес в хату и положил на лавку. Я взял довольно увесистый саквояж, перенес на стол и раскрыл.

— Да они никак воевать здесь собрались? — невольно вырвалось у меня при виде здорового Смит-Вессона, лежащего поверх разнообразных дорожных вещей.

Достав револьвер, покрутил его в руках, поприцеливался. Тяжеловата пушка для меня. Отложив его в сторону, занялся дальнейшим потрошением саквояжа. Из ее недр, кроме мыльно-рыльных принадлежностей, на свет появились несколько пачек патронов для револьверов и документы на русском и итальянском языках. Быстро просмотрев подорожную, выданную еще в Санкт-Петербурге, выяснил, что жлоба зовут Серджио Пизаконе и, что в качестве охранника он сопровождает ученого этнографа из Итальянского Географического Общества Луиджи Фальконе в поездке по Сибири. Ага, значит, главного специалиста по артефактам зовут Луиджо Фальконе, хотя, судя по всему, он такой же этнограф как я балерина. Да и фамилия его, скорее всего, не Фальконе. Но мне, в принципе, на это плевать. Нужно сообразить, что же подсунуть этим пидорам вместо артефакта, разумеется за деньги и за деньги приличные.

— Феодора Савватеевна! — окликнул я, закончившую с крыской, знахарку. — А нет ли у тебя какойнибудь коробочки или шкатулки, которая бы походила на «ларец Парацельса»?

Баба Ходора насмешливо посмотрела на меня и сказала:

— Ишь, что удумал! Чай не глупее тебя будем. Бабушка Христина, царствие ей небесное, давно этим озаботилась.

Знахарка снова покопалась в тайнике за божничкой и достала оттуда копию пресловутого «ларца», выполненную, похоже, из какого то камня, подала ее мне. Я взвесил в руке копию — по весу вполне сопоставимо, а по форме так один в один и заполировано все идеально. Внимательно осмотрев ее, увидел еле заметную щель:

— Так она еще и открывается. — удивился я. Попытался открыть но крышка не поддавалась. Тогда стал искать кнопку. Кнопки не было. Баба Ходора с усмешкой наблюдала за мной, ждала, когда я попрошу помощи. Рядом стояли дед с Архипкой и с неподдельным интересом смотрели за моими потугами:

— Ну-ка подержи. — Сунул в руки изнывающему от любопытства Архипке шкатулку, взял с полки деревянную чашку, наполнил ее водой и, забрав у друга «ларец», погрузил его в воду. Подождав с минуту, вынул, тщательно обтер тряпицей и стал разглядывать. Сначала ничего не было видно, вытереть грубой тряпицей «ларец» насухо не удалось, но по мере того как испарялась последние капли воды, с торца обозначилось еле видимое колечко. Нажал на него, кнопка подалась но «ларец» не открылся. Тогда я осмотрел другой торец, обнаружилась вторая кнопка. Нажал одновременно обе и крышка, с легким щелчком, откинулась. Внутри оказались, завернутые в вощеную бумажку, сушеные фрагменты какого то корешка и записка на итальянском.

— Что это за хрень? — спросил я знахарку. Та мельком глянув на засушенный корешок, взяла записку, прочитала и улыбнулась печально.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил я.

— Корешок это — жень-шень, а в листках рецепт и прощальное письмо этому Бальцони.

— Выходит, знала бабушка этого падре? — удивился я.

— Знала, еще как знала. Дед это мой.

— ? — Наше изумление было безмерным. Но Баба Ходора нас обломала, сказав, что история эта длинная, а сейчас надо доделать начатое, тем более, что европейцы стали приходить в себя. Пришлось с ней согласиться.

Между тем усатый жлоб по имени Серджио открыл глаза и зашевелился, пытаясь встать. Баба Ходора подскочила к нему, наложила ладони на его виски и что то напевно произнесла, потом хлопнула ладошкой его по лбу и, обернувшись к нам, сказала:

— Этого можете развязать.

Я принялся распутывать обездвиженного жлоба, за одним вытащил у него из рукавов пару изящных кинжалчиков, которые покоились там в хитрых ножнах. Серджио, с забавной фамилией Пизаконе, остался неподвижно сидеть на табурете. Второй европеец признаков жизни пока не подавал. Я забеспокоился:

— Вот блин! Я, случаем не прибил его?

Дед, внимательно осмотрев связанного, сказал:

— Живехонек! Притворяется, что сомлел, а у самого «ушки на макушке». Вызвать пытается — что да как. — и обращаясь к связанному сказал: — Милок кончай придуриваться. Вижу, что пришел в себя. Эвон глазки- то под веками как бегают.

«Милок» открыл глаза и попытался качать права, злобно на нас зыряя и что-то тараторя по итальянски.

— Чего это он стрекочит? — спросил я Бабу Ходору.

— Страшает.

— Во как! Страшает значит. Щас я этого пидора постращаю. — Схватив один из кинжалчиков, я сунул его итальянцу под глаз и легонько нажал, чтобы потекла кровь. Тот сначала дернулся, но потом замер, боясь шевельнуть головой, с изумлением и страхом глядя на меня одним глазом.

— А ну-ка Савватеевна спроси его, какой глазик ему не жалко: левый или правый? А за Катку я ему сейчас еще и яйца отчекрыжу и сожрать заставлю.

— Стой окаянный! — Не на шутку испугалась, поверившая мне знахарка. Да сам иностранец несколько взбледнул, русский язык он видимо хоть и плоховато, но понимал.

— Ладно. Живи сука. — Я поводил кинжалчиком у него под вторым глазом и словно нехотя отошел к столу. Положил на стол кинжал и, взяв короткоствольный «бульдог», стал им играть прицеливаясь то в одного, то в другого иностранца. Дед посмотрел на меня и понимающе ухмыльнулся. У Архипки глаза по полтиннику и рот открыт:

— Архипка! Рот закрой. — Сказал я вполголоса. Тот дернулся испуганно, но рот закрыл и уставился на меня, круглыми от изумления глазами. Я подмигнул ему и улыбнулся. Тот немного оттаял и тоже улыбнулся в ответ.

Между тем Баба Ходора устроила возле котообразного итальянца какие-то шаманские пляски, пытаясь напоить его чем то из деревянной чашки. Тот крутил головой наотрез отказываясь пить.

— Что Савватеевна, не хочет отварчик пить? Ну-ка спроси его знает он что такое «русская рулетка»?

Баба Ходора довольно долго разговаривала с итальянцем и наконец, сказала:

— Не знает он никакой «русской рулетки».

— Не знает! — Обрадовался я. — Сейчас узнает.

Выбил из барабана «бульдожки» все патроны, потом взял два из них и на глазах

строптивного итальянца зарядил револьвер, как бы не глядя, крутанул барабан, подскочив к упрямцу, сунул дуло ему в висок и нажал на курок. Боек щелкнул в холостую:

— Ты посмотри, везучий сукин сын!

Снова крутанул барабан и бабахнул у связанного над ухом. И даже сам немного испугался. Слишком громко прозвучал выстрел в небольшой хатенке. Пуля шмякнула в стену и застряла в бревне. Итальянец отшатнулся и чуть не свалился вместе с табуретом. Дед не дал ему упасть и, разгадав мой блеф, остановил кинувшуюся ко мне знахарку. А итальянцу сказал:

— Ты бы, милочка, не злил мальчика то. Он у нас, летна боль, с придурью, отстрелит ухо иль еще, что похуже сделает. Скажи-ка ему, Савватеевна.

Та вновь стала, что-то многословно объяснять на итальянской мове, то и дело указывая на меня. Я гнусно ухмыльнулся, дал дяде понюхать, пахнувший сгоревшим порохом ствол и пропел гнусаво:

— Уно — уно.... Ун моменто. — в очередной раз крутанув барабан сунул дуло ему в рот. Тот выпучил глаза и стал тихонько кивать головой. Я вынул у него изо рта ствол и спросил:

— Согласен, что-ль отварчику попить? — страдалец энергично закивал головой. Обращаясь к знахарке я сказал: — Действуйте уважаемая ведунья — клиент готов!

Баба Ходора быстренько напоила одуревшего иностранца какой то гадостью, от которой того сначала затрясло, а затем наглухо вырубил. Но даже в таком состоянии знахарка в покое его не оставила. Наложив ладони на виски, растерявшего былой лоск, иностранца, она, что то тихонько говорила, а отдельные слова произносила четко и громко, как бы разбивая сказанное на отдельные фрагменты. Во всем этом чувствовался, какой то завораживающий ритм.

Глянув на деда с Архипкой, с удивлением заметил, что они не остались равнодушными к камланиям знахарки. И если дед, тряхнув головой отогнал сонную одурь, то Архипка скис окончательно и откровенно спал, привалясь спиной к стене. На меня же колдовское бормотание никак не подействовало. После ошаманивания иностранца команду на то, чтобы развязать страдальца Баба Ходора не дала, неодобрительно посмотрев на меня, сказала:

— Где же ты, аспид, окаянствовать так научился? Даже я сначала поверила, что ты его сейчас резать будешь.

— Где, где? Книжки нужные в детстве читал. — Перефразируя классика бардовской песни пробормотал я вытаскивая из-за пазухи сомлевшего Луиджи очередной револьвер, а из кармана извлек пухлый кошелек с бумажными российскими деньгами. Из другого кармана достал нечто напоминающее портмоне с какими-то документами. Вместе с портмоне захватил свернутый лист бумаги, который, выпорхнув из кармана, спланировал на пол. Положив портмоне на стол, я поднял листок, развернул и выругался.

— Ах ты ж блин блинский! Савватеевна, дай-ка обманку.

— Чего дать? — не поняла меня женщина.

— Шкатулку дай, ну ту, которую мы вместо «ларца Парацельса» хотим этим долбодятлам европейским впарить.

Знахарка, успевшая спрятать шкатулку в тайник, достала ее и подошла ко мне. Дед тоже подтянулся.

— Смотрите. — сказал я показывая, нарисованный в изометрии и раскрашенный, «ларец Парацельса» с проставленными размерами. Причем размеры давались, в привычных

мне, миллиметрах.

— Похоже, летна боль! — выразил общее мнение дед. Я спросил знахарку: откуда у ватиканских попов такое точное изображение пресловутого ларца?

— Так почитай сто лет без малого Ватикан за «ларцом» охотится. А Бальцони видел его и, может быть, даже в руках держал.

— Это как? — не поверил я.

— Бабушка, царствие ей небесное, рассказывала, что приезжала из Италии в Москву целая поповская делегация. Бальцони, ему тогда чуть больше семнадцати лет было состоял в секретарях у главного из них, скорее всего сыном внебрачным того был. Простыл он сильно и чуть не помер, да умирал уже, когда бабушку уговорил тот главный помочь мальчишке. Вроде чуть ли не на коленях умолял. Видно любил сына.

— Да откуда же он узнал то про твою бабушку?

— Знал кое кто из церковников. Бабушка хотя и молодая была, ну как молодая лет двадцать пять ей было тогда, но уже помогла кому то из церковных иерархов, спасла от смерти. Вот и порекомендовали. Я же говорила тебе, что сильной, очень сильной ведуньей была бабушка Христина.

— Уговорили значит ее.

— Красивый был тот Бальцони в юности. Вот и пожалела она парнишку. Но уж очень запущена была болезнь. Пришлось прибегнуть к «ларцу». Два раза с помощью «ларца» уже почти из могилы его вытаскивала. Еле выходила. А когда выходила тут у них и любовь случилась. Потом он уехал в свою Италию, а бабушка матушку мою родила.

— Прямо бразильский сериал какой-то. — Не удержался я от замечания.

— Какой такой сериал? — не поняла Баба Ходора.

— А...! Не обращайтесь внимания. Это я так о своем, о девичьем. — Отмахнулся я. И тут же спросил знахарку про амулет от пресловутого падре Бальцони:

— Амулетик, что ты сняла с тушки этого Луиджи, он, что правда наговоренный и какую-то силу имеет.

— Ты опять о магии. — Улыбнулась та. Это для него он силу имеет, потому, что сказали ему это. Дед мой, Бальцони, и сказал для усиления воздействия внушения. Ведун он слабенький, вот и его внушения и нуждаются в таких подпорках. А так это просто медяшка, обыкновенный медный образок.

— Эх Баба Ходора, Баба Ходора уже который раз ты меня обламываешь. Я уж грешным делом подумал, что амулетик этот ману накапливает.

— Чего, чего накапливает? Какую такую манну.

— Не манну, а ману. Манна — каша библейская, а мана это магическая энергия, ну вроде силы твоей. Накапливается в амулетах из мифрила, или из чешуек магического дракона, а если нет ни того ни другого, то сойдут и драгоценные камни: алмазы там всякие, изумруды и даже горный хрусталь, ну это уж от крайней бедности.

— Опять скоморошничает. Все ерничаешь, а дело-то серьезное. Скоро этот Луиджи в себя придет и чтоб его под контроль взять надо будет наговор прежний снять, да так чтобы он в своем уме остался. Бальцони хоть ведун и слабый, но наговор есть наговор и так просто его не снять.

— Ну здесь мы с тятей тебе не помощники. Хотя, если нужно для дела, можно их немножко помордовать. Тятя, вон, это запросто оформит. Сможешь ведь? — обратился я к деду. Тот ухмыльнулся и промолчал, но было видно, что за ним не заржавеет.

— Уймись уже, и так помордовал знатно. — Недовольно сказала знахарка.

— Хватит балаболить. Иностранец вон в себя приходит. Давай Савватеевна успокой его, вишь как рвется, болезный. Сломает себе что-нибудь, отвечай потом. — Остановил дед наши препирательства.

Баба Ходора подскочила к подходящему в себя иностранцу и принялась заново шаманить вокруг него. Минут через двадцать она отпустила голову страдальца из своих магнетических ладошек, вытерла со своего лба обильно выступивший пот и устало присела на лавку.

— Все! Развязывайте и этого, теперь не дернется.

Мы с дедом развязали этого Фальконе и пока тот разминал затекшие руки, я отошел к столу и взял, на всякий случай, револьвер «крыски», но иностранцы вели себя смирно, не ругались и вообще выглядели заторможено.

— Что они такие кволье? — спросил я знахарку. Та только отмахнулась:

— А ничего страшного. Через денек другой оклемаются. — Потом подошла к ямщику с крыской и заставила их отмереть.

— Ну что Савватеевна будем впаривать артефакт? — Обратился я к Бабе Ходоре. Та непонимающе на меня уставилась. — Торговаться будем за «ларчик Парацельса» или подождем?

— А чего ждать-то? Торгуйся, а я переводить буду.

— Договорились! Тятя выйди на улицу глянь на их сани, может они там ружьишко какое забыли. — Проговорил я, поигрывая револьвером, за которым, четверка ошаманенных заморожено следила.

Дед вопросительно глянул на знахарку и после ее кивка вышел во двор. Минуты через три он вернулся, неся в руках какое-то короткоствольное ружье.

— Не хило вооружились гады. — Я взял у деда ружье и, показав его Пизаконе, спросил, прикалываясь:

— «Лупара»?

Луиджи кривовато ухмыльнулся, а второй что-то довольно долго объяснял.

— Что он лопочет? — спросил я у Бабы Ходоры.

— Говорит, что это не «лупара», винчестер какой-то.

— Винчестер? — А ведь, правда — винчестер, вон и скоба для перезарядки. Главный индеец всех времен и народов, Гойко Митич, из такого лихо палил. Я взялся за скобу хотел передернуть, но во время остановился. Если он заряжен, то бабахну по не знанию в хате. Тогда Баба Ходора точно меня в жабу превратит. Но не отказал себе в удовольствии симитировать перезарядку и по прицеливаться в иностранцев. Отложил игрушку и, снова взяв револьвер, сказал:

— Сгодится и винчестер. .... Так вы трое. — указал я на ямщика с «крыской» и Серджио. — На выход.

Те растерянно переводили взгляд с револьвера в моих руках на деда потом на знахарку и снова на револьвер.

— Чего стоим? Во двор топайте. И ждите там. Не вздумайте никого звать или уходить со двора. Хуже будет. Нам тут с сеньором Фальконе поговорить надо приватно. Софрон Тимофеевич придайте этим тормозам скорости. — Дед с недоумением посмотрел на меня. — Да выпни ты этих придурков на улицу.

Дед ухмыльнулся и двинулся к страдальцам. До двоих наконец-то дошло и, опасно

косясь на деда, они порскнули из хаты. Итальянец из избы не пошел и вновь забубнил что-то по итальянски.

— Чего это он опять? — спросил я у Бабы Ходоры.

— Говорит, что не может оставить сеньора Фальконе одного, особенно с этим сумасшедшим малолетним «лаццерони», которого мы, почему то слушаемся. — Подпустила шпильку ехидная бабулька.

Ишь ты, «лаццерони» значит. Кто окончил советскую среднюю школу, да еще при этом прочитал убойный роман «Как закалялась сталь», тот слово «лаццерони» знает. Прикид мой ему не понравился. Мы тут с Архипкой к камуфляжу привыкаем, все из себя такие крутые, а эти гомосеки забугорные рот кривят. Но, посмотрев второго итальянца, обижаться по поводу одежды передумал.

По тому, как дернулись усики у сеньора Фальконе во время тирады верного Серджио, я предположил, что не все так просто в этом тандеме проходимцев. Похоже этот Серджио не столько охранник, сколько наблюдатель и контролер за действиями главного охотника за артефактами.

— А черт с ним, пусть остается. — После недолгого раздумья решил я и обратился к Фальконе:

— Ну что ж сеньор Фальконе, или как там твое настоящее имя? А впрочем, к делу это не относится и ваше настоящие имена нас совершенно не интересуют. Интересуют же нас совсем другие вещи.

Во первых: почему вы решили, что подданная императора Российского должна отдать вам, семейную реликвию, которую вы почему-то называете «ларец Парацельса», хотя она никаким ларцом не является? — дернувшегоса отвечать итальянца я взмахом руки остановил и продолжил:

— Во вторых: вещица эта уникальная, можно сказать единственная в своем роде и потому бесценная, или если уважаемая Феодора Савватеевна захочет ее все таки продать, то уж совершенно не за жалкие две тысячи рублей которые мы у вас изъяли. — Я снова жестом остановил пытавшегоса что-то сказать итальянца:

— И в третьих: если вы вдруг захотите надавить на нас морально, ну тоесть загнуть нам, что нибудь про Господа бога нашего или святости Святого Престола, то можете на эту ерунду слюней не тратить. В отличии от вас мы люди достаточно образованные и историю папства немного знаем и поверьте, лично у меня эта история, хороших чувств не вызывает, скорее даже наоборот.

— И в четвертых: благодарите своего католического бога за то, что он свел вас с очень благородной и сострадательной женщиной, иначе вы бы уже кормили раков в местной речке. Савватеевна переведи.

— Не надо переводить. Я понимаю по русски. Говорю плохо. Мы находимся здесь с разрешения ваших властей. Вы не имеете никакого права нас убивать, это незаконно.

— Не законно говоришь. А ты погляди вон в то окошко. Поглядел? И что там видишь?

— Ничего не вижу — лес один да снег.

— То не лес. Тайга это. Ты в Сибири, дядя! А здесь закон — тайга, медведь — хозяин. Ты же не припрешься на Сицилию требовать у местных мафиозо чего либо. Ну а Сибирь для тебя, та же Сицилия, только гораздо хуже, уж очень большая и очень холодная, да и мы не бандиты, скорее даже наоборот. Это вы для нас бандиты, варнаки по нашему, только европейские потому и цацкаемся с вами, своих уже бы давно под землю спровадили. Вон у

деда моего спроси сколько варнаков он прибил. — Дед подыграл мне сказав:

— Дак кто ж их считает варнаков этих. Не будут пакостить и мы их не тронем.

— Вот видишь, глас народа — глас божий. Вы нас не трогаете и мы к вам со всей душой.

— Что вы хотите? — осознав бесполезность прений, спросил охотник за артефактами.

— Мы? Мы вообще-то ничего не хотим, это вам, от нас что-то нужно. А если вы насчет пресловутого «ларца», то я уже вам сказал, что тех денег, что есть у вас с собой совершенно недостаточно, чтобы выкупить эту вещицу, тем более, что уважаемая Феодора Савватеевна продавать ее или, упаси бог дарить, совершенно не хотела, но настойчивость и бесцеремонность Ватикана ей надоели. Вы же не первые проходимцы, кто по заданию «Святого Престола» преследует её и её родственников, с целью завладеть «ларцом». Поэтому она готова продать вещицу за вполне небольшую сумму в десять тысяч серебряных рубликов. А посему, хватаете свои денежки, ну за исключением золотых монет, которые я у вас забираю, как компенсацию морального ущерба, нанесенного вами этой благородной женщине, и катитесь назад в «Вечный город». А уж там пусть решают ваши работодатели. Короче! Десять тысяч на «бочку» и «ларец» ваш, хоть в сундук его прячьте, хоть на божничку ставьте.

Надо сказать, Фальконе не все понимал и знахарке приходилось иногда переводить, но и здесь была засада: она не понимала кой какие словечки, переспрашивала и зависала. Намаялся я с ними. Но в конце концов общими усилиями донесли сермяжную правду до европейских ушей.

— Десять тысяч? — оторопело сказал Фальконе. — Но это очень большие деньги. Я должен посоветоваться.

Я засмеялся:

— С кем посоветоваться? Телеграмму что-ли отобьешь или по телефону звякнешь? Так я тебя разочарую: нет у нас в Сосновке ни телеграфа, ни тем более, телефона. Да и в Барнауле пожалуй телеграфа нет, разве только в Тюмени. Но до Тюмени вам пилить и пилить.

— Есть в Барнауле телеграф. Уж лет двадцать как поставили. — Поделилась информацией знахарка.

— Вот как! — Искренне удивился я, считавший Барнаул девятнадцатого века глухой дырой. — А я и не знал. Может и телефон там есть?

— Нет там никакого телефона, телеграф только.

— Ну это все равно. И до Барнаула не один день добираться. Так что забирайте свои денежки и валите отсюда по быстрому.

— Хорошо! Аббат Бальцони предусмотрел и этот вариант. — с этими словами он покопался в своей одежде и достал суконный мешочек и подойдя к столу высыпал из него десятка полтора прозрачных камешков. — Это должно стоить больше десяти тысяч.

— Вот жук! — восхитился я. — Это алмазы?

— Это бриллианты!

— И я должен поверить тебе на слово?

— Ну это можно проверить у ювелиров.

— Во как! У ювелиров! Тятя, где у нас тут ювелиры?

— Чаво, Чаво? Какие левиры? — снова подыграл мне дед.

— Вот видишь: человек даже слов таких не знает. Савватеевна, а ты в камнях

разбираешься?

— А как же! Разбираюсь! Как свинья в апельсинах. Хотя погоди — остались от бабушки кой какие украшения. — Знахарка покопалась в недрах своего сундука и достала шкатулку, из шкатулки вынула коробочку отделанную алым бархатом, открыла.

— Блин! Савватеевна! На хрена ты показываешь этим проходимцам такую штуку.

— А что? Обыкновенная брошка. — улыбнулась довольная произведенным эффектом женщина. — и скорее всего не очень дорогая тут всего один маленький алмазик.

Действительно на зеленом эмалевом листке красовалось сверкающая капелька росы к которой прильнула искусно выполненная маленькая серебряная бабочка, с золотыми разводами на крыльях. Вроде все простенько, но было в этой простоте, что-то не вполне осязаемое, видимо то, что и называется искусством в самом возвышенном значении этого слова. Даже меня, вполне равнодушного ко всяким побрякушкам, брошка впечатлила. Да что я, даже грубый амбал Серджио и тот не остался равнодушен. А Фальконе сначала замер, потом непроизвольно сглотнул слюну и протянув руку к коробочке, тихо спросил:

— Можно?

Получив разрешение, взял коробочку и минуты две рассматривал брошку поворачивая ее так и сяк, наконец очнулся и видя наш интерес, похоже даже немного смутился и положив брошку на стол сказал:

— Вы не правы сеньора это вещь дорогая. Работа настоящего мастера. Я в этом немного понимаю — отец мой был ювелиром.

Но вот кто остался вполне равнодушен к эстетическим ценностям так это дед, да еще Архипка, который тихо посапывал усыпленный нашей ведуньей.

— Нет эта брошка не пойдет, может сыщется у тебя колечко какое либо с бриллиантом. — спросил я знахарку.

Та, покопавшись в шкатулке, извлекла простенькое золотое колечко с маленьким камушком.

— Это подойдет?

Я взял колечко, повертел рассматривая и, захватив один из камешков, подошел к окну. Провел по стеклу алмазом с колечка и рядом прочертил царапину камушком взятым со стола. Затем сравнил. Ну что-ж твердость соответствует. Вроде не врет итальянец.

— Пожалуй и вправду алмаз. Как считаешь Савватеевна можно меняться?

— А...! — махнула рукой женщина. — Решай сам, надоели мне уже эти варнаки ватиканские. Почти тридцать лет от них с бабушкой бегаем. Может сейчас отстанут.

— А мы этому аббату письмецо напишем, попросим душевно, чтобы забыли про тебя. Ну что господа, отвезете письмишко аббату? Ага! Вижу, что согласны. А теперь повернитесь к окошку, на тайгу посмотрите и не вздумайте оборачиваться пока не скажу, а то уши отстрелю. Нечего вам знать, где Феодора Савватеевна фамильные ценности прячет.

Иностранцы посмотрели на револьвер, который за время разговора я так из рук и не выпустил и дружно отвернулись. Я махнул револьверчиком знахарке:

— Доставай «ларец», Савватеевна.

Та пошебуршала немного, достала обманку и тихонько подала мне. Я постучал, негромко, рукояткой нагана по столу подвигал ногой табурет, чтоб сбить с толку греющих уши иностранцев и, выждав некоторое время, положил обманку на стол рядом с бумажкой где был рисунок с параметрами пресловутого «ларца».

— Можете повернуться, господа. Вот ваш «ларец Парацельса», а рядом бумажка с

картинкой. Сличайте.

Итальянцы подошли и стали рассматривать вожделенную вещь.

Я же, вспомнив, про миллиметры на эскизе полюбопытствовал:

— А что господин Фальконе, в Италии уже принята метрическая система?

Луиджи на секунду оторвался от разглядывания «ларца» и непонимающе посмотрел на меня, потом покопался в кармане, вытащил оттуда шелковую нитку с узелками и, с помощью этой нитки, принялся обмерять обманку. Я снова засмеялся. Ясенько! Если в той Италии метрическую систему мер уже и приняли, то Фальконе сообщить об этом или не успели, или забыли.

— Ну что, двое из ларца не одинаковые с лица, меняться бум? — спросил я.

Те пока не были готовы ответить и что-то тихо обсуждали между собой, передавая друг другу «ларец» с эскизком.

— Ладно! Вы подумайте пока минут тридцать, а я письмишко вашему аббату накатаю. Тятя, присмотри за варнаками, чтоб не дергались, если что, пресекай не щадя и это, встань так, чтобы они не видели что я пишу.

Хорошо бы для солидности зашифровать послание, но времени было мало, да и маяться с шифром не хотелось, а потому вспомнив, читанные в детстве рассказы про Ленина, где тот, сидя в тюрьме писал молоком между строк, решил приколоться. Попросил у Бабы Ходоры ручку, чернила, бумагу и плоску с молоком. Немного подумав и, оставляя между строк изрядный интервал, написал:

«Г. Бальцони, многовековое стремление «Святого престола» собирать в своих архивах документы и разного рода артефакты, так или иначе освещающую историю человеческой цивилизации, похвально, но методы которыми вы порой пользуетесь не добавляют святости ни папе ни Ватикану. Но я в чужие дела не лезу, не лезу ровно до тех пор пока они меня не касаются. В данном случае дело коснулось лично меня и моих близких, а потому убедительно прошу больше подобных эмиссаров к нам не посылать. Алекс.

Р. S. Надеюсь у вас достанет интуиции понять скрытый между строк смысл моего послания.»

Молоком же написал следующее:

«Если вы читаете эти строки, значит поняли мой толстый намек. Думаю и другой намек вы тоже поняли. Да, я вам угрожаю. И если вам кажется, что мои угрозы смешны и нелепы, то вы ошибаетесь. Наступает время террора, и лишь то обстоятельство, что террористы всех мастей оказались еще большие идиоты и позеры, чем их состоявшиеся и не состоявшиеся жертвы, несколько смягчает угрозу. Я же, смею вас уверить, не идиот и не позер. Пример идиотизма и позерства приведу. Ваш соотечественник некий Луккени в году так 1897, то есть лет через восемь, в Женеве, зарежет ножом, изготовленным из ржавого напильника, австрийскую императрицу Елизавету (Сисси). (У нее еще сын не то уже застрелился, не то еще застрелится вместе с любовницей. Просто не помню точную дату.) На вопрос зачем он это сделал, Луккени ответит, что он предпочел бы зарезать итальянского короля, вроде Умберто его звать, или Франца-Иосифа, но у него нет денег доехать до Вены или Рима, а Сисси у него в прямой доступности, разгуливает без охраны, словом режь не хочу. Да кстати: убьют вашего Умберто в 1900 году. Какой-то анархист из револьвера пристрелит.

Сообщаю так же, что ваш папа Лев какой-то там по номеру доживет не то до 1903 не то до 1904 года. Но это в том случае если вы и ваш преемник забудете о нашем существовании. Да вот еще: летом 1891 года произойдет извержение Везувия. Во время прошлого

извержения у вас погибло куча любопытствующих. Не наступите на этот раз на те же грабли.

В конце декабря 1908 года от землетрясения на Сицилии будет разрушен город Мессина с окрестностями, погибнет более ста тысяч человек. Вы уж подсуетитесь там. Не скажу, что мне жалко европейцев. Вовсе нет: дрянь людишки, много горя русскому народу принесли и еще немало принесут. Детей жаль. Но мое дело предупредить, а уж как вы там этими знаниями распорядитесь, меня не волнует.

И последнее: поскольку в архивах Ватикана собрано много разного барахла, поищите там коробочку размером с «ларец Парацельса» только тоньше одна сторона которой, стеклянная, а на второй возможно изображено надкушенное яблоко и написано что-нибудь по-английски. Если найдете, то знайте это телефон, но не только; он же фотоаппарат и еще многое другое. И если сумеете зарядить батарейку (гальванический элемент) и включить аппарат, то можете посмотреть забавные картинки, вплоть до порнографии. Но это как повезет.

Поскольку больше ничего не могу вспомнить про вашу Италию, то прощаюсь и надеюсь никогда о вас не услышать. Алекс.

А нет, вспомнил: в году не то в 2019 не то 2020 ваш очередной папа по кличке Франциск какой-то, (кстати, германец, а до него папой был избран поляк) узаконит однополые браки. Не знаю как там у вас в Ватикане насчет мужеложства, но содомиты всего католического мира обрадовались, столь высокому признанию их достоинств.

Примите эту информацию как плату за ваши брюлики. Полагаю, что она того стоит.

И вот еще что, если вы моих угроз не испугаетесь, то присылая по нашу душу очередных бедняг, снабдите их суммой побольше. Я очень нуждаюсь в деньгах, поскольку спасти ваш прогнивший мир удовольствие среднее, но очень дорогое. Алекс».

Про айфон написал по приколу. Читал в интернете утку про попаденца в тысяча восемьсот шестидесятый год. Там вроде айфон фигурировал, ну и решил постебаться. Пусть попы в архивах покопаются, поищут. Про Сисси видел старый фильм, где главную роль играла Роми Шнайдер, после поинтересовался ее судьбой. Про землетрясение читал где-то, там вроде русские моряки отметились, завалы разбирали, спасали пострадавших. А вот про Франциска похоже соврал. Не немец он. Немцем вроде был Бенедикт. Там скандал еще был какой-то педофильный. Блин! За этими римскими папами не уследишь. Но переписывать не буду. Сойдет и так.

Несколько сумбурное послание не уместилось между строк. Пришлось задействовать свободную часть листа и даже добавить еще два. Надеюсь попы ватиканские разберутся. Подождал пока написанное высохнет и свернул листки. Попросил у Бабы Ходоры зажечь восковую свечку, покапал воском на края и приложил одну из золотых монет. Получилась вполне приличная печать. Завернул все еще в один лист и тоже наставил печатей. Потом обратился к иностранцам:

— Ну что господа надумали меняться?

— У нас нет выбора. Но все равно это очень дорого.

— Дорого говоришь? Ну за то, что вы собирались сотворить здесь, вас нужно голыми отправить, но мы люди добрые и поэтому я предлагаю вам за ваши наличные купить вот эти два бриллианта. Сеньер Фальконе стоят они тех двух тысяч которые у вас есть?

— Видите ли сеньор, не знаю вашего имени, если бы мы были в каком-нибудь крупном городе, то несомненно сделка для нас была очень выгодной, но здесь этого мало. Добавьте еще пару и мы согласны.

— Ну ты и жук! — засмеялся я. — Ладно уговорил, черт красноречивый. Забирай еще два камушка. Теперь вот тросточка твоя, сколько ты за нее хочешь?

— Ну это очень тонкая работа, мне ее в Милане сделали, на ваши деньги она стоит триста рублей, вместе с перстнем.

— Ну это ты загнул. Красная цена ей сто рублей не больше. А ладно, беру за сто пятьдесят. Согласен?

Луиджи наморщил лоб, что-то высчитывая и согласился на сто пятьдесят рублей. Я продолжил:

— Оружие и патроны за сколько продадите?

— Триста рублей.

— Да у вас тут ценный только вот — винчестер, а револьверчики так — дешевка. Ладно! Двести пятьдесят дам, за весь этот металлолом.

— Тогда без ножа и кинжалов.

— Договорились. Пиши расписку.

— Расписку...? Какую расписку? — удивился Луиджи.

— Обыкновенную. На бумаге. Получил мол за трость, три револьвера и винчестер с патронами четыреста рублей серебром. За две тысячи рублей серебром купил у мещанки Новых Феодоры Савватеевны лекарственный ларец именуемый «ларец Парацельса». Савватеевна ты случаем не дворянка? Нет. Жаль.

— Но я не умею писать по русски.

— Какие проблемы! Пиши по итальянски. Савватеевна вон по русски продублирует. Савватеевна прочесть по итальянски сможешь?

— Разберу.

— Вот и ладушки.

Луиджи сел корябать бумагу и остановился:

— А бриллианты?

— Какие бриллианты? Не было никаких бриллиантов. Вам они приснились. Понял?

Тот почесал в раздумье затылок. Поразмыслив закивал утвердительно головой:

— Понял.

Через полчаса документ был готов. Кроме Фальконе и знахарки, я заставил засвидетельствовать его Пизаконе и деда. Отдал Луиджи письмо для Бальцони, сказав, что тот будет очень не доволен если узнает, что письмо вскрывали, вернул саквояж с документами и прочим барахлом. Потом растолкал Архипку, велел выйти во двор и позвать ямщика с «крыской». Те вошли следом за пацаном и остановились в пороге, боязливо косясь то на деда, то на меня со знахаркой. Я спросил водителя кобылы:

— Любезный, как звать тебя?

— Тихон. Сундуковы мы. — Пробасил он. А ничего так хлопец, не меньше Серджио будет, только бородача у него больно дикая.

— Скажи-ка мне Тихон Сундуков за сколько тебя иностранцы подрядили?

— Дык сорок рублей обещали.

— Ишь ты! Сорок рублей. Вот тебе сто рублей и завтра вези их скорехонько до Барнаула, пока лед на Оби еще крепок, а то застрянете на этой стороне до ледохода. Да смотри, в полынье их не утопи.

— Не изволь беспокоится, поспеем.

— Хорошо! Теперь с тобой. — Обратился я к «крыске». — Имя у тебя есть?

— Иннокентий Харин.

— Кеша значит. Вот что Кеша, завтра мы вас поутру проводим маленько, чтобы вы ненароком не заблудились. А там я тебе пистоль твой отдам ну и патроны тоже. Твоя задача будет охранять господ иностранцев, чтобы их никто не обидел. За труды так же получи сотенную и вези иностранцев сейчас в заезжую избу. Отдыхайте, подкрепитесь, а завтра спозаранку в путь и поторапливайтесь. Весна на дворе. Да чуть не забыл! Тихон возьми свои вещи. — Протянул ямщику кистень с засопожником. Тот оторопело взял свое нехитрое оружие и держал его в руках, не смея на виду у нас рассовать по местам.

— Кеша! Вы в заезжей, деньгами не очень трясите. Народ там всякий попадается, зарежут еще за рублишки. — Тот оторопело кивнул, а я обратился к знахарке:

— Савватеевна! Скажи гостям свое напутственное слово. — И вполголоса, чтобы слышала только она, добавил. — Пугани их хорошенько напоследок.

— Как пугануть-то? — озадачилась знахарка.

— Как? Да хоть покажи им меня в виде зомби. Ну вроде как ожившего мертвеца. Нагони на них жути.

Та ухмыльнулась, вскинула руку и, что-то произнесла хриплым голосом. Стоявшие передо мной иностранцы и Тихон с Кешей побледнели и попятнулись. Даже дед с Архипкой, стоявшие позади меня, стали водить носами:

— Вроде как мертвечинкой пахнуло. — сказал дед.

После этих слов гости бросились вон из хаты. Глядя на это поспешное бегство, я не выдержал и заржал. Дед подозрительно посмотрел на меня, потом на знахарку и спросил:

— Твои проделки, Савватеевна? Ишь, как разобрало болезных.

Та у и ничего не ответила, лишь хихикнула, прикрываясь уголками платка.

— Чего-то жрать захотелось. Савватеевна у тебя есть чего перекусить? — Спросил я.

— Так щи с утра в печи томятся.

— Поди остыло уже все.

— Не остыли. В печи и до утра теплыми будут. Со стола уберите все, а я пока налью щец. И это, руки помойте после гостей иностранных.

Мы с дедом и Архипкой быстренько убрали со стола трофеи и помыв, руки расселись вокруг стола. Баба Ходора разлила по чашкам щи, наломала хлеба и положила на стол деревянные ложки. В деревне к еде относились почтительно и было принято насыщаться молча, но на сей раз деревенский этикет был нарушен.

— Рассказывай давай. — дед хмуро посмотрел на меня.

— Чего рассказывать- то? Я уже тебе все рассказал.

— Снова расскажи и по подробней, летна боль.

— Может, поедим сначала.

— А ты давай хлебай быстрее и рассказывай.

— Ладно. — Я быстренько дохлебал щи, доел горбушку хлеба и начал:

— Расскажу для ясности, с чего все началось. Чуть больше тысячи лет назад, когда еще церковь была едина, то есть не было еще ни католиков ни православных, а верующие звались просто христианами, кто-то из римских пап озаботился созданием единого «Символа веры» и канонического «Святого писания» Библии то есть, ну а те, что расходились с каноническим текстом, сначала видимо жгли, ну а потом кто-то из пап сообразил, что жечь не нужно, а нужно создать закрытый архив, где всю эту ересь сохранять, но так чтоб доступ к ним имел очень малый круг особо доверенных людей. Со временем там же стали прятать и всякие

предметы, которые редко, но появлялись на земле и, не понятно, толи были они из далекого прошлого, толи наоборот из будущего. За такими вещами, а их называют «артефакты», ватиканские попы охотятся особенно рьяно, не жалея ни денег ни людей.

В нашем случае, они почему то решили, что уважаемая Феодора Савватеевна такой «артефакт» имеет, вот и приперлись эти варнаки европейские сюда, ну а мы пошли им навстречу, продали вожделенный «ларец», заодно объяснив, что не нужно на нас валить из под хвоста, мы этого очень не любим.

— А что ты им про Сицилию наговорил. — Спросила знахарка. — Этот Луиджи так на тебя посмотрел.

— О! Сицилия! Остров замечателен тем, что там помимо римской власти существует, своя — бандитская, мафией ее итальянцы называют. Вся Сицилия поделена между несколькими семействами-кланами, которые реально и управляют там. Если эти два проходимца приехали бы туда, да еще и стали выеживаться, как у нас, то их бы там и закопали, возможно даже живьем. Причем яму они сами для себя и вырыли бы. И Луиджи все это прекрасно известно.

— А полиция ихняя на что?

— Местные полицейские сами этим мафиозо подчиняются, а с приезжими никто там и говорить не будет. Обычай такой у них, «омерта» называется.

— Ишь нехристи, летна боль! Ну да бес с ними. Нам то, что теперь делать? — спросил дед.

— А ничего делать не будем, проводим с Архипкой их завтра версты две, да и забудем.

— А если они вернутся. — С тревогой сказала знахарка.

— Ну, эти вряд ли вернутся. Ведь то за чем их посылали они получили. Потом я веде специально все отбирать у них не стал, зачем крыс в угол загонять. Какой никакой у них прибыток есть, те четыре камушка тысячи две стоят. Да и за ружья я им раза в два переплатил. Еще ты, Савватеевна, их изрядно напугала. Так, что думаю, покатаются они до самого Рима без остановок. А деду твоему, Савватеевна, я письмишко написал, если догадается листочки утюгом прогладить, то следующих варнаков пришлет не ранее чем года через два и уже не только к тебе, но и ко мне, ну а мы их уж тут встретим.

Говоря это, я подошел к лавке, куда мы убрали со стола барахло, взял кинжальчик, взвесил в руке и, резко обернувшись, запустил его в дверь. Затем быстро схватил второй и отправил вслед за первым. Оба воткнулись в сантиметрах трех друг от друга. Надо же! Не ожидал. Не зря, значит, с Архипкой каждый день тренируемся.

— Что же ты, ирод такой, творишь? — Запричитала знахарка. — Зачем дверь портишь?

— Блин! Прости Феодора Савватеевна, что-то меня переключило. Никак не отойду. А вообще-то, брось переживать! Теперь опасность, можно сказать, миновала, денег у тебя куча, можешь и в город к дочке с внучкой перебраться.

— Не возьму я этих денег. — Резко сказала знахарка.

— Во как! И почему же? — Удивился я.

— Обманом они получены, не пойдет на пользу богатство.

— Что и камешки не возьмешь?

— Не возьму. — Твердо сказала Баба Ходора.

— Нет, ну что за люди? — Пробормотал я. — Одному запахло, на голоде заработать, вторая от не праведных денег отказывается. Ну а мне что делать?

— Ты, летна боль, говори да не заговаривайся. — Дед привстал со стула.

Я отступил на шаг и, выставив открытые ладони перед собой, проговорил быстро:

— Все, все! Понял я!

Дед хмуро глянул на меня и слегка махнул рукой, отпуская мои грехи. Но надо было уже заканчивать этот длинный день. Я сложил в трость золотые кругляши, навернул рукоять, собрал кошельки с деньгами и протянул деду.

— Вот, тятя, спрячь гденибудь у нас, потом определим им место и возьми эту дуру. — протянул ему здоровенный армейский револьвер. — Тебе как раз по руке будет. Смотри, осторожнее, он заряжен. При стрельбе каждый раз взводи курок.

— Разберусь.

— Мы с Архипкой у Савватеевны переночуем, на всякий случай. А с утречка Игреньку с Воронком оседлаем да проводим гостей.

Дед посмотрел на меня, потом перевел взгляд на знахарку. Та кивнула ему. Он тяжело вздохнул и сказал:

— Ладно! Будь по твоему, летна боль.

— Архипка иди с тятей, принеси свой самострел с болтами и Кабая захвати.

Когда дед с Архипкой вышли, я обратился к знахарке:

— Ты камешки спрячь пока куданибудь. Их только в городе можно пристроить, пока пусть у тебя полежат.

Пока знахарка возилась, пряча камни, у меня окончательно оформилась мысль, которая подспудно не давала мне покоя.

— Кстати, Савватеевна, Гришку, племянника твоего троюродного, вы приборчиком, пользовали? Ну ларцом этим пресловутым. — Добавил я видя некоторое непонимание сказанного.

— Накладывала бабушка на него ларец, а то бы помер Гришка. А что это ты про него вспомнил?

— Кажется мне, что «ларец» этот экстрасенсорные способности в людях пробуждает, «силу» ведунскую то есть. Вот, смотри, полечила твоя бабушка Бальцони, «сила» у него прорезалась. А там глядишь и Гриня экстрасенсом станет. Кого еще вы бабушкой этим ларцом пользовали?

— Кого, кого? Тебя вот с его помощью на ноги подняла, ну деда твоего немного подлечила, когда его варнаки порезали. А больше никого. Не всех ларец лечит, да показывать его лишней раз не следует, а то видишь, откуда за ним приехали.

— Похоже, ошибся я. Ничего такого я в себе не чувствую. Никаких изменений.

— Ты сам то хоть понимаешь, что говоришь?

— А, что я такого сказал?

— Леньку я ларцом лечила, Немтыря и давно. Самые большие изменения с ним и произошли.

— Блин! Вот тормоз! Ты считаешь, что ларец виноват в том, что сознание старика ко мне подселилось? Ну к Леньке то есть.

— А ты вспомни как все было там, на «Ведьмином омуте».

Я прикрыл глаза, вспоминая. Вот черная туча над озером, из тучи прямо в воду с оглушительным грохотом ударил разряд. Вот из воды выскочил ярко светящийся шар, и, разбрасывая голубоватые искры, довольно быстро поплыл в нашу сторону. Архипка стоит почти на пути этого шарика, но тот, отклонившись, обходит мальчишку и бьет меня в грудь.

— Кажись ты права, Савватеевна, шарик как будто специально обогнул Архипку и в

меня впечатался. Вот блин! Интересный приборчик этот ларец твой. Хорошо бы еще на комнибудь его испытать. А давай на Архипке попробуем.

— Я тебе попробую! Пробовальщик нашелся. Ишь что удумал.

— Извини Савватеевна. И впрямь что-то меня не туда заносит. Ну а у вас этот ларец как оказался?

— Не знаю. Не успела мне бабушка все про него рассказать, а может и не знала. Передала только. Напали на нас ночью варнаки, стреляли даже. Бабушка, Христина Павловна, нас с Анюткой спасая, их всех упокоила, но сама надорвалась, сгорела. Только и успела, передать мне ларец. Я пыталась с помощью ларца поднять ее, не вышло ничего, поздно было. — Баба Ходора скорбно помолчала и продолжила: — Эти дурни ватиканские не понимают, что не будет у них ларец работать. Он только меня слушается. А чтобы кого то другого слушался его передать надо.

— Запаролен значит. Ну и как это происходит?

— А тебе зачем это знать? Внучка в возраст войдет ей и передам.

Не хочет знахарка свой секрет раскрывать. С другой стороны не так уж много вариантов возможных паролей, чтоб ими могли пользоваться люди, совершенно не представляющие, какой девайс попался им в руки. Скорее всего: отпечаток пальца и голосовой пароль.

— Разумно. А хочешь, расскажу, как ты его включаешь.

— Опять поскоморошничать вздумал?

— Да нет. Просто знаю примерно, как подобные приборчики включаются. Поскольку никаких кнопок там нет, то, скорее всего, ты должна приложить палец в определенном месте и назвать пароль, то есть сказать ключевое слово. Ну, еще может быть, посмотреть в определенное место на ларце левым или правым глазом.

— Смотреть то зачем?

— Значит, только палец прикладываешь. — Усмехнулся я. — А пароль говоришь?

— Какой еще пароль?

— Слово заветное молвишь? Скажем «Сезам откройся» или «Абракадабра».

— «Спаси и сохрани»

— Это что ли пароль? А впрочем, простенько и со вкусом. Но я думаю ларец не просто на слова реагирует, а еще и на голос твой.

— Это как?

— Видишь ли у каждого человека узоры на пальцах особенные. Нет на земле двух людей с одинаковыми узорами. То же самое и с голосом. Ну и радужка глаз у всех раскрашена по разному. Потому я тебе про глаза и говорил. У нас там уже начали кое где личность по радужке глаза устанавливать.

— Потом поговорим. Архипка сейчас зайдет. — Прислушавшись, остановила меня знахарка. Я согласно кивнул. Секунд через тридцать дверь отворилась и в избу ввалились Архипка с псом. Пес виновато глянул на знахарку и пристроился под лавку ближе к порогу. Архипка положил арбалет на лавку и пристал ко мне:

— Немтырь дай и мне пистоль, вон их аж четыре штуки.

— Наших только три. Вот этот завтра отдадим Харину, тем более, что патронов для него мало, да стрелять из него хреново. А вот один из этих выбирай.

Архипка схватил револьвер, которым я пугал итальянца, но я отобрал у него игрушку, вспомнив, что в барабане оставался еще один патрон. Выбив патрон, я вернул револьвер другу.

— Оружие не игрушка. Завтра, как проводим гостей, будем учиться им пользоваться, а пока так без патронов в руках поддержи, привыкни к тяжести, пощелкай в холостую.

Архипка взял револьвер покрутил его, разглядывая, и прицелился в меня. Я скользнул к нему, и вывернул пистолетик у него из руки.

— Ты че Немтырь? — Обиженно проговорил он. — Чуть палец мне не сломал.

— Правило номер один: никогда, слышишь, никогда не направляй оружие на своих, даже разряженное. Понял?

Архипка обалдело смотрел на меня.

— Я тебя спрашиваю: ты понял?

— Да понял, понял.

— Повтори!

— Чего повторить?

— Повтори правило номер один.

— Ну это, никогда не целится в своих.

— Вот видишь, мы с тобой уже начали учиться, как правильно пользоваться оружием. — Я протянул дружку револьвер. — На, и крепко накрепко запомни правило номер один.

Баба Ходора, глядя на наши с Архипкой выкрутасы, осуждающе покачала головой и произнесла:

— Давайте-ка эти игрушки сюда, запрю их пока вы когонибудь из не подстрелили.

— Не бойся Феодора Савватеевна, мы с Архипкой уже достаточно взрослые и глупостей не наделаем. Правда, Архипка?

— Ну да! — Энергично закивал головой пацан. — Правда!

— Ну вот и ладненько. Архипка, я сейчас немного посплю, а вы тут с Бабой Ходорой подежурьте до полуночи, потом меня разбудите. А мы уж с Кабаем до утра покараулим. Савватеевна лампу можешь зажечь, если керосин есть. Мне свет не помешает.

Я лег на лавку и прикрыл глаза. Сон не шел. Суматошные события прошедшего дня не давали расслабиться. Я вдруг со удивлением понял, что мог вот так, запросто, убить четырех человек. И не то, чтобы я был очень зол на иностранцев, бесцеремонно вторгнувшихся в мою жизнь. Нет вру! После того, как эти пидоры нацелились на Катьку, я разозлился изрядно, но, разумеется не настолько, чтобы хладнокровно спровадить их под лед. Тогда в чем же дело?

А дело пожалуй в том, что я не воспринимаю эту действительность, как единственную данность. Кажется, порой, что я играю в какую-то подзатянувшуюся компьютерную игрушку наподобие «Сталкера» и всегда могу любой эпизод переиграть. Блин! Так пожалуй можно наворотить таких дел, что хрен когда разгребешь. Надо как-то посерьезней вживаться в эту действительность, другой, похоже, не будет. Под эти мысли и заснул тихонько. Проснулся от осторожного прикосновения:

— Вставай Ляксей. — Баба Ходора стояла рядом, на столе тускло светилась лампа, Архипка, не выпустив из рук револьвера, тихо посапывал на лавке. Вот блин часовой! Проспит все на свете.

— Что? Кто-то ходит на дворе? — Спросонья озаботился я.

— Никого там нет. Ты просил разбудить, вот и бужу.

— Хорошо! Ложись спать Савватеевна. Я на двор выйду, осмотрюсь.

— Осмотрись. — Чуть заметно улыбнулась знахарка и добавила: — Тут на столе в чашке настойка, если сильно спать захочешь — попей.

— Ладно. Выпью если что.

Кабай уже стоял у двери и мы вместе вышли во двор. Туч на небе не было и неполная луна серебрила недавно выпавший снежок. Я походил по двору, выглянул за ворота, ни одного окошка не светилось в деревне. Пес вел себя спокойно, значит никого не чует. Я засунул, прихваченный, револьвер в карман, набрал в ладони пушистого снега и растер им лицо. Спать расхотелось совершенно. Постояв еще с минуту, тихонько свистнул, придерживав наладившегося удрать, пса и вместе с ним вернулся в хату. Зажженная лампа, по прежнему, стояла на столе, знахарка, похоже устроилась спать на печи. Задув лампу, сел на лавку, поставил рядом чашку с зельем и стал коротать время, лениво размышляя обо всем читанном когда-то, но ни на чем конкретно не заикливаясь. Ночь прошла спокойно. Утром, когда начало светать, я выпил бодрящее зелье, разбудил Архипку и пошел с ним к деду, седлать коней.

Гости не заставили себя долго ждать и выдвинулись довольно рано. Впереди на ладных санках управляемых водителем кобылы Сундуковым, закутавшись в шубы, сидели иностранцы. За ними, на обыкновенных розвальнях, нагруженных какими-то мешками, ехал Кеша Харин. Мы пристроились в метрах двадцати позади последних саней. Я держал в руке винчестер, Архипка ехал с арбалетом. Видимо наше присутствие незваным гостя очень не нравилось. Они постоянно оглядывались, но молчали. Проехав так километра полтора, я наказал Архипке следить за ними и если дернутся стрелять, а сам, обогнув розвальни, подъехал ближе к передним санкам и сказал:

— Тихон санки тормозни, мне с господами поговорить надо.

Тот покорно натянул вожжи и лошадка остановилась.

— Так сеньоры! Прежде всего, хочу вас всех предостеречь. Феодорой Савватеевной на каждого из вас наложена колдовская метка. Если вы, не дай вам бог, появитесь от нашего села ближе чем на два километра, то умрете или сойдете с ума. Это касается и вас Тиша с Кешой. Поняли? — Харин с Сундуковым закивали головами. Похоже, поверили. — Ах да, чуть не забыл. Сеньоры вот ваши железки. — Я резко метнул оба кинжалчика. С глухим стуком они воткнулись в доску позади иностранцев, заставив последних слегка отшатнуться. Нож швырнул рукоятью вперед и он упал им под ноги. Затем подъехал к Харину, бросил в розвальни разряженный револьвер и шпук двенадцать патронов в тряпичном узелке. Харин, по видимому, меня боялся и к револьверу не притронулся, даже немного отодвинулся. Чтобы усилить впечатление, склонившись с коня, сказал зловещим шепотом:

— Смотри, не вздумай болтать Кеша, я ведь тебя, если што и на том свете достану. — Ощерив в улыбке зубы и подмигнув бледному Кеше, подъехал к Архипке. Вспомнив фильм «Крестный отец», решил приколоться и, обернувшись, крикнул:

— Фальконе! Будете в Палермо, передавайте привет дону Корлеоне. Скажите ему: «Мафия бессмертна!». — Хотел пальнуть вверх из винчестера, но передумал — патронов маловато. Так что прощание с «гостями» прошло не так феерично, как хотелось. Ну да ладно, постреляем еще.

Глава двенадцатая. Отступление 1

Ранним июньским утром в комнате, расположенной на втором этаже старинного дворца, за обширным столом сидел высокий худощавый старик. Он что-то быстро и сосредоточенно писал, периодически макая перо в изящную серебряную чернильницу. Если Стендаль говорил о сладостной привычке писать по вечерам, то Николо Бальцони любил писать по утрам, когда голова еще не забита дневными делами, а воздух, врывающийся в открытые окна, свеж и напоен нежным запахом молодой листвы и первых цветов, растущих на клумбе прямо перед окнами.

То, что он писал не было ни мемуарами, ни философским трактатом. Просто он подводил некий итог своей долгой, полной приключений и размышлений жизни. Он совсем не собирался печатать или показывать кому либо эти записи. Не было в них ни системы, ни особой цели. Писал для себя, хотя и знал совершенно точно, что после его смерти рукопись эта не пропадет, она займет свое место среди огромного количества, других рукописей хранящихся в Ватиканском архиве.

Посмотрев на часы, он отложил перо, исписанные листы уложил в тайный ящик в столе и подошел к окну. Сегодня был особенный день. Ему доложили, что в Рим приехали люди, которых он ждал почти год. Сегодня он, возможно, получит вещь, за которой охотился полтора десятка лет. Сколько сил было задействовано, чтобы отыскать следы новой хранильницы. А сколько денег истрачено. Но что деньги — денег у него много, вряд ли удастся все потратить за оставшуюся жизнь. Да жизни той осталось не так много. Он хоть еще крепок, но уже стар. Семьдесят пять лет это не шутка. Жаль, что он слишком поздно понял, откуда появились у него эта способность так влиять на людей. «Эх Тина, волшебница Тина, ведьма Тина. Я знаю: ты умерла и это я тебя убил. Не сам убил. Это сделали люди, которых послал я. Я не желал твой смерти, но так вышло. Прости, но мне нужен твой «ларец». Наступают страшные времена и ларец твой будет еще одним кирпичиком в фундаменте будущего могущества Церкви и Святого престола».

Но долго заниматься самокопанием ему не дали. Послышались торопливые шаги и в кабинет вошел, а вернее вбежал небольшого роста полноватый человек, в испачканной архивной пылью, сутане. Его круглое лицо и быстрая походка могли обмануть кого угодно, но не Бальцони, который прекрасно знал, что за простоватой внешностью его подчиненного и давнишнего друга Карло Сальвини скрывается мощный аналитический ум и энциклопедические знания. Он знал практически все европейские языки и имел лишь две слабости: хорошее вино и библиотека. Это Сальвини, подобрав себе в помощники таких же фанатов, на протяжении последних двадцати лет занимался систематизацией поступающих в архив документов, рукописей, книг и редких артефактов.

Подбежав к столу, Сальвини плюхнулся в кресло, стоящее у стены недалеко от стола поставил на пол небольшой ящик, вытер вспотевшее лицо платочком:

— Уф! Пока к тебе поднялся употел.

— Ходи тихо, как полагается солидному человеку, тогда и потеть не будешь. Вина выпьешь?

— Нет! Эту кислятину, которую ты обычно называешь вином, пить нельзя. Лучше скажи Пьетро, чтобы кофе сварил.

— Ну как знаешь. — Бальцони потряс колокольчиком. Вошел немолодой священник в

аккуратной сутане.

— Пьетро приготовь нам, пожалуйста, кофе. И скажи, что у нас на сегодня?

— Приема ждут сеньоры Фальконе и Пизаконе. Почту я просмотрел, там нет ничего требующего вашего внимания.

— Хорошо. Приглашай их и сам зайди.

Пьетро отворил двери в приемную и сказал:

— Входите сеньоры. — Пропустив вошедших, закрыл дверь остался стоять, ожидая дальнейших указаний.

Пока приглашенные шли к столу, Бальцони быстро, но внимательно осмотрел вошедших. Когда почти год назад он отправлял их в далекую Сибирь, то перед ним стояли достаточно наглые и самоуверенные люди. Сейчас же самоуверенности у них явно поубавилось. Пережитые в дороге трудности и лишения оставили явные следы на внешности молодцов. Лицо здоровяка Серджио украшал заметный шрам, которого раньше не было, а у Луиджи время от времени дергалась правая щека. Подойдя, Фальконе выложил на стол завернутый в тряпицу предмет, рядом положил рисунок и пакет с восковыми печатями.

— Мессир, мы выполнили ваше поручение.

Бальцони взял в руки завернутый в тряпицу предмет развернул и был глубоко разочарован. Это не «ларец Парацельса». Похож, но не он. Откуда пришло к нему это знание, Бальцони сказать не мог. Он просто почувствовал подмену. Разочарование никак не отразилось на его лице. Отложив подделку в сторону, он указал на пакет:

— Что это?

— Это письмо. Его очень убедительно просил передать Вам один русский подросток.

— Подросток? — Удивился Бальцони и подвинул пакет поближе к, сидящему в кресле, Сальвини. Тот понятиливо кивнул и, привстав, взял пакет.

— Да Мессир, мальчишка на вид лет четырнадцати-пятнадцати.

— И вы послушали какого-то подростка?

— У нас не было выбора Мессир. — Сказал Фальконе, — Более того, этот проклятый подросток заставил нас заплатить за ларец бриллиантами.

— А вы что скажете, Серджио?

— Я не понимаю по русски, Мессир, но этот малолетний поганец умеет убеждать и без слов.

— Вот как! — Бальцони кивнул секретарю и тот пододвинул к столу два стула. — Садитесь сеньоры. Пьетро принеси нам вина, печенье и приготовь кофе.

— Пьетро не надо кофе. Я выпью вина с сеньорами. — Сказал Сальвини. Он уже вскрыл пакет и достал письмо свернутое и опечатанное такими как на верхнем пакете печатями. Пока посетители рассаживались, а Пьетро ходил за вином и печеньем, Сальвини вскрыл и прочитал послание. Бальцони глянул на него вопросительно приподняв бровь. Карло чуть скосил глаза в сторону посетителей, Бальцони понятиливо прикрыл глаза и сказал:

— Рассказывайте сеньор Фальконе.

— Мессир, когда Вы посылали нас в Россию, то предупредили, что поездка в Сибирь не будет легкой прогулкой и Вы оказались правы. Более того, действительность превзошла всякие ожидания. Так по приезду в Петербург мы сразу отправились с вашими рекомендательными письмами к графу Потоцкому, но того не оказалось дома. Уехал куда-то на юг. Мы прождали его более трех недель. Ехать без обязательных в России документов знающие люди нам отсоветовали. Надо отдать должное графу; проездные документы для нас

он выправил довольно быстро. Всего лишь за неделю. Вот этой недели нам и не хватило. Доехав по железной дороге до Тюмени, мы там узнали, что навигация на реке кончилась, и до Барнаула придется добираться на лошадях. Пришлось ждать, когда окончательно выпадет снег и установится нормальная зимняя погода.

В Тюмени же, по рекомендации графа Потоцкого, главным полицейским чиновником, нам был выделен сопровождающий, который нашел лошадей и ямщика. Сопровождающий посоветовал нам прикупить оружие, шубы и коньяк с вином, сказав, что останавливаться на ночлег придется в сибирских селах, и там кроме какого-то кваса и самогона, нам ничего не предложат. Хорошо, что мы его послушались. Вы не поверите сеньоры, но и в двух шубах мы мерзли, приходилось по примеру аборигенов время от времени, слезать с саней и бежать вслед, чтобы как-то согреться. Квас же с самогоном оказались редкостной дрянью, хотя местные с удовольствием их употребляли.

Дорога до Барнаула была не легкой, но мы добрались. В этом сибирском городке нам тоже пришлось задержаться, начались метели и сопровождающий посоветовал нам их переждать. Мы его совету последовали и как, оказалось, правильно сделали, поскольку по пути в эту Сосновку три раза пришлось ночевать под открытым небом. Последний раз это случилось не далеко от цели. Я не оправдываюсь Мессир, но только усталостью и крайним раздражением могу как-то объяснить то, что произошло в домишке той колдуньи.

Когда мы вошли в ее хату, то застали там кроме самой ведьмы трех подростков. Двое из них мальчишка и девчонка, что-то писали сидя за столом, а еще один толк в ступке какую-то дрянь. Кстати, одежда на обоих юнцах была весьма странной.

— Простите сеньор Фальконе, что перебиваю. Поясните подробнее, что в их одежде показалась вам необычным. — Поинтересовался Сальвини.

— Видите ли Мессир, домашняя одежда сибирских крестьян не отличается большим разнообразием: чаще всего это длинная рубаха-косоворотка с поясом и довольно широкие штаны заправленные в сапоги с длинными и узкими голенищами. Вроде все одеты однообразно, но не одинаково. Эти же двое были одеты совершенно одинаково. На них были куртки с капюшоном и со множеством карманов сшитые из крепкой ткани окрашенной в грязно зеленый цвет с пятнами и разводами. Штаны из той же ткани, что и куртки имели по шесть карманов и были заправлены в высокие ботинки. Такого я не видел нигде.

— А вы, что скажете по этому поводу сеньор Пизаконе? — Спросил Бальцони. Он хорошо знал своего друга Карло, чтобы заподозрить его в пустом любопытстве. Раз спрашивает о подробностях, значит, ему это представляется важным.

— Мне кажется, что одежда эта похожа на егерскую военную форму. Летом в лесу человека одетого таким образом разглядеть будет трудно. Еще я заметил, что это очень удобная одежда, не стесняющая движений, а двигаются эти странные подростки очень быстро.

— Даже так! А впрочем, продолжайте сеньор Фальконе.

— Уговорить колдунью продать нам «ларец» не удалось. Кстати, по итальянски она говорит гораздо лучше, чем я по русски. Она постоянно пыталась колдовать, стараясь подчинить меня. Амулет ваш работал, но мне показалось, что защита несколько ослабла. Я испугался, что, в конце концов, ей это удастся и решил немного сбить этот напор. Попросил Серджио поугагать сидящую за столом, девчонку, заставить ее заплакать. Самое лучшее средство воздействия на женщин это угроза их детям. Серджио понял меня, а я, повернувшись к колдунье, попытался с ней все таки договориться, но получил страшный

удар по затылку и потерял сознание.

— И что же вы собирались сделать с ребенком, сеньор Пизаконе? — холодно спросил Бальцони.

— Да ничего особенного, Мессир. Хотел только немного попугать. Состроил гримасу пострашней и двинулся к ней. Но она шмыгнула под стол, а парень, который возился со ступкой, как будто взорвался: он бросил мне в глаза какую-то едкую гадость, метнул в голову Луиджи пестик, и, вскочив на стол, ударил мне по лицу этой ступкой. Прodelал он все это очень быстро, секунды за две не больше. Очнулся я уже сидя на табурете, связанный довольно оригинальным способом, и с разбитой физиономией.

— И что же это за оригинальный способ? — С интересом спросил Сальвини.

— Довольно остроумный способ с использованием тонкой и не слишком прочной веревки. Руки за спиной связаны очень туго за указательные пальцы. Веревка зафиксирована на запястьях и обмотана вокруг ножек стула. Ноги тоже оказались примотаны к стулу. Луиджи сидел рядом, связанный тем же способом. А в доме появился еще один персонаж, как выяснилось позже, дед этих поганцев, здоровенный бородатый мужик.

— А что же сопровождающий? Он почему не помог вам?

— А сопровождающий вместе с кучером сидели и пускали слюни. Колдунья уже над ними поработала. Увидев, что я очнулся она принялась за меня. Приложила ладони к мое голове, что-то прошептала и вытянула из меня все силы. Вы не поверите сеньоры, но я даже рук поднять не мог после этого. Мальчишка меня развязал и обыскал. Умело обыскал. Нашел ножи в рукавах и деринджер на ноге. А потом взялся за Луиджи, который очнулся и некоторое время притворялся, что все еще без сознания. Дальше пусть он расскажет. Я ведь не понимаю по русски, а мальчишка много чего говорил и вел себя так как будто он там главный и надо сказать, что старик с колдуньей его слушали.

— Сеньор Фальконе?

— Вы знаете Мессир, я не самый трусливый человек на этом свете и бывал в разных переделках, но этому молодому дьяволу удалось меня напугать. Но расскажу по порядку.

Я пришел в сознание и сразу понял, что связан, кроме того, сильно болела голова. Пока эта банда занималась с Серджио, попытался прояснить обстановку. Попытка освободить руки не удалась, поэтому мне оставалось только слушать о чем они говорят, да постараться, что либо увидеть сквозь приоткрытые веки. Но старик быстро раскусил мою игру и мне пришлось очнуться. Я видел, что женщине не нравится, как поступили с нами эти малолетние бандиты, поэтому постарался надавить на нее, угрожая, что их властям не понравится, такое отношение к иностранцам.

Говорил по итальянски, потому мальчишка спросил у нее, о чем это я говорю, когда та ответила, что я ее пугаю; он словно взбесился. Схватил со стола нож и сунул мне под глаз. Нож прорезал кожу и я почувствовал, что по щеке потекла кровь. А этот малолетний негодяй, еще и спрашивает «Какой глаз мне не жалко левый или правый». Колдунья остановила его и взялась за меня сама. Она приложила ладони к моим вискам и что-то начала говорить. Мне показалось, что ее пальцы прошли сквозь череп и копаются в мозгах. Вашего амулета на шее уже не было, но подчинить меня ей не удалось и она попыталась напоить меня каким-то мерзким варевом. Я как мог крутил головой отказываясь пить эту пакость. Боясь, видимо, зря расплескать, зелье, женщина от меня отстала. Тогда в игру вступил этот мальчишка. Через колдунью спросил меня: знаю ли я, что такое «русская рулетка»? Когда я ответил, что не знаю никакой «русской рулетки», он засмеялся и

пообещал непременно с ней познакомиться.

После этого он схватил мой револьвер, выбил все патроны. Взял два из них и, показав мне, вставил в барабан. Потом небрежно крутанул барабан и, приставив дуло к моему виску, спустил курок. Раздался щелчок. Это развеселило его и, сказав, что я везучий «сукин сын», снова крутанул барабан и выстрелил у меня над ухом в стену. После чего дал мне нюхнуть сгоревший порох и в очередной раз крутанув барабан сунул дуло мне в рот, чуть не выбив зубы.

Сейчас я понимаю, что парень блефовал. Но тогда я чувствовал себя очень не уютно и согласился выпить зелье. Корежило меня знатно, даже сознание опять потерял. Очнулся и снова попал в руки колдунье. На этот раз у нее все получилось. Она как будто все силы из меня высосала. А когда я немного очухался, парень предложил купить «ларец» за десять тысяч серебряных рублей. Еще сказал, что мы живы только благодаря колдунье, которая якобы отговорила нас убивать. Я попытался объяснить ему, что он действует незаконно, и что мы находимся здесь с разрешения их властей. Он ответил на это, что вы, мол, заехали в Сибирь, а «здесь закон — тайга и хозяин — медведь» и ничто ему не помешает убить нас, а трупы бросить под лед. Добавил так же, что для нас Сибирь та же Сицилия, только большая и очень холодная.

— Откуда сибирский подросток-пейзанин может знать о Сицилии и о тамошних порядках. — Удивился Сальвини.

— Это очень необычный подросток. У меня была трость, в ней я хранил, на всякий случай, золотые монеты и чтобы достать их, нужно было повернуть ручку, которая стопорилась хитрой защелкой. Защелка открывалась с помощью печатки, которую я всегда носил на пальце. Стоило приложить печатку в небольшое углубление на ручке и защелка открывалась. Мне продал эту трость один знакомый ювелир, он не объяснил, как устроен механизм, просто показал как им пользоваться. Так этот подросток, пока я был без сознания, снял у меня с пальца печатку и разобрал трость.

— Где же теперь эта чудесная трость?

— Вы не поверите Мессир, он купил ее.

— Подросток! Купил! У вас! Трость?

— Купил, и не только трость, но еще и винчестер, и револьверы, выторговать удалось только нож и кинжалы Серджио. Золото он забрал так, сказав, что это компенсация морального ущерба, который мы якобы нанесли «этой благородной женщине».

— Вы, что еще и торговались с ним?

— Позвольте Мессир, я расскажу все по порядку.

Бальцони кивнул головой:

— Пожалуй, так будет лучше. Рассказывайте и постарайтесь по подробнее об этом странном подростке.

— Когда этот проклятый подросток назвал сумму, за которую, якобы, женщина готова продать «ларец», я попытался поторговаться, сказав, что не могу самостоятельно решать вопрос о выплате таких денег, и мне надо посоветоваться. Услышав это, он снова засмеялся, и спросил с кем и каким образом я собираюсь советоваться, нет, мол, в Сосновке ни телефона, ни телеграфа, да и в Барнауле, скорее всего, их тоже нет, и непритворно удивился, когда хозяйка заявила, что телеграф в Барнауле уже лет двадцать работает, а про телефон она ничего не знает.

Поняв, что мальчишка твердо решил не отдавать «ларец», за «жалкие» две тысячи, а это

были все наши наличные деньги, я предложил ему бриллианты. Увидев их, парень снова развеселился, сказав, что ювелиров для оценки подлинности камней в селе не имеется. Потом попросил у хозяйки колечко с бриллиантом, и та, к моему крайнему удивлению такое колечко нашла.

Парень алмазом на колечке провел по оконному стеклу и рядом поцарапал алмазом из тех, что я ему показал. Сравнил царапины и сказал, что алмазы на обмен сгодятся. Потом заставил нас отвернуться, мотивируя тем, что нам не нужно знать, где прячет фамильные ценности колдунья.

— И вы с Пизаконе покорно исполняли его прихоти? — Недоверчиво спросил Бальцони.

— Нам ничего не оставалось делать. Парень не расставался с револьвером и все время смеялся. Похоже, его забавляла эта ситуация. А еще было видно, что ему очень хочется пострелять. Мы не стали испытывать судьбу, тем более, что присутствие его деда, и общая слабость после общения с колдуньей не оставило нам никакой возможности сопротивления.

— А вы, что скажете по этому поводу сеньор Пизаконе? — Любопытствовал Сальвини.

— Луиджи сказал, что мальчишка блефовал, пугая нас, но я так не думаю. Я не понимал его слов, но я видел его глаза и мне показалось, что он с большой неохотой отказался от нашего убийства вместе с сопровождающими. И я его прекрасно понимаю: оставляя нас живыми, он приобретал кучу проблем, и только уверенность колдуньи в том, что она сможет нас контролировать, спасла нас от смерти.

— Вы это серьезно?

— Да, Мессир. Мне показалась, что он не видел в нас людей. Мы были для него лишь неким препятствием, неожиданным и досадным.

— Препятствием?

— Может быть я не совсем правильно выразился. Но мне так показалось.

Бальцони хотел спросить еще что-то, но передумал и, взглянув на Фальконе, кивнул головой предлагая продолжать рассказ.

— Когда нам было предложено обернуться, то на столе уже лежал «ларец» и листок с его изображением. Я взял ларец и стал сравнивать его с рисунком. В это время мальчишка спросил меня про какую-то метрическую систему. Я его не понял и, достав из кармана нить с узелками, стал обмерять «ларец». Парень, глядя на эту нить, почему-то сильно развеселился. Просмеявшись, он предложил нам полчаса подумать, а сам сел писать вам письмо. Что и как он там писал, мы не видели, старик загораживал нам обзор. Было слышно, что он то ругался шепотом, то, время от времени, хихикал. Наконец закончив писать и соорудив из воска печати, он отдал мне пакет и спросил, покупаем мы «ларец» или нет. После того как мы согласились; он отдал нам ларец и неожиданно предложил купить у него два алмаза за две тысячи рублей. Когда я сказал, что в большом городе это была бы хорошая сделка, то в этой глуши два алмаза будет мало. Он весело рассмеялся и отдал нам еще два алмаза, и предложил продать ему мою трость и оружие. Нам ничего не оставалось делать, как соглашаться.

Потом он заставил меня написать расписку, где мне пришлось указать и покупку «ларца», и продажу трости и оружия. Расписку забрал себе и позвал кучера с сопровождающим, которых перед тем как со мной торговаться, бесцеремонно выгнал во двор. Дал им по сто рублей, сказав чтобы они побыстрее отвезли нас в Барнаул, пока лед на

реке еще крепок.

— Вы говорите, что всем распоряжался подросток, а взрослые, что делали? — Снова полюбопытствовал Сальвини.

— Старик только усмехался и время от времени поддакивал внуку. Хозяйке же пришлось переводить, я не всегда понимал то, о чем говорил мальчишка. Было похоже, что и она не понимала те или иные слова, часто переспрашивала. Мальчишка смеялся, иногда разъяснял, иногда просто махал рукой и говорил: «ерунда» или «не бери в голову Савватеевна». Я не слишком хорошо знаю русский язык, но заметил, что речь этого мальчишки сильно отличается от речи местных крестьян. Даже сопровождающий нас чиновник, сознался, что не все понимает в разговоре с ним.

— Поганец знает слово «лупара». — Вклинился в разговор Пизаконе.

— И что тут удивительного? — Спросил Бальцони.

— Мессир, а вы знаете, что такое лупара?

— Должен сознаться, точного значения не знаю, но что-то связанное с волками.

— Лупара это дробовик с обрезанным стволом. Из него сицилийские пастухи стреляли по волкам, но это раньше, когда еще там были волки. Теперь же с помощью лупары мафиозо друг с другом разбираются. Я уверен, что во всей России не найдется и двух человек знающих это слово.

— Неужели мальчишка знал его значение?

— Когда он увидел винчестер, купленный нами в Тюмени, то взяв его в руки, он спросил у меня: «Лупара?».

— Почему у вас, а не у Фальконе?

— По видимому, в его представлении я больше похож на бандита, чем Луиджи. И когда я через ведьму объяснил, что это не лупара, а винчестер, он не удивился, и хотел было дернуть за скобу, но передумал, видимо побоялся нечаянного выстрела. Вместо этого он стал играть, делая вид что дергает скобу и прицеливается в нас. Он знал, как перезаряжать винчестер, но было видно, что держит его в руках впервые.

— Занятный подросток. А как к нему отнесся представитель власти, который вас сопровождал? — Полюбопытствовал Сальвини.

— Он боялся этого подростка до дрожи в коленях. И надо сказать, кой какие основания для этого у него имелись. — Фальконе усмехнулся, но щека у него не произвольно дернулась. — Дело в том, что когда мы уже собрались покинуть домишко, парень что-то негромко сказал колдунье и после, вместо этого проклятого подростка, мы увидели живого мертвеца. Неприятное зрелище. Полусгнивший мертвец смеется и машет револьвером, да при этом еще и воняет как настоящий труп.

Позже конечно поняли, что это колдунья напустила на нас морок, но сразу после всех этих перипетий как-то было не до рассуждений. Выскочили мы из дома стремительно. Когда добрались до «заезжей избы» (это нечто местного трактира), сопровождающий принялся расспрашивать прислугу об этом подростке.

Оказалось, что парнишка действительно приходится внуком «деду Щербаку», так называют там этого старика. Он местный кузнец и его в селе откровенно побаиваются, считая убийцей.

— Извините сеньор Фальконе, что снова перебиваю вас. Я правильно понял — в деревне свободно живет убийца и никого это там особо не волнует, немного побаиваются и не более того? — Снова вклинился Сальвини.

— Так оно и есть и, по словам, нашего сопровождающего, такие как этот «дед Щербак» есть почти в любой сибирской деревне. Дело в том, что Сибирь — место ссылки преступников всех мастей. В России смертная казнь редкость, даже убийц ссылают в Сибирь на каторгу. Надлежащей охраны там нет, и преступники очень часто бегут и направляются в места более обжитые. Местные крестьяне их выслеживают и стреляют как зайцев. Там ведь у многих есть ружья. Сопровождающий сказал, что это хорошо, иначе бы в Сибири жить было невозможно из-за этих «варнаков». Поэтому местная власть и закрывает глаза на явное беззаконие. Но опять же не все так однозначно. Если бежавший каторжник не нарушает не писанных законов, не «пакостит», то есть не ворует, не обижает каким либо образом местных жителей, то у него много шансов выбраться за Урал. Таким смиренным и не опасным местные жители сочувствуют и помогают. Но таких — единицы. Основная масса беглецов, это наглые и мало чего боящаяся, преступники. Они часто сбиваются в банды и пытаются прорваться, грабя, насилая и убивая.

Вот на такую банду и наткнулись родители этого подростка. Ему было тогда семь лет, родителей зарезали на его глазах, а над матерью еще и поиздевались, самого тоже чуть не убили. Еле живого привезли его в село крестьяне, едущие обозом в город и спугнувшие преступников. Дед Щербак эту банду выследил и четверых убил. Последний ткнул мстителя ножом и сбежал. Тот из-за раны не смог его преследовать. Колдунья с трудом вылечила обоих. Мальчишка с тех пор перестал говорить, лишь отчаянно заикался и мычал. Его так и звали «Немтырь»

Прошлой весной они с другом пошли на местное озеро и его там, по словам прислуживающего в трактире местного жителя, убила молния. Колдунья якобы оживила мальчишку, подселив к нему душу умершего взрослого человека. С той поры парня не узнать. Он заговорил и стал вести себя очень странно: научил местных мальчишек играть в футбол, придумал многозарядные арбалеты, уговорил деда сделать небольшую лесопилку, потом продал ее сельскому богатею, причем торговался отчаянно, придумал и заказал местной портнихе одежду, про которую я вам рассказывал. А еще он и трое его дружков тренируются: учатся бросать ножи, стреляют из арбалета, занимаются, как я понял, английским боксом, по словам нашего информатора, надев самодельные перчатки, лупят друг друга. А сейчас, я думаю, осваивают купленные у нас револьверы.

— А что же местные жители, они как этому подростку относятся.

— Похоже, большинству все равно, тем более парень исправно ходит в церковь, исповедуется регулярно и вообще местным священником обласкан, учится, книги у попа берет читать, оттуда мол и знания.

— А у вас, сеньоры, какое мнение сложилось об этом подростке?

— Я, Мессир, склоняюсь к тому, что в поганца действительно, кто-то вселился, хотя Луиджи со мной не согласен. Но он человек ученый и ему видней.

— Сеньор Фальконе?

— Мессир, вы же знаете, что выполняя поручения святых отцов, мне часто приходилось сталкиваться с явлениями на первый взгляд говорящим о чуде, но при внимательном и беспристрастном рассмотрении все они прекрасно объяснялись действием вполне материальных причин. Поэтому я бы не стал без должного изучения данного случая приписывать его к проявлению божественных или дьявольских сил.

— Да вы никак атеист сеньор Фальконе? — С улыбкой произнес Сальвини.

— Упаси бог. Но я думаю, что Господь не снисходит до мелочной опеки всего и вся. Он

создает сущности и законы, по которым последние двигаются и развиваются. Поэтому нужно сначала поискать более простую причину того или иного явления, нежели божественное провидение.

— Читали Фому Аквинского? — С интересом спросил Бальцони.

— Доводилось в юности, но живость характера не позволила мне стать ученым. — Ухмыльнулся Фальконе. Он нисколько не сомневался, что его биография прекрасно известна «святым отцам».

— Ну что же, надо заметить сеньоры вы хорошо потрудились. Вот чеки по ним вам выдадут оговоренное вознаграждение. Отдыхайте, набирайтесь сил, но далеко не уезжайте. Можете понадобиться.

— Благодарим Мессир, но позвольте сказать, что если вы намереваетесь послать нас снова в Сибирь, то мы вынуждены будем отказаться.

— Вот как! И почему же? — Удивился Бальцони.

— Когда мы выезжали из села, то нас некоторое время сопровождали эти два подростка. Они верхом на лошадях ехали за нами, отстав метров на двадцать. Один был вооружен винчестером, другой арбалетом. Это нас изрядно нервировало, а наш кучер, вслух молился. Мы боялись, что они не дадут нам уехать, но все обошлось.

Когда этот проклятый мальчишка решил, что достаточно проводил нас, он приказал кучеру остановиться, и, подъехав, сказал, что колдуньей на нас наложено заклятье и если мы приблизимся к их селу на два километра, то умрем или сойдем с ума. И знаете, Мессир, ни у меня, ни у Серджио нет никакого желания проверять правдивость его слов.

Потом он ловко швырнул в нас кинжалы, которые довольно глубоко воткнулись в доску у нас за спиной, кинул под ноги мой нож. Затем подъехал к сопровождающему и бросил тому в сани его револьвер с патронами и что-то тихо ему сказал, от чего тот чуть не наложил в штаны. Поравнявшись с дружкой и обернувшись, крикнул мне странную фразу: мол, если я вдруг окажусь в Палермо, то должен передать привет некому Дону Корлеоне и сказать тому, «мафия бессмертна» После чего вскинул ружье вверх, словно желая пальнуть в воздух, но передумал и засмеялся.

— Патроны пожалел, поганец. — Пробормотал Пизаконе.

— И еще Мессир, что нам делать с оставшимися алмазами?

— Что? — Рассеянно переспросил Бальцони. — С какими алмазами? Ах, с алмазами Пусть останутся у вас в качестве премии. И сеньор Фальконе, напишите отчет о поездке, изложите все подробно, а также свои мысли по этому поводу. Я вас не тороплю. Подойдите к делу основательно.

Когда посетители вышли, Бальцони вновь взял в руки «ларец» повертев его, со вдохом, отложил в сторону. Карло, внимательно следивший за ним, спросил:

— Что? Совсем плохо?

— Это не «ларец Парацельса». Этим кретинам подсунули подделку.

— Как ты это узнал?

— Я держал в руках настоящий. Правда, было это очень давно.

— И в чем разница?

— Даже не знаю как объяснить.... Ты ловил в детстве птичек?

— Не довелось.

— Настоящий «ларец» — живая птичка в руках, а этот как чучело.

— Да ты поэт.

— Поэт, поэт. Что там написал этот странный подросток.

— Перевожу дословно: «Г. Бальцони, многовековое стремление «Святого престола» собирать в своих архивах документы и разного рода артефакты, так или иначе освещающую историю человеческой цивилизации, похвально, но методы, которыми вы порой пользуетесь, не добавляют святости ни папе, ни Ватикану. Но я в чужие дела не лезу, не лезу ровно до тех пор, пока они меня не касаются. В данном случае дело коснулось лично меня и моих близких, а потому убедительно прошу больше подобных эмиссаров к нам не посылать. Алекс.

Р. S. Надеюсь у вас достанет интуиции понять скрытый между строк смысл моего послания».

— Не похоже это на письмо подростка. Если ты правильно перевел, это речь взрослого образованного человека. И на что он тут намекает?

Сальвини усмехнулся и сказал:

— Позови Пьетро.

Когда, после звонка медного колокольчика, в кабинет вошел секретарь, Сальвини озадачил его неожиданной просьбой:

— Пьетро, раздобудьте хорошо нагретый утюг.

— Э-э... Вы сказали утюг?

— Именно утюг. Желательно очень горячий и кусок какойнибудь легкой ткани но не шелка.

Пьетро озадаченно перевел взгляд на Бальцони. Тот кивком подтвердил просьбу друга.

— Придется подождать. Выполнить вашу просьбу будет не легко. — Проговорил озадаченный секретарь, лихорадочно соображая, где заполучить требуемое.

— Это не страшно. Мы не торопимся. — Сказал Сальвини.

Когда секретарь вышел, Бальцони ухмыльнулся и произнес:

— Бедный Пьетро. Более странного поручения он еще не получал. Зачем тебе утюг?

Карло, привстав, подал другу листы:

— Посмотри внимательно и попробуй догадаться, зачем мне понадобился утюг? А я пока, с твоего разрешения посмотрю вещицу, которую привезли эти синьоры.

Он взял «ларец» и стал вертеть его руках, разглядывая и время от времени понимающе хмыкая. Потом, не выпуская из рук подделку, поднял взгляд на друга:

— Ну как? Догадался?

— Это было не трудно. Тем более, что подсказка есть в самом послании. Между строк вполне уместится еще одна строчка и два чистых листа прямо просятся, чтобы их пригладили утюгом. Ну а ты нашел чтонибудь интересное в этом муляже.

— Это не муляж, а самый настоящий ларец. Вот смотри. — С этими словами, Карло, быстро ощупав коробочку, нажал пальцами на торцы и раскрыл ларец. — Корешки какие-то, описание способа приготовления настойки, а это тебе. Написано: Николо Бальцони лично в руки. — Карло подал сложенный пожелтевший писток. — Изучай.

Сам взял бумажку с рецептом и стал с интересом читать. Прочитав, он потрогал пальцем корешок, и взглянул на Николо. Тот сидел, уронив руку с письмом на стол, с некой отрешенностью во взгляде и не свойственном ему выражением лица. Длилось это очень не долго. Он сложил листок, повертел его в руках, как бы не зная, что с ним делать, наконец, сунул его в ящик стола и ответил на не высказанный, но написанный большими буквами на лице приятеля, вопрос.

— Это привет из моей глупой юности. — Помолчал немного и спросил:

— Что там у тебя?

— Корешок это женьшень. На бумажке рецепт приготовления снадобья из него. Написано, что строгое следование процедуре приготовления и употребления продлит жизнь еще на несколько лет в любом возрасте.

— Даже так! Приготовить сможешь?

— Конечно! В листке все четко и понятно изложено. Хочешь попробовать этот бальзам? А вдруг тебя отравить хотят.

— Нет, это совершенно исключено, но на всякий случай проверим на комнибудь.

— Не так скоро. Написано, что настаиваться снадобье должно шестьдесят дней и употреблять его нужно осенью.

— Да мы и не будем торопиться. — Бальцони снова взял в руки послание от подростка и стал внимательно рассматривать пустые страницы. — А ведь точно здесь, что-то написано. Возьми лист, посмотри сквозь него на свет. Видишь местами заметно нечто вроде букв.

Сальвини взял другой чистый листок и тоже стал просматривать его на просвет. Покрутил бумажку так и сяк, положил на стол:

— Нет, прочитать невозможно. И где этот Пьетро с утюгом.

Налил себе вина из бутылки и стал смаковать, прикрывая глаза и прислушиваясь к ощущениям.

— А ты знаешь Николо, вкус не плох, только не могу определить, что это за вино. Откуда оно у тебя.

— Не поверишь Карло. Из России! Привезли мне несколько бутылок в подарок.

— Ты шутишь! Откуда в России вино, да еще такое?

— Мир полон чудес, мой друг Горацио! Но ты не переживай. Возьмешь у Пьетро пару бутылок, если понравится, то и остальные отдам. А вот кстати и Пьетро. Карло готовь листки и сначала краешек прогладь.

— Знаю. — Отмахнулся тот. Взял небольшую пачку чистых листов бумаги, положил сверху лист из послания, накрыл все куском ткани и, взяв, из рук секретаря утюг приложил его к уголку листа. Подержав немного, заглянул под ткань и пробормотав:

— Жара не хватает. — Сбросил ткань, приложил утюг напрямую к бумаге и быстро убрал. На листке явственно проступили коричневые буквы.

Через минуту утюг был возвращен секретарю, а Сальвини, собрав листки, стал читать написанное между строк. По мере чтения брови его удивленно приподнимались, под конец он выругался.

Наблюдавший, за ним Бальцони потребовал:

— Переводи!

— За точность не ручаюсь: почерк скверный, буквы кое где плохо различимы.

«Если вы читаете эти строки, значит поняли мой толстый намек. Думаю и другой намек вы тоже поняли. Да, я вам угрожаю. И если вам кажется, что мои угрозы смешны и нелепы, то вы ошибаетесь. Наступает время террора, и лишь то обстоятельство, что террористы всех мастей оказались еще большие идиоты и позеры, чем их состоявшиеся и не состоявшиеся жертвы, несколько смягчает угрозу. Я же, смею вас уверить, не идиот и не позер. Пример идиотизма и позерства приведу. Ваш соотечественник некий Луккени в году так 1897, то есть лет через восемь, в Женеве, зарежет ножом, изготовленным из ржавого напильника,

австрийскую императрицу Елизавету (Сисси). (У нее еще сын не то уже застрелился, не то еще застрелится вместе с любовницей. Просто не помню точную дату.) На вопрос зачем он это сделал, Луккени ответит, что он предпочел бы зарезать итальянского короля, вроде Умберто его звать, или Франца-Иосифа, но у него нет денег доехать до Вены или Рима, а Сисси у него в прямой доступности, разгуливает без охраны, словом режь не хочу. Да кстати: убьют вашего Умберто в 1900 году. Какой-то анархист из револьвера пристрелит.

Сообщаю так же, что ваш папа Лев какой-то там по номеру доживет не то до 1903 не то до 1904 года. Но это в том случае если вы и ваш преемник забудете о нашем существовании.

Да вот еще: летом 1891 года произойдет извержение Везувия. Во время прошлого извержения у вас погибло куча любопытствующих. Не наступите на этот раз на те же грабли.

В конце декабря 1908 года от землетрясения на Сицилии будет разрушен город Мессина с окрестностями, погибнет более ста тысяч человек. Вы уж подсуетитесь там. Не скажу, что мне жалко европейцев. Вовсе нет: дрянь людишки, много горя русскому народу принесли и еще немало принесут. Детей жаль. Но мое дело предупредить, а уж как вы там этими знаниями распорядитесь, меня не волнует.

И последнее: поскольку в архивах Ватикана собрано много разного барахла, поищите там коробочку размером с «ларец Парацельса» только тоньше одна сторона которой, стеклянная, а на второй возможно изображено надкушенное яблоко и написано что-нибудь по-английски. Если найдете, то знайте это телефон, но не только; он же фотоаппарат и еще многое другое. И если сумеете зарядить батарейку (гальванический элемент) и включить аппарат, то можете посмотреть забавные картинки, вплоть до порнографии. Но это как повезет.

Поскольку больше ничего не могу вспомнить про вашу Италию, то прощаюсь и надеюсь никогда о вас не услышать. Алекс.

А нет вспомнил: в году не то в 2019 не то 2020 ваш очередной папа по кличке Франциск какой-то, (к стати германец, а до него папой был избран поляк) узаконит однополые браки. Не знаю как там у вас в Ватикане насчет мужеложства, но содомиты всего католического мира обрадовались, столь высокому признанию их достоинств.

Примите эту информацию как плату за ваши брюлики. Полагаю, что она того стоит.

И вот еще что, если вы моих угроз не испугаетесь, то присылая по нашу душу очередных бедняг, снабдите их суммой побольше. Я очень нуждаюсь в деньгах, поскольку спасти ваш прогнивший мир удовольствие среднее, но очень дорогое. Алекс».

— Гм! Ты уверен, что перевел все правильно?

— За смысл могу поручиться, а за полное соответствие нет. Русский язык я изучал по книгам Достоевского и мне кажется, что там персонажи говорят как-то иначе. Да и написано послание довольно безграмотно.

— Я не об этом! Этот сибирский подросток мало того, что угрожает, но походя, вспоминает события, которые еще не произошли.

— Одно событие произошло и не далее как 30 января. — Сказал Сальвини.

— Ты имеешь в виду кронпринца австрийского? Так, подожди! Наши посланцы были в этой Сосновке в середине марта. Полтора месяца прошло. Теоретически мог узнать.

— Теоретически мог, а практически. Даже наши крестьяне вряд ли знают кто такой Рудольф и императрица Сисси, а уж в Сибири тем более. Кроме того, я ведь шел к тебе показать посылку от одного миссионера из Южной Америки. — С этими словами Сальвини поднял с пола принесенный ящик, поставил его на стол, вытащил из него странный предмет

и подал Бальцони.

— Что это?

— Если верить нашему юному сибирскому другу, это телефон и одновременно фотоаппарат. Вот пожалуйста — одна сторона стеклянная а на другой яблочко надкушенное. Все согласно описанию. И уж про этот артефакт сибирский мальчишка ни у кого узнать не мог.

— Хочешь сказать, что мы должны серьезно отнестись к посланию этого «поганца», как его называет Пизаконе?

— Думаю, что более чем серьезно.

— А что пишет миссионер по поводу этого предмета. — Бальцони показал на телефон.

— Пишет, что в их миссию аборигены принесли из джунглей, странно одетого негра. Его укусила какая-то ядовитая тварь и он умер в больничке при миссии. Его вещи отец Антонио выкупил у вождя племени и ближайшей оказией переслал нам. Вот его письмо. В ящике штаны и что-то вроде рубашки с картинкой, но все это настолько грязное, что я не рискую их брать в руки.

— А придется. — Бальцони покопался в одном из ящиков своего письменного стола, достал перчатки и кинул их другу. — Надень и доставай. Нам все равно надо будет показать все это Его Святейшеству.

Карло вздохнул, натянул перчатки, вытащил из ящика грязную, но когда-то светлую рубашку с короткими рукавами и без воротника и пуговиц. На этой странной рубашке был изображен кривляющийся и что-то вопящий негр с красными волосами, собранными в гребень, в синих круглых очках, с разноцветной татуировкой на шее и предплечьях. В руках он держал плоскую белую доску, похожую на странную гитару. Картинка явно была выполнена фотографическим способом, но веяло от этого изображения какой-то первобытной дикостью.

— Мда! Впечатляет. — Пробормотал Бальцони. — А что там со штанами.

Штаны оказались, на первый взгляд, вполне обыкновенными синими штанами, протертыми до дыр на коленях и грязными до невозможности. Брезгливо повертев их перед начальством, Карло аккуратно сложил их в ящик.

— Что больше ничего нет?

— Отец Антонио пишет, что на шее одного дикаря он видел блестящую железную цепь на которой был закреплен кулон в виде искусно выполненного черепа из того же металла, но дикарь обменять цепь, наотрез отказался. Миссионер предполагает, что цепь снята с бедняги негра. Да и обуви на нем не было, хотя по словам отца Антонио, ноги у того совсем не походили на ноги тех, кто много ходит босиком. Видимо в болоте обувь утопил.

— Ну и что ты обо всем этом думаешь? — Помолчав, спросил Бальцони.

— Прежде всего, все это надо внимательно изучить. Причем к словам сибирского подростка нужно отнестись с полной серьезностью. Я конечно плохо знаю твоих, как выразился этот мальчишка, «эмиссаров», но мне кажется, что нужно очень и очень постараться чтобы так напугать этих двоих. Ему это удалось, причем походя, экспромтом. А теперь он будет готовиться, и одному богу известно до чего он додумается.

— Хорошо! Забирай все эти вещи и постарайся разобраться с «телефоном». Через месяц будем просить аудиенцию у Его Святейшества. К этому времени мы должны иметь хоть какое-то представление о том с чем столкнулись, и наметить предложения. Ты же знаешь, если у нас ничего не получится, то «телефон» будет отправлен в «Хранилище» и мы его

больше не увидим.

— Эх Николо, я не знаю, чтобы отдал, за возможность покопаться в «Хранилище».

— Размечтался. Если тебе удастся оживить этот аппарат, тогда и попросим разрешение взглянуть на то «барахло», которое Святой Престол накопил за тысячу лет. А теперь иди и работай.

Выпроводив друга, Бальцони достал из ящика стола письмо:

«Николенька, если ты читаешь это письмо, то значит меня уже нет в живых. От твоих посланцев я узнала, что это ты теперь охотишься за «ларцом». Я им посоветовала езжать домой. Они не послушались меня и связались с местными бандитами. Пришлось их всех упокоить. Ларец этот из другого мира к нам попал. Для вас он совершенно бесполезен и даже опасен. Пользоваться им может только наша внучка. Не удивляйся, теперь твоя внучка будет хранительницей. Она знает о тебе, но лучше ей не досаждать. Она сильная ведунья, знает и умеет все то, что знала и умела я. И если ты читаешь эти строки, то значит, она передала тебе обманку, которую я приготовила давно. Не сердись на нее. Быть хранительницей тяжкий крест. В шкатулке корень. Я усилила его целебные свойства. Сделай строго по рецепту снадобье и пей, это прибавит тебе здоровья и сил.

А теперь прощай. Твоя Тина.

Письмо сожги! Не хочу, чтобы кто-то еще кроме тебя читал его».

Прочитав еще раз письмо, Бальцони долго сидел, держа его в руках. Затем встал, выложил из фарфоровой тарелки печенье, подошел к окну, поставил на подоконник тарелку, зажег письмо, держа его за уголок. Когда огонь подобрался к пальцам, бросил не сгоревший остаток в тарелку, подождал, пока письмо сгорело окончательно, размял пальцем пепел и смел его за окно. Потом прошел в маленькую комнату за кабинетом и вымыл руки в приготовленной для этой цели чаше.

Месяцем ранее. Тюмень.

Артемий Николаевич Гурьев, молодой человек лет двадцати трех, сидел за письменным столом в небольшой комнатке на первом этаже уездной управы и разбирал почту, поступившую сегодня. Артемий Николаевич, не смотря на свой молодой возраст, был большой аккуратист, и к делу относился основательно. Запечатанные в конверты послания, он вскрывал, бегло просматривал, прикалывал развернутые письма к конверту булавкой, похожей на тонкий маленький гвоздик и раскладывал по папкам. Кроме того, вся рассортированная таким образом корреспонденция, заносилась в большую книгу, где были записаны дата поступления и фамилия чиновника, которому под роспись документ был передан для ознакомления и исполнения. Документ, после того как по нему были проделаны соответствующие действия возвращался к Артемию Николаевичу с пометкой о выполнении и помещался в архив, в котором, усилиями того же Гурьева, был наведен образцовый порядок. По всем этим делам Артемий Николаевич каждый понедельник докладывал Аполинару Модестовичу Есипову — помощнику исправника.

Чиновники не любили Артемия Николаевича за то, что с его появлением в уездной управе, им приходилось больше работать. Теперь не удавалось ни замотать дело, ни затерять документ, за который приходилось расписываться и при случае лично отчитываться перед помощником исправника. На не расположение уездных чиновников Гурьеву было наплевать. Аполинарий Модестович был ему дядюшкой по матери и нрав имел крутой. За племянника, который помог ему организовать строгий контроль за работой ведомства, любого из них мог

поставить в соответствующую позу.

Дело у Артемия Николаевича двигалось споро, оставалось рассортировать всего три послания. Прочитав очередную бумагу, он хотел уже положить ее в папку, но что-то царапнуло память, и он отложил донесение в сторону, решив сначала разделаться с остальными бумагами. Рассовав по папкам оставшиеся письма, Гурьев вновь просмотрел донесение некоего Иннокентия Харина, младшего агента полиции, который сопровождал двух ученых итальянцев в поездке по Сибири.

Харин докладывал, что целью поездки были не этнографические изыскания, как это было записано в их подорожных, а посещение жительницы алтайского села Сосновка мещанки Феодоры Новых, являющейся знахаркой. Иностранцы за дорого купили у нее какое-то целебное снадобье и повернули обратно.

Артемий Николаевич вспомнил, что имя и фамилию знахарки он уже встречал, когда разбирал уездный архив. Решив, что бумаги подождут, он прошел в комнату, отведенную под архив, и разыскал донесение старшего городского Евтюхова Степана от двадцатого июня одна тысяча восемьсот семьдесят шестого года.

Старший городской докладывал, что в пять часов тридцать минут утра он был разбужен городовым Савелием Подымахиным, который сообщил ему о нападении на дом мещанки Зелениной Христины. В шесть часов вместе с Подымахиным начали осмотр места происшествия. На улице в трех саженьях от ворот находилось тело хорошо одетого мужчины. Рядом с трупом лежал револьвер «Лефоше» в барабане, которого были два пустых патрона. При опросе свидетеля, мещанина Небогатько Ефима, выяснилось, что часа в четыре ночи его разбудила внучка Зелениной, Феодора Новых с просьбой о помощи. Когда он с сыновьями вышел на улицу, то услышал два громких хлопка. Новых, оставив свою малолетнюю дочь с его женой, бросилась к своему дому. Приказав одному сыну будить соседей, второго послал за городовым Подымахиным. Сам поспешил следом за женщиной. Подойдя, он увидел у ворот на земле бьющегося в судорогах мужчину, который хрипел и рвал ногтями себе горло. В пяти саженьях от него, привалившись спиной к забору, сидела хозяйка дома, прижав к левому боку ладонь, из под которой на белой рубахе проступала кровь. Феодора Новых попросила набежавших соседей отнести раненую женщину, к ее отцу Новых Савватею, дом которого находился в двухстах саженьях от места происшествия.

Во дворе в одной сажени от ворот был обнаружен труп отставного солдата Игната Первушина, работавшего у Зелениной истопником и дворником и проживавшего в пристройке к дому. Рядом с телом лежал сломанный костыль.

Еще один труп нашелся у крыльца и был опознан как Прохор Горлов по кличке «Корявый» находящийся в розыске за разбой. На голове у него была большая свежая ссадина. В сенях был обнаружен еще одно мертвое тело, опознанное Подымахиным, как Захар Гунявин по кличке «Шило». Последний труп неопознанного мужчины лежал в комнате Зелениной. Причину смерти всех найденных покойников осмотром установить не удалось.

Опрос Зелениной произвести не было возможности. Доктор И. Ф. Штайнер, вызванный Савватеем Новых и осмотревший пострадавшую, сказал, что ранение тяжелое и требуется операция по извлечению пули. Разговаривать, по его словам, больная сможет не скоро.

Феодора Новых рассказала, что они были разбужены шумом за окнами. Потом послышался крик и треск ломающегося дерева. Зеленина приказала ей с дочерью вылезти в окно, ведущее в огород и бежать к соседям, звать их на помощь. Кто и почему на них напал, она не знает.

Артемий Николаевич прочитав донесение, к своему удивлению не нашел на нем ни какой пометки или автографа начальственного лица. Было такое впечатление, что данная бумага попала в сюда минуя любые чиновничьи столы. Разбирая год назад уездный архив, он не обратил на данный факт никакого внимания. И неудивительно. Год назад нынешней системы делопроизводства еще не существовало. Собственно и это донесение покоилось в архиве с десятком таких же разрозненных документов по которым нельзя было понять, какие действия были произведены по той или иной бумаге. Но с появлением донесения Харина и упомянутой в нем знахарки Феодоры Новых, позволяли объединить эти два документа.

Молодому человеку, успевшему уже немного подустать от однообразия его деятельности, страстно захотелось узнать, чем закончилось расследование этого страшного преступления, которое по каким-то причинам, не оставило внятных следов в уездном полицейском архиве.

Дело в том, что Артемий Николаевич прочитал неделю назад пару книг господина Габорио и был впечатлен талантами сыщика Лекока. Сейчас же он захотел попробовать методы француза применительно к местной действительности. Он не был уроженцем Тюмени, приехал сюда по окончании Казанского университета чуть более года назад и ничего не знал об этой истории, которая наверняка наделала много шума в свое время. Вечером попытался расспросить свою квартирную хозяйку об этом происшествии. Но пятидесяти четырехлетняя вдова мало что помнила о событиях одиннадцатилетней давности и ничего нового поведать Артемию Николаевичу не смогла. Немного поразмышляв, он решил обратиться к первоисточнику, а именно к бывшему старшему городовому, а ныне уряднику Евтюхову, с которым встречался несколько раз по долгу службы.

Евтюхова он подкараулил, когда тот после обхода вверенной территории, направлялся домой на обед. Артемий Николаевич, следуя методу книжного сыщика, вежливо подкатил к уряднику с предложением отобедать в ближайшем трактире и под рюмочку чая поговорить. Евтюхов, без всякого пиетета оглядев Гурьева, усмехнулся в роскошные усы и согласился.

В трактире, похлебав вкуснейшей стерляжьей ухи и выпив по рюмке чистой водочки, Артемий Николаевич спросил, урядника которого и уха и особенно водка настроила на благодушный лад:

— Степан Ильич я вчера в архиве обнаружил вашу докладную записку одиннадцатилетней давности о нападении на дом мещанки Зелениной Христины. Самое странное, что кроме вашего донесения об осмотре места происшествия никаких других документов об этом преступлении в архиве не нашлось. Мне стало любопытно и я решил с вами поговорить.

Евтюхов после этих слов несколько посмурнел, задумчиво покрутил усы, налил из графинчика полную рюмку водки, выпил и, закусив холодцом с хреном, посмотрел на ждущего ответа, Гурьева.

— Вы, Артемий Николаевич, никак сочинения господина Крестовского начитались? — Насмешливо спросил он.

Не ожидавший такого вопроса от полицейского урядника, Артемий Николаевич несколько растерялся, но, взяв себя в руки, ответил:

— Вовсе нет, Степан Ильич. Господин Крестовский пишет, конечно, занятно, но мне как-то не пошло.

— Ну тогда — Габорио. Да вы так не смущайтесь Артемий Николаевич. Я и сам, грешным делом, с удовольствием почитываю его книжки. Но должен Вам заметить, что

совершаемые у нас преступления совсем не похожи на парижские. У нас все это происходит гораздо проще, я бы сказал сермяжнее.

— Но как же тогда это дело?

— Да вам то что до этого давнишнего дела. Нет там никакой особой тайны. Все разъяснилось, как только удалось опросить саму Христину Павловну Зеленину. Оказалось, что два иностранца, не то французы, не то итальянцы пытались выкупить у нее какую то ценную старинную шкатулку, и когда она им отказала, то сговорились с «Корявым» и «Шилом» ограбить несговорчивую женщину. Видимо варнаков поманили большим кушем, раз те согласились на грабеж, но думаю, их потом просто пристрелили бы, чтобы было на кого повесить преступление. Игнат Первушин им помешал.

— Но кто же их всех перебил? Вы же не смогли определить причины смерти каждого из них.

— Доктор смог. Штайнер Иван Францевич и определил.

— И от чего же они все умерли?

— А кто отчего. Игната Первушина Гунявин спицей заколол, потому и видимых следов не было. Гунявина за эту спицу «Шилом» и прозвали. «Корявого», похоже, Первушин достал батоном, он хоть и стар был, но хватки солдатской не потерял. «Шило» умер от сердечного приступа. Сердце у него вишь не выдержало. Одного иностранца удар хватил, этот как его, апоплексический. Трезвый и не выговоришь. Второй от удушья умер, спазм горла у него случился.

— Но так не бывает.

— Не бывает. Но так и было. Христина Павловна их упокоила. Она сама об этом сказала.

— И что ей поверили?

— А как ей не поверить? Очень серьезная женщина была Христина Павловна. Называла себя ведуньей. Много кого от смерти спасла, детей особенно. Доктор Иван Францевич Штайнер сильно ее уважал. Кого сам не мог излечить, к ней посылал, но она не всякого исцелить бралась.

— Что так? Денег у болящих было мало?

— Да не просила она никаких денег, сами давали, но не в руки, специальный столик стоял в прихожей туда и клали, кто сколько. Она, похоже, эти деньги на сиротские приюты отдавала. Детей исцеляла бесплатно, наоборот даже сама беднякам деньги давала на лекарство.

— И что же, не арестовали ее за убийство иностранцев?

— А не кого стало арестовывать. Умерла она через две недели после того. Старая уже была. А все бумаги по этому делу в Тобольск отправили, в Губернскую управу. Донесение мое видимо среди других бумаг затерялось, вот и осталось у нас в архиве.

— Скорее всего, так и было. Я его, когда архив в порядок приводил, из дела о воровстве коровы вынул. Да и не вспомнил бы о нем. Только вчера вот донесение принесли от Харина Иннокентия. Я для Вас Степан Ильич копию снял. Прочтите.

Евтюхов взял бумагу прищурился, взглядываясь, и насмешливо сказал:

— Ну и почерк у Вас Артемий Николаевич. С таким почерком Вы у нас карьеры не сделаете.

— Да нет, когда в гимназии учился, отлично имел по чистописанию. Это в университете нужно было за профессорами успевать записывать, вот и съехал на скоропись,

а так при нужде могу и писарем служить.

Прочитав копию донесения, Евтюхов на минуту задумался, потом сказал:

— Вот значит, куда внучка Христины Павловны подевалась, а отец ее сказывал, что в Барнаул уехала. И снова — иностранцы. Даже в такой глуши разыскали. Интересно, что это за целебное снадобье за которым аж из Европы люди приперлись. Надо с Хариным покалякать. Пожалуй, приглашу его завтра в трактире посидеть, ну а вы как бы случайно туда зайдете. Харин выпить на дурняка не откажется; вот и расспросим его.

— Обязательно подойду, Степан Ильич.

На следующий день, Гурьев, придя чуть пораньше оговоренного часа, ходил вблизи трактира, высматривая Евтюхова и жертву. Наконец в начале улицы показалась внушительная фигура урядника, рядом с которым шел щупловатый малый с вытянутым лицом, странно напоминающим крысину мордочку. Дав им возможность зайти в трактир, Артемий Николаевич выждал некоторое время и вошел следом. Оглядев залу и увидев интересующую его парочку, подошел к ним:

— Здравствуйте Степан Ильич. Разрешите к вам присоединится.

— Милости просим, Артемий Николаевич. Позвольте представить вам Иннокентия Силыча Харина. Иннокентий — это Гурьев Артемий Николаевич.

Харин и Гурьев чинно по приветствовали друг друга.

— Вы уже сделали заказ господа? — Спросил Гурьев. Евтюхов утвердительно кивнул:

— Любезный! — Подозвал Артемий Николаевич полового. — Мне то же, что этим господам и бутылочку коньяку. Коньяк у вас, надеюсь имеется?

— Найдем-с ваше степенство. — Склонил голову половой.

— Ну вот и чудесно. Надеюсь господа вы не против коньячка?

— Да мы уже водочки заказали.

— Ничего страшного. Коньяк лишним не будет. Любезный, несите коньяк и три рюмки, ну и закусить, что там у вас есть.

— Балычок семги имеется.

— И балычок несите.

Половой с исполнением заказа не медлил. Через минуту на столе стояли бутылка коньяка, бутылка водки и истекающая жиром семга. Артемий Николаевич разлил по рюмкам коньяк:

— За знакомство господа!

Господа чинится не стали, дружно выпили и закусили семгой. Пока закусывали, принесли исходящий паром и щедро заправленный сметаной борщ, с мозговой косточкой, выглядывающей из середины изрядной тарелки. Когда насытившись, откинулись на спинки стульев, Гурьев стал наливать по второй. Евтюхов тем временем обратился к Харину:

— Иннокентий, что-то тебя давненько видно не было. Болел или ездил куда?

— Иностранцев сопровождал по приказу господина исправника, следил, чтоб никто их не обидел.

— Ну и как? Удалось их уберечь?

Ответить Харин не успел, так как Артемий Николаевич подвинул ему полную рюмку:

— Давайте по второй господа.

Выпили по второй. Гурьев спросил:

— А что это за иностранцы, Иннокентий Силыч? И Что они у нас в Сибири забыли?

— В подорожной записано было, что они ученые из Итальянского Географического

Общества, а на рожу так чистые бандиты, только одеты прилично. А сколько оружия они закупили у Свешникова! Одних револьверов три штуки, да еще ружье американское, патронов накупили, полсотни варнаков пострелять теми патронами можно. Коньяку десять бутылок с собой взяли, вина хрен знает сколько. Пока до Барнаула доехали все вылакали.

— На каком же языке, Иннокентий, ты с ними разговаривал. — Спросил урядник.

— Старшой ихний по русски говорил, хоть плоховато, но понять можно. А второй, мордатый, так тот только по своему гутарил. Серджию его звали фамилия у него какая-то неприличная не то Пизиконе, не-то еще того хуже, а старшого Луиджи звали. Так тот Луиджи всю дорогу меня спрашивал, что и как тут у нас. Ну я ему и рассказал! После моих рассказов этот Пизиконе с ружьем не расставался.

— Попугал, значит иностранцев. — Засмеялся Евтюхов и обратясь к Гурьеву сказал: — Артемий Николаевич плесните еще по одной.

Тот охотно разлил остаток коньяка по двум рюмкам и подвинул их уряднику с Хариным. Дернув еще одну рюмку, Иннокентий заметно опьянел и разговорился.

— Вот скажи, Степан, видел ли ты живого мертвяка? Не видал! А я вот сподобился.

— И где ж такое показывают? Ишь ты, «живой мертвец»! Поди, натерпелся ты, Кеша, страху.

— Не веришь? Щас расскажу. Приехали мы значит в эту Сосновку, спросил я у местной ребятни как проехать к дому Новых Федоры, а они и не знают такую. Потом один постарше сообразил: Бабу Ходору мол ищите — знахарку, ну и проводил. Зашли в дом, а там кроме этой Ходоры, еще два мальчика лет по четырнадцати да девка чуть помладше. Мальцы одетые несуразно, сидят за столом. Один дрянь какую-то в ступке толчет, а другой с девкой перышками по бумаге шкрябают — пишут что-то.

Тот, который Луиджи, сразу к бабке, и давай по своему ей говорить, вроде как просил чего-то, а та ему отвечает и также по ихнему. Тараторили, тараторили, но видать не договорились. Тогда Луиджи на девку пальцем показал и что-то сказал, а этот Пизиконе кивнул и к девке двинулся. Я растерялся, не знаю толи девку спасти, толи иностранцем помогать. Пока думал; девка под стол спряталась, а парнишка, который коренья толоч, из ступки толченку зачерпнул и бугаю этому, Пизиконе, в морду кинул. И тут же пестик в Луиджи запустил, да ловко так, прямо в башку попал. А после на стол вскочил и второго ступкой приголубил. Я слово вымолвить не успел, иностранцы уже на полу валяются, а эта Федора, ведьма такая, ко мне подскочила, голову мою руками ухватила и бормочет что-то. Меня как одеялом накрыло, вроде и не сплю, но шевельнуться не могу, слышу говорят, а что говорят не пойму.

— Выходит Иннокентий, не уберег ты иностранцев. — Сказал урядник, подвигая Харину стопку с водкой и закуску. — Вот водочки выпей, успокойся и дальше рассказывай.

Иннокентий медленно, словно не хотя, взял рюмку, выпил не морщась, покопался вилкой в закуске и продолжил:

— Когда очнулся вижу: иностранцы хоть помятые, но живые с парнишкой этим толкуют, то по нашему говорят, то ведьма толмачит. И старик еще один в хате появился, здоровый как медведь. Малец его тятей называл, а сам распоряжался там. Старик с ведьмой его слушали да поддакивали. Оружие все выгребли. И у меня пистоль вынули, и у тех все их револьверы и ружье забрали. Парнишка все моим револьвером махал и зубы скалил, а потом вдруг в мертвеца обернулся и захохотал жутко. Падалью от него пахло, хоть нос зажимай. Мы и кинулись вон из хаты.

Потом правда Луиджи сказал, что это ведьма морок на нас навела, но я поговорил на заезде дворе с одним местным мужиком. Так тот рассказал, что мальчика этого Немтырем зовут, потому как с семи лет заикался так, что и слова вымолвить не мог. В прошлом году по весне его на каком-то «Ведьмином омуте» молонья насмерть убила, так ведьма его оживила и кого-то ему подселила, не то душу умершего не то беса какого. Малой заговорил, читать научился, у попа, мол, все книги прочел, чудить начал. Деревенских мальцов в какой-то футбол играть научил. С дружкой самострелы многозарядные понаделали, рябчиков и зайцев из них бьют. Драться учатся, ножики ловко кидают. А еще говорят, что он придумал какую-то лесопилку, а дед его с сыновьями, они кузнецы местные, ту лесопилку изладили. Ее местный богатей у них выкупил, досок мол напилит за зиму, целую кучу.

— Занятный малый. А ты Иннокентий часом не сочиняешь? Вон в донесении про мальчика словом не упомянул. — Поддел подвыпившего Харина Степан Ильич.

— А мне этот «живой мертвец» запретил болтать, сказал если что и на том свете меня съест.

— Когда это он успел тебе так погрозить? Ты же говорил, что сбежали вы от него.

— Иностранцы на следующий день рано утром назад в Барнаул двинулись. Только из села выехали, нас эти мальцы нагнали. Один с самострелом, а другой с ружьем американским. Едут верхами позади нас в шагах тридцати, веселятся. Версты две сопровождали нас таким макарком. Потом остановили среди леса. Тут испугался я, думал, что все: постреляют они нас, но обошлось. Этот, который «живой мертвец» сказал, что ведьма заклятие на всех нас наложила, мол если еще в их селе появимся, то помрем или с ума съедем. Потом ножики иностранцам кинул. Прямо в доску за их спинами те ножики воткнулись. Ко мне подъехал, пистоль мой мне в сани бросил, патроны в узелке и прошипел, помалкивай мол. Отъезжая, иностранцам крикнул, чтоб в Палерму какую-то съездили привет от него Дону Корлену передали.

— А иностранцы что же? — Поинтересовался Артемий Николаевич.

— Иностранцы? — Пьяно махнул рукой Харин: — Они впереди ехали, ничего не слышно было. Это потом Тихон мне сказал, что лаялись они друг с другом по своему.

— Тихон? Какой такой Тихон? — Спросил урядник.

— Сундуков Тихон — ямщик. Это он иностранцев вез всю дорогу туда и обратно. Да хрен с ним с Сундуковым. Налей-ка господин урядник еще по стопочке.

Урядник потянулся к бутылке, а Артемий Николаевич видя, что толку от опьяневшего Харина больше не будет и, поднимаясь, сказал:

— Господа, вынужден вас покинуть, дела-с. Степан Ильич можно вас попросить...

— Не беспокойтесь Артемий Николаевич, я понял вас. Разущу этого ямщика, расспрошу его обо всем.

— Буду премного благодарен, если потом мне все расскажете. До свидания господа. Любезный! — Позвал он полового. Расчитавшись за всех, кивнул еще раз и вышел из трактира.

Через два дня Евтюхов разыскал в управе Артемия Николаевича:

— Поговорил я с Сундуковым. Он подтвердил многое из того, что нам рассказал Харин и про знахарку и про парнишку. Добавил, что парнишка тот им с Хариним по сто рублей дал, чтобы они в целостности и сохранности доставили иностранцев в Барнаул, опасался, что они до ледохода не успеют переехать Обь. Сундуков посетовал, что пришлось в Барнауле за дешево продавать лошадей и сани и добираться до дома на пароходе. Иностранцы, однако,

его не обидели и разницу ему компенсировали. Про парня заметил, что тот разговаривал не как крестьянин, а по-господски.

— Это как по-господски? — Полюбопытствовал Гурьев.

— Вот и я спросил его о том же, но он ничего вразумительного по этому поводу сказать не смог, добавил лишь, что так «скубенты» разговаривают.

— Да где это он у нас в Тюмени студентов встретил?

— Не скажите Артемий Николаевич. Сейчас многие купцы детей своих учиться посылают, кого в Санкт-Петербург кого в Москву, а Солодовников Нил Силыч, так тот своего Андрюшу в Берлин послал науки постигать. Так что возил Тихон «скубентов», наслушался их речей.

— Бог с ними со «скубентами»! Вы то Степан Ильич, что обо всем этом думаете?

— Знаете Артемий Николаевич, я не хуже того Тихона, затрудняюсь однозначно разъяснить всю эту историю. С одной стороны мы вроде довольно много всего знаем, а с другой стороны не знаем самого главного, а именно, что может быть такого ценного у Зелениной и ее внучки. Зачем этим иностранцам столько лет разыскивать внучку ведуньи, которая явно именно от них и спряталась в этой Сосновке. Ну не верю я в ценность тех колдовских снадобий, которые, по словам Харина, эти проходимцы купили у знахарки.

А насчет мальчика этого странного, могу только предположить, что в его тело подселась чужая душа. Я понимаю, что это очень странное заявление, но другого у меня нет. Знал я одного забайкальского бурята, который, не смотря на узкие глаза, был человеком умным и ученым. Так вот для него переселение или как он его называл перерождение душ, явление совершенно обыденное. Он утверждал, что все мы, в каком то смысле живем не единожды. Беда в том, что не помним свои прежние жизни, но иногда по каким либо причинам эти воспоминания пробуждаются. По словам Харина мальчика того молния шваркнула, вот и разбудила память прежней души.

— Удивили Степан Ильич! Вы и с буддизмом знакомы?

— С людьми разными я знаком Артемий Николаевич. И буддисты не самые странные из них. Тут свои православные такое творят, что печатных слов нет. Одни «хлысты» да «скопцы» чего стоят. Буддисты против них, что котята против пса шелудивого.

— Ну и сравнения у вас Степан Ильич. — Засмеялся Гурьев. Просмеявшись продолжил: — Пожалуй, я соглашусь с вашей оценкой этой странной истории с иностранцами. Одно мне очень не нравится, что уж очень вольготно они у нас себя ведут.

— Как позволяем, так и ведут. Если бы в столице не потворствовали им, то и здесь бы на них управу нашли. Ну да ладно! Вы то, что делать собираетесь?

— Не знаю пока. Доложу Аполинарию Модестовичу. Он человек опытный может, что и посоветует.

— И правильно! Пусть у начальства голова болит. Пожалуй пойду я. Мою работу никто за меня делать не будет. До свидания Артемий Николаевич! Рад был с вами познакомиться.

— Взаимно Степан Ильич, взаимно. Буду держать вас в курсе. — Пожимая уряднику руку, сказал Гурьев. — Степан Ильич вы пока никому не говорите об этом деле.

— Разумеется, Артемий Николаевич.

Аполинарий Модестович выслушал Гурьева, не перебивая, внимательно прочел обе докладные записки, повертел в руках красный карандаш, стимулируя мыслительный процесс. Наконец, придя к каким то выводам, отложил карандаш и обратил строгий взор на племянника.

— Вот что Артемий! Выясни все, что возможно об этих иностранцах старых и новых. Про знахарок разузнай — про бабу и внучку. В помощники Евтюхова возьми, по всему видать человек дельный. Бумаги заberi. Составишь на их основе и того, что с урядником накопаете подробную записку. Жаль Константин Петрович в отъезде, распоряжение по иностранцам он давал. Боюсь не вернется уже сюда, в отставку выйдет по болезни и возрасту. Ничего, письмо ему напишу, чай ответит. И вот еще: по мальцу тому странному отдельно бумагу составь и мне отдай. Есть у меня в Санкт-Петербурге один знакомый, посоветуюсь с ним. О поручении не болтать, людей опрашивать осторожно, чтоб не вызвать ажиотацию.

— Скажу, что книгу хочу написать вроде, «Петербургских трущоб» господина Крестовского.

— «Тюменские трущобы» значит. Ославить наш город хочешь? Трущоб у нас достаточно, но говорить о них не надо. Придумай, чтонибудь другое. Ладно. Иди, работай — «писатель».

Когда Гурьев вышел Аполинарий Модестович, посмотрев ему в след, усмехнулся. «Дельный сын у Сонечки вырос. Делопроизводство в управе наладил, теперь вот иностранцев этих раскопал. Не жалуется Государь нынче иноземцев. Слухи ходят, что происшествие с царским поездом, что прошлой осенью случилось, не без их участия произошло. Значит доклад, об особо ушлых и наглых иноземцах, за моей подписью всяко не лишним будет».

Глава тринадцатая

Проводив гостей мы с Архипкой не удержались и постреляли все таки из прихваченных револьверов. Я то в той жизни баловался пневматикой, была у меня копия «макарова». Поэтому отстрелялся более-менее хорошо. А вот Архипка палил в белый свет как в копеечку. Это понятно! Кучу патронов нужно сжечь, чтобы научиться сносно стрелять из короткоствола. А вот с патронами у нас засада — мало их. Постреляли и из винчестера. Здесь у нас получилось получше, видимо тренировки с арбалетом помогли. Эх! Потренироваться бы хорошенько, но увы. Раньше лета в Барнаул не попасть, значит и патронов купить негде. Хотя в Бийск проехать наверно можно. Он вроде находится сейчас на правом берегу Бии, а значит река не помеха. Надо у деда спросить, да смотаться в Бийск, наверняка там есть оружейная лавка или магазин. Но это попозже, а сейчас у нас занятие для настоящих мужиков — чистка оружия.

Поскольку раньше с такими раритетами дела не имел, то для начала внимательно осмотрел револьвер со всех сторон. Разобрать можно, но пока не нужно. Примерно представляю его устройство. А вот винчестер образца 1873 года — штука более чем любопытная. Очень хотелось выкрутить болтик и снять крышку, чтобы посмотреть механизм перезарядки. Но нормальной отвертки у меня нет, так что тоже пока обойдусь. Протру снаружи. Ствол почистить надо обязательно. Пули свинцовые без оболочки, если не чистить, то нарезы быстро загадятся. Интересно, почему в это время стволы делали восьмигранными. У дедовского карамульта ствол восьмигранный и здесь тоже самое. Для прочности что ли?

Достал из пачки патроны и тоже рассмотрел. Ничего особенного, если не считать, того что пулька тупая, более того, кончик у нее совершенно плоский. Интересно для чего? Покрутил патроны в руках, представил как они располагаются в магазине и допер почему головка пули плоская. Она ведь упирается в донце впереди сидящего патрона, а там капсюль и остренькая пулька запросто его может наколоть.

Ладно не будем умничать, а будем чистить. Работой увлекся и не заметил, что тихонечко мурлычу:

Потому что, потому что мы пилоты
Небо наш, небо наш родимый дом,
Первым делом, первым делом — самолеты.
Ну а девушки а девушки потом.

Первым делом, мы испортим самолеты.
Ну а девушек? А девушек потом.

— Немтырь! А Немтырь. — Это Архипка, перестав чистить свою пушку, пытается обратить на себя мое внимание.

— Чего тебе? — Отрываюсь я от работы.

— Самолеты это, что такое?

— Самолеты? Самолеты — это, друг Архипка, такая штука... — Блин! Самолеты! Я же с сопливого детства мечтал самолетом порулить. А ведь теперь мне никто не помешает, лишь бы денег хватило мотор купить, да планер сделать. С дельтоплана начать, а там как нормальный мотор сгондобят, можно и на самолет замахнуться. Вон Можайский вроде уже

свой аппарат сделал. Правда это угребище с паровиком на тридцать лошадей в качестве двигателя вряд ли взлетит. Но говорят, с нормальным мотором и табуретка с крыльями полетит.

— Архипка ты гений! Все! Как только бабок напилем, так и за самолет возьмемся.

— Ты че Немтырь? Бабок, то зачем пилить? Я же тебя про самолеты спрашиваю?

— Эх Архипка! Темный ты человек. Бабки это бабло, оно же капуста, тугрики, баксы, мани-мани, рублики — деньги одним словом. Вот хапнем денежек достаточно, тогда и про самолетик можно подумать. А самолет, друг Архипка, это такой механизм на котором летать можно.

— Врешь поди.

— Не вру Архипка! Будет у нас самолет, вот те крест. Будешь ты у нас первым летчиком-пилотом.

Ближе к вечеру, сбежав от Архипки, заявился к знахарке. Приборчик из другого мира не давал покоя. Очень уж хотелось разобраться с этой диковиной. Баба Ходора в хате была одна, но меня встретила не слишком приветливо. Видно прошедшие вчера пляски с бубнами несколько притомили ведунью.

— Явился варнак!

— И тебе не хворать Феодора Савватеевна! Не надо меня превращать в жабу! Я тебе еще пригожусь, отслужу.

— Отслужил уже. Так отслужил, что не знаю как и рассчитаться с тобой. — Недовольно пробормотала знахарка.

— Не бери в голову Савватеевна. Жизнь прекрасна и удивительна, жаль короткая, поэтому жить нужно весело и кушать вкусно. А об ватиканских упырях не беспокойся. Я им там кой чего напредсказывал, ну и пригрозил маленько. Думаю, теперь у них ко мне будет интерес гораздо больший, чем к тебе. Но раньше чем через год-два они к нам не сунутся.

— Сами может и не сунутся — здешних натравят. Вон в прошлый раз с местными душегубами сговорились и напали ночью. Хорошо дворник наш Игнат Первушин, царствие ему небесное, по нужде на двор вышел, помешал варнакам, не дал захватить нас сонными. Бабушка их всех упокоила, да подстрелил ее варнак иностранный. За воротами прятался, она его не заметила и выскочила на улицу, а он и пальнул в нее два раза. Только не помогло ему, упокоила его бабушка, задохнуться заставила, да надорвалась. Перед смертью «ларец» мне передала да письмо этому Бальцони написала. Не смогла я спасти ее. — Женщина вытерла уголком платка слезы, вздохнула и спросила:

— Ты никак пришел на «ларец» поглядеть?

— Любопытный приборчик, хотелось бы с ним разобраться, но спешить не будем. — Покрывил я душой, видя не слишком располагающий настрой знахарки. — Насчет денег пришел к тебе посоветоваться. Надеюсь, ты не будешь против, если я их в дело пушу.

— Что опять задумал?

— Да ничего особенного, пшеницей да рожью спекульнуть хочу. Очередной неурожай в «Расее» намечается в этом году, а у нас тут зерна с прошлого урожая прикупить можно по дешевке. Остается лишь до Тюмени доставить, а там цена раза в три — четыре выше будет.

— Это что же народ голодать будет, а ты поднажиться решил? — Сразу ухватила суть женщина.

— Блин! Савватеевна и ты туда же. Дед мне плешь проел и ты еще на мозг капаешь. Не смогу я помочь голодающим, это только правительству по силам. Царевич вроде эту помощь

куруровать будет. Правда слабо верится, что у них получится что-то путное. Эти твари сотни миллионов рубликов имеют от продажи зерна за границу. И, думаешь, куда тратят эти миллионы? На роскошь ненужную, да на проституток европейских. На развитие страны остается меньше четверти этих денег. Крестьянство их кормит и поит, а эти суки даже нормальную помощь сдыхающим от голода организовать не могут, а может и не хотят. Вот за это и будут их через тридцать лет на столбах вешать. Ну да черт с ними со всеми. Мне лет за шесть денежек надо с миллиончик рубликов напилить. Так что буду на всем зарабатывать и золото мыть, и зерном спекулировать.

— Эк хватил! Миллион ему подай. Это куда ж тебе такая прорва денег?

— По хорошему бы надо миллионов с десятков, но для начала хватит и одного. Самолеты я хочу строить Савватеевна.

— Зачем тебе самолеты? Холст ткать собрался?

— Какой холст? — Не понял я юмора. — Причем здесь холст?

— Ну как причем, самолет — это же станок ткацкий.

А ведь точно! Читал где-то, что самолетом назывался ткацкий станок с механической подачей челнока. Лупила по нему какая-то хрень вот челнок и летал сам туда-сюда. Треск, должно быть, стоял невероятный.

— Блин! Как у вас здесь все запущено. Нет уважаемая Феодора Савватеевна самолет это аэроплан. Механизм такой — летать на нем можно. Знаешь, с детства мечтал полетать.

— Летать? Как на воздушном шаре?

— И опять не угадала. Воздушный шар летит туда куда ветер дует, а самолет и против ветра поперет, если движок нормальный поставит. Кстати, сам самолет без мотора сделать не так и трудно. А вот с мотором засада — нет их еще. Лет через десять-двенадцать только появятся. Можно конечно и раньше сделать, но миллиона на это маловато будет.

— Ну и зачем тебе эти самолеты тогда?

— Я же тебе сказал, что сам полетать хочу. Ну, а потом «за державу обидно». Хочется, чтобы первые самолеты у нас появились. Тем более, что один наш флотский офицер уже попытался самолет построить, да пока ничего у него не вышло.

— А у тебя значит выйдет.

— И не сомневайся Савватеевна обязательно выйдет, если конечно деньги будут. Но бог с ними с самолетами. Я ведь и, правда, пришел к тебе на приборчик, ну «ларец» посмотреть. Есть у меня по его поводу кой-какие мыслишки. Покажешь?

— Да куда же теперь от тебя, окаянного, денешься. Покажу конечно. — Проворчала знахарка. Достала завернутый в холстину приборчик и подала мне. Взял довольно тяжелый, для своих размеров предмет, снял холстинку и стал изучать эту хреновину «органолептически», а именно внимательно рассматривать и ощупывать. На вид и на ощупь — пластик. Сколько не щупал ни давил пальцами со всех сторон, никаких скрытых кнопок не обнаружил и это логично. Кнопка это уже механика. Значит энергоемко и ненадежно. Электроника? Пожалуй что нет. Скорее всего, нечто более продвинутое. Ну что же, коль ничего не придумалось, надо трясти.

— Давай Савватеевна включи-ка «ларчик» да наложи его на меня, как это ты всегда делаешь.

— Не боишься? — Спросила знахарка.

— Побаиваюсь конечно, но в меру.

— Ладно! Раздевайся до пояса и ложись на лавку.

Ну что же, как говорится «наука требует жертв». Разделся и улегся. Знахарка каким-то особым образом сжала правой рукой приборчик и негромко произнесла:

— Спаси и сохрани. — После этого положила его мне чуть ниже пупка.

— Руками его не трогай, глаза закрой и ни о чем не думай.

Ага! Не думай о белой обезьяне. Ладно, попробую. Расслабился и постарался ощутить действие гаджета на собственной шкуре. Сначала ничего не получалось, но через некоторое время мне показалось, что меня нежно, почти не ощутимо касаются, чьи-то детские пальчики. Волна касаний не спеша двигалась по телу, иногда останавливаясь на одном месте, и тогда ощущался легкий укол, после которого движение вновь продолжалось, причем в обе стороны от прибора. Не снятые штаны не явились препятствием, для шаловливых пальчиков. Немного потоптавшись в районе паха и дважды чувствительно уколов, быстро пробежались по ногам и оставили нижнюю часть тела в покое.

В верхней половине тушки дела шли куда медленнее. По крайней мере, с десятков укольчиков в разные части торса я получил. Когда волна дошла до головы, то движение явно застопорилось. Пальчики топтались по голове как будто в некоем недоумении. Потом приборчик чуть слышно пискнул и послышался изумленный возглас знахарки. Я открыл глаза и тоже выругался. И было от чего; от приборчика отделялись какие-то черные пластинки. Большая часть пластинок стала облеплять голову, меньшая стала нырять за спину, причем деревянная лавка помехой для них не являлась. «Позвоночник сканировать будут» подумалось мне.

Мельтешение черных пластинок продолжалось с минуту, после чего они очень быстро стали прилепляться к приборчику. Я уже хотел встать, но неожиданно передо мной появился бледно голубой экран на котором проступили три строчки неизвестных мне знаков ярко зеленого цвета. Верхняя строчка состояла из десятка разной длины групп знаков с пробелами между ними. Нижние строчки были предельно короткими. В каждой было по два разных значка. Ну что ж все более-менее ясно. Меня о чем-то спрашивают и предлагают два варианта ответа «да» или «нет». Верхняя двухсимвольная строчка стала подмигивать, нижняя тускло светилась. Скорее всего та которая мигает означает «да». А была не была пусть будет «да». Я мысленно нажал на мигающую надпись. Экран выдал следующую порцию непонятных символов. Снова жму мигалку, и третья порция значков и снова «да» и тут же пожалел.

— Блин! ..... — Резкая боль буквально прострелившая позвоночник от затылка до копчика, заставила выгнуться дугой и разразится не нормативной лексикой. Впрочем, боль быстро утихла, а экранчик исчез. Я с опаской глянул на прибор, но тот был совершенно индифферентен, лежал на моем пузе, как простой камешек. Немного подождав и не дождавшись от проклятого «гаджета» очередной подлянки, взял его в и руки и сел.

— Савватеевна забирай эту хреновину и прячь. — Я протянул приборчик стоящей с ошеломленным видом знахарке. Та машинально взяла свой «ларец» и продолжала с изумлением смотреть на меня.

— Что-то не так Савватеевна? — Спросил я знахарку.

— Ты тоже это видел? — Вопросом на вопрос ответила женщина.

— Что? Это?

— Пластинки черные, что тебя облепили?

— Видел и пластинки и еще кое что. — Осторожно ответил я. — А ты что разволновалась, разве не так все происходит, когда ты «ларец» накладываешь?

— Нет, никогда такого не было.

— А те на кого накладывала, что потом рассказывали.

— Ничего не рассказывали. «Ларец» это последнее средство. Когда сама не могу справиться, тогда его пользую. Обычно уже при смерти болящие, бес сознания.

— Понятно. — Протянул я размышляя. — Знаешь что, Савватеевна, «ларчик» свой завтра на солнышко выставь, заряди. Послезавтра я приду, на тебе его испытаем. А потом сравним ощущения.

— Это что, я при тебе раздеваться должна? — Возмутилась женщина.

— А ты стесняешься чтоли? — Засмеялся я. — Не бойсь! Не надо раздеваться. Похоже одежда ему не помеха. Сунешь его под кофту и полежишь спокойно. Ну что? Договорились?

— Ладно будь по твоему. — Неохотно согласилась знахарка.

Через день я снова появился в хате Бабы Ходоры. Встретила она меня не слишком приветливо, но особого недовольства не выказала. Было видно, что волнуется женщина перед экспериментом, но и любопытно ей. Я не стал рассусоливать, спросил лишь:

— Зарядила приборчик, Савватеевна. — Та молча кивнула и достала из-за божнички «ларец».

— Ты Феодора Савватеевна, когда приборчик включишь, постарайся настроиться на него. И еще в конце может появиться, что-то похожее на листок бумаги с непонятными значками. Так вот верхняя длинная строчка это вопрос. То есть он как бы спрашивает у тебя: «Можно произвести над тобой какое-то действие». Внизу будет два коротеньких словечка. То, что мигает, будет означать скорее всего «да». Если не боишься, то мысленно нажми на него, а если боишься, то жми на другое слово.

— А что он хочет со мной сделать?

— Да черт его знает! Но, думаю, будет чтонибудь улучшать. Я, например, на все вопросы нажимал «да» и тебе советую делать также. А впрочем, как знаешь.

Знахарка трижды перекрестилась, что-то неразборчиво прошептала, включила свой «гаджет», улеглась на лавку, сунула приборчик себе под кофту и закрыла глаза.

Я внимательно смотрел на нее, но минут десять ничего не происходило. Вдруг с приборчика стали срываться одна за другой черные пластинки. Одни стали облеплять не закрытые одеждой участки тела женщины другие спокойно проходили сквозь одежду и скрывались из вида. Все это мельтешение продолжалось не больше двух минут. Затем все пластинки очень быстро вернулись в приборчик и еще около минуты ничего не происходило. Наконец знахарка открыла глаза, достала из под кофты «ларец» и спустила с лавки ноги.

— Ну что Савватеевна! Рассказывай! — Подскочил я к ней с расспросами.

— погоди, не мельтеши! Дай в себя приду. Воды вон лучше зачерпни.

Я метнулся к ведру с водой, зачерпнул пол ковшика и подал его женщине. Та с видимым удовольствием утолила жажду и вернула ковш мне. Поставив ковш на стол, я в нетерпении вновь обратился к знахарке.

— Не томи Савватеевна! Рассказывай!

— Ишь скорый какой. Что тебе рассказать?

— Про свои ощущения. Детские пальчики по телу топтались? Надписи появлялись?

— Топтались! Только не пальчики, ножки детские, с нежными пяточками. Правда, покалывало иногда. И надписи появлялись. Целых четыре раза.

— Четыре! У меня всего три было. И как ты на них отвечала?

— Как ты советовал, так и отвечала.

— Значит, разрешила улучшить себя? — Спросил я.

— Ну, улучшить или ухудшить, я не знаю, а на мигалку нажала.

— Больно не было?

— Нет.

— А меня, когда на последний вопрос ответил, как спицей длиннющей от затылка до задницы прокололи. Больно было жуть, но прошло быстро.

Знахарка легко поднялась с лавки, взяла со стола холстинку, упаковала в нее приборчик и спрятала на прежнее место. Потом, обернувшись ко мне, неожиданно спросила:

— Чаю хочешь? Настоящего китайского.

— Чаю? Конечно хочу. Сто лет не пил.

— Ставь самовар. Есть у меня чуток.

Пока я разжигал самовар, на полу возле открытой печи, чтобы не слишком надымить в хате, Баба Ходора вытащила из необъятного сундука расписанную под хохлому шкатулку. С полки взяла фарфоровый заварник, поставила на стол плоску с медом и руками, как и в прошлые разы, наломала хлеба. Я не удержался и спросил:

— Савватеевна, почему ты хлеб руками ломаешь? Ножом резать удобнее же.

— Что? — Удивилась знахарка. — Ты про хлеб? Бабушка с детства приучила хлеб руками ломать. Говорила грех хлеб ножом резать.

— Да почему же грех? — Удивился я.

— Нельзя тело Христово ножом тыкать. А хлеб это символ тела Христова.

— Блин, как все сложно у вас. И что будет если ножом хлеб резать?

— Неверующему ничего не будет. А верующему лучше поостеречься.

Когда вода в самоваре закипела, знахарка обдала кипятком заварник достала из шкатулки мешочек с чаем, зачерпнула деревянной ложкой чай и сыпанула его в заварник, залила кипятком и водрузила заварной чайник на самовар со словами:

— Пусть хорошенько настоится.

Через несколько минут мы сидели за столом и пили настоящий чай. Я проголодался и хлеб с медом, запивал крепким чайком. Баба Ходора наливала чай в блюдце и неторопливо прихлебывала, время от времени доставая серебряной ложечкой мед из деревянной плоски. Чай смаковали молча. Наконец женщина не выдержала и спросила:

— Ну и что ты об этом думаешь?

Я, конечно понял, о чем она спрашивает, но машинально ответил вопросом на вопрос:

— Ты это Савватеевна о чем?

— А то ты не знаешь о чем. О «ларце» конечно.

— Скажу, что такой штуки в моей, то есть в реальности Алексея Щербакова нет и будет не скоро. Уж слишком продвинутая технология. Хотя о принципе работы приборчика кой какие предположения имеются. Думаю, что ты как ведунья используешь те же законы природы, что и «ларец». Так, что в некотором смысле ты и ларец похожи.

— Опять скоморошничаете?

— Да ничуть! Дело в том, что все в мире состоит из мельчайших частиц-атомов, которые объединяются в молекулы. В живой природе молекулы особым образом сгруппированы в живые клетки, которые двигаются и чем-то питаются. Так вот все наши органы состоят из таких клеток и выполняют в организме определенные функции. И все эти атомы, молекулы, клетки и органы функционируя излучают в пространство некую еще

неизвестную энергию. То есть человек как бы заключен в своеобразный кокон, состоящий из разных слоев. Индусы этот кокон называют аурой. Говорят, что некоторые, из очень продвинутых в духовном отношении людей, ту ауру даже видят, хотя это сомнительно. А ты Савватеевна случайно ауру не видишь?

— Не вижу я никакой ауры.

— Не видишь, а тем не менее лечишь. Ведь здоровый и больной орган светятся в той ауре по разному, а ты по каким-то признакам их различаешь. Интересно как тебе это удается?

— Здоровый ладонь теплым воздухом толкает, больной холодом обдает и притягивает.

— Ишь ты! А лечишь как?

— Ладонями грею. Тепло через ладони пропускаю. Бабушка так научила.

— Это тебе только кажется, что греешь, на самом деле все куда сложнее. Думаю, что и приборчик примерно так же действует, возможно и панель управления имеется, но мы ее не видим. Скрыли от нас эту панель, чтобы не накуролесили по незнанию. В автоматическом режиме «ларчик» работает.

— В каком таком автоматическом?

— В автоматическом — означает, что все сам делает без участия оператора, ну то есть человека, который им управлять должен. Да собственно и ты Савватеевна, тоже как тот «ларец» многое на автомате делаешь.

— Как это?

— Дышишь, например или ходишь. Ты же не приказываешь ногам как ходить. Они сами можно сказать ходят. Попробуй начать им приказывать, наверняка заплетишь их и хлопнешься.

— Опять за свое. Снова зубоскалишь.

— Есть маленько, но это я от разочарования. Думал, что смогу твоим «ларцом» управлять и снова облом. Ну да ладно жили без «ларца» и дальше какнибудь перекукуем. Спасибо за чай, отличный чаек, даже там такого уже не сыщешь.

— Где это там?

— У старика Щербакова, где же еще.

— Неужто чая там нет?

— Всего там дохрена. Да подделывают многие продукты. Не поверишь Савватеевна, даже куриные яйца и рис китайцы подделывают. Про чай и говорить нечего.

— Яйца? Как же их подделать то?

— Есть в Поднебесной умельцы, бодяжат только так. Наука химия им в помощь. Хотя сами тараканов жареных трескают. Говорят самая полезная еда.

— Издеваешься? Все скоморошничает? — Осуждающе покачала головой знахарка.

— Да не в одном глазу! Китайцев много очень. Вот и жрут все что шевелится: змей, мышей летучих и другое всякое. Кстати, когда старик оттуда к нам попал, там болезнь заразная больше года по всему миру ходила. Вроде как в Китае началась. Мужик там мышью летучую слопал и заразился. С него и пошло по всему миру. Миллиона два с половиной народа от той болезни померло. Чем кончилось не знаю.

— Господи! Страсть то какая! — Перекрестилась знахарка.

— Не бойся Савватеевна! Больше ста тридцати лет еще до той страсти. Мы с тобой не доживем. Хотя кто знает, какие плюшки мы от «ларца» получили. Может тебе омоложение прилетело. Омолодишься до Катькиного возраста, жизнь сначала начнешь, а там глядишь и

доковыляешь потихонечку.

— Иди уж, балабол. — Отмахнулась женщина.

Я засмеялся, но почти уже на пороге, спросил:

— Савватеевна! Отец твой чем торгует?

— Тебе это зачем?

— Мыслишка одна пришла в голову. Склады у него в Тюмени есть? Такие, чтобы зерно можно было засыпать и придержать некоторое время?

— Склады есть и не маленькие.

— Так это здорово! Ты не против если я твою родню к торговле зерном привлеку? Какую никакую денежку помогу им заработать. И денежку немалую.

— Тебе в том, какой прок?

— Не скажи Савватеевна! Одно дело если приедет никому неизвестный мужик из глухого села и совсем другое, когда зерном торговать начнет местный купец, которого все деловые люди вашего города знают. И потом цена на хлеб подскочет в этом году лишь ближе к зиме, а Жабин зимы ждать не будет, распродаст зерно по дешевке. Это в следующем году хлеб в Тюмени начнут расхватывать как горячие пирожки на базаре. Но и тогда лучше с местным купцом в паре работать.

— Ну так и ждал бы до следующего года.

— Нельзя ждать. Дело для Жабина новое, нужно освоиться, опыт получить. Хочу дядьку Кузьму с Митькой в ученики к Жабину пристроить, чтобы на будущий год как можно больше зерна закупить и перевезти.

— Хорошо! Отпишу братьям, узнаю как и что, потом тебе расскажу.

— Отлично! Договорились! — Оставил я за собой последнее слово и выскочил из хаты.

Глава четырнадцатая

Я смотрю в спину едущего впереди Архипки. Полчаса назад закончился небольшой дождь, от которого мы не стали прятаться, поэтому немного вымокли. Но сейчас тучи рассеялись и солнце ощутимо пригревало. Намокшая было одежда быстро сохла и мне казалось что от Архипки и его лошадь идет пар. Дед ехал впереди на крупном темно рыжем жеребце, с белой гривой и такого же цвета хвостом, которого называл Игренькой. За дедом на веревке привязанной к седлу плелась, нагруженная мешками, одноглазая кобыла. Мы с Архипкой ехали на двух небольших лошадаках неопределенной масти и кличек не имеющих. Впрочем своего конька я обозвал чисто еврейским именем Сруль. Поскольку эта скотина, когда я затягивал подпругу, надувалась и некрепко привязанное седло норовило сползти набок вместе со мной. Но в прошлой жизни я уже сталкивался с подобным хитрецом, когда однажды решил поработать ковбоем в Бийской конторе «Скотоимпорт».

С двумя такими же молодыми придурками почти полтора месяца гнал из Монголии стадо сарлыков в количестве двухсот десяти голов по Чуйскому тракту. Вот там то мне и попался старый, толстый и хитрющий конек, с подобными замашками. Первое время я никак не мог понять, почему седло сползает. Но однажды затягивая подпругу, я в сердцах легонько пнул по толстому пузу и, о чудо, пузо опало и мне удалось застегнуть подпруги чуть ли не на последнюю дырочку. Словом, к концу пути жокеем я, конечно, не стал, но управлялся с конем вполне уверенно. Так и тут, седлая своего Сруля, я также слегка подпинывал его под пузо и подпруги затягивал крепко.

В дороге мы уже третий день, а проехали всего километров восемьдесят. Кони — транспорт не быстрый, да еще изрядно нагруженный. Везем с собой много чего, только круп и сухарей килограммов тридцать, по местному два пуда, а еще овес для лошадей, инструменты: лопаты на всех, два топора и пила. Оружия нахватали; по револьверу каждому, винчестер в специальной кобуре у меня к седлу приторочен, патронов, правда, маловато, ну да ладно. Арбалеты прихватили да болтов наделали. Дед ружье покупать не стал, захватил свой монструозный самострел, с которым обращался весьма ловко. Впрочем кони наши загружены были основательно, и тридцать-сорок километров за день это очень хорошо.

Наверное, можно и больше проехать, но дед не торопится. Останавливаемся на ночевку возле ручьев с чистой и холодной водой. Расседываем, поим и кормим коней, дед разжигает костер и кашеварит, Архипка с Кабаем идут охотиться, а я ставлю палатку и рублю лапник. Палатку кроил и шил я сам вечерами, когда готовился к походу. Дед палатку счел сначала баловством, но я помнил совет опытного гонщика скота. Он говорил: «Как бы вы не устали за день, но палатку ставьте обязательно, иначе вы не будете как следует высыпаться, разленитесь и, в конце концов, растеряете скот». И как оказалось, он был полностью прав. Наши соседи, гнавшие вчетвером стадо овец, расслабились и недосчитались больше десятка голов, за которых с них вычли из зарплаты.

Ночью не дежурим, у нас есть надежный охранник Кабай. Сегодня или завтра доберемся до Спасска, а там до Аптазы останется два неспешных перехода. А пока мы едем по вполне нормальной дороге, которую, правда, немного развезло после дождя, но не критично. К вечеру под солнцем и ветерком высохнет. Дорога изгибается то влево, то вправо, то ныряет в низины, то взбирается на холм и кажется если поехать по прямой, то путь будет намного короче. Но это не так. Как бы дорога не петляла она и есть самый

кратчайший путь из пункта «А» в пункт «Б», поскольку проложена по самому оптимальному для имеющихся транспортных средств, маршруту. По молодости, не раз пытался пройти или проехать по прямой и всегда тратил на это больше времени и сил, чем по извилистой дороге.

Я не управляю своим коньком. Он и без всякого управления бодро топает следом за Архипкиной лошадкой. А поскольку заняться мне нечем, то я люблю природу и вспоминаю прошедшие два месяца.

С управлением «ларцом Парацельса» у меня случился полный облом. Мы с Бабой Ходорой попытались еще раз испытать на себе действие этого аппарата, но никакого эффекта не получили. Даже не понятно включался аппаратик или нет. Последствие первого воздействия «ларца» пока не ощутил, или не заметил, расту ведь еще и прошедшие изменения в организме можно этим объяснить. Вроде сильнее стал, ну так тренируемся же. Вон и Архипка пожалуй от меня нисколько не отстает, да и Антоха с Платошкой вполне на уровне. Эх, как им хотелось с нами поехать, но увы. Чтобы как-то подсластить эту горькую пилюлю, выдал им по двадцать рублей на такую же одежду как у нас с Архипкой. Сказал, что когда вернемся, то договорюсь с их родителями и мы поедем учиться в город, а пока наказал следить за домом знахарки и в случае чего бежать или к старосте или к отцу Серафиму, ну Ивану Щербаченку сообщить если он дома будет.

Кстати о знахарке. При последнем разговоре с ней мне показалось, что на лице у нее разгладилось парочка морщин, и вроде как поправилась она немного. Может и правда аппаратик помог. И самое важное! Вполне случайно узнал, что это не мой мир. Как узнал? Да обыденно все. Разговорились с Савватеевной о литературе. Пушкина она очень любит, а я под эту тему ляпнул:

— Вот же не справедливость: какой-то содомит французский великого поэта шлепнул, а сам прожил чуть ли не восемьдесят лет.

— Какие восемьдесят лет? Ведь Пушкин застрелил Дантеса. — Возмутилась знахарка.

— Не понял! Как застрелил? И что живой Александр Сергеевич остался после дуэли?

— Не остался. Умер от раны. А французика наповал уложил.

Я с минуту, обалдело смотрел на знахарку, а потом подскочил и чмокнул ее в щеку.

— Ты что с глузду съехал? — Произнесла женщина в немалом изумлении.

— Ты даже не представляешь, Савватеевна как ты меня обрадовала. Я ведь боялся, что попал в прошлое моего мира, а значит и жена и дочь и внуки мои уже не родятся. Теперь не боюсь. Они живы там в моем мире, а это параллельный и я могу творить в нем, что захочу. Да собственно уже натворил. Письмишко то деду твоему я накатаю знатное и обидное.

— Да что с тобой, что ты так возбудился то?

— Ты понимаешь Савватеевна, у нас ведь этот пидор Дантес жив остался, более того, в Париж умотал и там карьеру сделал — сенатором стал. А здесь, значит, кончил его Александр Сергеевич. Славно! Славно! Ну, суки! Теперь вы у меня попляшете!

— Ты о ком это! Кого плясать хочешь заставить? — С легким подозрением на мою не нормальность осведомилась знахарка.

— А! .... — Беспечно отмахнулся я. — Пока не знаю, но кто-то попляшет обязательно. Спасибо Савватеевна сняла камень с души.

Вспомнив последующий разговор, где я втирал недоверчивой ведунье теорию параллельных миров, засмеялся. Не поверила мне знахарка. Ну, не то чтобы совсем не поверила, но сомнения в моей нормальности одолевали ее. Я и сам изрядно путался в этих параллелях и пример со страницами книги даже мне не казался убедительным.

(Параллельные миры как страницы в закрытой книге, плотно прижаты друг к другу и при некоторых условиях можно перескочить с одной страницы на другую). С другой стороны, сама мысль, что это параллельный мир освобождает от сомнений. Можно делать, что хочется без боязни получить более худший вариант будущего, поскольку будущее этого мира, в отличие от моего, еще не определено.

Действительно, а кого я хочу «заставить поплясать»? Меня всегда забавляли поклонники «России которую мы потеряли», которые все беды и несчастья страны связывали с большевиками. Даже в наивной молодости, изучая «Историю КПСС», я не слишком верил утверждениям, что какие либо брошюры или статьи Владимира Ильича как-то влияли на революционное движение в России. Вся эта критика народников, кадетов, эсеров и меньшевиков сильно походили на мелкие литературные дразги среди эмигрантов. Но вот ленинская непримиримость, напор и обаяние позволили ему из кучки разнообразной интеллигенции выделить и организовать ядро будущей партии. И надо сказать ребята там собрались очень шепутные и решительные.

Заслуги же большевиков в деле свержения самодержавия в России сильно преувеличены. Их в феврале семнадцатого года было не видно и не слышно! Бал правили буржуазные либералы. И только когда эти болтуны развалили все до чего смогли дотянутся, на сцену вышли большевики. Действуя кнутом и пряником начали потихоньку задавливать охреневший от вседозволенности российский народ снова в берега государственности. Так, что большевиков с семнадцатого года назвать революционерами можно лишь с большой натяжкой. А Иосиф Виссарионович со товарищи, железной рукой и под всеобщее одобрение, закончил с революцией, но к сожалению не надолго. Подросло новое поколение «светлолицых» и «рукопожатных».

Да хрен с ними, может в этом варианте истории будет иначе. По крайней мере, лично я постараюсь этому поспособствовать, но без фанатизма. Менять историю можно ж по разному. Можно перестрелять наиболее одиозные фигуры. Того же Николая, скажем, или Гитлера, да хоть папу римского. По нынешним временам двух-трех деятелей упокоить совершенно не сложно. Достаточно хорошо пристрелянной винтовки с глушителем и оптикой. Не принято еще нынешних vip-персон с расстояния валить. Все больше из револьверов стараются пальнуть или с помощью нитроглицерина на небеса отправить. Ну а мы люди не гордые, тихонько придем, сделаем свое поганое дело, и тихонько уйдем. Но нет уверенности, что поможет. Тут ведь как; одного укокошишь, а на освободившееся место уже очередь таких же выстроилась. Замучаешься отстреливать. То же самое у нас: посадят какого либо мэра или губернатора за взятки, а его приемник, только пристроит зад в теплое еще кресло и уже возмущаться начинает, чего это мол ему не несут, вроде пора уже.

Может прав Ильич. Другим путем надо идти. Промышленность там развивать, железные дороги строить, народ из нищеты потихоньку вытаскивать, школы, институты технические открывать. Собственно делать то, что советская власть делала. Другого пути по большому счету у страны и нет. Мог ли поэтому пути царский режим пойти? Конечно же мог. Но для этого у руля должен быть такой деятель как Сталин Иосиф Виссарионович. Хотя нынешний царь Александр за номером три вовсе даже неплох. Поживи он еще лет пятнадцать, глядишь и проскочила бы Россия в нормальный капитализм. Может как-то пробиться к нему с Савватеевной да подлечить самодержца с помощью приборчика. Подлечить не проблема, только кто допустит до царского тела, прибьют ведь по дороге.

А может ну их всех куда подальше, денюшку срубить да смыться в Америку. Заманчиво

конечно, но куда я дену тех к кому уже прикипел душой: деда, друзей, родню многочисленную, ту же знахарку, Катюку Балашову — сплетницу малолетнюю, Кабая с котом Васькой, да мало ли еще что. Нет, не смоюсь! Буду и отстреливать, и развивать, и строить, и учить, и лечить. Все буду делать. Как это: «Делай, что должно и будь, что будет». Посыл верный, только без денежек хрен, что сделаешь. Поэтому и еду золотишка добыть. Как говорил Папандопуло «Золотой запас нужен. А если золотого запаса нема, то от такого атамана все разбегутся».

На этом размышлизме меня немного переклинило. Если это другой мир, то и история здесь должна идти совсем по другому и люди ее творящие должны быть другими. А тут и цари те же, что и в мире Алексея Щербакова и Пушкин вот присутствует. Правда убийцу своего в этом мире Алесандр Сергеевич всетаки пригнобил, что несомненно радует. Но как быть с другими событиями и персонажами. Может совершенно зря Савватеевне хвастался, что могу предсказывать будущее. Может это будущее здесь совершенно по другому пойдет. И все мои знания и яйца выеденного не стоят. А я тут раздухарился не по делу, ватиканским попам чёрти что напредсказывал, да еще и пригрозил.

Так, что там я им напрозорил из ближайшего будущего? Самое ближайшее это смерть крон-принца австрийского. Когда это произойдет? А может уже произошло и я не предсказывал, а так сказать, констатировал это печальное событие. Вот же блин-блинский! Угораздило же меня попасть в тело мальчика из глухой сибирской деревни. Нет бы как нормальному попаденцу вселиться в тело какого либо великого князя, чтобы не с самой глубокой задницы выныривать. Да и об историю этого мира великие князья наверняка осведомлены в гораздо большей степени, чем все жители села Сосновка вместе взятые.

Но как говорится за неимением графини будем пользоваться кухаркой, надеясь, что оная кухарка будет в конце концов управлять государством. А почему нет-то, чем кухарка хуже гинеколога, что целым евросоюзом рулит, на мой взгляд так и лучше. По крайней мере может вполне профессионально такую кашу заварить, что всем миром хрен расхлебаешь.

Что это дед с дороги свернул? Неужели на ночевку останавливаемся. Точно! Смотри-ка, не заметил за размышлениями, как вечер наступил. Значит, сегодня до Спасска не доедем. Да и черт с ним! Куда нам торопиться, успеем. А сейчас привычные уже хлопоты по устройству ночлега на природе.

На следующий день, ближе к полдню, доехали до Спасска, но заезжать не стали. Обогнули поселок по натоптоной тропе и двинули дальше, никем не замеченные. Нам огласка не к чему, ибо то чем мы намерены заняться, деяние сплошь не законное и подсудное. Россия не Америка и золотишко здесь искать и добывать можно только с разрешения Горных управлений, да еще поставив в известность местную полицию. В принципе разрешение получить можно было бы, но территория, где мы собрались искать золото, лежала за пределами Алтайского горного округа и Горное управление находилось в Томске. В Томск нам не по пути. Есть ли представительство горного управления в Спасске, дед не знал. Поэтому решили не рисковать и паспорта наши, которые выдал нам Аким Силантьев старались лишней раз не светить.

На примере золотодобычи, еще раз убедился, что Россией управляют идиоты, которые вместо того чтобы разрешить добывать золото всем кому не лень и скупать его у старателей хотя бы даже по два рубля за золотник, соорудили столько запретов и препон, что законно добывать и реализовывать золото стало выгодно только крупным золотопромышленникам, да те часто разорались. Ведь добытое сибирское золото нужно было за свой счет доставить в

Томск, Тобольск или Екатеринбург, там получить бумажку, именуемую «горной ассигновкой», по которой, в лучшем случае, через полгода тебе выдадут деньги в золотых монетах или в золотых слитках, если конечно ты того пожелаешь. Утаивать от государства золото чревато конфискацией намытого металла, штрафом, или отсидкой. Но как сказал один из самых глубоких российских мыслителей: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Так и здесь старатели одиночки или небольшие артели не заморачивались получением лицензии на добычу и тихонько мыли золотишко в укромных местах и сбывали его перекупщикам, а те зачастую гнали его в Китай.

Разумеется горная полиция и приданные ей казаки иногда вылавливали таких золотодобытчиков, но наказания были простые: золотишко отбирали, большей частью в свою пользу, старателей награждали пинками да колотушками и отпускали до следующего раза. Перекупщиков ловили только тех, кто нагло не делился с начальством. И, похоже, всех это устраивало, ну кроме редких правдолюбов, которые по большому счету ничего добиться не могли.

Мы с дедом не были ни правдолюбам, ни, упаси бог, революционерами и нарушать, установившийся в этом деле порядок, нисколько не желали. А потому двигались к вожделенному месту залегания ценного металла тихо, стараясь никого и ничего не потревожить. Дед уверенно вел нас Архипкой какими-то таежными тропами, речки и многочисленные ручьи преодолевали вброд. Даже довольно крупная река Кондома, которую дед называл Кондобой, серьезным препятствием для нас не стала. Нашелся брод, по которому хотя и с трудом, но перебрались на ту сторону.

Я, по прежнему, тащился в арьергарде полагаясь на умный транспорт, который оказанное доверие полностью оправдывал. Вперед не лез, но и не отставал, давая мне возможность поразмышлять над последними событиями.

Пожалуй зря я раскрылся перед ватиканскими попами. Хрен их знает, какие завязки у них во властных российских структурах. Наведут на меня каких либо прикормленных чиновников, да и сделают с их помощью мне атата по попке. И что на меня тогда нашло? На кой ляд я вообще им письмо писал? Эйфория накатила от того, что этим пидорам по сусалам настучал? «А ведь не плохо получилось», засмеялся я, вспомнив великую битву в убогой халупе на самом краю географии. Да и денежку на развитие совместного с Жабиным бизнеса с них слупил. Не без помощи ведуньи, но все же деяние можно сказать эпическое.

И с Жабиным забавно получилось. Не решился Федор Иванович последовать моему совету. Семейное земноводное шею ему перехватило и только полторы тысячи рубликов, что я внес в дело спекуляции зерном во время тотального голода, подвигло его оторвать персональную жабу от горла и возглавить предприятие. В помощь ему удалось пристроить Кузьму Щербаченку с племянником Митькой. Не фиг Митьке кувалдой махать, пусть торговать учится. Дед был не доволен, но исподволь, тихой сапой, удалось убедить его дать добро на сей маневр. Помогла знахарка. Уж не знаю, что она говорила ему, но результат на лицо, будут у нас Кузьма с Митькой купцами.

Жабину сказал, чтобы не торопился продавать зерно по дешевке. Отдал ему письмо-рекомендацию, написанное знахаркой братьям. По моей просьбе она еще в марте с ними связалась и договорилась насчет аренды их амбаров. Точит меня сомнение в благополучном исходе авантюры со спекуляцией зерном, не получают в этом год огромной прибыли, но и в убытке, скорее всего, не останутся. Главное, опыт приобретут, а на следующий год постараемся утроить капитал.

Надо из крестьян в купцы перебираться, а то недавно с изумлением узнал, крестьян могут запросто выпороть за малое прегрешение и на вполне законных основаниях. На фиг, на фиг! Лучше денежку отдать и перейти в сословие, которое пороть нельзя. Хотя черт его знает, может и купцов тоже пороть полагается. Если так, то спасать такую систему и не стоит. Сметет ее через тридцать лет революция, туда ей и дорога. А либеральных плакальщиков о судьбе элиты царской России сюда нужно переправить, да посечь за либеральные взгляды. Враз в мозгах революционный переворот случится. Пожалуй тогда и Веру Засулич, которая градоначальнику Трепову прямо в его кабинете в пузо из револьвера шамальнула, за то что он приказал в тюрьме какого то арестанта выпороть, они будут оправдывать вслед за судом присяжных.

Представив, как жандармы, разложив на козлах упитанные либеральные тушки, по отечески секут светлоликих и рукопожатных, впал в умиленное состояние от столь пасторальной картины и прозевал очередную ветку, которая хлестнула меня по морде. Вот блин! Чуть глаза не выстебал. Пора, однако, завязывать с воспоминаниями и размышлизмами. За дорогой следить надо, а то на этих узких таежных тропинках и зрения лишиться можно.

Блин! Местные реалии в тоску вгоняют; всего двести километров, а тащимся уже почти неделю. Поплутали правда, пока не встретили узкоглазого аборигена, у которого после долгих разговоров узнали в конце концов, как проехать на речку Кичи. Дед с ним беседовал. Как они понимали друг друга, то «сие тайна великая есть». Но как-то определились. И вот второй день чапаем рядом с извинаящейся речкой. Останавливаемся возле каждого ручья впадающего в Кичи и я пытаюсь определиться, но пока безрезультатно. Наконец, найдя приличную полянку, останавливаемся на ночлег. Я несколько расстроился и впал в небольшую панику. Но дед был на удивление спокоен:

— Ниче! Теперь не заплутаем. Отыщем твою Аптазу, летна боль.

После того как кони были ухожены, ужин съеден, Архипка вдруг пристал ко мне с расспросами:

— Немтырь! Расскажи про самолеты.

— Рассказывал уже и картинки рисовал. Что тебе еще-то.

— Я вот про них все думаю, а понять не могу. — Чешет затылок Архипка, видно зацепила пацана эта тема. Мне разговаривать неохота и я лениво спрашиваю:

— Что тебе непонятно?

— Ну это, почему он летит-то, ведь крыльями не машет. Вон птица, когда летит крыльями махать должна. А у самолета, что ты рисовал еще и крылья двойные. Такими фиг помашешь.

Я натурально прибалдел. Биплан тогда рисовал, прикидывал, как сделать первый самолет и не гробануться на нем. Читал где-то, что «кукурузник» был очень надежной машиной, мог сесть с выключенным двигателем. Ну и крылья между собой можно укрепить стойками да растяжками. При нынешних технологиях и материалах однокрылая конструкция, мне доверия совсем не внушала. Сложатся крылышки и «пишите письма»! А оно вон как. Выходит Архипка морщил мозг и напрягал извилины и ни как понять не мог, за счет чего же я собираюсь летать. Дед тоже не остался равнодушен, заинтересованно поглядывает.

— Птицы не всегда машут крыльями когда летают. Орла возьми, который в высоких горах живет. Он со скалы прыгает, летит и крыльями не машет. Если найдет восходящий

поток воздуха, может долго так летать.

— Какой такой «восходящий поток»?

— Ты пашню весной в жаркий день видел?

— Ну видел.

— А видел марево над пашней? Вот это и есть восходящий поток. Вспаханное поле черное, его солнце сильнее нагревает, чем, скажем, лес. Воздух над пашней тоже нагревается и поднимается вверх, ну как дым из трубы. А в горах еще проще. Там ветер в скалы бьет и вверх подымается. Вот тебе и восходящий поток. Орел ищет такой поток. Поднимающийся воздух его в крылья бьет и поднимает еще выше, поэтому он и летает кругами, сил почти не тратя. Ну а самолет взлетает и летит с помощью воздушного винта. Вот такого.

Я вытащил нож, быстро выстругал из ветки винт и показал его Архипке. Потом проковырял в центре винта дырочку, вбил туда небольшой прутик и крутанул в ладонях. Немудрящая конструкция взлетела метра на три вверх и упала рядом с костром. Архипка схватил игрушку со словами:

— Дай-ка мне! — Стал запускать винт в небо. Игрался, пока не обломил прутик. Но и потом винт не выбросил, а спрятал его в карман куртки.

Я смотрел на него и матерился. Блин ну почему я такой тупой. Ведь это же почти готовая игрушка, которая будет наверняка иметь спрос. Достаточно сделать полую ручку, куда вставить ножку винта и раскручивать его с помощью веревочки. Нормально отбалансированный винт будет взлетать высоко. Подать идею Жабинку, пусть организует мастерскую. При самой примитивной механизации два три человека наделают таких игрушек дофига и больше. Правда если будет спрос, то ушлые конкуренты быстро перехватят идею и завалят рынок подобной ерундой. Ну так надо выбрасывать на продажу новинки достаточно большими партиями и расширять географию. Ладно, надо все это обдумать на свежую голову. А пока отбой, завтра вставать рано, будем искать речку по имени «Аптаза».

На следующий день двигаемся не спеша. И вновь становимся возле каждого ручья впадающего в речку Кичи. Останавливаемся и пытаемся определиться. Но все не то. Ближе к полудню доехали до небольшой но и не слишком маленькой речки. Я пытался разглядеть в окружаемом пейзаже старика с бородой, но ни как не мог найти точку, с которой в той жизни смотрел. Выручил Архипка, он побегал туда сюда и крикнул:

— Немтырь! Иди сюда. — Я подошел. — Смотри вон туда. — указал пальцем Архипка. — Видишь?

Я посмотрел в указанном направлении. Потом прошел в одну сторону, в другую и, как говорится, пазл сложился. Доехали!

— Молодец Архипка! — ткнул кулаком в бок друга и мы запрыгали от избытка чувств.

— Эта что ли твоя Аптаза? — Дед с ухмылкой смотрел на нас.

— Она, тятя! Давай перебираться на ту сторону.

— Погодь, летна боль! Не мельтеши. Речка, в этом месте хоть и узкая, но глубокая. Брод искать надо. Поедем вперед, а если вблизи не найдем то назад на версты полторы вернемся. Видел я там брод.

С дедом спорить себе дороже. Проехали вперед почти до следующего распадка и, наконец, вот он брод. Перебрались на другой берег и по нему вернулись снова к «Аптазе». Пришлось и ее переходить. На левый берег перебираться, поскольку хорошо помнил, что заброшенный прииск был на левом берегу речки моего, (или не моего, а тогда чьего?) детства. Да и не проехать было по правому берегу, пешком хрен пройдешь, а не то, что с

лошадьми. Весь склон был завален упавшими деревьями с проросшими сквозь завалы кустами и молодыми деревцами. За то левый берег был более менее чист и вполне проходим.

Проехали вверх по течению километра три до ручья, который впадал в «Аптазу». Следов, какой либо человеческой деятельности, не обнаружили. Слава богу, мы здесь первые. Вспомнил, что прииск был ниже ручья метров на триста. Сказал об этом деду. Тот покрутил головой, осматриваясь, и согласился вернуться немного назад. Найдя подходящее место, стали устраиваться на ночь.

Глава пятнадцатая

На следующий день подскочили с Архипкой ни свет ни заря, готовые рыть землю и искать золото. Но после завтрака дед загасил наш порыв:

— Пилу возьмите и вон от той валежины отпилите вот таких две чурки. — Он топором обрубил ветку длиной сантиметров восемьдесят и вручил мне в качестве мерительного инструмента.

Делать нечего, пришлось нам тащиться к вывороченному ветром кедру и пилить. Дед стал вырубать ручки для лопат, кайла и тяпок. Когда мы, пыхтя и ругаясь, прикатали первую чурку, лопаты и прочий инструмент, белели свежесчищенными крепкими ручками.

— Молодцы, летна боль! Давайте еще одну отпилите.

Мы вернулись пилить, а дед снова застучал топором. Пока мы пилили кедр, дед успел из чурки вырубить контур старательского лотка. Закончив работу и подкатив еще одну чурку мы сели передохнуть:

— Никак запыхались, летна боль. Нечего расслаживаться. Архипка топор бери и вырубай вторую заготовку. А ты Ляксей, вон там где я отметил, яму-шурф начинай копать.

Ну, копать так копать. Я взял лопату пошел рыть первый шурф. Снял аккуратно довольно толстый дерновый слой и отнес в сторону. Вдруг закапывать яму придется, вот и замаскируем. Под дерновым слоем, почти на лопату был чернозем, а потом пошла глина с песком и мелкими камешками. Видимо, в незапамятные времена здесь было русло реки, которое постепенно смещалось на восток, пока не уперлась в каменный склон.

Копая уже, наверное часа два, но ушел не слишком глубоко. Грунт был плотным, слежавшимся и лопате поддавался с трудом. Верхонок у меня нет и, хотя ладони у меня были достаточно загрубелыми, но помногу копать не приходилось, поэтому достаточно быстро набил мозоль на левой ладошке. Не обращая внимания на эти мелкие неудобства, роюсь как крот и рассматриваю почти каждый камешек, ожидая, что тот блеснет желтым боком. Пока вожделенного блеска не углядел, но не надежды и оптимизма не теряю.

Устал и присел отдохнуть минуту другую. Дед подошел со спины со словами:

— Что-то плохо у тебя подается. Летна боль! — И протягивает мне свежесчищенный старательский лоток. — На ко вот промой пробу.

Блин! Все-таки дед — монстр. Это как надо работать, чтобы одним топором, за такой короткий промежуток времени, вырубить и выстрогать лоток. Мне этими инструментами и за три дня такой не сделать.

Заметил странную вещь. Люди в этом времени живут и даже двигаются немного в замедленном темпе. И не только деревенские, но и приезжие итальянские европейцы, ничем в этом отношении от моих земляков не отличаются. Может быть поэтому мне и удалось настучать им по физиям. Медлительны то они медлительны, но вот работают гораздо быстрее, чем их потомки. Видел как сосед, Мякишев Охрим, старшему сыну дом строил. Правда были их четыре жлоба, но избу они сгондобили недели за две вместе с крышей и крыльцом, правда, печь делали дольше. И ведь не торопились, не авралили почем зря, а работали спокойно и привычно. Вот такие дела. Но довольно растекаться мыслию по древу. Надо добывать золотой песок.

Промыл грунт из шурфа и только в среднем слое обнаружилось несколько чуть заметных желтых песчинок. Показал их деду. Тот указал место следующего шурфа выше по

течению шагов на сорок. Все повторилось один к одному. Хотел продолжать, но наступил вечер и пришлось прервать поиски.

Следующий день не порадовал нас находками. Копали шурфы промывали и получили ничтожный результат: десяток желтых песчинок, суммарный вес которых не достигал и одного грамма. Нетерпеливому Архипке это надоело и он, ближе к вечеру, отпросился поохотиться на рябчиков. Получив разрешение и свистнув Кабаю, пошел вдоль речки, вверх по течению. Кабай радостно побежал впереди. Мы же с дедом стали готовиться к ночлегу. Я набрал воды в котелок и повесил его на палке и развел под ним костер. Дед тем временем занимался лошадьми, которые оказывается нуждались в ежедневном уходе, независимо от того ездили на них или нет.

Ужин еще не был готов, когда прибежал Кабай и устроился неподалеку от костра, и стал терпеливо дожидаться своей порции. Следом за псом из кустов вывалился Архипка. Он слегка запыхался и вид имел какой-то встрепанный.

— Ты это чего? Медведь за тобой гонится что ли? — спросил я дружка.

Тот махнул рукой полез в карман и вытащил из него что-то.

— Вот! Нашел! — Прохрипел он, протягивая руку. На грязной ладошке блестели три небольших самородка.

Дед подошел взял у него с ладони тяжелые кусочки вожделенного желтого металла, покрутил в руках и уставился на Архипку, требуя разъяснений.

— Дошел до ручья, а там Кабай по кустам уже лазает какую то зверушку гоняет. Я хотел посмотреть кого он там прижучил, а на берегу что-то блеснуло. Пошел глянуть, что такое блестит. А там, где ручей в речку впадает, берег подмыло и он обвалился. Смотрю на кучке глины сверху вот этот лежит. — Архипка показал на самый маленький самородок весом граммов в десять. — Я в кучке порылся нашел вот этот. — Он указал на пятидесятиграммовый самородок. — А этот прямо в воде лежал.

— Ишь глазастый какой, летна боль. Молодец Архипка! А ты говорил, что ручей выше прииска. — Обратился дед ко мне.

— Прекрасно помню, что он был выше по течению Аптазы. Но это когда было. Горы видимо постоянно потряхивает, вот и меняют родники русла.

— Ладно! Давайте вечерять. Завтра с утра покажешь, где золотишко сыскал. — Обратился дед к Архипке. — А сейчас иди руки помой. Летна боль!

Архипка порывался еще что-то сказать, но лишь шмыгнув носом и отправился к реке отмывать, измазанные в глине, руки.

Наутро, сжевав несколько сухарей и выпив чаю с сахаром, который дед откалывал от большого куска обушком своего ножа и скудными порциями выдавал нам с Архипкой. Но сегодня мы не обратили на это никакого внимания, так велико было желание добраться наконец до золотых россыпей.

Добрались! Но золотых россыпей пока не обнаружили. В месте, где Архипка нашел самородки взяли несколько проб. При каждом промыве в лотках оставалось до грамма золотых песчинок, да попались четыре крохотных самородка общим весом в граммов пять. После обеда стали брать пробы ниже по течению. Все те же песчинки. Сели передохнуть и подумать с дедом, где же та жила может залегать? Неугомонный Архипка опять куда то смылся. Дед почесав бороду и затылок выдал:

— Надо, летна боль, выше ручья попробовать.

Надо так надо. Захватив лопаты с тяпками, лотки пошли брать пробы выше ручья.

— Немтырь, дядька Софрон идите сюда. Скорее! — Раздался Архипкин крик. Побросав инструмент и лотки, мы ринулись на голос. Выскочив из-за кустов, увидели живого и здорового Архипку, который приплясывал от нетерпения, ожидая нас.

— Вот смотрите. — Он указал пальцем в сторону реки. Подойдя поближе мы увидели .... Нет не золотые самородки устилающие дно реки. Увы! На песчаной отмели, образовавшейся после спада воды, выглядывала из песка пара желтых камешков.

— Никак нашли жилу то. Летна боль! — Прокомментировал дед выковыривая самородки и разгребши песок в основании небольшого берегового обрыва вытащил еще пару желтых увесистых камешков. — Тащите сюда лотки. — Скомандовал он.

Мы бегом бросились к брошенному инструменту и мигом притаранили его к деду. Тот наполнил лоток тут же взятым грунтом и начал промывать. Мы затаив дыхание следили за его манипуляциями. Наконец смыл последний песок дед показал нам пару небольших самородков и довольно много желтых песчинок.

— Архипка ты гений. — Завопил я и, схватив друга за руки, запрыгал вместе с ним от избытка чувств. Дед некоторое время смотрел на нас давая выплеснуть радостные эмоции и, наконец, сказал:

— Будя. Ишь расказакались, что твои козлы! Летна боль. Архипка бери второй лоток. А ты, Ляксей принеси запасной котелок. Золотишко ссыпать туда будем. Потом сворачивай стоянку и сюда все тарань, лошадей тож веди.

Получив четкие указания мы с энтузиазмом кинулись их выполнять. Архипка схватив лоток и лопату кротом зарылся в песок. Я бегом помчался к оставленному лагерю. Там побыстрому отыскал запасной котелок и так же бегом вернулся. На большом листе лопуха красовалась небольшая горка золотого песка. Отдельно лежали несколько самородков.

— Ух ты как много! — В восторге воскликнул я.

— Не слишком радуйся. — Обломал меня дед. — Это паводком размыло жилу. Пустую породу вода унесла. Остались золотишко, песок да камни. Когда эту косу промоем, придется берег копать, а там чуть ли не сажень пустой землицы нужно снять, чтобы до жилы добраться. Накопаемся вдосталь, летна боль.

— Все равно уже поездку оправдали. С полкилограмма золота уже добыли, а впереди еще все лето.

— Не знаю, что за килограммы твои, а чуть поболее фунта накопили. Ладно, давай барахло сюда перетаскивай. — Оставил дед за собой последнее слово.

Я не спеша потопал к лагерю паковать раскиданное имущество и грузить его на лошадей. Провозился часа два. Наконец упаковав все, закинул тюки на безропотных лошадок, привязал их длинной веревкой друг к другу цепочкой и повел караван на новое место, прямо к ручью. Там пришлось заново обустроить лагерь и готовить ужин.

Наутро мы с Архипкой ринулись было промывать золотой песок, но дед нас притормозил. Пришлось сначала отпилить два бревна длиной метра по три, а потом городить запруду на ручье. Сначала мы с Архипкой вкопали поперек ручья довольно толстую жердь. Потом нарубив кольев, стали их вбивать в дно ручья так, чтобы жердь придерживала верхние концы вбитых кольев. Затем отступив вверх по течению с полметра вбили второй ряд кольев, также зафиксировав их верхние концы вкопанной поперек жердью. Потом стали таскать камни и забивать ими пространство между двумя рядами кольев. Когда закончили, то получилась вполне нормальная плотина и вода в ручье стала подниматься.

Пока мы возились с запрудой, дед сделал из спиленных бревен трех метровый желоб с

поперечными вставками, видимо для задержания золотых песчинок и с нашей помощью установил его у запруды наклонно, ближе к золотоносной косе. Желоб, а дед обозвал его колодой, был снабжен заслонкой перекрывающей воду. Открыв заслонку и, посмотрев как по желобу идет вода, дед увеличил наклон.

— Тащите песок с косы. Испытаем колоду. — Отдал он приказ.

До косы было шагов пятнадцать и мы быстро натаскали песку и камешков до бортов. Дед открыл заслонку и вода хлынула в желоб смывая песок и глину. Дед ворошил тяпкой эту смесь, помогая воде. Наконец вода смыла всю муть и в основании поперечинок, среди задержавшегося песка выглядывали многочисленные желтые пылинки и блестели желтыми боками несколько маленьких самородков. Дед выбросил из желоба оставшиеся камни, тщательно их перебирая и кажется даже взвешивая в руке, один показавшемся ему подозрительным он обстучал обушком ножа, пояснив:

— Иногда самородок бывает коркой покрыт. Так. Что глядите и особо тяжелые камни проверяйте. Летна боль!

Потом собрал самородки, вытащил попереченки и поливая из ведра водой смел, заранее заготовленным, гусяным крылом песок и золотую пыль в лоток. Поставил попереченки на место и стал в лотке промывать песок. Наконец осторожно смыв последние песчинки вытряхнул маленькую кучку желтой пыли на заранее приготовленную холстинку:

— Ну вот! Колода то всяко лучше чем с лотками возюкаться, летна боль. Ладно! Дело к вечеру давайте ужин готовить да спать ложиться. А уж завтра будем золотишко добывать.

На следующие утро началась настоящая работа. Мы с Архипкой таскали грунт с косы на куске старого полотна, а дед промывал и с каждым промывом кучка золотого песка понемногу увеличивалась, да и небольшие самородки иногда оказывались в «колоде». Носить таким образом песок и камни было неудобно и я сказал деду:

— Тятя давай тачку сделаем. Куда ловчее песок до колоды возить на тачке, чем так таскать.

Дед удивленно на меня глянул, почесал бороду и выдал:

— Тьфу! Что-то я совсем оплохел. Про тачку то и не вспомнил. Бросайте-ка ерундой заниматься, берите пилу и валите вон ту осину. — Указал на он на осину, ствол которой имел почти идеально круглую форму и в диаметре был сантиметров тридцать пять. — Колесо из нее сделаем, ну и на саму тачку стодится.

Оставшееся до вечера время делали тачку. Вернее делали ее дед с Архипкой, а я тесал доски, по которым эту тачку мы будем возить. Мне было интересно, как дед намеревается сделать отверстие в центре колеса под ось. При отсутствие сверла и коловорота задача казалась мне трудноразрешимой. Но дед и тут меня обломал. Он покопался в тюке с инструментом и вытащил оттуда кованый пруток миллиметров двадцать в диаметре и длиной миллиметров триста. Нагрел в костре один конец и прожег колесо по центру, а потом загнал в плученное отверстие этот пруток в качестве оси. Выходит он заранее озаботился осью для тачки, но забыл за хлопотами.

К ужину тачка была готова и даже опробована. Тяжеловато конечно, но теперь с промывкой золотого песка вполне справлялись мы с Архипкой. Я возил грунт, а Архипка промывал его в «колоде». Потом мы менялись местами. Деду досталась самая важная часть работы: окончательная промывка полученного шлиха. За две недели мы перетаскали и промыли весь золотоносный песок речной косы. Пробы взятые разных местах и на разных глубинах в районе бывшей косы ничего не дали. Пришлось вгрызаться в берег. Как и

предсказывал дед выход золота уменьшился раза в полтора, работать приходилось чуть ли вдвое больше. На наши жалобы дед ответил конкретно и по делу.

— А как вы хотели, летна боль. Иной раз мантулишь целый день, а намоешь не больше золотника. Нам свезло. С косы подняли фунтов одиннадцать. Это очень много. Так что не гневите бога и молитесь, чтоб жила не пошла в глубь, вот тогда намаемся, пока же золотишко можно сказать само идет нам в руки. А работать вам полезно.

Дед как всегда был прав. Хотя мы и вкальвали как стахановцы, но и не надрывались. Дед за этим следил. Он готовил немудрящую, но сытную жратву и мы ели, как говорится, от пуза. Несколько раз с Архипкой ходили на речку Кичи — рыбачить. И надо сказать вполне успешно. Не хилые хариусы кидались из за камней на самодельную мушку и мы притаскивали на обед до десятка этих вкусных рыб. Я спросил деда про тайменя. Тот, почесав бороду, ответил:

— Тайменя захотел. Вряд ли в той речке водятся таймени. В Кондобе таймени есть, а здесь не знаю. Хотя попробуйте в следующий раз на глубоком месте на живца порыбачить, может чего и поймаете.

Мы попробовали и поймали две вполне зачетные щучки, но таймень не клюнул. Один раз целый день провалялись в палатке, поскольку весь день шел мелкий, очень противный дождь и не было никакого желания мокнуть под ним, хотя дед озаботился при отъезде, и мы захватили с собой сменную одежду.

Больше месяца мы вгрызаемся в берег. Нашлась работа и кайлу. Слежавшийся грунт состоящий из песка глины и небольших камней плохо поддавался нашим усилиям и выход золота уменьшился втрое, но дед такое положение счел вполне приемлемым и уверял нас, что мы напали на очень богатую жилу и вполне к октябрю, если ничего не изменится, можем накопать до пуда золотишка.

Дни наши проходят однообразно. Вкальваем часов по восемь не разгибаясь, иногда ходим пострелять рябчиков, но чаще на рыбалку. Архипка оказался хлопцем очень везучим и поймал таки тайменя. Небольшого, но и не маленького — килограмма два весом. Но даже такого вытащить на берег оказалось не так легко. Таймень отчаянно сопротивлялся, повышая уровень адреналина не только у счастливого Архипки, но и у меня, стоящего по пояс в воде и готового схватить вожаделенную добычу, лишь только удачливый рыбак подведет её поближе ко мне. В конце концов так и случилось. Я обеими руками ухватил рыбину и выбросил ее на берег. На берегу таймень оборвал леску и запрыгал, норовя вернуться в родную стихию. Но Архипка не зевал и как лев бросился на рыбину, прижал к земле и ловко схватил за жабры. Поплясав и поорав от радости мы двинулись к лагерю. Впереди гордо шествовал Архипка, я следом тащил снасти и арбалеты без которых, мы никуда от лагеря не уходили.

После поимки тайменя удача не покинула Архипку. Через три дня после памятной рыбалки, когда я кайлом долбил неподатливый золотоносный слой, от «колоды», где Архипка промывал очередную порцию песка и глины, раздался вопль. Бросив кайло я кинулся к другу, который, приплясывая, вопил как бегемот и размахивал чем-то зажатым в правой руке. Увидев меня, он закричал:

— Гляди Немтырь, что я нашел! — И протянул мне большой самородок. Я взял находку в руки и прикинул вес:

— Пожалуй с килограмм будет. Пойдем тятя покажем.

Мы бегом рванули в лагерь, где дед готовил обед.

— Тятя смотри, что Архипка намыл. — Подал самородок деду. Тот осторожно взял его,

повертел в руках:

— Ишь ты, летна боль! Фунта на два потянет. Нутко идем посмотрим, что там еще есть.

Подойдя к «колоде» дед придиричиво осмотрел лежащие в желобе камни, выбросил их и открыл затвор, смывая оставшиеся песок и глину. Открывшаяся взору картина не могла не радовать. Зарывшись желтыми боками в оставшийся песок, лежали пять самородков общим весом граммов тридцать и блестели многочисленные золотые песчинки. Когда дед окончательно промыл все это добро в лотке и высыпал на холстинку оказалось, что «золотого запаса» у нас прибавилось, если не считать большой самородок еще граммов пятьдесят. Дед подтвердил мою догадку:

— Золотников десять-двенадцать будет. — И, глядя на Архипку, неожиданно сказал: — Ты паря теперь пасись, работай сторожко. Уж больно сильно тебе везет. Как бы не случилось чего.

Архипка, как и всякий мальчишка его возраста не слишком внимал нудным поучениям стариков. И как оказалось, совершенно напрасно. Через день, когда была его очередь подрывать берег, он увлекся и вырыл целую нору. Пытаясь, достать очередной камень он расшатывал его левой рукой, время от времени шуруя лопатой. В очередной раз, пытаясь расшатать неподатливый камень, получил по руке довольно большим булыжником упавшим сверху, и едва успел убрать голову из норы как обрушился свод.

Похоже, на этот раз Архипка израсходовал все свое везение отпущенное ему судьбой на это лето. Рука у него болела и скорее всего это был перелом. Если и не перелом, то наверняка трещина. Я приложил ему к руке две выструганные из толстой ветки дощечки и, порвав на бинты одну из рубаш, перебинтовал поврежденную конечность. Отрезав от той же рубашки изрядный кусок в виде косынки, повесил раненую руку другу на шею.

— Так, Архипка постарайся больной рукой не двигать. — И спросил наблюдавшего за мной деда. — Тятя, что будем делать?

Тот помолчал, укоризненно глядя на бледного мальчишку, и наконец выдал:

— Домой собираться будем. Летна боль!

— Нет тятя. Архипку надо как можно быстрее к Бабе Ходоре доставить. Она полечит, а то мало ли что. Поэтому вы прямо сейчас с Архипкой о двуконь езжайте как можно быстрее. Ну а мы с Кабаем подождем с недельку. За неделю, я думаю, ты всяко обернешься. Заодно и припасов привезешь, ну и новостей из Сосновки не мешаает узнать.

— А ты как же тут один?

— Во первых не один, а с Кабаем. Во вторых не такой я уж маленький и беспомощный. Ну ты, тятя, понял о чем я. Винчестер только мне оставьте.

— Ладно! Будь по твоему, летна боль. — После некоторого раздумья согласился дед. И стал собираться в дорогу.

— Да не расстраивайся ты так. — Сказал я дружку. — Ты там с Антохой и Платошкой займитесь и еще пацанов кто по умнее и надежнее привлечите. Я думаю, на будущее лето мы сюда на законном основании целой артелью приедем.

— А ты не боишься здесь один остаться?

— Боюсь, но не слишком. Побаиваюсь немного, но как говорят умные люди: «Что нас не убивает, то делает нас сильнее». Вот и я может посильнее стану.

Деду понадобилось полчаса, чтобы собраться. Он взял с собой половину добытого золота, вторую мы с ним спрятали в укромном месте. Я проводил небольшой караван до ближайшего поворота, помахал им вслед и остался один. Ну не совсем один — Кабай со

мной. Но Кабай несмотря на весь свой ум все таки не человек, с ним не поговоришь. Нет, поговорить конечно можно; некоторые вон с богом разговаривают, а особо одаренными бог и отвечает, но Кабай всего лишь пес, и ответить на вопрос вряд ли сможет, зато не предаст и защитит по мере своих собачьих сил.

Я потрепал своего собачьего защитника по холке и мы потопали обратно в лагерь. Там я приготовил уху из пойманной вчера рыбы. Поделил ее, по братски, с Кабаем и сел на дедовский чурбак, на котором тот любил в свободное время посидеть. Однако в отличии от деда, который никогда не сидел просто так, а всегда чтонибудь да делал, и не важно чинил ли одежду, точил нож или топор, чистил свой револьвер, руки его всегда были заняты какой либо работой, я сидел на его любимом месте и просто размышлял.

Поразмышлять было о чем. Проклятый русский вопрос «Что делать?» снова вставал передо мною в полный рост. Программа минимум была можно сказать выполнена; какую-никакую денежку заработали. Правда намытое золотишко еще надо пристроить, но, судя по уверенному дедовскому виду, это не будет для него неразрешимой проблемой. Какие-то ходы он наверняка знает. Теперь надо думать, где и как в разы приумножить капитал. На следующие три года это не проблема. Неурожай и продажа за рубеж зерна, крупными землевладельцами, ввергнут изрядную территорию Российской империи в нештучный голод, что даст нам возможность хорошенько приподняться. Ну если сопли жевать не будем конечно. А мы не будем! Будем же, как утята, интенсивно шевелить лапками под водой и в нужном направлении двигаться.

Я не для красного словца говорил Бабе Ходоре, то бишь Феодоре Савватеевне про миллион. Пожалуй миллиона будет мало даже для того, чтобы самолет с нормальным движком построить. Нет еще их, двигателей самолетных, даже велосипедных нет, не изобрели еще. Или уже изобрели? Блин! Как плохо попаденцу не знающему историю. Ну как тут прогресс двигать без денег и без знаний. А ведь пообещал, сдуру, другу Архипке первым пилотом его сделать. Хотя тут можно извернуться и дельтоплан сгондобить. Марьина горка должна хорошо подойти для первых опытов с полетами. Хорошо было бы все-таки мотор небольшой раздобыть. Сил этак на тридцать. Должен такой дельтоплан потянуть. Да где ж его взять? Самому сделать? Нет, на такой технический подвиг я не способен. А зачем самому то делать? Можно подкинуть идею какомунибудь энтузиасту, а лучше группе энтузиастов. То есть КБ сделать по двигателям, пусть изошряются. Принцип работы и схему мотора могу подсказать. Осталось лишь найти таковых.

Блин! «Кадры решают все!». Не знаю кто это сказал, но сказал по делу. Мало в России образованных людей, а образованных инженеров и того меньше. Писателей, поэтов, художников, а также юристов и философов вполне в достатке, а толковых инженеров, днем с огнем, не сыщешь. А тут еще царский министр образования циркуляром «о кухаркиных детях» разродился. Мол не нужно высшего образования детям не благородного сословия, пусть в реальные училища идут, профессию какуюнибудь получают.

Хотя как на этот циркуляр посмотреть. С одной стороны явная затычка на социальной лестнице для бедноты, а с другой, вроде из реальных училищ в высшие учебные заведения уже принимают на технические специальности. Если это так, то зря либеральная тусовка так возбудилась. Меньше всяких болтунов с гуманитарным образованием будет, а появится побольше реальных работников умеющих, что либо руками делать. Да и на заводах нужны грамотные рабочие. Если посмотреть с этой стороны на пресловутый циркуляр, то от него стране больше пользы, чем вреда.

Черт с ним с циркуляром этим. Пусть о нем болит голова у того, кого это задевает, а мне движок, что самолет поднять может, хочется поймать в ближайшие три-пять лет. Да и вообще завод авиационных двигателей в России строить надо, а то читал, что для русских самолетов двигатели из-за границы покупали. Ну завод — это на перспективу, мотор изобрести еще надо, хотя бы велосипедный для начала.

А что если в Барнауле инженеров поискать. Сереброплавильный завод там уже на ладан дышит, закروют скоро. А ведь на нем сейчас работают более-менее технически грамотные люди, да и какой то станочный парк при заводе должен иметься. Ремонтируют же они оборудование. Ползунов свой паровик не из деревяшки выпилил, значит уже тогда какие-то станки имелись. Ладно! Поеду зимой в Барнаул и постараюсь на месте определиться, а пока денежку ковать надо. Я поднялся с дедовского чурбака и пошел вкалывать.

Неделя в одиночестве пошла мне на пользу. Золотишка чуток нарыл и с планами на будущее немного определился. Не определился с одним — спасти мне Россию от бед революции или немного погодить. Ну не тяну я на спасителя, хотя и заявил в письме ватиканским попам о таком желании. Прикололся конечно. С другой стороны, а вдруг поверят мне в Ватикане. Я ведь в письме кой чего напредсказывал. Еще и про айфон написал. Вот хохма будет, если они разыщут у себя в запасниках телефончик какогонибудь бедняги попаденца. Вот блин! Чем я думал, когда прикалывался в письме, да еще и грозил. Ладно, сделанного не вернешь, проблемы будем решать по мере возникновения.

На восьмой день в полдень приехал дед. Кабай учуял его загодя, даже пару раз тихонечко гавкнул, предупреждая меня. Я, схватив винчестер, а револьвер был всегда при мне, спрятался в местечке, которое присмотрел на второй день после отъезда Архипки с дедом. Оттуда хорошо просматривалась вся полянка, где мы встали лагерем. Меня прикрывал небольшой бугорок и редкие кусты. Дед выехал к костру, ведя на поводу двух нагруженных лошадок, и завертел головой разыскивая меня:

— Ляксей! Вылазь давай, летна боль. Не прячься.

— Да не прячусь я. Кабай предупредил, что кто-то едет, вот я схоронился на всякий случай. — Вышел я к нему. — Ну давай рассказывай, что там у Архипки с рукой, да вообще что там дома твориться, а то я совсем одичал тут за неделю.

— Архипка твой жив-здоров. Савватеевна его подлечила, сказала, хорошо, что быстро до нее добрались. Мол, кость в руке у него треснула, ну и ушиб большой. Сказала — если он будет сполнять все, что она ему говорит, то седмицы через три забудет про ту трещину.

— Это хорошо! А как там дядька Кузьма с Митькой?

— Кузьма с Митькой и Федькой Жабиным еще вроде в Тюмень плывут на двух лодках. Ванька говорит: тыщ пятнадцать пудов хлебушка везут.

— А дядька Иван лесопилку то сделал?

— Сделал на речке в верстах тридцати от Бийска. Рядом деревня какая-то. Он говорил название, да я запомнил. Нанял трех местных мужиков, те уже досок напилили.

— Денег хватило?

— Не хватило. Пришлось дать пятьдесят рублей.

— Ишь ты! Есть значит у тебя денюшки.

— Есть маленько, летна боль. Чай не нищий. Ладно! Хватит болтать давай разгружаться, да лошадемок надо обиходить. Пусть отдыхают. Чуть не загнал их.

Разгрузились. Пока дед возился с лошадьми, я стал готовить обед из привезенных продуктов, особенно порадовали свежие огурчики. Подкрепившись, решили сегодня

передохнуть. Дед сел на свой чурбачок и стал рассказывать деревенские новости. Наскучав в одиночестве, я с удовольствием слушал нехитрые деревенские сплетни и отдыхал душой. Под вечер когда дед, рассказав все, приумолк, я спросил его:

— Тятя, золото куда девать будем?

— Ишь озаботился. Раньше надо было думать. — Дед ехидно ухмыльнулся. Потом сказал серьезно: — Не бойсь, летна боль, есть у Федьки Жабина знакомец, пристроим часть золотишка через него. Только это дешево будет; не больше двух рублей за золотник вырчим.

— А с остальным золотом что делать?

— Попробуем бумагу выправить на добычу. Артель соберем да будем здесь стараться. Добытое золотишко сдадим как положено по закону.

— А дадут бумагу крестьянину на промысел?

— Федька говорил, что ноне всем дают. Вроде указ какой-то вышел.

— Может в купеческое сословие тебе перейти. Ты подумай с Жабиным посоветуйся, разузнайте, что да как, а деньги на гильдейский взнос найдем.

— Да вроде особой нужды нет, но кто его знает, как дальше обернется. Может и вправду в купцы податься, летна боль. Поговорю с Федькой, он давно уже в купцы метит, да денег жалеет. А тут глядишь захапает деньжонок зерном торгуя, да заплатит взнос. Вроде не менее пятисот рублей в год платить надо.

— Ну в этом году вряд ли много наварят на хлебе, пока еще такого массового голода в европейских губерниях нет. Процентом пятьдесят-сто пожалуй поднимут, а вот на следующий год голод здорово прижмет, даже правительство озаботится, да и царь из своего кармана денежку отстегнет. Разворуют много, но деньги на закупку зерна у правительства найдутся. А зерно мы им привезем.

— Зачем же ты Федьку с понталыку сбил, если прибыль только в будущем году будет. Вот и надо было все на будущий год затевать.

— Прибыль какую-никакую все равно получают, зато на будущий год будет знать, что да как. Да и дядька Кузьма с Митькой все разузнают и на следующий сезон уже опытными купцами пойдут. Зерна побольше закупают, лодки быстрее сделают из готовых досок. Хорошо бы пароходишко какой-либо заиметь, тогда еще ловчее получится.

— А чего же сам не взялся хлебом торговать, раз все знаешь?

— Сам? А ты погляди на меня. Сильно я на купца похож? Кто же из серьезных людей дело будет иметь с четырнадцатилетним сопляком, а дядька Кузьма вполне подходит, не дурак и вид солидный имеет. Митька тож не изболел, пусть учится хорошие деньги зарабатывать, пригодится в жизни. А мы здесь не меньше поднимем, чем они там торговлей.

— Ишь ты, как все по полочкам разложил. — Дед неодобрительно посмотрел на меня и неожиданно спросил: — Архипке про самолеты не врал? А то запали твои бредни мальчонке в душу, всю дорогу меня распрашивал, а что я мог ему сказать, коль сам ничего не знаю. Сказал только, раз Ленька обещал так и будет.

— Будет ему самолет. Ты думаешь для чего я за денежки бьюсь. Ведь нормальному человеку много не надо. А вот чтобы самолет сделать, миллиона может и не хватить. Хотя дельтоплан или параплан можно и сейчас сделать, не так и дорого будет.

— Чего, чего делать собрался?

— А, тятя, не бери в голову. Домой приедем, начнем делать, там сам увидешь, да еще может и помогать будешь.

— Давай спать устраиваться, делальщик, завтра пораньше встанем. Дело к осени, надо

до дождей поработать хорошо.

На следующий день началась работа, нет не так, а РАБОТА. Дед — стахановец недоделанный, вкалывал как проклятый. Когда он таскал грунт на промывку, то я не успевал за ним его промывать и, наоборот, он промывал песок быстрее, чем я этот песок подтаскивал. Золото, правда, намыли, на мой взгляд, не так уж и много, но дед говорил, что жила богатая и грех жаловаться. Через две недели такой работы, я совсем выбился из сил и запросил деда сбавить обороты.

— Что, летна боль, силенок не хватает? Ладно, всего золото не добудем, давай сегодня, поработаем, завтра отдохнем. Ты вон на рыбалку сходи, а я одежду свою починять буду. Вон рубаху где то порвал, зашить надо.

Глава шестнадцатая

Собираясь порыбачить, я немного поколебался, что взять с собой: винчестер или арбалет. Выбрал арбалет, для винчестера осталось мало патронов, я ведь не выдержу и обязательно постреляю. Арбалетных болтов осталось с десяток, причем все с нормальным острым наконечником; тупые стрелки, которыми мы с Архипкой стреляли по рябчикам, давно кончились. Зарядив в магазин пять болтов, забросил арбалет на плечо. Вытащил из кобуры револьвер, убедился, что заряжен, сунул его назад в кобуру, которую еще перед поездкой сшил подражая киношным ковбоям. А что, вполне удобно и вытащить его можно довольно быстро, если потренироваться конечно. А мы с Архипкой тренировались, кто быстрее выхватит пукалку. К своему стыду должен признаться, что я проигрывал другу в трех раз из пяти. Вспомнив про дружка, вздохнул, взял удочку, и в сопровождении пса отправился рыбачить.

Привычное и прикормленное место было в километрах трех. Но для начала я прошел, чуть дальше и попробовал покидать мушку на перекате, но не удачно. Лишь один раз из-за камня выскочил хариус и пролетел мимо приманки. Потом, сколько я не бросал снасть, поклевки не было. Хотел пойти на омут, который находился ниже по течению, порыбачить на поплавочную удочку, но какое-то неясное чувство тревоги и подступающей опасности охватило меня. Нервно оглядевшись вокруг, ничего подозрительного не увидел. Более того, набегавшийся по округе пес мирно подремывал, положив тяжелую голову на лапы.

Еще раз огляделся и тут меня торкнуло. Дед! Деду грозит опасность! Бросив удочку, подхватил арбалет, свистнул Кабаю и припустил бегом. Метров за пятьсот до лагеря притормозил и перешел на шаг, успокаивая дыхание. Как оказалось, правильно сделал. Прошел еще метров двести и услышал какое-то позвякивание. Потихоньку раздвинул кусты и увидел привязанных лошадей. Одна из них мотала головой и что-то в ее сбруе звякало. Чуть в стороне и повыше обнаружился какой-то мелковатый и неопрятный тип. Вытянув худую морщинистую шею, смотрел в сторону нашей стоянки. «Оставили самого слабого лошадей сторожить» — пронеслось в голове. А почему не подъехали на лошадях? Врасплох хотели захватить? Скорее всего. А значит, ничего хорошего нам с дедом от этих визитеров ждать не следует.

И что теперь делать? Пристрелить? Да вроде пока не за что. Я взял Кабая за ошейник и мы тихонько стали подбираться поближе. В конце концов между нами и любопытным мужичком осталось метров десять открытого пространства и тот, по прежнему, нас не замечал. Я пожалел, что у меня нет тупых болтов, сейчас засадил бы чуть ниже нелепого колпака и чуть повыше шеи и привет. Убить бы не убил, а из сознания наверняка бы выбил. Не надеясь на свои способности диверсанта, шепнул Кабаю: — Взять! — отпустил ошейник. Кабай эту команду уже отлично знал и, за секунду преодолев открытое пространство, обрушился на повернувшегося к нам лицом, мужичка. Пес опрокинул его на спину и тихонько рычал, располагая свои не маленькие клыки в непосредственной близости от горла и носа плюгавенького мужика.

Плюгавенький то он плюгавенький, но опомнился мгновенно и потянул руку к ножу на поясе. Но ничего у него не получилось, я подоспел вовремя и с силой вдавил каблук ему в ладонь. Он сдавленно пискнул, кажется, я сломал или вывихнул ему палец. А нечего за

ножики хвататься. Его ножом, оказавшимся хорошо наточенным, я отхватил от его же грязной рубахи изрядный лоскут и засунул ему в беззубый рот, который он зачем-то открыл. Может поздороваться хотел? Затем перерезал веревку, на которой держались его штаны, выдернул ее и пинком заставил мужика повернуться на живот. Самое смешное, тот даже не подумал дергаться. Похоже вид оскаленной собачьей пасти с изрядными клыками, напрочь отбили у него охоту к сопротивлению. Я завел ему руки за спину, и крепко связал его же веревкой. Секунду подумав, согнул его правую ногу в колене и привязал к рукам.

Убедившись, что плюгавый упакован надежно, глянул на наш лагерь. Видно было плоховато, мешали кусты. Но я разглядел голого по пояс деда, видимо его застали, когда он чинил рубаху. Перед ним полукругом стояли трое, еще двое были скрыты кустами, лишь торчали их головы в каких то высоких колпаках. Судя по количеству лошадей их там было пятеро, конечно если они по двое на лошади не ехали. Но и пять вооруженных бандитов многовато для нас двоих. Надеяться остается лишь на то, что они не ждут нападения, и это даст нам фору. Да и Кабая со счетов списывать не надо.

Еще раз осмотрел связанного варнака, глядевшего на меня мутноватыми белесыми глазами и что-то мычавшего сквозь кляп и вспомнив пару американских фильмов, сказал:

— Ты это, никуда не уходи. Здесь побудь. Я скоро вернусь, тогда и покалякаем о делах наших скорбных.

Взял пса за ошейник и мы скорым шагом, стараясь не слишком шуметь, поспешили деду на помощь. Я решил зайти к ним с тыла, но подойдя поближе, увидел, что это не самая лучшая позиция. Стоящие ко мне спиной бандиты закрывали от меня их главного, который находился ближе всех к деду и что-то зло говорил. Нам с Кабаем пришлось буквально ползком податься вправо.

Когда добрались до кустов, росших в метрах пятнадцати от ближайшего бандюгана, я вспотел от нервного напряжения. Но нервничал я напрасно — бандиты были слишком заняты разглядыванием полуголового деда, у которого из-под ладони, прижатой к правому плечу, сочилась кровь. Метрах в трех перед ним с револьвером в руке стоял мой, вернее Лёнькин, кошмар последних лет. Рябой! Он стоял, направив револьвер на деда, и громко спрашивал:

— Где твой щенок? Куда ушел? — Было заметно, что, несмотря на оружие и подельников, деда он боится, и с удовольствием пристрелил бы его, но прежде нужно было узнать, где тот прячет добытое золото. Вот для этого и нужен был я. Схватив меня, он бы махом развязал деду язык.

Надо сказать, что при виде Рябого у меня чуть не снесло крышу. Что бы прогнать красный туман от прихлынувшей к голове крови, я укусил себя за руку и стал считать до десяти. Немного успокоившись, огляделся. Нужно было определиться с кого начать отстрел. Понятно, что Рябой первый на очереди, но убивать его сразу не хотелось, порасспросить бы надо кое о чем. Вторым, пожалуй, будет мужик, стоящий ближе к нам и одетый несколько иначе, нежели остальные варнаки. Он мне показался наиболее опасным, хотя в отличии от подельников оружия в руках не имел, но правую руку держал в кармане пиджака или как там называется эта нелепая на мой взгляд одежда. Кабая на него натравить? Пожалуй так и сделаю. Третий? А вот с третьим дело поинтересней. Третьим оказался старый знакомец — Пронька Карась, и что меня больше всего возмутило — в руках он держал мой винчестер. С остальными двумя придется разбираться по ходу пьесы. Явление Карася, четко дало понять, что в живых нас не оставят. Ну что же, расклад более-менее ясен. Как говорится: планы

определены, цели поставлены — за работу товарищи!

Глубокий вдох-выдох и так три раза. Устроив потверже арбалет, снова шепнул Кабаю команду «Взять!» и прицелился в Рябого. Кабай в несколько мгновений преодолел расстояние до ближайшего бандита и в прыжке свалил его на землю. Тот от неожиданности вскрикнул и на секунду отвлек внимание остальных на себя. Рябой тоже повернул голову на звук и сам того не замечая, немного отвернул свой револьвер от деда. Я выстрелил, и острый болт впился ему в плечо чуть выше локтя. Револьвер шлепнулся на землю. Дед соориентировался мгновенно. Подскочив, к лишившемуся оружия Рябому, врезал тому с левой в подбородок. От не хилого удара, ноги Рябого оторвались от земли и сам он, отлетев метра на два, грохнулся на спину.

Но все это я увидел уже мельком. Перезарядив арбалет выстрелил почти не целясь, но в полной уверенности что попаду, в Карася, который лихорадочно нажимал на спусковой крючок винчестера. Не умея обращаться со столь сложной техникой, он видимо ничего не знал о предназначении скобы Генри. Арбалетный болт вошел ему в горло. Выронив винчестер, Карась упал и, схватившись обеими руками за шею, бился на земле в тщетной попытке вдохнуть.

Вид агонизирующего Карася на секунду отвлек меня и следующий бандюган уже направлял в мою сторону двустволку. Выстрелить он не успел. Брошенный сильной и умелой дедовской рукой топор, с мерзким чавкающим звуком вошел ему под лопатку. Удар был настолько силен, что того отбросило на метр. За ним открылся еще один, допотопное ружье, которого было направлено мне в живот. Оттолкнувшись левой ногой попытался уйти с траектории выстрела и инстинктивно прикрылся арбалетом. Бабахнуло не слабо, измочаленный дробью арбалет вырвало из рук и обожгло левый бок. Тут же раздался выстрел дедовского револьвера, не причинивший, однако, бандиту никакого вреда. Видимо дед с револьвером обращался гораздо хуже, чем с топором. Но этого хватило, чтобы бандит бросил свой разряженный мультук и кинулся бежать, не разбирая дороги.

Блин! Чего доброго, смоемся еще. Подобрал валяющийся возле, скребущего землю каблуками, Карася, винчестер и передергивая скобу, дважды выстрелил в мелькающую в ближайших кустах, спину последнего бандита. Раздался вскрик и звук падающего тела. Через несколько секунд оттуда раздался вой, раненой гиены. Я, правда, в глаза не видел гиены, но почему-то подумал, что такой мерзкий вой может издавать только раненая гиена.

Левый бок жгло все сильнее, новзгляд брошенный на бандита, над которым стоял и скалил зубы Кабай, заставил меня забыть о ране. Мужик уже потихоньку вытащил из кармана небольшой револьвер и готовился повернуться на спину и выстрелить в пса. Подбежав, без затей по футбольному, зарядил носком берца тому по голове. Пинком отбросил оружие в сторону. Спросил подошедшего деда:

— Тятя, ты там Рябого не прибил случаем?

— Живой. Спеленал только. С этим, что собрался делать?

— Связать пока надо. Потом немного поспрашиваем, кто их надоумил на нас напасть. Я его сейчас свяжу, ты осторожно глянь, чего там варнак воет.

— Справишься?

— А куда я денусь. Только ты поосторожнее подходи мало ли что, может притворяется.

— Поучи меня еще, летна боль. На вот веревку. — Дед протянул мне кусок веревки и отправился проведать орущего в кустах бандита.

Я же заломил руки лежащего без сознания мужика за спину, связал покрепче, не забыв и

про ногу. Классическая ласточка. Теперь не то, что не убежит, но даже на спину перевернуться не сможет. Отошел чуть в сторону уселся на пенек, еще не веря, что удалось справиться с бандитами.

Похоже, Рябой с компанией давно промышляет убийством небольших групп диких старателей, захватывая их врасплох и ребятаки расслабились и совсем не ожидали, что кто-то нападет на них. В итоге у них два покойника и четверо живых, которых можно и поспрашивать в том числе и том, как в их теплой компашке оказался Пронька Карась.

Тут со стороны кустов, где не переставая подвывал пятый, а вернее шестой бандюган, раздался выстрел дедовского револьвера и вой стих. «Нет, три покойника и трое живых. Ну и что теперь делать прикажете?» вслух произнес я.

— С кем это ты разговариваешь? — спросил, выходя из кустов, дед.

— Сам с собою беседу веду. Грохнул варнака?

— А он не жилец был — ты ему бок прострелил, а еще он ногу сломал. Видно бежал сломя голову, со страху не глядя куда ступает, ну и застряла нога меж двух валежин, а тут ты ему добавил в бочину. Вот он рванулся, ну и сломал ногу то. От того и выл.

— Ладно. Хрен с ним. Нам то, что делать теперь?

— Перво-наперво перевязаться надо. Опять достал меня Рябой. Вишь руку насквозь прострелил.

— Кость не задел?

— Вроде не задел, летна боль. Хотя и больно, но рукой двигать могу.

— Нам Баба Ходора травок, да лекарств каких то в дорогу давала. Бинт там был, да самогону пузырек. Пойду поищу. — Я поднялся с пенька и скривился от тянущей боли в боку.

— Тебя, однако, тоже задело. — Обеспокоился дед. — Снимай хламиду свою.

Я снял куртку. Рубаха на боку намокла от крови. Пришлось и рубашку снимать. Когда шипя от боли стянул рубаху и показал раненый бок деду, тот облегченно вздохнул:

— Легко отделался, дробь лишь поцарапала бок то.

Я глянул на рану и правда, дробь пропахала на боку две кровавые борозды. Кровь уже не текла, но было больно.

— Тятя! Надо самогонкой раны промыть, мхом посыпать и завязать чистой тряпкой.

Я покопался в вещах, нашел мешочек с Бабы Ходориным лекарством. Потом залил самогонкой дедовский прострелянный бицепс, засыпал сушеным мхом, который нам был выдан знахаркой в качестве антисептика, и замотал чистой тряпкой. То же самое дед проделал и со мной. Было очень больно, но пришлось терпеть. Когда боль немного притихла, осмотрелся.

В шагах десяти валялся без сознания Рябой. Дед не обращая внимания на болт, торчащий в его руке засунул в рукава тонкую, но крепкую палку и связал ноги. Рябой лежал мордой вниз и, раскинув в стороны руки, изображал из себя крест. Я подошел к нему, потрогал шею, пытаюсь нащупать пульс. Пульса не обнаружил, но шея была теплая. Вроде живой, но связан надежно — не убежит.

— Тятя, там — я указал направление кивком головы — лошади и еще один варнак.

— Пойдем поглядим, что там за варнак, летна боль?

Идти никуда не хотелось, что-то устал я, но, пересилив слабость, пошел с дедом на полянку, где оставил лошадей и еще одного любителя пограбить. Как и ожидалось плюгавый никуда не ушел, хотя, судя по следам, упорно пытался. Увязавшийся за нами Кабай, первым

подбежал к нему и обнюхав, порычал пугая того не маленькими клыками.

— Эк ты его, летна боль. — Покачал головой дед. Вынул нож и перерезал веревку, освобождая плюговому ногу. Руки развязывать не стал, схватив мужиченку за шиворот поставил на ноги. У того немедленно спали штаны. Увидев это непотребство дед в сердцах сплюнул и приказал мне:

— Коней друг за другом привяжи и веди к нам. — Потом освободил плюговому руки и сказал. — А ты, милок, штаны то подбери и баловать не вздумай, а то пес тебе хозяйство то отчекрыжит.

Кабай, коротко гавкнул, как бы подтверждая сказанное. Плюгавый, придерживая обеими руками штаны и подволакивая занемевшую ногу, обреченно поплелся в наш лагерь. Я же привязав лошадей друг за другом уздечками за седла, потянул переднюю за собой. Кони оказались смиренными и покорно двинулись следом.

Доведя коней до нашей стоянки, привязал их к деревьям и на подгибающихся ногах подошел к пеньку возле костра и плюхнувшись на него сказал деду:

— Тятя, я немного отдохну, а ты обыщи этих, а то может заныкали чего.

Дед внимательно посмотрел на меня, покачал головой и произнес:

— Да ты никак сомлел. Летна боль! Посиди я сейчас. — С этими словами он порылся в нашем барахле, достал небольшую склянку, заткнутую настоящей пробкой, открыл ее и протянул мне:

— Глотни-ка пару раз.

Я сделал пару осторожных глотков. Это оказалась крепчайшая настойка каких-то трав. Дед подал кружку воды. Я схватил ее и торопливо выпил, стараясь залить пожар во роту и желудке.

— Что это? — Просипел я.

Дед, не отвечая на мой вопрос, приложился к склянке, сделал хороший глоток, запил водой.

— Хорошо пробирает. Настойка какая-то. Савватеевна сказала: «На крайний случай». Предупредила еще, чтобы не пили много. Один-два раза вреда не будет, а больше нельзя.

Блин! Наркотик, наверное, какой-то. Этого мне только для полного счастья не хватало! Тем не менее, настойка подействовала. Минут через десять я почувствовал, что усталость куда-то ушла и появился даже некий кураж. Дед с нескрываемым интересом следил за мной. Увидев, что встаю с пенька спросил:

— Ну как? Полегчало? — Я кивнул. — Раз полегчало, давай заканчивать с варнаками, а то скоро стемнеет.

Обыск седельных сумок и самих несостоявшихся грабителей, несколько подзатянулся, но он того стоил. Мы стали богаче на четыре с лишним килограмма золота и почти пятьсот рублей ассигнациями. Причем и золото и деньги были найдены в кошельках висевших на поясах Рябого и мужика, который чуть не застрелил Кабая.

Видимо эта парочка, готова была бросить своих поделщиков и свалить при малейшей опасности. И свалить не с пустыми руками. Кроме того, у Рябого за пазухой нашелся кисет с двумя десятками зеленоватых необработанных камней, а у его дружка оказалась бумажка, с примитивно нарисованной картой какой-то местности, где на пересечении двух линий, изображавших, не то ручьи, не то речки был поставлен крест. Впрочем с картой было все ясно. Наверняка до нас банда побывала на ближайшем диком прииске, где и поживилась золотишком. Поскольку добытое золото редко кто хранил на виду, наоборот все старались

заныкать его в укромном месте, то скорее всего, перед тем как убить, бедняг еще изрядно попытали.

Как выяснилось чуть позже, так оно и было, причем пытал диких старателей, тот самый плюгавенький мужичек, с характерным погонялом «Гунявый». Рябой же оказался мужиком крепким и говорить с нами поначалу не захотел. Второй оказался более разговорчивым, особенно после того как я пообещал ему прострелить колени, после чего связанного положить на муравейник. Он то и рассказал о специализации Гунявого в их бандитском промысле. На вопрос о карте, немного поупиравшись и лишившись мочки правого уха, ответил, что она предназначена некому Гавриле Шубникову жителю города Барнаула, известного в узких кругах под кличкой «Голован». По карте же пояснил, что верст тридцать к северу имеется речка Малый Кут. Чуть ниже впадающего в эту речку ручья, названия которого они не знают, мыли золото убитые старатели.

Про Проньку Карася он ничего определенного рассказать не смог, сказал только, что того совсем недавно привел откуда-то Рябой. Раскололся и насчет камешков изъятых у Рябого. Оказалось, что с месяц назад прихватили они в тайге «ходю», вот у этого «ходи» камешки то и нашли.

— «Ходя» это кто такой? — Не понял я.

— Китайцев так зовут. — Пояснил дед.

О судьбе упомянутого «ходи» даже спрашивать не стал. И так было ясно, что свидетелей Рябой не оставляет. А камешки мне напоминают изумруды, хотя я никогда не слышал, что изумруды когда-нибудь здесь добывали. На Урале вроде изумруды есть, а чтобы здесь в Сибири.... Хотя кто его знает может где и есть, ведь где-то взял же их китаец.

— А чего же не узнали, где он камешки взял? — спросил бандита.

— Дык он драться начал, пришлось пристрелить.

— Неужели впятером с одним «ходей» справиться не могли?

— Больно ловок оказался. Цыпу с Кривым двумя ударами с ног свалил и Гунявого в кусты забросил, вот Рябой и стрелил его.

— Понятно. Отдохни пока. Гунявый давай-ка с тобой атамана вашего поспрашиваем, а то он какой-то не разговорчивый. Тятя развяжи этого убогого. Пусть над дружкой своим поработает.

Дед усмехнулся и разрезал на плюгавом путы. Тот, привычно поддерживая руками штаны, поднялся. Дед подтолкнул его придавая направление.

— Топай к березе, там он сидит.

Гунявый остановился в двух шагах от Рябого и оглянулся на нас.

— Чего встал? Давай работай, покажи класс.

— Дык это.... Ножик надо.

— Ножик? Зачем тебе ножик, давай без ножика, щепку вон возьми. Под ногами у тебя валяется.

Тот нагнулся, придерживая штаны левой рукой, поднял большую щепку с достаточно острым концом. Несколько секунд смотрел на нее с недоумением, наконец что-то сообразил и кивнув своим мыслям сделал шаг к сидящему у березы жожаку. Вид у Гунявого был решительный, видимо кой-какие счета к Рябому у него имелись и сейчас он вполне готов был их предъявить.

Рябого, похоже, окончательно добила щепка. В руках не совсем нормального специалиста по пыткам она выглядела мистически устрашающе. Было непонятно, что

задумал этот урод сделать с ее помощью, но, что это будет ужасно и нестерпимо больно, стало понятно всем, а Рябому особенно.

— Уберите этого недоделка. Я все скажу.

— Ну смотри, милок, не вздумай врать. А ты посиди пока. — Сказав это, дед усадил Гунявого спиной к небольшой березе и заведя за ствол его руки быстро связал.

То, что поведал Рябой, не было чем-то из ряда вон выходящим, а для девяностых годов двадцатого века, делом вполне обыденным. По его словам организовал этот бизнес Шубников-Голован. Пятое лето их шайка выслеживает диких золотоискателей и вытрясает из них намытое золотишко. Самих старателей в живых стараются не оставлять. Отнятое у них золото везут Головану. Тот им довольно щедро платит, ну и крышует бандюков. По словам Рябого, есть у Голована кто-то прикормленный в полиции.

Кроме всего прочего, у Голована в некоторых селах имеются свои люди, которые и сдают ему односельчан, решивших поправить свое благосостояние с помощью золотишка. В Сосновке таким осведомителем оказался никто иной, как Савва Зырянов, давший задание Карасю выследить приехавшего в село деда. Услышав это дед, сильно разозлился:

— Зря ты Карася укокошил, летна боль. Надо было его хорошенько поспрашивать.

— А чего ты хотел от него услышать? Что нового мог поведать этот ублюдок?

— Про Савку надо было узнать по подробней.

— Куда еще подробней. Похоже, это по его наводке Архипкиного отца с друзьями порешили. И других из села вспомни, кто в тайге сгинул.

— А ведь верно! Вот сучий потрох, выблядок поросячий. — И дед выдал еще несколько словечек, которые вполне украсили бы любой из петровских загибов.

Я впервые вижу деда матерящимся. Обычно самое сильное выражение в его лексиконе — это «Летна боль». Но на этот раз он выражался куда забористее. Видимо откровенная гнусь поступков односельчанина задела его за живое.

— Ладно тятя! Вернемся домой да и спросим самого Зырянова при случае. Ездит же он в город. Вот и встретим его, гденибудь в укромном месте. Ну, а там как получится.

— Сам хочешь поварначить?

— Не поварначить, а справедливость восстановить. Ведь как в Библии сказано: «Какой мерой меряете, такой и вам будет отмерено». Он нам что отмерил? Вот пусть сам и попробует кашу, которую заварил. Кстати, тебе Рябой нужен? Может еще чего хочешь у него узнать?

— Узнали уже. Век бы этого не знать.

— Вот и ладненько! Рябого я на себя возьму, а ты пожалуйста разберись с остальными.

— Ты чего это задумал? Не бери грех на душу, не мучай. Пристрели и дело с концом.

— Ладно! Посмотрим как получится. — Пробурчал я и двинулся к березе, где сидел Рябой.

Остановился в двух шагах от злобно глядящего на меня бандита и с минуту смотрел ему в глаза, пытаюсь вызвать у себя то чувство ярости, с каким вспоминал этого ублюдка. Но, что-то перегорело во мне и уже не хотелось резать на ремни эту падаль. Я достал из кобуры револьвер и дважды выстрелил Рябому в лоб. Посмотрел как дергается не желающее умирать тело и, отвернувшись, присел на пенек возле потухшего костра.

Со стороны где лежал связанный бандит раздался какой-то странный звук. Я глянул туда. Дед без всяких затей, деловито как барану, перерезал тому горло и двинулся к Гунявому, который в ужасе подвывал. Я не стал смотреть, как дед расправляется с

последним варнаком. Чувство какой-то опустошенности охватило меня. Я, ну то есть Ленька столько лет лелеял почти не сбыточную мечту о мести ублюдку, убившему мать, столько раз представлял как будет расправляться с Рябым, кромсая того ножом, а действительность оказалась куда как проще и отвратительней. Совершенная месть оставила в душе разочарование и пустоту. Я сидел на пеньке и бездумно смотрел, как надвигается вечер. Ни каких душевных терзаний по поводу двух убитых мною людей я не испытывал. Все по честному. Они пришли сюда за моей и дедовой жизнью и им не повезло, а нам наоборот.

— Что пригорюнился? Давай пока светло подберемся тут, а потом повечеряем и спать. — Это дед подошел со спины со спокойным и разумным предложением. Вот, блин, человек-камень. Только, что зарезал двух пусть и не самых лучших, но все-таки людей и хоть бы хны. Я встал с пенька и, стараясь не обращать внимания на саднящий бок, стал помогать деду.

Для начала мы оттащили трупы от палатки, собрав их в одном месте, причем дед заставил меня вытащить из трупов Рябого и Карася арбалетные болты. Процедура оказалась еще та; еле сдержался, чтобы не блевануть. Потом дед развел костер и стал готовить еду, а мне приказал собирать вещи.

— Раненько встанем. Покойников отсюда куда подале увезем. Неча им тут делать. Сами после домой двинем.

Я, молча, пошел собирать разбросанные вещички и стаскивать к палатке, чтобы утром быстро их увязать и погрузить на коней. Подобрал и осмотрев свой измочаленный дробью арбалет, снял с него стальной лук и остальные железки, деревяшку бросил в костер.

Дед, сварив кашу, прикрыл котелок крышкой и оставил кашу томиться, а сам повел коней на водопой, предварительно расседлав. Затем покормил их всех остатками овса, привязал их так, чтобы они могли дотянуться до травы и набрав в другой котелок воды повесил над костром.

— Чайку поьем, летна боль. Э-э! да ты еле на ногах стоишь! Есть то будешь, или так спать ляжешь?

— Не знаю. Скорее всего есть не буду. — Пробормотал я. Но дед открыл котелок с кашей и аппетитный запах заставил меня проглотить слюну.

— Поем пожалуй.

— Ну вот так-то оно лучше.

На удивление ночью кошмары меня не мучили. Не смотря на саднящий бок, выспался и после небольшого перекуса стали собираться с дедом домой. Вот тут-то кошмар и настиг меня. Прежде всего, погрузили убиенных бандитов на их лошадей. Намучились так, что и не высказать. Занятие само по себе противное, а тут еще бок болит. Дед хоть виду не подает, но и он прострелянную руку старается беречь. Хорошо лошади смирные, а то бы вряд ли справились.

Вещички собрали быстро и двинулись по какой-то звериной тропе в другой распадок, но и там не задержались перейдя еще одну горушку наконец нашли место, удовлетворившее деда. Ветер повалил огромный кедр, и под его вывернутыми корнями образовалась изрядная яма. Туда и свалили трупы. Прикрыли сверху седлами, снятыми с бандитских коней и присыпали все это землей. Конечно если их будут искать, то проделанные нами манипуляции не слишком помогут. Более-менее толковый следопыт сумеет докопаться до истины. Но нам главное, чтобы в ближайшее время никто покойников не обнаружил, а там снег, довольно рано выпадающий в этих местах, надежно спрячет всякие улики. А уж после

зимы и следов то никаких не останется.

— Тятя, а с лошадьми что будем делать? — Поинтересовался я.

— Ничего не будем. Отведем поближе к людям да и отпустим.

Спустя некоторое время выехали к речке Кичи прямо к броду. Переправившись, сняли с бандитских коней уздечки и отправили их пастись. Тут я вспомнил о брошенной удочке.

— Тятя я ведь удочку бросил там возле переката, когда к тебе на помощь с Кабаем побежали.

— Придется вернуться. Летна боль! Неча на наш след варнаков наводить.

Вот блин незадача, дед кругом прав: брошенная удочка это след. Через полтора часа доехали до переката. Я перебрался на ту сторону, отыскал брошенную снасть и смотал самодельную плетенку, поломал удилище и кинул в воду. Надеюсь, течением остатки удилища унесет куда подальше.

Когда, возвращаясь, проехали мимо бандитских коней, те было пошли за нами следом, но потом отстали и разбрелись щипать траву. Хочется думать, что их ктонибудь подберет, а то ведь или медведь задерет или волки схавают. Можно конечно было их пригнать поближе к людям, но рисковать не стали. Неизвестно как эти лошадки оказались у бандитов. Вполне возможно, что эти мохнатые средства передвижения были ими прихватизированы абсолютно не законно и мы могли с известной долей вероятности получить не хилый геморрой, если бы кто-то вдруг узнал свою или соседскую лошадку. Поэтому пусть пасутся на воле как дикие мустанги в пампасах.

Нет мы, конечно, кроме денег и золота поимели с бандитов кое что. Но пара револьверов, которые я взял себе и новая двустволка понравившаяся деду были лишены каких либо особых примет и вряд могли быть опознаны как принадлежащие какому либо конкретному лицу. Тем более, что на показ мы их не выставляли. Револьверы лежали у меня в рюкзаке, а разобранный двустволка завернутая в порванную дедову рубаху покоилась в мешке с инструментом. Карамульгук, из которого мне чуть не сделали дырку в пузе остался под корнями поваленного ветром кедра, рядом с последним своим хозяином. Слишком уж заметная была «дура».

Глава семнадцатая

До Сосновки доехали за четыре дня, стараясь не попадаться никому на глаза до самого Солтона. В Солтоне у деда были знакомые, но заезжать к ним не стали, поскольку рана у него воспалилась и пришлось поторопиться, чтобы успеть пораньше добраться до знахарки. К ней направились не заезжая домой. Пришлось мне на этом настоять. Размотав тряпицу и осмотрев рану, знахарка облегченно вздохнула и сказала:

— Во время до меня добрались. Еще бы день — два и пришлось бы тебе Софронушка долго лечиться. Ладно потерпи сейчас больно будет.

Она поводила над раной рукой и неожиданно резко сдвинула ладонями чуть выше. Из раны выскочил какой-то беловатый сгусток и потекла кровь. Похоже деду было действительно больно, но он и виду не подал. Сцедив изрядную порцию крови знахарка вновь поводила над раной правой ладонью и сказала удовлетворенно:

— Ну вот и хорошо! Сейчас мхом засыплю да тряпицей замочу, а там, бог даст, недельки через две и заживет. Ты, Софрон Тимофеевич впредь поостерегся бы, чай не молод уже. Да и в бане повязку старайся не мочить.

— Опять Савватеевна ты меня спасаешь. Даже не знаю как и благодарить тебя.

— А! Пустое. Сочтемся. — И обращаясь ко мне спросила: — Ну, а у тебя что?

Пришлось мне разоблачаться и показывать свои отметины. Осмотрев мою покоцанную тушку сказала:

— Можно уже и не заматывать. На молодом заживает как на собаке. И кто это вас так отметил?

— Нашлись варнаки. Но нам повезло, а им нет. — Сказал я и добавил: — Ты Феодора Савватеевна о наших царапинах никому не говори, даже если кто и спрашивать будет.

— Я то не скажу. Но люди не слепые видели, что вы ко мне заехали. Ладно, скажу, что вы мне из тайги золотой корень привезли. Ты Алексей зайди ко мне завтра, надо будет еще раз твои царапины посмотреть. И ты Софрон Тимофеевич наведайся; повязку менять будем.

— Спаси тебя бог, Савватеевна! — Дед обозначил кивком головы поклон. — Поедем домой, а то умаялись в дороге.

Знахарка понятиливо кивнула и со значением посмотрела на меня. Понятно! Видимо есть о чем рассказать. Заверив, что будем выполнять все ее предписания в точности, двинули домой.

Дома нам обрадовались. Степанида засуетилась готовить ужин, Архипка улыбаясь во весь рот принялся было меня расспрашивать, но я его перебил:

— Расскажу, все расскажу. Ты то как? Что с рукой?

— Баба Ходора сказала, что рука зажила. Да я и забыл уже про нее. — отмахнулся дружок. — А Кабай где?

— Да только в село въехали так он сразу куда-то смылся. Наверное местное собачье население в порядок приводить, а то разбаловались поди пока его не было. — Засмеялся я, отвлекаясь на теребящего мой рукав подростка Егорку, который пытался обратить на себя мое внимание.

— Смотри, что мне Архипка сделал. — сказал он протягивая игрушку. Блин, да это же летающий пропеллер! Я взял игрушку в руки. Архипка сам додумался до втулки, куда вставляется ось пропеллера, и до веровочки за который можно этот пропеллер здорово

раскрутить. Рассмотрев Архипкино творение, я вернул игрушку пацаненку:

— А ну ка запусти. Посмотрим как он летает.

Егорка дернул за веревочку, с восторгом следя за взлетевшим винтом.

— Вчера только сделал. Он еще не наигрался. — сказал Архипка тоже проследив за полетом винта. Егорка побежал поднимать приземлвшийся пропеллер, а я легонько хлопнул друга по плечу и сказал:

— Архипка не заморачивайся! Сделаем мы с тобой самолет. Может не так скоро, но обязательно сделаем. А как там пацаны? Чем заняты?

— Да ничем. Отцам помогают. Тебя вот ждем.

Платошка с Антохой прибежали лишь только весть о нашем возвращении до них дошла. Одеты они были в свою старую одежду. Видимо деньги и деньги по деревенским меркам не малые, отцы у них отобрали. Как оказалось я не ошибся, только никто у них не отбирал — сами отдали.

— Ты это, Немтырь, не ругайся отдали мы деньги на хозяйство. — потупившись сказал Платошка.

— Да ладно пацаны! Черт с ними с деньгами! Заработаем еще. — Беспечно сказал я пожимая им руки. К своему удивлению был искренне рад видеть их. Потом мы делились новостями. Я им рассказал как вкалывал, добывая золотишко, промолчав о нападении банды на нас с дедом. Они поведали мне о сельских новостях, коих накопилось за время моего отсутствия достаточно много.

Вечером, перед сном, я попытался подвести некоторые итоги моего почти полугодового существования в этом мире. Ну что-же, кой какие деньги нам с дедом и Архипкой удалось добыть и деньги по местным меркам не маленькие и это плюс. Появились зачатки будущей команды. То-же плюсики. Правда деньги эти еще не мои, и большую часть придется пустить на будущую спекуляцию зерном, да и пожалуй Аптазинский прииск надо за собой застолбить. Ну то-есть не за мной, а за дедом. Если удастся это сделать, то часть денежек придется и туда выделить. Хорошо, что еще три года можно будет зерном спекулировать с изрядной прибылью. Да и золотишко кое что даст. Но этих денег не хватит на мотор и самолет.

Я, пожалуй, лучше многих и многих в этом мире знаю, какой геморрой это машиностроение. А в современной России это геморрой возведенный в степень. Нет ни кадров, ни оборудования, ни технологий. Я, конечно, читал в прошлой жизни о Мальцове, создавшем целый промышленный район, где то в Калужской губернии. Но его уже вроде разорили царские чиновники и собственная жена с детками. Самого же не то в дурдом упекли не то за границу отправили — лечиться. Заводы отдали в казну, где они и благополучно сдохли. А ведь Мальцов (именно Мальцов а не Мальцев) был дворянин и даже генерал. Ну то-есть не был, а и сейчас есть — жив пока. Умрет где-то в начале девяностых.

Интересно, а куда люди с его заводов после их закрытия подевались? Ведь строить паровозы на современном оборудовании задача не тривиальная. Крутых специалистов, однако, воспитал генерал. И как-же он сам то так обмишулился? Постарел видимо и хватку потерял, а может не ожидал такой подлянки от собственных деток и жены. Или не отстегнул кому то из высших чиновников. Но как бы там ни было, разорение целого промышленного района не украшает царский режим и уж вовсе не согласуется с утверждениями либералов о крутом промышленном подъеме в дореволюционной России.

А может Мальцова загнали с подачи других промышленников? Он, судя по

высказываниям современников, создал для своих работников вполне нормальные бытовые и производственные условия. А кому из выжимателей сверхприбыли и «дубителей шкур»* понравится, что кто-то заботится о «быдле». *(Цитата: «Бывший владелец денег шествует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий; один многозначительно посмеивается и горит желанием приступить к делу; другой бредет понуро, упирается как человек, который продал на рынке свою собственную шкуру и потому не видит в будущем никакой перспективы, кроме одной: что эту шкуру будут дубить.» К. Маркс «Капитал»)

Дурной пример подает генерал. Того и гляди, что собственные рабочие начнут требовать восьмичасового дня, нормальных квартир, отпусков ну и прочих благ. А тратиться на это — жаба придушит.

Эх, хорошо бы мальцовский механический заводик прикупить вместе с обученным и устроенным персоналом. Но где я, а где те заводики. Да денежки где взять? Пожалуй, не одну и ни две сотни тысяч серебряных рубликов тот заводик стоить будет. Но с другой стороны, на хрена мне куча денег и вся эта суета по их добыванию, если не потратить их на реализацию несбыточной детской мечты — порулить собственным самолетом. Порулить именно в реале, а не на виртуальном симуляторе. Но и стране хочется помочь. Зря, что ли Можайский горбатился. Будет, будет в России первый в мире самолет, а дружки мои первыми пилотами. Ну если захотят конечно. Архипка точно захочет, да думаю и Антоха с Платошкой не откажутся.

Вспомнив про друзей, решил, что, скорее всего не смогу их нынче отправить в город учиться, как обещал. Надо как-то учебу здесь организовать. На работу их к себе принять что ли, платить им рублей по десять в месяц, чтобы родители их не гнобили. С их помощью можно попытаться дельтоплан построить. Можно мастерскую открыть по производству игрушек; те же летающие пропеллеры делать. Читал в той жизни про пацана — попаденца, который эти винты делал, да втюхивал их дачникам. Скорее всего заработать на этом деле не удастся, но как прикрытия вполне подойдет.

Кроме дельтоплана можно еще параплан сделать. Параплан на первый взгляд штука довольно простая, но наверняка всяких тонкостей там до фига. А с другой стороны, начинать с чего-то надо, если получится мотор сделать, то на параплан можно и слабосильный моторчик приспособить. Видел я как на параплане с мотором мужики летали. Не сказать, чтобы высоко и быстро, но для пацанов будет более чем достаточно. Машку Лучкину привлечь для изготовления летающего парашюта. Швейную машинку ей купить, пусть тренируется. Денег только маловато. Надо дожидаться когда Кузьма с Митькой вернутся. Как там они расторгвались? Лишь бы только в полете не оказались, а то фиг их уговоришь на будущий год с зерном ехать.

Блин! Как много всего навалилось. А тут еще и Баба Ходора зачем то зовет. Может с Катькой Балашовой что-то случилось? Вот еще одна проблема. Катьку тоже надо вытаскивать из деревни, к более осмысленной жизни. А то года через три-четыре могут замуж ее спровадить. Самому посвататься чтоли? Прикалываюсь конечно, но вопрос с ее родителями надо решать. Во блин раздухарился, а может у нее самой спросить, чего хочет? Может ей замуж не втерпеж. Четырнадцатый год девчонке идет. По деревенским меркам почти невеста. Ладно, спать пора. Завтра к Савватеевне заскочу и все выведаю.

На следующий день, часов в двенадцать, появился к знахарке. Баба Ходора сидела у окна и читала. При моем появлении отложила книгу и, ответив на мое приветствие, спросила:

— Чай пить будешь? Недавно заварила.

— С медом?

— С медом, с медом. — Засмеялась знахарка.

— Ну тогда наливай.

Сидим, пьем чай с медком и плюшками. У плюшек знакомый вкус.

— Плюшки опять Катька стряпала?

— Она. Что не вкусно?

— Да нет. Вполне на уровне. Не так как у тетки Варвары, но есть можно. Кстати, как она.

— Кто Варька? — не поняла знахарка.

— Да Катерина конечно. Как учится? Толк-то хоть будет?

— Вот как раз и хотела с тобой о ней поговорить. У девчонки светлая голова: все на лету схватывает. Интересно ей все. Уже и по итальянски со мной пытается говорить.

— Ну итальянский не самый нужный иностранный язык. Лучше бы ты ее английскому учила или французскому.

— Чему меня бабушка Христина научила тому и Катьку твою учу. Английского я не знаю вовсе, а французский плоховато. Да не о том я. У нее похоже дар просыпается.

— Дар? Какой дар? Ты хочешь сказать, что Катька — экстрасенс? Ну ведунья как и ты.

— Ишь хватил! Чтобы быть такой как я, надо прожить с мое и учиться каждый день. Девчонка только первый шагоч сделала. Ее учить и учить, да и то вряд ли она многим овладеть сможет. Поздновато ко мне попала. Не знала я, что на селе такие девки водятся.

— А что дар этот твой — редкость большая? И как ты определила, что у нее дар.

— Ну зачастил! Определила случайно. Седьмицы две назад Нюрка Кирьянова дочку свою полутрогодвалую привела. Заболела та ветрянкой. Пока я с Нюркой разговаривала, Катя ребенка успокаивала да наглаживала, а потом и говорит, что у Грушеньки — так девочку зовут — ручка болит и показала где. Я посмотрела и правда ушиб и трещинка в кости, упала та с крыльца и обо что-то рукой ударилась. Пришлось полечить да замотать ручку. Потом спросила Катюшу как она узнала про ушиб, ведь девочка не жаловалась, притерпелась. Та сказала не знает. Мол когда рукой гладила ей так показалась. Я проверила ее еще кой на ком. Похоже, чувствует Катя эту, как ты ее называешь, — ауру. А насчет дара, не знаю, может и не такая редкость, но если не учить, то пропадет дар.

— Ну так учи. Или проблемы какие?

— Ишь ты — проблемы. Слово то какое ученое. Научить не так просто. Для этого нужно, чтобы она постоянно возле меня была и чтобы учиться хотела. Учиться то она хочет, вот только дома ее работой нагружают все больше и больше. Скоро некогда ей учиться будет. Да и в возраст входит, того гляди заневестится.

— Дак кто же ее замуж возьмет такую тощую. Ну разве что, я посватаюсь. Шучу, шучу. — Замахал я руками, заметив как нахмурила брови знахарка. — И что ты предлагаешь?

— Не знаю даже.

Я налил себе еще чаю, потянулся за последней плюшкой, но не взял, а вопросительно посмотрел на женщину. Та разрешающе махнула рукой. Попивая чаек с медком и плюшкой, поразмышлял над проблемой.

— А найми-ка ты Катьку к себе на работу, помогать по хозяйству ну и по лекарским делам. Будешь ей за это платить рублей по десять в месяц. Как думаешь, запродадут на таких условиях девчонку тебе в наймички? Ведь у Балашовых дома кроме нее вроде еще две девки

есть, и Катька там не самая старшая.

— За десять рублей любую девку в селе в работницы отдадут. Только где же я деньги такие брать буду?

— Ну деньги на такое дело я найду.

— Неужто золото сыскали.

— И золотишко нашли и так кое что натрофеели. Давай договаривайся с ее родителями, можешь даже за год сразу обещать.

— Деньги то поди все у деда Софрона. А вдруг он тебе их не даст.

— Даст. Никуда не денется, кроме того, если помнишь, там и твои денежки есть. И вообще в город тебе надо перебираться, вместе с Катькой. А там и мы подтянемся.

— Кто это мы?

— Ну перво-наперво я с Архипкой и вполне возможно еще Антоха с Платошкой. Да и дед, думаю, не отстанет со всем своим семейством. Кстати, а дочка твоя с внучкой где живут?

— В Барнауле. Муж ее на телеграфе работает.

— Во как! Телеграфист что ли?

— Нет. Вроде как инженер.

— Инженер? Значит в электричестве разбирается. Вот это неплохо. А ты как с зятем ладишь или нет?

— А чего мне с ним делить. Человек он не плохой. Анюту, дочку мою, любит. Меня, правда, побаивается. Но я в семью ихнюю не лезу, помогаю чем могу и только. А у них жить я не буду.

— И не надо. Я с дедом скоро в Барнаул поеду, попытаюсь домишко там с усадьбой купить. Вот вы с Катькой там первое время и поживете.

— Подумать надо.

— Думай Сввateeвна только недолго. Кстати, кто-нибудь нами у тебя интересовался?

— Палашка — сноха зыряновская сегодня с утра прибежала, травок от простуды просила. Вот она как бы ненароком про вас спрашивала.

— Ну, а ты что?

— А что я? Сказала как и договаривались и даже «золотой корень» ей показала. Вроде поверила.

— Поверила Палашка или не поверила — это дело десятое. Лишь бы сам Зыряно поверил. А впрочем теперь уже это не важно.

— Не важно...? Неужто это Савка на вас варнаков натравил? — Знахарка подозрительно посмотрела на меня и видимо, что-то поняла:

— Еще и Пронька Карась пропал как раз после того как Софрон Архипку привез. Неужто...

— Саввateeвна — перебил я знахарку. — Ты библию читала?

— Пыталась читать, но не до конца. Скучно и малопонятно.

— Скучно — не скучно, но там кажется сказано: «Многие знания — многие печали» или если по нашему, по сермяжному: «Меньше знаешь — крепче спишь.» Вот и не страдай бессонницей. А догадки свои оставь при себе. Лучше к переезду в город готовься. Здесь тебе оставаться не следует. Мало ли что может случиться, а у меня на тебя с Катькой большие планы.

— Ишь ты какой! Планы у него. А меня ты спросил?

— Вот и спрашиваю. В город поедешь или нет?

— Поеду. Куда ж я денусь.

— Вот и правильно. Мы с тобой еще таких делов натворим; всем чертям тошно станет.

— Иди уж, творильщик. Деду скажи: пусть зайдет, повязку сменить надо. Постой! Чуть не забыла. Летом, когда вас в селе не было, господинчик один приезжал, сначала по селу ходил про меня и тебя расспрашивал. Потом ко мне заявился, стал расспрашивать про бабушку, про иностранцев, что сюда приезжали, тобой очень интересовался.

— Как он выглядел? Фамилию свою называл?

— Представился Артемием Николаевичем Гурьевым. Лет двадцать пять ему не больше. По разговору видно, что образование имеет изрядное. Явно университет окончил. Сказал, что племянник тюменского исправника. Мол от дядюшки слышал про бабушку мою и про ту историю, интересно ему стало, мол книгу хочет написать про преступников и сыщиков, навроде француза Габорио, только про русских.

— Ишь ты, доморощенный Конан Дойл нарисовался. Ну а ты ему, что рассказала?

— Да ничего такого кроме того, что он в селе у людей вызнал. Ну и подправила ему немного голову.

— Про меня, что рассказала?

— Сказала, что после того как молния тебя пометила, ты заикаться перестал, учиться стал, книги читаешь, в церковь ходишь, обряды выполняешь, отец Серафим, мол, тебя хвалит за старание. Приходил он в церковь, разговаривал со священником, поинтересовался уж не бес ли в тебя вселился, так отец Серафим отругал его за богохульство и веру в нелепые домослы неграмотных крестьян. Ну, а я этому Артемию сказала, что ты сны странные иногда видишь. Очень он жалел, что тебя не застал.

— Сны говоришь! А ведь неплохо придумала. Ладно! Будем решать проблемы по мере их возникновения. Ничего противозаконного нам с тобой они вменить не смогут. Российские законы не нарушаем, разве, что так по мелочи, против властей и самодержавия ничего не замышляем, в вере крепки, в церковь ходим, что еще надо.

— Вот-вот! Пусть дед пожертвует на церковь немного.

— Блин! Надо занести святому отцу долю малую. Спасибо Савватеевна! Надоумила. Ладно. Побегу я.

— Деду не забудь сказать пусть зайдет.

Уходя, взглянул на знахарку:

— Савватеевна! А ведь ты вроде как помолодела! Во блин, как я сразу не разглядел. Никак ларец помог?

Баба Ходора несколько смутилась:

— Неужто так заметно?

— Ну как сказать? Если кто тебя долго не видел то может и заметить. А деревенские вряд ли на это внимания обратят. Разве мужик какой на тебя глаз положит. — Засмеялся я:

— Женщина ты видная.

— Иди уж! Балабол. — Махнула рукой знахарка.

Вечером, когда наша дружная четверка собралась вместе, я сказал:

— Пацаны у меня к вам есть предложение. Надо нам организовать свою ОПГ.

— Немтырь, что это за фигня такая. — полюбопытствовал Платошка.

— ОПГ друг мой Платон, это организованная преступная группировка. Банда, одним словом.

— Ты че Немтырь! Совсем офигел! Банда! Не я в бандиты не пойду. — Замахал руками Антоха.

— Да ладно пацаны. Шучу я. На самом деле нам нужно создать команду. Для чего это нужно спросите вы? А вот для чего. Архипка чего ты больше всего хочешь? — неожиданно спросил я — молчавшего друга.

— На самолете полетать. — не задумываясь ответил тот.

— А ты Платоха?

— Чё я? — растерялся тот.

— Ну что ты хочешь?

— Даже не знаю.... — Почесал затылок парнишка. — Подумать надо.

— Ну думай, думай. А ты Антоха?

— На механика выучиться хочу или на машиниста паравоза.

— Ну что Платоха, надумал чегонибудь?

— Архипка рассказывал, что ты собираешься самолет сделать. Так вот и мне бы хотелось на том самолете прокатиться. Только кто же будет тятке помогать.

— Я тоже хочу. — Влез Антон и, видя наше недоумение добавил: — На самолете....

— Понятно. Значит каждый из вас не слишком желает коровам хвосты крутить. Так или нет?

— Ну так. — Ответил за всех Платошка.

— Значит, первая целью нашей команды будет — выбраться из этого деревенского болота. Вторая цель — построить самолет. Вместе будем строить. Что для этого нужно? А для этого нужно друг мой Платон «учиться, учиться и еще раз учиться» как завещал один лысый, но очень умный мужик. Но как я понял, учиться вам не дадут родители, в работу запрыгут. Поэтому у меня есть предложение: организовываем мастерскую по производству деревянных игрушек. Матрешки станем делать и винты летающие. Работать будем часа по три-четыре, а остальное время учиться и тренироваться. А чтобы родители вас не чморили я вам зарплату платить буду. Десять рублей в месяц хватит? Как думаете, позволят вам за десять рублей у нас в мастерской работать?

— За десять рублей мои согласятся. — сказал Антоха.

— Да и тятка мой скорее всего не будет против. А что за игрушки такие. — любопытствовал Платошка.

— Егорка иди-ка сюда! — Крикнул я пробежавшему мимо мальцу. — Покажи игрушку, которую тебе Архипка сделал.

Егорка подал игрушку которую нес в руках.

— Вот это и есть летающий пропеллер. — Показал его друзьям. — Егорка, а ну-ка запусти, пусть пацаны посмотрят как летает.

Егорка взял винт и дернул за намотанную веревочку. Тот взлетел и пацаны проводили его взглядом. Когда малец подобрал упавший винт, то Платошка, протянув руку, попросил:

— Дай-ка мне.

Но малец спрятав игрушку за спину, попятился и развернувшись бросился бежать. Дернувшегося вдогонку Платошку я остановил:

— Оставь его. Пусть бежит. Игрушка простая, сам сделаешь.

Антоха, глядя на убегающего мальца, спросил:

— А что за матрешка такая?

— Ты что? Не знаешь что такое матрешка? — Удивился я.

— Не знаю.

— А вы знаете? — Обратился я к Архипке с Платоном.

— Нет. — Ответил Архипка, Платошка лишь покрутил отрицательно головой.

Однако интересно! Мне казалось, что матрешка известна с незапамятных времен, а пацаны о ней и не слышали. Ее что, еще не придумали? Тогда тем более надо делать. Примитивный токарный станок по дереву с ножным приводом у деда есть. Надо его только модернизировать; суппорт простейший сделать, резцы фасонные, шаблоны. Технологию разработать надо. Там ведь не из любой деревяшки что-нибудь выточить получится. А еще краски, лак, ну и, разумеется, рисовальщики. Блин, казалось бы простейшая вещь, а надо целое производство организовывать. Но начинать с чего-то надо. Вот на матрешках и потренируемся.

— Ладно пацаны, про матрешку я потом расскажу. Ее сделать не просто, но если мы будем сплоченной командой, то любые трудности мы вместе преодолеем и всех врагов побьем. Главное нам нужно, как мушкетерам, вместе держаться, чтобы «один за всех и все за одного».

— А кто это? — Спросил Архипка.

— Ты про что? — Не понял я.

— Ну эти... — мушкетеры...

Я несколько подвис. Полтора года живу в девятнадцатом веке, а привыкнуть не могу. Ну не знают пацаны про мушкетеров. Ни книгу не читали, ни кино не видели. Я же «Трех мушкетеров» прочитал в классе третьем, а чуть позже и французский фильм посмотрел. Первую серию — аж раза три или четыре. Не знаю как по всему Союзу, а у нас в городе сначала показали первую серию, а уж потом, года через три — вторую. Так что первую серию я выучил, можно сказать, наизусть.

— Ладно пацаны. Расскажу вам про мушкетеров.

И рассказал. Причем как-то незаметно увлекся и пересказал первую серию старого французского фильма подробно и в лицах, схватив палку, даже изобразил дуэль на шпагах. Закончил девизом: «Один за всех и все за одного». Парни впечатлились.

— Ты чё Немтырь хочешь, чтобы мы как мушкетеры стали? Так у нас и шпаг нет и драться на них мы не умеем. — несколько наивный Антоха был бесподобен.

— Мы с тобой друг Антоха не дворяне французские и длинными железками в людей тыкать не будем, а вот в капиталисты, ну то бишь в купцы, обязательно выбьемся. Но по дороге в буржуи у нас наверняка образуется много врагов. Вот чтобы с ними бороться нам и нужно держаться друг за друга, усиленно тренироваться и учиться. Читать писать, я знаю, вы более-менее умеете, но этого мало. Будем учиться дальше и больше. Ну так как — мы команда или так, погулять вышли.

— Команда. — Выразил общее мнение Платошка.

— Тогда давайте. — Я вытянул руку и сказал: — Один за всех...

Парни с недоумением посмотрели на меня.

— Архипка клади мне на ладонь правую руку, а вы накладываете свои руки сверху. Я говорю «Один за всех...», вы говорите: «Все за одного»

Я снова подставил руку:

— Один за всех! — Парни положив руки нестройно проблеяли: — И все за одного.

— Нет парни так не пойдет. Как-то вяло у нас получается. Давайте-ка еще раз. Один за всех!

— И все за одного.

— Уже лучше, но слабовато. Еще раз. — вытянул руку и громко сказал: — Один за всех!

— И все за одного! — дружно гаркнули пацаны.

— Вот так парни. Теперь если ктонибудь попытается наехать на одного из нас, то будет дело иметь с нами со всеми. Поучимся, потренируемся и любого врага в бараний рог свернем. Так что:

— Один за всех!

— И все за одного! — Проревели мои друзья.

На следующий день узнал от Архипки, что Савва Зырянов в сопровождении Пахомы уехал в Барнаул. Видимо не поверил, что мы знахарке золотой корень из тайги привезли. Тем более Пронька Карась так и не появился в селе. Заподозрил Савва что-то и подался за разъяснениями и указаниями к подельнику Головану? Вполне возможно. А может это моя параноя разыгралась? Но лучше быть параноидальным пессемистом, чем беспечным оптимистом.

Интересно бы узнать — о чем они там говорить будут. На месте пахана Голована, чтобы я предпринял? Вот узнал я, что старатели, которых нужно было загнать, возвратились домой как ни в чем не бывало, а Рябой, который должен уже появиться с хабаром, сгинул и его подельников тоже не видать. Одно дело, если банду всю положили, хотя это очень не просто. Умен Рябой, на кого попало не налетит. Вот в том то и дело, что умен. Прихватил хороший хабар, подельников прибил, да смылся, а его, Голована, кинул. Мог так Рябой сделать. Судя по всему, вполне мог. И что тогда Голован предпримет. Скорее всего, постарается разузнать, что и как. А у кого узнавать? У выживших старателей, то есть у нас с дедом. С Зыряновым когонибудь отправит по наши души? Нет это заметно, скорее всего отдельно придут хлопцы.

Может зря я себя накручиваю. Не станет Голован заморачиваться? Черт его знает, может и не станет. Но надеется на это не надо. Не должен пахан спустить это дело на тормозах, авторитету ущерб будет. Вот же тварь уголовная! Мало мне своих проблем.

Ладно, село не город, здесь трудно от любопытных глаз укрыться. Надо пацанов озадачить и простимулировать, пусть следят за приезжими. Деда предупредить, пусть присмотрит за Егоркой и теткой Степанидой. Времена патриархальные, но кто его знает, вдруг Голован и до киднепинга додумается. Хорошо бы Зырянова подловить да пощупать за мохнатое вымя. Но в селе его не взять, а подкараулить, когда он из города поедет не получится, неизвестно когда он будет возвращаться. Да и не справлюсь я один, подключать парней еще слишком рано. Хотя по местным меркам они почти и взрослые, но на самом деле дети еще. Даже Архипке я пока всего рассказать не могу. Боюсь не удержится пацан, проболтается.

Дед информацию и мои измышления воспринял вполне адекватно, немного поматерившись, сказал:

— Ваньке надо обо всем рассказать, пусть, пока Кузьки с Митькой нету, за Кузькиной Нюркой и Анфиской приглядит. А тебе с Архипкой самим побережью надо, летна боль!

— Ну это само собой. Подготовимся и побережемся. Тут вот еще какое дело: деньги мне нужны, рублей пятьсот.

— Куда тебе столько?

— Хочу с ребятами мастерскую организовать по выделке деревянных игрушек.

— Игрушек? — Удивился дед. — Да кто ж их брать-то у вас будет?

— В деревне скорее всего особо брать не будут, а в Барнауле пожалуй и возьмут. Там чиновного люда много, а игрушек таких нигде в мире нет. Эксклюзив!

— Какой такой еще склизив?

— А...! Не бери в голову тятя. Собственно я на прибыль с этих игрушек и не рассчитываю. Нужно парней занять, чтобы их родители не заставляли работать по хозяйству с утра до вечера. Учиться будем. Мне на будущее команда нужна.

— Ну тебе видней. Деньги, что с варнаков взяли, можешь все забрать. Федька Жабин приедет, через него фунтов десять золотишка пристроим. А там и Кузька с Митькой чегонибудь наторгуют.

— То что дядька Кузьма наторгует надо будет снова в дело пустить: зерна купить, лодки сделать, гребцов нанять, охрану.... Хотя охрану можно и не нанимать. Пацанов потренирую, стрелять поучимся да и поедем с Кузьмой да Митькой. А тебе, наверное, надо жилу на Аптазе за собой застолбить. Артель сколотишь, кой какие механизмы прикупишь и копай золотишко. Если для этого надо будет в купцы перейти — переходи, денег на гильдейский взнос не жалей. Еще заработаем, а не заработаем, то какихнибудь варнаков ограбим. Шучу, шучу. Не хватай таволожку. — Засмеялся я увидев как нахмурился дед.

— Шутник, летна боль. Насчет прииска надо подумать. Дело не простое.

— А ты Жабина в долю возьми. Вдвоем поди всяко справитесь.

— Вот я и говорю, что крепко подумать нужно. Эх! Жил ведь раньше, не тужил. Так нет, принесла тебя не легкая.

— Какие проблемы тятя. Не хочешь этой фигней заниматься, плюнь и живи как жил.

— Как у тебя все просто. Нет уж, попала нога в колесо — пищци да беги. А насчет Федьки ты пожалуй прав. Приедет, поговорю с ним. Ладно, пойду к Ваньке, предупрежу насчет варнаков.

— Можешь не торопиться. Зырянов еще даже до Барнаула не доехал.

— Не доехал так доедет, а нам готовыми нужно быть.

Дед прав, лучше подготовиться загодя. Вот и займусь личной безопасностью. Для начала проверил и перезарядил двуствольный пистолетик — дерринджер. Хотел его присобачить на щиколотке, но передумал и приладил под мышкой. Немного мешает, но поношу и привыкну. Теперь ножи для метания. Пожалуй, по примеру итальянского бандита Пизиконе, пристрою их в рукавах. Пришил к рукавам куртки изнутри нечто вроде ножен, которые еще и фиксировались ремешками чуть выше запястья. Тоже неудобно, но придется привыкать. Теперь хожу и время от времени тренируюсь на быстрое извлечение как пистолетика так и ножей. Получается не очень, но все лучше чем ничего. Может еще кистень смастерить? Нет не буду делать. Еще себе в лоб гирькой залепишь, а вот нунчаки пожалуй можно изладить. Таскал их по молодости какое-то время. Применить так и не пришлось, но в лоб себе не засвечу. Если чуть потренироваться, то тот кому по голове прилетит деревяшкой на цепочке, вряд ли обрадуется. Тем более, местные с этой вундервафлей не знакомы, так что «сюрприз будет».

Архипка, увидев как я достаю из рукавов ножи и кидаю их в мишень, а потом луплю мини-цепом по мешку с соломой, тоже захотел себе подобный девайс. А там и Платошка с Антоном подтянулись. Пришлось идти к дядьке Ивану и изготовить для них метательные ножи, и цепочки для нунчак. Теперь тренеруемся, набиваем себе шишки.

Парни сообщили родителям, что Ленька Немтырь и Архипка Назаров организуют мастерскую, а их приглашают работать и даже платят по десять рублей в месяц. Получив от

отцов добро, они на следующий день прибежали к нам прямо с утра, так им хотелось сделать летающий винт. Но я их обломал и заставил потренироваться вместе с нами. Потом под руководством Архипки они принялись мастерить пропеллеры.

Я же, встав за токарный станок, попытался выточить большую фигурку матрешки. Получалось долго и плоховато. Похоже, что с матрешками я погорячился. По крайней мере на этом примитивном станочке много не наточишь. Придется снова деда побеспокоить и уж с его помощью сделать новый более производительный станок с суппортом и шаблонами. Да и для производства летающих винтов нужно какую-нибудь механизацию придумать, а то вон у парней, черт знает что получается. Бросив недоделанную заготовку матрешки и глядя на работающих друзей, стал обдумывать как можно быстрее и с меньшими затратами изготовить винт. Пока ничего не придумывалось, но я знал, что если над чем-то много и усиленно думать, рано или поздно, что-нибудь да и придумается.

Между тем парни наконец доделали пропеллеры, и выскочили во двор. Вышел вслед за ними, посмотрел как они галдя, запускали в небо свои поделки и спорили у кого выше и дальше летит игрушка. Что с них взять дети они и есть дети. Хотя, если честно признаться, сам еле сдержался, чтобы к ним не присоединиться.

Глава восемнадцатая

На следующий день, в полдень, приехали наши купцы. Вечером, после того как мужики отдохнули с дороги и, попарившись в баньке, собрались у нас; поговорить, выпить бражки, расслабиться малость. Жабин шурился как сытый кот и выглядел вполне довольным. Кузьма с Митькой тоже не казались замученными. Подробности расспрашивать пока не стал. Опасения мои, что они проторгуются оказались напрасными. Спрос на зерно вблизи железной дороги был вполне нормальным. Про голод в «Рассее» поговаривали, но пока особого ажиотажа не было. Хотя обещанной мной заоблачной прибыли мужики не получили, но наварились вполне прилично. Ну и слава богу.

Кузьма с Митькой приделались и привезли кучу подарков всей родне. Митька наконец приобрел себе жилетку и выглядел как приказчик в скобяной лавке. Чем торгуют в скобяной лавке я не знал, но, судя по названию, явно чем то занятным. Кузьма тоже от него не отстал и даже обогнал. По крайней мере, на толстой серебряной цепочке, пролегшей по впалому пузу были у него изрядной величины карманные часы, которые он время от времени доставал и нажимал на кнопку. С легким звоном крышка часов откидывалась и всем желающим демонстрировался циферблат с золочеными цифрами и стрелками вычурной формы.

— Митька, а ты что от дядьки отстал. Почему часов себе не прикупил? — Спросил я. Митька промолчал, а Кузьма, засмеявшись, сказал:

— А он себе ружье купил двустольное, как у Акима Силантьева. Вот на часы денег и не хватило.

— Ух ты! — Воскликнул Архипка. — Патронов-то купил? Дашь стрельнуть? Пошли покажешь.

Митька неопределенно махнул рукой и сказал:

— Давай завтра. Сегодня уже поздно и лень, а завтра и посмотрите, и стрельнуть дам.

Утром, пока мужики отсыпались, после пьянки, Архипка, Платошка с Антохой и я пошли к Митьке смотреть ружье. Я захватил с собой револьвер и пачку патронов. Архипка же, выпросив у меня самый компактный пистоль из четырех имеющихся, сделал себе кобуру под мышкой и со своим револьвером уже не расставался. Патронов для его револьвера было мало, поэтому я ему сказал, что если он их попусту разбазарит, то будет ходить с пустым барабаном. Архипка проникся и сейчас у него в барабане было пять патронов, как впрочем и у меня. Читал где-то, что американские ганфайтеры, чтобы исключить случайный выстрел, так заряжали свои ковбойские револьверы; пустая камера барабана всегда находилась против ствола.

То, что Архипка пристрелит кого-то из деревенских, я совершенно не боялся. Местные детишки от своих сверстников из моего времени отличались сугубой взрослостью и ответственностью. Пейзанская жизнь и тяжелая работа, очень быстро делала из них этаких небольшого роста мужичков.

Митька встретил нас довольно хмуро:

— Чё так рано приперлись?

— Да ладно тебе. Давай бери свое ружье пойдём за деревню постреляем. Я вот револьверчик прихватил. — Я показал ему свою пушку. Митька потянулся было к револьверу, но я остановил его, сказав:

— Там посмотришь и постреляешь.

Митька, немного помедлив, согласно кивнул и пошел в дом за ружьем и патронами.

Стрельбище решили устроить на реке в том месте, где мы с Архипкой в прошлом году испытывали арбалеты. Отсчитали сорок шагов от глиняного обрыва и палкой провели черту, обозначив рубеж для стрельбы. Возле обрыва наставили, в качестве мишеней, нарезанные ножом глиняные столбики и приступили к стрельбе из митькиного ружья. Договорились, что каждый выстрелит по одному патрону из обеих стволов.

Митька стрелял первым и вполне успешно. Два глиняных столбика были расстреляны им в пыль. Захвативший ружье Архипка сбил лишь один столбик. Антоха пальнул один раз и схватился за плечо:

— Лягается зараза.

— Приклад нужно крепче к плечу прижимать, тогда и лягаться меньше будет и в цель будешь попадать, а не палить в белый свет как в копеечку. — Наставительно сказал я.

— Ага.... — Согласился Антоха и промазал второй раз.

А вот Платошка удивил. Он взял ружье подержал его в руках, потом несколько раз приложил к плечу принаравливаясь, наконец пальнул и сбил один столбик. Во второй столбик он промазал — слишком долго целился. Я же взяв ружье целиться не стал, навскидку выпалил по очередно из двух стволов, в полной уверенности, что попаду. И действительно попал. Один столбик разлетелся, а второй слегка качнулся, видимо в него попала одна или две дробины.

— Ну ты Немтырь даешь! — Завистливо сказал Антоха.

— Ничего, вот ружье купишь, потренируешься и тоже будешь попадать. — Обнадежил я парня. — Давайте сейчас из пистоля постреляем. Патронов хватит каждому по пять раз выстрелить.

Достал револьвер и, выбив из барабана патроны, подал его Митьке. Тот взял револьвер, подержал его в руках, по прицеливался в лежащую корягу и сказал:

— Зачем патроны вынул? Давай их сюда.

— погоди! Чем сразу из него палить, нужно немного поучиться с ним правильно обращаться. Вон Архипка уже знает как. Ну-ка, боец! Правило номер один.

Архипка ухмыльнулся и отбарабанил:

— Правило номер один: никогда не наставлять на своих даже не заряженный пистоль.

— Вот это самое главное правило и его нужно выполнять всегда, иначе можно кому-нибудь и бошку прострелить. Правило второе: размахивать и грозить кому либо пистолетом тоже не надо. Доставать его нужно только в крайнем случае, когда нет другого выхода. Но если достал то стреляй сразу, лучше пальнуть мимо, чем дать повод твоему врагу засомневаться в том, что ты сможешь в него выстрелить.

— Ты чё Немтырь? Какие враги? — Антоха был неподражаем.

— Это сейчас у нас врагов, которых без пистолета не одолеть, нету. А вот пойдешь ты в тайгу за шишками, а тебя беглые каторжники встретят? И че тогда?

— Ладно! Хватит балаболить! Давай постреляем. — Нетерпеливо сказал Митька.

— Хорошо! Пусть Архипка первым стреляет, потом ты, за тобой Антоха с Платошкой, ну а я последний.

Митька неохотно протянул револьвер Архипке, а я подал патроны. Архипка довольно ловко вставил их в барабан и, подняв револьвер стволом вверх, спросил:

— Куда стрелять?

— А вон коряга и сук торчит. В сук и пали. Тут расстояние самое то для стрельбы из револьвера. Метров двенадцать-пятнадцать не больше.

Архипка, держа револьвер на вытянутой руке прицелился и первым выстрелом зацепил сук по краешку. Остальные четыре пули ушли в молоко. Митька, завладев пистолем, не совсем ловко выбил шомполом стреляные гильзы и, вогнав в барабан свои пять патронов, довольно быстро отстрелялся, ни разу не попав в сук, зато всадил две пули в корягу чуть ниже сучка. Антоха, повозившись с перезарядкой, послал свои пульки в сторону коряги, умудрившись попасть в нее одной почти в метре от цели. А вот Платошка снова удивил. Он не торопясь перезарядил револьвер и, так же не торопясь, отстрелялся, попав один раз в сук, причем ближе к центру.

— Молодец, Платоха!

Платошка, улыбаясь до ушей, протянул игрушку мне. Перезарядив, я прицелился придерживая рукоять левой рукой и не давая револьверу дергаться вогнав две пули в сук почти по центру. Затем, сделав три приставных шага в сторону, выстрелил еще два раза в движении и даже один раз попал. Последний патрон я решил выстрелить в классической дуэльной позе. Встал боком, навел свой пистоль на мишень и позорно промахнулся. Но несмотря на мой последний промах, парни очень впечатлились. Откуда им было знать, что в той жизни мне подарили на день рождения пневматическую копию «Макарова» и я извел чуть ли не сотню баллончиков с углекислым газом и тысячи две стальных шариков, стреляя из него на рыбалке, когда не было клева. Конечно пневматика это далеко не боевое оружие, но кое какие навыки я все таки получил. Да и здесь немного пострелял и с Архипкой, и когда золото один мыл.

Дня через четыре в село вернулся Савва Зырянов. Я несколько поднапрягся ожидая какойнибудь подянки от его поделщиков. Но все было тихо и никто подозрительный в селе не появился. Дед взяв часть намытого золотого песка куда-то уехал вместе с Жабиным. Скорее всего поехали в Бийск, в надежде пристроить золотишко. По хорошему надо было бы попросить деда патрончиков к револьверам прикупить, но наглеть не стал. Сам собираюсь в Барнаул съездить, там и куплю.

Жабина, на предмет расплаты за совет спекулировать хлебушком, напрягать не стал. Куда он денется. Тем более, что в этом году прибыль получили не большую, меньше пятидесяти процентов наварили. Видимо голод еще не слишком прижал и правительство не озаботилось массовой скупкой зерна, а значит и заоблачной цены на хлеб пока не будет. Вот на будущий год цены должны взлететь, по крайней мере в моем мире так и было, если так будет и здесь, то хитропопый деревенский «олигарх» с крючка не сорвется. Денежку с него слуплю.

Мы с парнями занялись изготовлением летающих пропеллеров. На дедовом токарном станочке с ножным приводом Антоха точил оси и втулки. С винтом было сложнее — его пришлось выстрагивать ножом. Чтобы винты получались одинаковые и более-менее сбалансированы, придумали несколько простейших приспособлений. Платошка с Архипкой строгали винты, я же как самый бестолковый и не умелый делал для них заготовки. Работали недолго, часа три. Остальное время тренировались и учились. Выпросив у Бабы Ходоры подшивку «Нивы», заставлял пацанов читать и писать, иначе забудут и так очень небольшую прививку грамотности. Сам читаю, привыкая к современной орфографии с дурацкими ятями, фитами и тому подобной ерундой.

Надо будет книжек прикупить в Барнауле, ну если там есть книжный магазинчик или лавка, а то я уже начинаю сомневаться в их наличии. А еще я парням преподаю арифметику,

заставляю их учить таблицу умножения и считать в уме. Умственный счет хорошо детские мозги развивает, калькуляторов-то пока нет.

К Бабе Ходоре частенько захоживаю, поговорить с ней и Катькой, которая в учебе продвинулась гораздо дальше моих дуболомов. По итальянски со знахаркой чирикает и траволечение постигает, речь ее все грамотней становится и больше не бегаёт сплетничать. Некогда ей! Иногда и Архипка со мной к ним захоживает.

Кстати, Савватевна с ним после того случая с итальянцами сеанс гипноза провела по моей просьбе. Боялся я, что пацан не утерпит и начнет рассказывать о великом сражении в ее избушке. Поэтому она время от времени просит приводить пацана к ней для наблюдения и правки мозгов. Надо будет и Платошку с Антохой сюда привести, пусть и им мозги немного вправит, а то тупят парни иногда.

Вот и сегодня мы с Архипкой, проводив девчонку, идем к себе домой. Осень на дворе. Темнеет быстро, фонарей в деревне нет, поэтому тащимся не спеша, чтобы со слепу в грязь не врюхаться. Я, чтобы зря не терять времени, кручу нунчаки — руки тренирую. Архипка молча бредет чуть впереди, о чем то задумавшись. Завернув за угол, натыкаемся на три темные фигуры. Слышу негромкое:

— Они!

Архипку хватают двое и, стукнув, скручивают. Я бью одного деревяшкой на цепочке по голове и, стараясь не задеть друга, луплю второго по рукам. Ударенный по голове молча оседает на землю, второй сдавленно матерится, но Архипку не выпускает. Крутанув нунчаки пытаюсь и второму врезать по башке, но боковым зрением улавливаю какое-то смазанное движение, пытаюсь уклониться, но не успеваю, получаю чем-то тяжелым вскользь по затылку и проваливаюсь в темноту.

Прихожу в себя от тряски. Голова раскалывается, но вспомнил все сразу и трепыхаться не стал, поскольку лежу носом в пол, на спине у меня стоят тяжелые сапоги, а в сапогах чьи-то ноги. Рядом валяется Архипка и трясет нас с ним невероятно. Из чего я заключил, что мы едем, а точнее нас куда-то везут. Похоже влипли и влипли основательно. Вот блин идиот! Расслабился и меня подловили. Ладно меня, но ведь и Архипку подставил и деда, да вообще всех. И что я сегодня Кабая с собой не взял. Был бы пес с нами, вряд ли бы нас захватили. Хотя не факт. Кабая могли и грохнуть.

Ладно, хватит ныть, думать надо как из этой задницы выбираться. Так, что мы имеем? О! Это сюрприз! Меня даже не обыскали и не связали. Вот он дерринджер подмышкой и ножи в рукавах. Надеюсь и у Архипки револьверчик из-за пазухи не выпал. Вот тут-то ребята прокололись и прокололись основательно и, если нам немного повезет, то можете очень сильно удивиться, прямо смертельно удивиться. Блин! Трясет-то как! Куда же все таки нас везут?

— Ну что Кила очухался? — Раздался над головой хриплый голос.

— Башка трещит, как с похмелья и блевать тянет. — Голос второго был тонок и жалок.

— Эй! Ты в пролетке не наблюдай. А то пёхом пойдешь. — Послышался с облучка знакомый голос. А ведь это Пахом, зыряновский кучер и телохранитель. — Я ж вас предупреждал, чтобы вы были поосторожнее с мальцами. Так нет, вы сами с усами, вот и получили.

— Чем это он меня?

— Палкой на цепочке. Мне вон руку гаденьш отсушил.

— Дай-ка ее мне. Я его тоже по башке буцкну.

— Ага, тебе потом Филин буцкнет. Поспрашивать сучонка надо, куда Рябой с кодлом подевался. Вон Зырян гуторит, должён был Рябой этого шкета с дедом прихватить, но пропал Рябой, а они вон возвратились и похоже не пустые.

— А сам Филин где?

— Тебе-то какое дело. Сказал ждать его, вот и будем ждать.

— Приехали! Выгружайте сучат. — Подал голос Пахом.

— Куда их?

— В хату тащите. На пол в углу бросьте.

Тряска прекратилась и чьи-то грубые руки схватили меня за шиворот и выдернули из пролетки. Делая вид, что я все еще бессознания попытался свалиться на землю, но не преуспел. Хриплый, дыша перегаром и чесноком, удержал мою тушку и сказал:

— Чёта он как дохлый. Пахом, а ты его случаем не пришиб?

— Не должён. Я его не сильно стукнул. Полежит, очухается. Кила хватай другого. Я сейчас лампу зажгу. Э! Кила ты чего?

Но тот, не отвечая, согнулся в рвотных позывах. Похоже, я ему сотрясение мозгов устроил.

— Колеса не облюй, убогий. Хрипатый обоих тогда тащи.

О как! Оказывается у мужика и погоняло соответствует. Хрипатый значит. Хрипатый оказался мужиком здоровенным и поматерившись, попер нас под мышками как щенков. Затащив в дом, бросил обоих на грязный пол. Пахом, пройдя к столу, зашарил по нему руками в поисках лампы:

— Хрипатый! Лампа где?

— Не там шарить. На лавке глянь. Нашел? Тогда я пойду посмотрю, чё там с Килой.

Пахом, не отвечая, стал добывать огонь при помощи кресала. Пока он стучал высекая искры, я тихо потрогал Архипку за руку. Тот зашевелился. Очнулся! Я легонько придавил его рукой и прошептал на ухо:

— Тсс....

Архипка понял и притих. Между тем, Пахом зажег лампу и осветил изрядно загаженную халупу. Бросив на нас взгляд и убедившись, что мы лежим не шевелясь, быстро осмотрелся. Увиденный бардак ему не понравился, о чем он и сообщил вошедшим поделщикам:

— Вы чего заимку-то так запакоостили. Зырян ругаться будет. Не любит он грязи.

— Да пуцай поругается. Нам от его лая ни холодно, ни жарко. — Сказал Хрипатый, усаживая постанывающего напарника на лавку. Потом пошарив под столом, достал бутылку и, вытащив пробку, изготовленную из капустной кочерыжки, налил мутноватую жидкость в стакан и подал его страдальцу:

— На Кила хлебни, небось полегчает.

— Ох.... — Простонал тот, но стакан взял и дрожащей рукой поднес его ко рту. Выпил, передернулся и сказал почти нормальным голосом:

— Закусить чегонибудь дай.

— На вот капустки пожуй: — Хрипатый пододвинул ему глиняную чашку. После чего налил самогонки в другой стакан и спросил:

— Пахом будешь?

— Налей чуток.

Тот набулькал самогонки в освободившуюся после Килы посудину и подвинул ее ближе к усевшемуся за стол Пахому. Дружно выпили и захрустели капустой доставая ее из чашки

руками.

Я смотрел на них сквозь ресницы и злился. Страха почти не испытывал, а вот злоба заставляла меня стискивать зубы. Вот же уроды, ну нейметесь им. Как они достали уже своим сермяжным жлобством. Ну суки! Молитесь! Жаль не могу их медленно резать, чтобы они выли и делали в штаны от страха. Бешенство стало мутить сознание. «А ну успокойся» прозвучал в голове холодный голос. Старик? А ведь он прав, надо успокоиться. Прикрыв глаза я стал считать до десяти. Немного отпустило. Кила хлебнув самогонки снова загоношился:

— Сейчас я этого сученка на ремни распущо.

— Сиди уж, убогий! Распустит он. Сказано ждать Филина с Зыряном, значит закрой хлебало и жди. — Голос Пахома был тверд, речь убедительна. Видно не последний человек он в этом кубле.

Я слушал их разговоры и, когда они, не обращая на нас внимания, сели пить, решил, что пожалуй пора немного подпортить им аппетит. Голова еще изрядно побаливала, но откладывать «сюрприз» было чревато. У меня в запасе всего два выстрела, патроны в кармане были, но перезарядить дерринджер вряд ли мне дадут. Надежды на Архипку особой нет. Хотя револьвер наверняка у него есть, но пацану тоже изрядно досталось, да и сможет ли он выстрелить в человека — большой вопрос. Значит надо не промазать. Свалю Хрипатого с Пахомом, а с ударенным по голове Килой какнибудь справлюсь, ножи на месте, кидаю их уже вполне прилично. Справлюсь. Лишь бы еще кто не заявился в ближайšie несколько минут.

Тихонько сунул руку за пазуху и вытащил пистолет. Бандиты по прежнему не обращали на нас внимания, хрустели закуской и набулькивали по второй порции пойла. Толкнул левой рукой Архипку и, приняв сидячее положение, выстрелил в Хрипатого и чуть повернув ствол, бабахнул в спину, пьющего самогон Пахома. Тот, как-то странно хрюкнул, выронил стакан и сунулся носом в стол. «Этот готов!», решил я вставая на ноги и, уронив на пол дерринджер, выдернул ножи, намереваясь разобраться с Килой, который пребывал в ступоре.

Бросил взгляд на Хрипатого и похолодел — тот был жив и с удивлением рассматривал свою окровавленную ладонь и правый бок. Потом он глянул на неподвижного Пахома, взревел и пошел на меня. Огромный, косматый, озлобленно рычащий, он был похож на вздыбившегося медведя и напугал меня, чуть ли не до мокрых штанов. Я попятился и уперся спиной в стену. Ножи, которые я держал в руках, показались мне маленькими, легкими и совершенно бесполезными, но другого оружия не было и, держа их перед собой, ждал, когда этот медведь на меня навалится. Но грохнул выстрел и Хрипатый, постояв, безвольной куклой свалился мне под ноги. Архипка! Архипка сидел держа во вздрагивающих руках револьвер и икал.

— Молодец, Архипка! — Крикнул ему и страх сковавший меня, ушел. Глянув на находящегося в ступоре Килу, резко взмахнул рукой, пуская в полет потяжелевший нож, в полной уверенности, что попаду и не ошибся. Нож по рукоять вошел в ямку под худой шей и последний бандит повалился на пол суча ногами.

— Фух! — Выдохнул я и, не удержавшись на ватных ногах, сел на пол. С минуту сидел неподвижно. Но потом, вспомнив, что еще не ничего не закончилось и скоро сюда придут Зырян с неким Филином, взял себя в руки и начал шевелиться. Прежде всего отправил второй нож в ножны и поднял с пола пистолетик, быстро перезарядил его и, поднявшись, подошел к Архипке. Тот по прежнему сидел и смотрел стеклянными глазами на убитого им

бандита.

Я вынул у него из рук револьвер, который он отдал не сопротивляясь. Потом помахал перед его глазами рукой и даже похлопал по щеке. Архипка отмер и проговорил:

— Мы чё их всех убили?

— Тебе их жалко? У нас с тобой выбора не было: или они нас пошинкуют, или мы их грохнем. Хватит нюнить! Валить отсюда надо. — Как можно жестче сказал я.

Архипка поднялся, потоптался на месте и протянул руку за своей пушкой.

— погоди. — сказал я. — Патроны у тебя еще есть?

— Есть! Три штуки. Последние. — Сунул руку в карман и показал патрончики.

— Не густо. Заряди полный барабан. — Подал ему револьвер, а сам держа свой пистолетик наготове, пошел к лежащим уркам. По хорошему надо бы еще каждому в башку пулю засадить для контроля. Но патронов было мало, тыкать их ножом у меня не хватило духу. Обыскивать их не стал, только стараясь не испачкаться в крови, вытащил из затихшей тушки тощего бандита свой нож, обтер лезвие об его одежду и сунул в ножны. Оглянулся на друга, который запихивал в барабан последний патрон, сказал:

— Пошли быстрее. А то скоро еще заявятся. И кстати знаешь, что это за место?

— Слышал же сам, что это заимка зырянская. Верст пять до села отсюда. Пошли. Я дорогу знаю — не заплутаем.

Выскочили на улицу и сразу стало ясно, что опоздали. За поворотом был слышен негромкий стук копыт и характерный скрип плохо смазанных осей. Я быстро огляделся, спрятаться можно было только за сарай. Туда и рванули. Через минуту из-за поворота показалась лошадь запряженная в двуколку. И хотя было темно я разглядел держащего вожжи Зырянова. Сидящий рядом мужик был не знаком, наверное это и есть Филин. Они заехали во двор и остановились рядом с пролеткой. Филин приподнялся с сиденья и огляделся:

— Тихо что-то. Зырян, ты развернись и посиди пока тут, а я в хату. Гляну што там.

— Ты чего Филин?

— Тихо, говорю, в хате. Как бы не случилось чего.

— Ладно! Как скажешь.

Филин легко соскочил с двуколки и, по волчьи оглядываясь, двинулся в избу. Чует гад опасность. Я вытащил свой деринджер и протянул его Архипке, прошептав:

— Дай свой пистоль, а этот возьми.

Архипка беспрекословно подчинился. Пока Зырянов был занят разворачиванием двуколки и находился ко мне спиной я, низко пригнувшись, прошмыгнул в тень от пролетки. Встав на колени, и взяв револьвер двумя руками, прицелился в дверь. Расстояние до нее было не большое и я надеялся не промазать. Не прошло и тридцати секунд, как дверь распахнулась и на пороге показалась коренастая фигура, подсвеченная лампой, горевшей в хате. Ни секунды не раздумывая, я дважды нажал на спусковой крючок. Мгновенно повернувшись, послал двоечку в натянувшего вожжи Зырянова. Затем зайцем метнулся за угол дома и, упав на землю, осторожно выглянул. Лошади, испугавшиеся выстрелов, дернулись, но не убежали, поскольку одна была привязана, а вторую остановил запутавшийся в вожжах Зырянов, который лежал на земле и не шевелился. Так! Один вроде уже не опасен. Чтобы увидеть второго, мне пришлось немного приподняться и высунуться из-за угла, что я и проделал держа револьвер наготове.

Увиденное впечатлило. Филин сидел, привалившись спиной к дверному косяку, и

зажимал левой рукой дырку в животе. Правая его рука тянулась к валявшемуся рядом револьверу. Я вскочил на ноги и, не отводя от него ствола, быстро, но осторожно подошел. Не глядя, ногой откинул оружие в сторону. Увидев меня, Филин поднял правую руку и, что-то попытался сказать. Слушать его не стал и выстрелил ему в грудь. Получив третью пулю, он завалился на спину, подергался и затих. Подойдя поближе к лежащему ничком Зырянову, вогнал последнюю пулю ему в затылок. Ну вроде все! Отбились. Но, расслабляться рано.

— Архипка! — Позвал я выглядывающего из-за сарая дружка. — Иди сюда!

Архипка, осторожно ступая, вышел из своего убежища и, покосившись на труп Зырянова, вопросительно глянул на меня. А хорошо парень держится: ни суеты, ни истерик. Молодец!

— Выйди на дорогу за поворот, покарауль. Если кто покажется, свистни.

Архипка согласно кивнул и рысью выбежал за ворота. Плюнув на наваливающуюся слабость, подошел к револьверу Филина, поднял, осмотрел и, убедившись, что он заряжен, хотел войти в хату, но остановился. Вход перекрывал труп Филина и, чтобы пробраться в хату, нужно было переступить через него. Черт! А вдруг он еще живой, очнется и ухватит за ногу. Подойдя поближе, попинал того по сапогу. Не шевелится. Собравшись с духом решительно перескочил через мертвое тело. В хате огляделся. Вроде все дохлые. Преодолевая отвращение бегло обыскал трупы на предмет оружия и денег. Мародерка — наше все!

Оружия, кроме плохеньких ножей, не оказалось, лишь у Пахома в кармане нашелся длинный как колбаса мешочек набитый песком. Блин! Похоже, этим мешочком мне по башке и досталось. Ни ножи, ни мешок с песком брать не стал. Денег на всех нашлось семь рублей мелочью. Сунул их себе в карман. Вышел на крыльцо и стал обшаривать труп Филина. У этого денежек оказалось побольше — аж целых сто тридцать пять рублей с копейками. Бонусом — пачка патронов к его револьверчику. «А ведь выгодное дело бандосов потрошить» — подумалось мне. Пошел было к трупу Зырянова, но остановился и, немного подумав, решил затащить тело Филина в хату.

Сука! Какой он тяжелый. Пыхтя, волоком перетащил жмурика через порог. Чуть оттащив от входа, бросил. Выскочив во двор немного отдышался и осмотрелся. Вот чудак на букву «М», чуть не забыл. Подошел к пролетке, взял лежащие на сиденье нунчаки, засунул их себе за пояс.

Обыскивать и затаскивать в хату Зырянова не хотелось, но делать было нечего пришлось перевернуть тяжелый труп и обшарить. Денег не нашлось, зато нашелся обрез двустволки. Блин! Коллективизации еще и в помине нет, а у кулака уже обрез за пазухой. Посмотрев на труп и оценив расстояние до хаты, решил позвать на подмогу Архипку.

Дружок покривился, поморщился, но помогать взялся. Вдвоем довольно легко отволокли труп и оставили рядом с подельником Филином. Тут же бросили и обрез.

— Архипка, выводи лошадей за ворота и жди меня в двуколке. Я тут немного пошурюю и поедем.

Архипка молча кивнул и пошел выполнять. Пошарив по углам в хате, я нашел жестяной бидончик на четверть наполненный керосином. Полил лежащее на лавке возле стола какое-то тряпье керосинчиком и поджег его с помощью лампы. Дождавшись, когда тряпье хорошенько разгорится бросил в огонь лампу и выскочил на крыльцо. Притворил не плотно дверь и побежал к ждущему меня другу.

— Погоняй Архипка!

Тот дернул вожжи, заставляя коняшку пойти рысью. Вторая лошадка сначала потянулась за нами, но потом отстала. Я время от времени оборачивался, но пока ничего не было видно, и лишь когда отъехали от заимки километра два увидел, за деревьями отблески пламени.

Архипка оглянулся вместе со мной и увидев пожар запаниковал:

— Ты чё Немтырь заимку зажег што ли? А если огонь на лес перекинется — погорит село.

— Нет Архипка, заимку зыряновскую варнаки подожгли и самого Зырянова они же ухайдакали. А нас с тобой здесь не было. Мы это.... Спим мы с тобой дома. Понял?

Архипка обалдело смотрел на меня. Я с нажимом повторил:

— Ну ты понял?

Архипка задумался, потом покивал головой и, запинаясь, проговорил:

— П...понял.

— Вот и славно. А насчет пожара не бойсь. Лес возле заимки давно уже на дрова пустили. Да и распахано тут все. И если хочешь, чтобы нас с тобой не грохнули, не вздумай никому рассказывать, что мы тут наворотили. Понял?

— Да понял я, понял! Чай не дурак. Только вот чего это варнаки к нам с тобой прицепились?

Я посмотрел на парня. Блин! Не успокоится ведь упрямец. Пожалуй пора его просветить.

— Ладно! Слушай. Недели через три после того как тебя тятя в село проводил, на нас варнаки напали. Шестеро их было. Хотели наверное золотишко, что мы накопили отнять, а меня с дедом замордовать. Но мы их побили и прикопали. Только деду руку прострелили, а мне чуть в пузо заряд дроби не всадили. Успел я уклониться да приклад самострела подставить, вскользь по боку дробины прошли. Покажу днем. Эти, что нас с тобой схватили подельники тех варнаков. Решили видно узнать у меня куда их дружки подевались. Ну а ты прицепом пошел.

— А ты не врешь Немтырь?

— Не вру Архипка, не вру. — Вздохнул я.

— А дядька Зырянов тут причем.

— Зырян то и навел бандюков на нас с дедом. Похоже и твоего отца с его подачи эти же бандиты убили. Так что поделом ему.

— А про батьку моего откуда ты узнал?

— Ну так варнаков, что на нас с дедом напали мы не сразу поубивали, пораспрашивали кой о чем. У деда потом узнаешь если мне не веришь. А сейчас давай-ка пешочком прогуляемся, чтоб с двуколкой зыряновской не засветится. Село то уже рядом. И надо нам с тобой брат Архипка тихонько домой пробраться, чтобы никто не углядел, что мы ночью по селу шаримся.

— Дак чего в этой темноте разглядишь? Дождь наверное пойдет. Вон тучи какие и ветер поднялся. Давай напрямки через поле успеем поди до дождя.

Мы успели, и похоже никто нас не видел. Тихонько пробрались в бывший прохоровский дом и не зажигая огня повалились спать. Надо сказать, что никаких душевных терзаний по поводу убиенных мною бандитов я не испытывал. Я не видел в них людей. Я даже не знаю как мне их назвать. Назвать зверями — обидеть зверей. Если бы не их бороды и одежда, то были бы они для меня неписями из игрушки «Сталкер. Тень Чернобыля». А по тем

виртуальным бандитам я палил из всех стволов стоило лишь их увидеть. Единственное, что я боялся, это как бы не вышли на нас с Архипкой, при расследовании этого массового убийства.

Но самое удивительное, что и Архипка не слишком заморачивался тем фактом, что пришлось завалить варнака. Отошел от первого приступа оцепенения и вновь готов к «труду и обороне». Не знаю как в остальном мире, но сибирские крестьяне конца девятнадцатого века всякой интеллигентской рефлексией явно не страдали. И похоже детки их, развозить розовые сопли тоже не собираются. Архипка уж точно. Уснул сном младенца.

Под утро я проснулся от грохота. Вылез из под овчины, что служила одеялом и выглянул из сеней. Не слабый дождь с громом и молнией, что сверкала в той стороне где находилась зырянская заимка, пролился бальзамом на душу. Я конечно старался не оставлять следов нашего пребывания на пресловутой заимке, но особой уверенности в их отсутствия у меня не было. А вот теперь могу быть более-менее спокоен. Дождь в той стороне бушевал явно не осенний. «И дождь смывает все следы» — фильм такой смотрел в юности. Сам то фильмец дерьмо фээргевское, но название в тему. Немного полюбовался на молнии и пошел досыпать.

Глава девятнадцатая

Поздним утром проснулись с Архипкой от того, что кто-то барабанил в окно. Открыв дверь увидели Егорку. Тот сразу на нас наехал:

— Вы чё дрыхните? Мамка ругается, остыло все. А вас нет и нет.

— Не кричи! Скажи мамке, что идем. — отмахнулся от звонкоголосого мальчика Архипка.

Жрать хотелось очень сильно. Видимо вчерашние приключения потребовали от нас изрядных сил и возбудили не шуточный аппетит. Быстренько умывшись и одевшись, предстали пред теткой Степанидой как два голодных щенка. Оглядев, нас она сказала:

— Вы где так угваздались? И керосином от вас пахнет? Что опять натворили?

Вот ведь глазастая баба. Чуть не спалила. Но Архипка, закаленный в многолетней борьбе за свою не раз поротую задницу, мигом отбоярился:

— Вчера вечером когда домой шли, Немтырь споткнулся в темноте и в грязь шлепнулся.

— Ленька споткнулся, а ты почему грязный, тоже споткнулся?

— Не я это.... Когда его поднимал и отряхивал, немного замарался. Скажи Немтырь!

— Правда, тетя Степанида, упал я. А что керосином пахнет, так это мы вечером лампу заправляли, вот и пролилось немного.

— Вы там мне хату не спалите со своим керосином. Ладно! Садитесь есть, а потом в баню воды натаскайте, нагрейте и хламиды свои снимайте. Постирать их надо.

Довольные, что легко отделались мы сели за стол и навернули по большой чашке щей, щедро заправленных сметаной. Наевшись и выпив по кружке молока, решили немного отдохнуть. Опершись спиной о стенку и сыто отдуваясь я спросил:

— Тетя Степанида, а тятка не сказывал когда вернется?

— День сегодня какой? Пятница?

— Ага! Пятница.

— Значит сегодня или завтра должен приехать. Вы давайте не расслаивайтесь. Вам еще и дрова пилить нужно.

Блин! Опять дрова! Натаскав воды в баню, мы взялись за пилу. Пилить дрова мне жутко не хотелось, но ответственный мужичок Архипка взял дело в свои руки и мне пришлось подчиниться.

Дергая пилу, я лениво размышлял, что дальше делать с этими наездами. Судя по всему, этот угод Голован не успокоится. Интересно, сколько еще быков в его банде осталось. Мы с дедом грохнули пятерых, не считая Карася, который на свою беду стал таки подпевалой у Зыряна. С Архипкой троих завалили. Итого восемь рыл. Не хило так проредили банду. Много воругов остаться не должно. Барнаул конца девятнадцатого века городишко небольшой, не сильно разгуляешься. Сюда он послал, судя по всему самых отвязных, не боящихся замараться в крови, но ведь явно не всех. Значит есть у него еще рыл пять, хотя может и больше, но вряд ли намного.

Все таки надо, наверное, наведаться в Барнаул, пообщаться с этим паханом. С собой Архипку взять, благо парень уже пороху и крови нюхнул, так что не подведет. Да и Антоху с Платошкой прихватить, город показать и ну и приобщать понемногу к «делам нашим скорбным». Дед приедет надо с ним посоветоваться. В любом случае без него мы с барнаульскими бандюками не справимся, а вот если дед впишется, шансы прищучить

хитромудрого Голована есть.

Архипка, энергично тягавший пилу, вдруг затормозил и с интересом уставился мне за спину. Я оглянулся: по улице быстро, чуть ли не бегом неслась, огибая грязные лужи, крепкая толстоногая бабенка.

— Гамузиha чешет. — Вполголоса прокомментировал Архипка. — К матери бежит. Чёто рассказать хочет. Ишь как торопится.

Архипка не ошибся. Бабенка подскочила к нашим воротам и закричала:

— Стешка! Стешка! Поди сюда! Расскажу чёй-то.

— Чего тебе Агафья? — Вышла из дома тетка Степанида, вытирая испачканные в муке руки.

— Бяда у нас в селе. Зыряновскую заимку молонья сожгла.

— Так это Савкина беда. — усмехнулась Архипкина мать, как и многие в селе не жалующая Зырянова.

— Дак и Савка в той заимке сгорел и Пахом с ним. Акромя их еще пришлые сгорели. Аким с мужиками туда поехал.

— Вот как. — перекрестилась тетка Степанида. — Наказал значит Господь Зырянова. — и перекрестилась еще раз.

— Госпоодь...? — удивленно протянула Гамузиha. Видимо такая простая мысль ей самой в голову не пришла.

— А кто же еще по твоему. Молонья куда зря не ударит.

Женщины снова перекрестились, причем Гамузиha проделала это очень торопливо.

— Ладно пойду я. Мне еще к Блиновым забежать надо. — Подобрав подол бабенка на хорошей скорости стартанула вдоль улицы. Тетка Степанида посмотрела ей вслед и неодобрительно покачав головой пошла в дом.

Я глянул на друга. Побледнев, он судорожно сжимал ручку пилы.

— Расслабся Архипка. Слышал! Это молния заимку сожгла! Понял! МОЛНИЯ! — произнес это как можно жестче. И добавил:

— Если прибегут пацаны и позовут пойти и посмотреть — пойдем. И ни кому ни слова! Понял!

— Чё ты заладил: «понял да понял» — Вдруг рассердился пацан. — Понял конечно. Не дите малое.

— Вот и прекрасно. Давай отдохнем. Задолбали уже эти дрова.

— Ну ты и лодырь, Немтырь. — Заулыбался дружок.

— Чё это лодырь? — Деланно возмутился я, радуясь, что Архипка опять пришел в адекватное состояние. — Можно подумать, что ты прям счастлив пилой туда сюда елозить.

— Счастлив не счастлив, а деваться некуда. Пилить надо. Померзнем зимой без дров. Ладно, передохнем, а потом колоть будем.

Но помахать топором нам сегодня не пришлось. Антоха с Платошкой прибежали бегом и заприплясывали от нетерпения.

— Пацаны побежали, посмотрим на пожар. — Закричал Антоха, нисколько не сомневаясь, что про пожар мы уже знаем.

— Антоха, какой пожар? Пожар ночью был, а сейчас сгорело уже поди все. Одни головешки остались. — Попытался снизить градус любопытства и нетерпения друзей.

— Все равно побежали. Там мужики собираются головешки разбирать, мертвяков вытаскивать.

— Ну тогда рванули!

Переменяя бег с быстрой ходьбой, добрались до места за полчаса и были там далеко не первыми. Народу наехало и набежало много. Особенно много было любопытствующих пацанов. Они крутились вокруг пожарища, собирались стайками и поглядывали на прикрытые какими-то дерюжками трупы.

Заимка выгорела основательно. Похоже дождь начался уже после того как сгорели стены и рухнула крыша. Мужики багром и с помощью веревок растаскивали обгорелые бревна, доски и прочий мусор. Аким Силантьев деловито командовал, направляя усилия работающих в нужное русло. Тут же с потерянным видом ходили два старших сына Зырянова. В сторонке, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не плакать стоял Фролка. Рядом топтались его приятели. Мне на минуту даже стало жалко пацана, хотя какого пацана, почти семнадцать лет ему. Ага пожалел! Нас бы с Архипкой кто пожалел, небось бы и следов не нашли.

Тут меня пробило, а вдруг Зыряновские сыновья знают про нас. Надо проверить. Нарочно подошел поближе и как бы ненароком чуть не столкнулся с Никодимом, старшим сыном Зырянова. Тот безучастно, как на пустое место, глянул на меня и повернулся к нашедшим очередной труп мужикам. Средний Василий так же не обратил на меня никакого внимания. Я внимательно, хотя и не слишком высвываясь наблюдал за ними. Если бы они о чем-то знали, то наверняка каким нибудь образом выдали себя. Видимо Зырян не слишком распространялся о своих делишках. Думаю, похитить и допросить нас с Архипкой не было его идеей. Не дурак же он. Прекрасно знал, что за меня и Архипку дед вырежет всю его семейку и вряд ли у них достанет сил, чтобы остановить его. Скорее всего был поставлен своими поделщиками перед фактом. Они же и заставили его принять во всем этом непосредственное участие. А как он хотел? И рыбку съесть и костью не подавиться. Нет уж, эти ребята заставят замараться в дерьме по самые уши.

Походили с пацанами вокруг пепелища, посмотрели, разговоры послушали. Правда, весть о том, что Зыряна бог наказал, еще не дошла сюда, но ничего домой придут там бабы им уши промоют. А насчет следов, если они и были то, после этого стада слонопотамов, о них уже можно не беспокоиться. А вот пованивает на пожарище горелым мясом изрядно. Вон мужики вытянули из под обломков сильно обгоревший труп. Похоже последний. Я сунулся поближе и, сдерживая рвотные позывы, попытался что нибудь разглядеть, но меня обругали и отодвинули, чтобы не мешался, а обгорелый и скрюченный труп отнесли к другим и накрыли какой-то дерюжкой.

Я подошел к друзьям:

— Ну чё пацаны! Посмотрели? Может домой пойдём, а то стемнеет скоро, а нам еще вон сколько топать.

— Не! Посмотрим еще. — Сказал Антоха. Платошка лишь молча кивнул.

— Ну как знаете. Архипка ты со мной или остаешься.

— Пойдем. — Сквозь стиснутые зубы сказал тот и повернувшись зашагал по дороге. Я пристроился рядом. Пацаны догнали нас минуты через три.

— Насмотрелись уже? Быстро что-то. — Подколол я друзей. Те оправдываться не стали. Им было явно не по себе. Полдороги прошли молча. Потом Платошка с Антохой немног оттаяли и стали делиться впечатлениями. Я особо их не слушал лишь время от времени отвечал на явные вопросы. Архипка глядя под ноги молча шагал чуть впереди, не обращая на нас никакого внимания. Пацаны пытавшиеся поначалу втянуть его в разговор и не получив

ответа, отстали от него. Дойдя до села, разбежались по домам, договорившись встретиться утром.

На следующий день игрушки делать не стали. Потренировались немного и я решил задействовать парней в деле заготовки дров. Архипка, Антоха и Платошка подменяя друг друга пилили, а я в одно рыло колол чурки. Ударно поработав часа три, быстренько сложили наколотые дрова в поленницу и я отправил работников на выходные, выдав им по честно заработанной десятке. Пацаны радостно ускакали по домам, а мы с Архипкой подкрепившись пошли немного передохнуть и поговорить.

— Чё теперь делать будем? — Архипка все таки не совсем отошел от вчерашнего.

— Ты это о чем, Архипка? — Как можно равнодушнее спросил я.

— Сам знаешь о чем?

— Пока ничего не будем делать. Нам с тобой никто ничего предъявить не сможет. Если и были какие либо следы, то после дождя и пожара ничего не осталось. Дед сегодня приедет, с ним еще посоветуемся. Думаю в Барнаул нам надо ехать. На главного варнака, что этих жлобов прислал, поглядеть. Ну это как дед решит.

— Ты чё Немтырь ничего не боишься что ли?

— Боюсь Архипка. Знаешь как я перепугался, когда этот Хрипатый на меня кинулся. Думал, что все конец, задавит меня этот облом. Спас ты меня Архипка. Молодец! Не побоялся пальнуть.

— Да я и не помню ничего толком. Все как будто в тумане. Очнулся, а он лежит уже.

— Да плюнь ты на это. Если бы мы их не постреляли, нам бы очень худо пришлось.

— Да понимаю я всё!

— А раз понимаешь, тогда и не переживай. Слушай, кажется, тятя приехал. Пошли посмотрим, может привез чего.

Дед увидев нас, сразу нагрузил работой.

— Коня распрягите и обиходьте. Воды пока не давайте пусть остынет.

После чего пошел навстречу вышедшей на крыльцо тетке Степаниде, подхватил выбежавшего из дома Егорку, подбросил вверх, радостно взвизгнувшего мальчика, поставил его на крыльцо и вынув из кармана жестяную, ярко раскрашенную коробочку вручил ее в подставленные ручонки.

— Держи конфетки. — Затем поднялся на крыльцо, легонько тронул за плечо радостную женщину и сказал:

— Устал. И есть хочется. Стеша собери, чтонибудь.

— Все уже на столе. Руки мой и садись. Ребята уже пообедали, а я тебя дожидаюсь.

Провозившись с лошадьми полчаса, зашли в хату. Дед с теткой Степанидой уже отобедали и пили чай. Вернее дед не спеша прихлебывал из блюдца, а тетка Степанида рассказывала ему о происшествии. Когда мы вошли, дед внимательно посмотрел на нас:

— Коня обиходили? Мешок из телеги почему не принесли? Тащите его сюда.

Мы снова выскочили из хаты, вытащили из телеги довольно тяжелый мешок. Когда пыхтя, заволокли его в дом, услышали последнюю дедовскую фразу:

— Господь-бог говоришь наказал Савку? А еще кого там нашли кроме Зырянова да Пахома? — Перекрестясь спросил дед.

— Бабы говорят еще каких-то пришлых вытащили. Обгорели как головешки. Авдотья Хрунова рассказывает, что варнаки это. Видела мол как какой-то мужик позавчера к Савке приходил, мол поехали они с тем мужиком по темну куда-то на зыряновской двуколке. А

вчера утром пустую двуколку возле села нашли. Видно лошадь сама к дому пришла. А на полпути к заимке пролетка пустая с лошадью отыскалась. У нас в селе такой нет ни у кого. Бают на ней те варнаки к Зырянову на заимку приехали.

— Ладно. Схожу попозже к Акиму. Ему по должности положено все знать про то что на селе делается. Распрошу его, а то бабы много чё наговорят. А вы мешок-то тащите сюда. — Увидев нас с Архипкой, добавил он.

Развязав мешок и покопавшись в нем, он извлек небольшой картуз и надел его на голову крутящемуся рядом Егорке.

— Держи оголец!

Егорка, сняв с головы картуз стал его с восхищением разглядывать. Дед полюбовавшись на радостного мальчика, достал из мешка свернутый разноцветный платок и подал его порозовевшей женщине. Та осторожно взяла подарок развернула и издала не то вздох не то взвизг. В платок были завернуты бусы и похоже из янтаря. Я с удивлением глянул на эту хмурую в обычной обстановке женщину. И как будто впервые увидел ее. А ведь она красивая. Красивая какой-то суровой северной красотой. Валькирия! Точно! Валькирия! Вот блин! Не даром дед на нее запал.

«Валькирия», захватив подарки, уплыла в другую комнату, где было не слишком большое зеркало. Дед проводил ее взглядом и, вытащив из похудевшего мешка два свертка, отложил их в сторону, а мешок подал нам со словами:

— Это вам. Окромя пороха, дробы и пистонов.

Архипка, приняв мешок, стал вытаскивать из него коробки с патронами к револьверам и винчестеру. Так вот почему мешок такой тяжеленный. Я, глядя на довольного Архипку, сказал вполгласа:

— Тятя поговорить надо.

Дед остро взглянул на меня:

— Идите к себе, летна боль. Подойду попозже — поговорим.

Мы покидали назад вытащенные патроны, схватили мешок и свалили в прохоровскую хату. Нет дед всетаки монстр! Лучшего подарка нам с Архипкой и придумать было нельзя. Судя по весу патронов там достаточно. Теперь потренируемся.

Любопытный Егорка сначала увязался за нами, но потом, заскучав, умчался к дружкам хвастать конфетами и картузом. Мы занялись патронами и чисткой оружия.

Дед пришел к нам часа через два. Сел на лавку и понаблюдав, спросил:

— Ну! Что вы тут натворили?

— Тятя, это мы с Архипкой Зыряна с варнаками и Пахомом постреляли.

Дед зыркнул на нас из под бровей, выматерился и сказал:

— Рассказывай! Летна боль!

Я подробно ничего не упуская доложил о нашей очередной эпопее и о том геморрое с Голованом, который, по моему мнению, нам светит. Дед хмуро слушал, лишь изредка взглядывая на Архипку, словно требуя подтверждения словам. Архипка молча кивал. Рассказав все я замолк. Дед тоже молчал, замерев и глядя куда-то в угол, видимо осмысливая сказанное. Наконец он очнулся, перевел на меня тяжелый взгляд и выдал:

— Эх летна боль! Чёж молонья тебя тогда не прибила. Это ж скоко забот и суеты теперь.

— Я что-ли этих папуасов на нас наслал. Это у тебя С Зыряном какие-то давние терки вот и огребаемся звездюлями. — Разозлился я.

Дед остро блеснул взглядом из под бровей и неожиданно ухмыльнулся:

— Не петушись! Ишь расхотелся, летна боль. Думать будем.

На следующий день дед собрал «совет в Филях». К нам в бывшую прохоровскую хату пришли Кузьма с Иваном и Митькой. Когда расселись по лавкам, дед, огледев всех из под густых бровей, кивнул мне:

— Рассказывай.

— Чего рассказывать?

— Все рассказывай. Про варнаков, что нас с тобой чуть не побили. Про нынешние дела. И что по твоему нам надо делать.

— Ладно!

И я рассказал. Слушали меня мужики внимательно иногда в особых случаях поглядывая на деда и, когда тот кивал подтверждая, смотрели на меня с некоторой долей удивления и скепсиса. Пришлось даже показать им две изрядные борозды на своем боку оставленные дробинами. Лишь Архипка да Митька завистливо переживали наши с дедом приключения. Когда я рассказал о том, что это Зырянов стоит за пропажей в тайге сосновских старателей и за нападением бандитов на нас с дедом, Кузьма забористо выматерился и сказал:

— Жалко, что молонья Савку пожгла надо было самим его придавить.

Архипка на те слова бледно улыбнулся и со значением посмотрел на меня. Дед хмуро оглядел сыновей:

— Молонья говоришь? Вон та молонья! Летна боль! — И он указал удивленным мужикам на нас с Архипкой.

Побледневший Архипка замотал головой, отрицая свою причастность к столь героическому деянию:

— Это не я! Это Немтырь их всех пострелял. Я только одного Хрипатого, что на него кинулся, стрелил.

Сказать, что мужики охренели это ни сказать ничего. Сначала они молча разглядывали нас, а затем потребовали подробностей. Пришлось мне выложить весь расклад по Головану и его бандитам.

— Да зачем вы с Архипкой тому Головану сдались то? — С искренним недоумением спросил Иван?

— Голован в Барнауле ведь не один варначит. Он там в «авторитете» ну тоесть главный вор — «Иван» по блатному. Когда Зырян к нему приехал и рассказал, что мы с тятёй вернулись и вернулись не просто так, а с золотишком, а от Рябого ни слуху ни духу, то Головану, нужно было что-то решать, иначе он мог авторитет среди своих бандитов потерять. Вот он и отправил самых оголтелых к нам в село разведать, что и как. Ну и поспрашивать при случае. Так то я им один был нужен, но мы с Архипкой постоянно вместе ходим, вот и его прихватили за компанию.

— Как же вы с ними справились? — Изумился Кузьма.

— Когда через день после нашего возвращения, Зырян умотал в Барнаул я подумал, что могут бандюки на нас наехать. Тятю предупредил, ну и мы с Архипкой приготовились. — Я полез за пазуху и достал свой пистолетик. Архипка тоже показал свой револьвер.

— Вот так и ходим. А потом: «Жить захочешь еще не так раскорячешься». — Прочитировал я киноклассику.

— Это точно! — Хохотнул Кузьма.

— А нам теперь, что делать? — Иван в отличии от брата был не шуточно озабочен

свалившейся на него информацией.

— Прежде всего, нам всем нужно держать язык за зубами. Никому нельзя рассказывать про эти наши дела, а бабам своим особенно. Ничего плохого про ваших жен сказать не могу, но знать про это им совсем не нужно — спать крепче будут.

— Ленька дело говорит. И без этого на нас многие в селе коситься станут. Завидовать будут — мол забогатели Щербаки. Так что молчок. — Дед погрозил всем пальцем.

— Я думаю, что нам надо потихоньку из села в Барнаул или в какой другой город перебираться. Но в Барнаул нужно обязательно наведаться. Боюсь что Голован сам не успокоится, нужно ему в этом деле «помочь».

— Ишь ты, «помочь»! — Снова хохотнул Кузьма. — И как ты собираешься ему «помогать»?

— Мы с тятьей варнаков тех немного поспрашивали и они нам кое что рассказали про Голована. Его фамилию и где живет мы теперь знаем. Приедем в город понаблюдаем за ним. Посмотрим сколько людей под его началом осталось. Потом решим как и о чем с ним разговаривать. Он то про нас не знает ничего, так что есть шанс его врасплох застать.

— Эх надо было вам Зыряна поспросить и этого как его...? — Иван глянул на меня ожидая подсказки.

— Филина что-ли?

— Угу. Филина.

— Кишка у нас с Архипкой тонка этих бычар расспрашивать. Наше счастье, что они всерьез нас не приняли, не обыскали да не связали. Повезло нам.

— Что повезло то повезло! Летна боль. Ну что решим? Едем в Барнаул или нет?

— Куды деваться то. Надо ехать. — Вздохнул Иван.

— Вот и я так думаю, что надо ехать. Летна боль. А ты Ляксея, что скажешь? — Обратился ко мне дед.

— Ехать то в любом случае надо. Тебе тятя нужно разрешение взять на добычу золота. Ты с Жабиным говорил или нет?

— Согласен Федька!

— Это хорошо! Кроме того надо в Барнауле дом присмотреть или даже два. Завод сереброплавильный на ладан дышит, закроют скоро. Народ из города потянется, дома продавать будут, а покупателей кот наплакал. Вот и надо пользоваться случаем. Ты как тятя? Пристроил золотишко? Денег на дом хватит?

— Хватит и еще маленько останется. Летна боль.

— Тогда значит едем. Мы с тобой да Архипкой с Митькой, еще и Анотоху с Платошкой возьмем. Дядьки Иван и Кузьма пусть здесь останутся за семьями приглядят.

— А этих-то зачем потащите? — С недоумением спросил Кузьма.

— А мы это, ну как мушкетеры. Один за всех и все за одного! — Вылез с пояснением Архипка.

— Чаво, чаво? Каки таки машкитеры? — Воззрился на него дед.

— Не бери в голову тятя. Возьмем пацанов. Рассказывать пока им ничего не станем, а кой-какая помощь от них будет. Сам знаешь, дела я большие задумал и без верных людей никак. Кстати, ты разговаривал с дядькой Акимом, что он говорит, когда дознаватели приедут?

— Дознаватели? Какие дознаватели?

— Ну как какие. Пожар и все такое.

— Да кому мы нужны в уезде. Ну погорели какие то мужики в селе, староста отписался, бумагу в уезд послал, что молонья заимку сожгла. Может пошлют кого, а скорее всего никто и не придет. Не великие чай баре пострадали.

И правда, чего это я? Девятнадцатый век на дворе и пострадавшие на пожаре не дворяне, не чиновники, а обычные крестьяне, коих на Руси без счета. И потом молния — стихийное бедствие. Чего тут расследовать?

— Хорошо коли так. Ну а мы как? Едем в Барнул или тут очередных варнаков ждем?

— Едем! Летна боль! Послезавтра с утра и тронемся.

Глава двадцатая

В Барнаул на двух подводах добирались четыре дня. Обь с протокой большим препятствием не стала. Паром работал исправно, только денежки плати. Остановились у дедовских дальних родственников. Старики проживали в большом доме с пристройками. Места хватило всем, хотя нам с парнями было тесновато.

Первым делом повел свою команду приодеться. В лавке мои дружки меня изрядно насмешили. Все как один выбрали почти одинаковую одежду, очень похожую на Фролкину. Косоворотка, сапоги, штаны и жилетка, а сверху какойто армяк, или как там он называется. Спорить с ними не стал, рассчитался с приказчиком почти не торгуясь. Я подобный прикид покупать себе не стал, спросил лишь приказчика, где можно купить одежду попримичнее.

— Так вам нужно к Абраму Хайкину, он господскую одежду шьет.

Распросив где отыскать упомянутого Абрама, сразу к нему не пошел. Всей гурьбой направились к парикмахеру, где моя команда лишилась своих слабо расчесанных лохматых волос и приобрела вполне нормальные прически. Здесь я проявил твердость и не дал им сделать модный в определенных кругах пробор посредине головы. Заплатив цирюльнику за друзей и, выдав им по три рубля, отправил их развлекаться, а сам сел в кресло попросил остричь меня покороче.

Надо сказать, парикмахер сначала подозрительно косился на меня. Видимо его несколько напрягала моя молодость и одежда; я был в своей удобной но изрядно потрепанной куртке, но моя платежеспособность и уверенность с которой, я к нему обращался, сделали свое дело и он без слов состриг мою достаточно буйную шевелюру. Оглядев в себя в зеркале, поморщился. Слишком юно и не солидно я выглядел.

— Прошу меня извинить. — Сказал я. — Позвольте узнать ваше имя.

Парикмахер удивленно на меня глянул и ответил:

— Лапшин Иван.

— А отчество ваше?

— Дементьевич.

— Иван Дементьевич, а нет ли у вас паричка какого-либо?

Тот с еще большим удивлением уставился на меня:

— Паричка-с? А зачем вам паричок-с, позвольте полюбопытствовать?

— Видите ли Иван Дементьевич, мы у себя в Бийске любительский театр хотим организовать. Пьесу господина Островского будем играть. Вот и нужны нам парики и кроме того накладные усы да бороды было бы неплохо приобрести. Я в Бийске интересовался но там никто сие изготовить не берется.

— Хм. Делал я парики нашим господам артистам.

— Артистам? Неужели у вас в городе и театор есть?

— Какое там. Это господа инженеры да служащие спектакли играют.

— Любительский театор что-ли?

— Ага! Любят всякие представления делать. Вот и заказывали мне парики и бороды. Да вот и последний паричок висит. — Указал он на нечто висящее в углу.

Я присмотрелся: точно парик. Довольно длинные черные волосы.

— Можно примерить?

— Извольте-с. — Подал парик Иван Дементьевич.

Я повертел парик в руках и, преодолевая некоторую брезгливость, натянул его на голову. Из зеркала глянула на меня диковатая физиономия. Приклеить усики, бородку клинышком, одеться в черное и вылитый испанский идальго. Прямо хоть пой: «Я здесь Инезилья, я здесь под окном. Объята Севилья и мраком и сном». Только вот глаза не испанские — северные, светло — голубые. Да черт с ними кто там присматриваться будет. Снял парик и поинтенресовался ценой. Парикмахер заломил нечто несусветное.

— Побойтесь бога Иван Дементьевич. Да разве ж это может стоить двадцать пять рублей. За пятнадцать возьму. Если изготовите усы да бороду накладные накинута еще рублей пять.

— А если я вам клей, каким усы да бороду клеить можно найду?

— Тогда и за двадцать пять рублей сговоримся.

— Хорошо! Посидите минутку.

Прошло минут пятнадцать и Лапшин, чуть запыхавшись появился из глубин своей парикмахерской. Похоже бегал куда то. Принес и выложил еще два парика и различные накладные усы и бороды. Подал какой-то флакон. Я поворошив бороды и поглядев на усы, взял в руки флакон открыл и понюхал. Ощущался слабый рыбий, а может и не рыбий запах. С сомнением покрутив флакон спросил:

— У нас с этого клея морда не облезет?

— У господ артистов не облезла, не облезет и у вас.

Минут через десять торговли я стал обладателем театрального реквизита, а хитрый парикмахер стал богаче на пятьдесят рублей и похоже сильно радовался, что нагрел простоватого юнца на приличную сумму. Блин! Денежки тают с катастрофической быстротой. Хорошо, что прихватил с собой пару брюликов да несколько необработанных камешков зеленого цвета, что нашлись у покойного Рябого. Буду пытаться пристроить их местному ювелиру. Судя по имени и фамилии портного, ювелир в городе должен найтись.

К портному пошел предварительно разоружившись. Наверняка одежду мерить придется, вот и не буду пугать человека ножами да пистолетом. Я представлял, что попаду в некое подобие ателье, похожее на то, где в семидесятых я шил себе расклешенные брюки, но «ателье» оказалось небольшой лавчонкой где продавались: шляпы, картузы, пуговицы, иголки, нитки и прочая портновская лабуда. Стоящий за прилавком молодой лупоглазый парень, с приличным шнобелем, с подозрением уставился на меня. Я вежливо осведомился:

— Любезный, могу я видеть уважаемого господина Хайкина — портного.

Тот смерил меня взглядом и не любезно спросил:

— Чего надо?

— Ну чего-же надо от портного? Одежду приличную заказать хочу. Рекомендовали к господину Хайкину обратиться.

Парнишка еще раз самым внимательным образом осмотрел меня, видимо решая, или выгнать, или все-таки допустить до портновской тушки:

— Хорошая одежда больших денег стоит. — Намекнул он на мою платежеспособность.

— Любезный, разве я говорил за цену? Мне нужен приличный прикид и если он мне понравится, то в цене сойдемся.

Парень озадаченно полупал глазками и решил потревожить старших. Он подергал за шнурок свисавший со стены у него за спиной и предложил мне немного подождать.

Ждать пришлось не долго. Минуты через две по ту сторону прилавка открылась дверь и в лавчонку просочился юркий старичок, облик которого недвусмысленно говорил о

принадлежности портного к богоизбранному народу и одновременно о родственной связи с продавцом. Войдя он быстро глянул на родственника и уставился на меня острым, оценивающим взглядом.

— Дядюшка, вот человек приличную одежду заказать желает. — Проинформировал старичка племянник.

— Что молодой человек имеет ввиду под словом «приличная одежда»? — Осведомился старичок, с профессиональным интересом разглядывая мою куртку и штаны.

— Странный вопрос задаете уважаемый господин Хайкин. Неужели портной не знает что такое приличная одежда?

— Что такое приличная одежда портной знает. Непонятно только, что молодому человеку нужно.

Ясно! Хитрый еврей не смог сходу определить мой социальный статус.

— Молодой человек желает иметь одежду удобную и в которой не будет казаться белой вороной в образованном обществе. Куртка, которую вы так внимательно рассматриваете очень удобна, но в ней меня вряд ли пустят в ресторан или, скажем, в театр, если конечно в вашем славном городе таковой имеется.

«Кутюрье» еще раз внимательно осмотрел меня и произнес:

— Проходите.

Вслед за мастером я прошел в довольно большую комнату, где стояли раскроечный стол, вполне узнаваемая швейная машинка и три грубых подобия манекенов на одном из которых висела странная конструкция, опознанная мной как мужской корсет, призванный скорректировать фигуру. На двух других висели мужской костюм и женское платье. Пока я оглядывал мастерскую, портной вытащил откуда-то слабое подобие модного журнала и подал мне. Я быстро просмотрел рисованные модели и указав на висящий костюм спросил:

— Можно взглянуть?

Получив разрешение, обошел манекен, на котором висела мужская одежда. При внимательном рассмотрении обнаружил, что это скорее полуфабрикат чем готовый костюм. Еще раз осмотрел портновский шедевр. Не совсем то, чего бы мне хотелось, но ткань добротная, цвет приемлимый.

— Вот такой же костюм меня бы вполне устроил.

— Так берите этот. Подгоним по фигуре и носите на здоровье.

— Хорошо! Сколько это будет стоить?

Озвученная сумма показалась мне слегка завышенной, ну так раза в три.

— Уважаемый! Взгляните на меня! Я похож на внука Ротшильда?

Тот ухмыльнулся и признался, что совсем не похож. Правда оговорился, что ни внука, ни какого либо другого родственника Ротшильда он никогда не видел.

— И вы уважаемый, нисколько не похожи на Джанни Версаче. Так откуда же такие цены? А впрочем, если вы к костюму приложите вот эту штуку, то вполне можем договориться. — Я указал на корсет.

Портной непритворно удивился:

— Зачем вам корсет? В вашем возрасте в нем нет нужды.

— Как это зачем? Для придания организму солидности. — Важно сказал я, осматривая и даже ощупывая изделие портновского искусства, на предмет использование его как своеобразного защитного жилета. Нам предстояло схлестнуться с местными уголовниками, а эти ребята большие мастера ткнуть ножичком изподтишка. В пресловутые девяностые

одного моего знакомого какой-то хмырь ткнул ножом в печень и мужик умер по дороге в больницу. Если такой корсет защитит мою печень от подлого удара, а он защитит, если его немного проапгрейдить, то надо брать.

— Ну что господин Хайкин, подходит вам мое предложение, или мне поискать другого портного, тем более, что мне понадобится еще несколько подобных костюмов?

Тот подумал, вздохнул и согласился. На меня напялили корсет, затянули и, обмерив, стали подгонять костюм. Портной, закрепляя булавки, полюбопытствовал:

— Вы сказали о каком-то Версаче. Я такого мастера не знаю.

— И не мудрено господин Хайкин. Версаче — это итальянский портной очень модный в Европе. Его костюмчики бешеных денег стоят.

— Вы были в Италии? — удивился тот.

— Еще не был, но думаю съездить. Но это не так скоро. Здесь еще дел много. Вот как освобожусь, так и тронусь. Могу при случае

привет передать тамошним портным от вас.

— Ну что вы. Не стоит беспокоить таких солидных господ. — Оценил мой юмор Хайкин

— Ну как знаете. Кстати, а не можете вы вот тут и тут подшить слоя два крепкой и плотной ткани. — Я указал места на корсете, которые стоило укрепить.

Портной вновь внимательно посмотрел на меня и сказал, что может пришить сюда вместо ткани кожу особой выделки, но за отдельную плату. Я согласился. Выдав портному аванс и договоришись, что завтра зайду за заказом, пошел в сапожную мастерскую. К костюму нужны туфли.

Зайдя на следующий день к портному, был обрадован известием, что мой заказ выполнен.

— Неужели без примерки обошлись? — Спросил я.

— Сейчас и примерим. Если вас устроит, то подождете несколько минут и будет все готово.

Я скинул куртку и примерил сначала корсет, который был укреплен в районе живота и талии довольно толстой и прочной кожей. Поверх надел костюм и оглядел себя в зеркало. Ну что же, если не обращать внимания на слишком юную физиономию, вид вполне солидный. Примерил брюки, которые пришлись в пору. Портной, прихватив что-то булавками, критически осмотрел меня.

— Молодой человек, позвольте дать совет. К этому костюму вам надо рубашку, галстук и шляпу.

Еще раз оглядев себя в зеркале вынужден был согласиться с профессионалом.

— Пожалуй вы правы. Надеюсь у вас все эти вещи найдутся?

— Молодому человеку не нужно беспокоиться за вещи. Молодому человеку надо беспокоиться за деньги.

— Деньги есть! Несите вещи.

— Боря, принеси вещи, что я вчера отложил для клиента.

Через минуту откуда-то из глубин мастерской появился лупоглазый племянник мастера и подал ему требуемое.

— Вот примерьте.

Пришлось надевать модную белую рубашку и с помощью «кутюрье» повязать галстук. Шляпа завершила натюрморт. Надо отдать должное профессионализму хитрого еврея, вид у

меня был вполне интеллигентный. Лишь юноелицо подростка портило картину. Но это не страшно! Я ведь не зря выкупил у местного «Фигаро» усы и бороду. Это омолодить старика трудновато, а состарить довольно рослого подростка с помощью театрального реквизита гораздо проще, тем более, что ломка голоса у меня уже произошла и я говорил хриплым баском.

— Ну что же уважаемый господин Хайкин, должен признаться — удивлен. Думаю тому Версаче до вас далеко. И так, сколько с меня.

Тот назвал сумму, на мой взгляд, несколько большеватую, но меня вполне устроившую.

— Хорошо уважаемый. Я готов заплатить требуемую сумму, если вы поможете мне еще в одном деле.

— Что за дело? — С подозрением уставился на меня «кутюрье».

— Совершеннейший пустяк. Моему дядюшке нужен хороший ювелир, если вы посоветуете к кому нам обратиться, то буду вам премного благодарен.

Портной хмыкнул и сказал:

— Сразу видно, что вы не местный. Ювелир тут на весь город один и отыскать его очень просто. Пройдите на Московскую улицу, а там возле магазина купца Сухова увидите вывеску «Ювелирный салон» Гуревич М. И.

Ну кто бы сомневался, конечно же Гуревич и никак иначе. Остается выяснить, а не крышует ли этот салон Голован? Уж больно продвинутый, на мой взгляд ворюга, этот Голован. Судя по его делам с золотишком диких старателей, ювелирная лавка ему в тему.

— Благодарю за подсказку, уважаемый. — Сказал я, рассчитываясь за одежду.

— Позвольте вас спросить молодой человек? — Произнес любопытный старик, принимая плату.

— Спрашивайте уважаемый господин Хайкин. — Разрешил я.

— Я конечно извиняюсь, но мне любопытно, где шьют такую странную одежду? — Указал на куртку старик.

Я, улыбаясь, ответил:

— Вы не поверите уважаемый. Эту одежду сшила шестнадцатилетняя деревенская девчонка. Конечно, фасон ей я подсказал, но кроила и шила она сама.

— Не может быть! Вы молодой человек видно подшучиваете над стариком.

— Да ни в коем разе! — Искренне воскликнул я. — Я и сам был удивлен талантом этой милой особы. Впрочем, если мне удастся воплотить в жизнь мои планы, то я вас с ней обязательно познакомлю.

— Хм...хм. — закашлялся от неожиданности портной. — Буду рад с ней познакомиться. Однако, вы очень странный молодой человек.

— Это не так важно. Гораздо важнее, что я хоть и странный, но вполне платежеспособный молодой человек и имею намерение заказать у вас еще кое-что, но попозже.

Расставшись с любознательным портным, пошел к месту временного проживания. Надо примерить накладную бороду и новую одежду. По дороге купил недешевое зеркало. Без него правильно приклеить бороду и усы было бы проблематично.

На должность театрального гримера мои друзья никак не годились, пришлось действовать самому. Но сколько удивления и веселья вызвали у них мои манипуляции с собственной внешностью. Они буквально катались от смеха, увидев меня в новом щегольском костюме, в бороде, в усах и с трофейной тростью в руке. Тросточку мы с

Митькой немного усовершенствовали. Митька по моему рисунку отковал пятидесятисантиметровый клинок, а я закрепил его в ручке, получив некое подобие шпаги. Правда сталь, из которой был сделан клинок была не совсем подходящая для холодного оружия, но я фехтовать не собирался, а рубануть наотмашь или ткнуть супостату в пузо остро заточенная железяка, скрытая в щегольской тросточке вполне годилась.

Я прошелся, помахивая тросточкой по комнате, и вызвал у моих «мушкетеров» новый приступ гомерического хохота.

— Немтырь! Зачем тебе борода и усы? — Икая, спросил Архипка.

— Для маскировки. Завтра пойдем к ювелиру. Попробую пристроить вот этот камешек. — Я показал пацанам зеленый камешек: — Если это изумруд, то он стоит изрядных денег.

— Врешь поди. — Сказал Митька, взяв у меня камень, повертел в руках и передал изнывающим от любопытства пацанам.

— Откуда он у тебя? — спросил Платошка.

— В тайге нашел. — Не соврал я. Ну что из того что я вытащил эти камешки из за пазухи у Рябого, тот-то в тайге нам с дедом попался.

— Ладно, а все-таки усы с бородой тебе зачем? — Не отставал любопытный Архипка.

— Ювелир наверняка человек солидный и осторожный, с пацаном он разговаривать не будет, а так я выгляжу гораздо взрослее, и вполне возможно, мне удастся с ним договориться. Кроме того, я подозреваю, что ювелир связан с местными бандитами или полицией и в случае чего те и другие будут искать солидного бородатого господинчика, а не тощего малолетку. Вкурили?

— Чего-чего? — не понял Антоха.

— Поняли теперь зачем борода и усы?

— Ага! — Радостно произнес Антоха, вызвав очередную порцию смеха.

— Теперь слушайте план действий. Завтра с утра идем к ювелирной лавке и смотрим, что там и как. Потом я переодеваюсь и все снова идем туда. Я зайду в лавку, а вы покараулите на улице. Кто из вас умеет громко свистеть? — Задал я неожиданный вопрос. Парни недоуменно запереглядывались.

— Да все умеем. — Вылез вперед Платошка.

— Ну-ка свистни.

Платошка сунул в рот два пальца и выдал пронзительную трель у меня над ухом.

— Сойдет. — Сказал я и поковырял пальцем в правом ухе, вызвав очередной приступ веселья. Потом, выставив вперед ладонь, произнес:

— Ну что мушкетеры! Один за всех!

— И все за одного! — Проревели в три звонкие глотки парни, вызвав у Митьки нешуточное удивление:

— Вы че это орёте? С глузду съехали? — Спросил он, оглядывая новоявленных мушкетеров.

— Ладно, Митька. Не бери в голову. Игра у нас такая. Давайте пожрать чегонибудь сгондобим.

— А чего гондобить? Пошли в хату, баба Марфа давно уже шей наварила. — Махнул рукой Митька.

На следующее утро всей толпой двинулись на рекогносцировку. Облазив округу, нашли укромное местечко ближе к берегу Оби. От ювелирной лавки туда можно было попасть,

пройдя по улице Тобольской и переулком названия не имеющему, но ведущему к небольшому, уютному овражку. Парни не понимали, зачем я все это делаю, но моя паранойя не дремала и я решил подготовиться к самому плохому варианту попытки сбыта камешков. Что-то мне подсказывало, что местный криминалитет руководимый Голованом никак не мог пройти мимо такого жирного куска, как ювелирная лавка.

Переодевшись и загримировавшись, я повел свою команду к объекту. Не доходя до места метров триста, в очередном переулочке провел инструктаж:

— Так мужики! Я сейчас зайду в лавку, присмотрюсь, поторгуюсь и предложу ювелиру купить камешки. Вы же расходитесь по местам, которые я вам утром показал и ждете. Если из лавки кто-нибудь выскочит и побежит, то ты Платошка громко свистнешь и с Антохой проследите за ним, но осторожно чтобы тот вас не заметил. Если тот кого-нибудь приведет, то ты Архипка, тоже посвистишь. Свистнешь один раз, если тех будет двое и свистнешь два раза, если их будет трое или четверо. Понятно?

— А если их будет больше четверых? — Спросил Архипка.

— Ну это вряд ли. А впрочем, если больше, то свисти три раза.

— Ладно! — Согласился парень. — А если никто не придет?

— Тогда ждите молча. А лучше игру какую либо затейте.

— Ты че Немтырь, какую игру?

— Да любую. Потолкайтесь, в футбол чем-нибудь поиграйте, или сделайте вид, что драться друг с другом собираетесь. Я выйду и пойду к овражку, а вы проследите — не двинется ли кто за мной. Если все таки таких заметите, то Митька с Архипкой идут следом за ними. А вы — обратился я к Платошке с Антоном немного отстанете и проследите, не пойдет ли кто за Митькой и Архипкой. И это..., морды чемнибудь прикройте, чтоб вас потом не узнали, Поняли?

Парни ошеломленно покивали, а я, немного поколебавшись, достал из кармана револьвер и вручил его изумленному Платошке.

— Возьми! Стрелять только в крайнем случае. И смотри не подведи меня Платоха.

— А мне! — Антон даже руку протянул.

— Нету больше. В случае чего лупи нунчаками. Ты ведь лучше всех из нас ими действуешь. — Подкинул конфетку обиженному пацану.

— И вот еще что, когда я выскочу из переулка к оврагу, вы поспешите, а то там меня одного прирежут ненароком.

— Не бойсь! Успеем. — Обнадежил меня Митька.

— Ну что парни! Один за всех! Только не орите громко.

— И все за одного. — Прошипели мои «мушкетеры», причем Митька на этот раз не остался в стороне, а тоже присоединился к ним.

В ювелирной лавке мне не понравилось. Из прошлой жизни помню, что в ювелирных отделах побрякушки, выставленные под стеклом, грамотно подсвечивались, камешки и стекляшки призывно посверкивали и прямо таки призывали лучшую половину человечества изрядно потратиться. Здесь же несмотря на громкое звание «Ювелирный салон» было, на мой взгляд, бедновато и темновато. Хотя застекленный прилавок присутствовал и на черном бархате под стеклом лежали явно не дешевые украшения, но смотрелись они блекло и не вызвали желания немедленно их купить. Но может быть я ошибаюсь и местные дамы думают совершенно иначе. Спросить было не у кого; дам в салоне не наблюдалось, лишь какой-то хмырь, одетый в нечто напоминающее форму, разглядывал кольца, которые

впаривал ему довольно молодой приказчик, совершенно не еврейской наружности. Недалеко от двери на стуле сидел габаритный мужик, без обязательной бороды но в роскошных усах. Явно охранник.

Когда я, небрежно помахивая тросточкой, прошелся вдоль прилавка приказчик лишь мельком глянул на меня, зато усатый охранник, чуть подобрался и внимательно следил за тем как я осматриваю выставленные на витрине безделушки. Видимо большинство посетителей были охраннику так или иначе известны, городишко ведь небольшой, а вот залетные, каким я несомненно являлся, вызывали вполне понятный интерес и опасение. Минуты через две приказчик освободился и вопросительно посмотрел на меня. Я не стал тянуть кота за хвост и сказал со всей возможной солидностью, которую мне позволяли вставленные за щеки картофельные кружочки и придающие нужную округлость моему облику, произнес:

— Любезный, могу я видеть господина Гуревича М. И.

Тот, оглядев меня самым внимательным образом и переглянувшись с усачем, сказал:

— Михаил Исакович занят. Может я смогу вам чем-то помочь?

— Ну что-же, попробуй. — И с этими словами я, достав из кармана зеленый камешек, небрежно бросил его на стекло.

— Что это? — Сглотнув слюну, сдавленно спросил приказчик.

— Это необработанный изумруд. — Я взял в руки камешек и с отвратительным хрустом провел им по стеклу, оставляя длинную царапину: — А это обработанный алмаз, то бишь бриллиант. — Достал брюлик и прочертил им вторую царапину: — И я бы хотел проконсультироваться у господина Гуревича насчет цены этих камушков.

Почувствовав за спиной какое-то движение, резко обернулся. Усач поднявшись со стула уже сделал шаг по направлению ко мне. Задав в себе легкий испуг и, глядя в переносицу охранника, сказал, постаравшись вложить в голос ледяную уверенность в своих силах:

— Тебе чего? Любезный?

Захваченный врасплох охранник, остановился и попытался померяться со мной взглядом, но не на того напал. В прошлой жизни мне пришлось довольно много общаться с разным людом. Я ведь по молодости много чем занимался: и с геологами по тайге шарился, и скот из Монголии гонял, и на заводе на станке пахал, да и после окончания политеха мастером три года проработал в механическом цехе, а уж про девяностые годы и вспоминать не хочется. Научился обращаться с люмпен-пролетариатом. Ненароком показав усачу трость, заставил его вернуться на место и обратившись к приказчику спросил:

— Ну так как, любезный? Доложите хозяину о моем предложении или мне кого другого поискать в вашем городке?

Тот было дернулся, но наткнувшись на мой взгляд проговорил:

— Хорошо. Подождите. — И открыв неприметную дверь ушел.

Ждать пришлось недолго. Буквально через минуту приказчик вышел и пригласил меня пройти с ним. Провел каким то полутемным коридорчиком в небольшой, но уютно обставленный кабинет. Прилично одетый, пухловатый и чернявый господин сидевший за столом, приподнявшись пригласил:

— Проходите господин...?

— Бендер Остап Сулейманович. — Представился я.

Тот остро взглянул на меня и, чуть заметно усмехнувшись, сказал:

— Присаживайтесь господин Бендер.

Дождавшись когда я устроюсь на неудобном стуле, спросил:

— Чем могу служить?

Я, покопавшись в кармане, выложил на стол два бриллианта и три зеленых камня. Увидев камешки, пухляш выпрямился на своем стуле и дернулся взять их в руки, но передумал и придавил ладонями стол:

— Илья! — Обратился он к приказчику. — Позови дядю Соломона и скажи Левчику пусть сбегает в лавку за табаком.

Приказчик молча кивнул головой и вышел, а пухляш обратился ко мне:

— Не желаете ли коньячку господин Бендер, или может вы предпочитаете водку?

— Благодарю господин Гуревич. Не стоит беспокоиться! Тем более рановато еще для коньячка.

— Ну тогда кофе или чай?

— Еще раз благодарю за предложение, но в другой раз.

— Ну как знаете. В другой так в другой. — Легко согласился тот.

Тем временем в кабинет просочился щупленький сгорбленный старичок и молча уставился на хозяина. Тот кивнул ему и указал на стол где лежали камни. Проигнорировав мое присутствие, старик подошел к столу, взял камни и, пристроившись к столику у окна, приступил к их изучению. Я сидел молча и демонстрировал совершенное равнодушие к его манипуляциям, лишь внутренне напрягся, услышав за окном переливчатый свист. Ага! Значит некто Левчик рванул куда-то. Может конечно и в табачную лавку, но что-то мне подсказывало, что моя паранойя меня на этот раз не обманула.

Колдовал над камешками старик довольно долго. Наконец собрав в ящичек инструменты, положил камни на стол перед хозяином и, утвердительно кивнув ему, вышел из кабинета.

— Позвольте Вас спросить господин Бендер? Если не секрет, откуда у вас эти камни?

— Наследство! Мой отец — он, видите ли, был турецко-подданным, умер недавно в страшных судорогах. Вот он и оставил мне в наследство эти камешки. Ну так что, уважаемый господин Гуревич, камешки брать будете?

Пухляш наконец решился взять в руки бриллиант и стал вертеть его, ловя вспыхивающие лучики. Наигравшись, положил камень на стол и сказал:

— Сколько вы хотите за них господин Бендер?

— Вы не правильно ставите вопрос господин Гуревич. Совершенно не важно сколько я за них хочу. Важно сколько вы за них дадите.

Тот вздохнул и, взяв на этот раз необработанный изумруд стал внимательно его рассматривать, бросая время от времени на меня быстрые оценивающие взгляды. С улицы послышался свист. Один раз свистят, значит поджидают меня двое. Дверь в кабинет приоткрылась и вошедший приказчик хотел, что-то сказать, но повинувшись повелительному жесту, кивнул и вышел осторожно прикрыв дверь. Хозяин внимательно глядя на меня и не выпуская камня из рук проговорил:

— Пожалуй, рублей пятьдесят я могу дать за все.

Я молча встал, собрал со стола камни и со словами «Пазвольте!», буквально выдрал из рук пухляша изумруд. Не торопясь, засунул камни в карман и выходя из кабинета сказал:

— Уважаемый! Я к вам попозже зайду, когда вы с нормальной ценой определитесь.

Пухляш что-то проблеял в ответ, но я не стал его слушать и вышел из кабинета. На улице не спеша огляделся — в шагах полста дурачились мои «мушкетеры», Митька стоял у

ближайшего телеграфного столба, а на противоположной стороне мыкались два колоритных персонажа. Один из них здоровенный бородатый мужик смотрел на играющих в непонятную игру подростков, а второй бритый, тощий и какой-то вихлястый крутил головой, осматривая улицу. Увидев меня, он толкнул здоровяка и мотнул в мою сторону головой. Вот клоуны! Даже не скрываются. Проходя мимо подпирающего столб Митьки, сказал вполголоса:

— Не спугните утырков.

Митька ухмыльнулся и чуть заметно кивнул. Я завернул за угол и не спеша пошел вдоль по улице к реке, делая вид, что разглядываю дома. За мной, отстав метров на сорок потянулись преследователи, которые похоже даже не обратили внимания на двух молодых парней, топающих следом за ними. Дойдя до переулка я остановился на секунду и оглянулся. Увиденное напрягло — мои преследователи ускорили шаг, за ними отстав шагов на сто шли Митька с Архипкой, за теми торопился мужик, в котором я узнал усача из ювелирной лавки, а в самом конце улицы появились еще две мелковатые фигурки. Ага! Платошка с Антохой действуют по плану. Лишь бы не оплошали парни.

Завернув в переулок я ускорился и выскочив на тропинку, идущую вдоль оврага, побежал. Преследователи, увидев это, рванули следом, причем, если бородатый бежал молча лишь громко топал и пыхтел как паровоз, то второй кричал:

— Эй ты! Постой! Да стой же! Скажу чего-то!

Пробежав по тропинке еще метров двести я, вняв призыву, остановился и повернулся к преследователям, предварительно вынув из тросточки свою недошпагу. Увидев не хилый клинок, утырки притормозили в метрах десяти от меня и стали потихоньку приближаться, одновременно расходясь в стороны. В руках у них поблескивали ножи. «Опытные, грамотно зажимают и главное не боятся.» — подумал я отступая. «А вот зря не боятся!» — Злорадно отметил я увидев как, топая сапогами, несутся мне на помощь Митька с Архипкой. Тощий бандит оглянулся и бросил напарнику:

— Бобырь! Разберись с сывками. А я этого духаря покараулю.

Бородатый развернулся и матерясь двинулся навстречу парням. Блин! Порежет гад пацанов. Но грохнул револьверный выстрел. Здоровяк, тоненько взвизгнув, сложился пополам и, выронив нож, прижал руки к животу. Молодец Митька! Не растерялся! Я кинулся к, отвлекшемуся на выстрел, второму бандиту и, приставив кончик недошпаги к тощей шее, сказал тихо:

— Перо бросил...! Бросил перо я сказал! — И чуть сильнее вдавил острейший кончик моего ножа-переростка тому в район сонной артерии. Бандит выронил свое перышко и замер боясь пошевелиться. Я бросил быстрый взгляд на приближающегося усача и крикнул:

— Митька! Сзади!

Митька с Архипкой резко развернулись и наставили револьверы на враз притормозившего усача. Тот глянув на подвывающего и сучащего ногами бородоча, оглянулся и увидел еще двух подростков спешащих к месту событий и встал в растерянности.

— Мальцы вы чего это? — пролепетал он.

— На колени! Становись на колени! — Заревел я. — Усатый! На колени становись. Митька, ставь его на колени! Будет кочевряжиться — ногу ему прострели. А ты не дергайся! Рука дрогнет и здохнешь. — Это я тощему бандиту, пытавшемуся отклониться. Усач наконец уяснил, что от него требуется и встал на колени. Увидев это я скомандовал:

— Теперь сел задницей на свои ноги. Сел? Молодец! Мужики смотрите за ним. Если дернется — стреляйте. А теперь ты! — обратился я к своему бандиту. — На колени! И тоже

пристраивай зад на свои ноги. Устроился? А вот за ножичик хвататься не надо. Взял его двумя пальчиками и в сторону бросил.

Я специально их так усадил. Пять минут сиденья в этой позе и ноги затекут — фиг вскочешь, если не тренировался. Оглядев «мушкетеров» с Митькой и понурившихся бандюков, стал лихорадочно соображать — что со всем этим бардаком делать?

— Пацаны вы чего морды то не прикрыли?

— А чем прикрывать? Ничего ведь нет. — Попенял мне Митька.

Блин! Знатно лопухнулся. Не подумал. А ведь и про позывные забыл. По именам пацанов называл? Или не называл? Митьку точно называл, когда крикнул чтоб оглянулись. И что теперь с бандюками делать? Ведь они парней могут узнать при случае. А нам это надо? Видимо придется и этих кончать. Прямо Чикатиллой какой-то становлюсь. Правда удовольствия никакого не испытываю, но и христианским человеколюбием не страдаю.

— Вы двое, — указал я на Платошку с Антохой, — дуйте назад до переулка. Свистните, если кто появится. А мы этих ухарей немного пораспрашиваем.

На тропинке их оставлять нельзя. В овраг оттащить? Пожалуй так и сделаем. Но надо бы их связать, а то больно здоровые и прыткие. Связать то и нечем. Придется обходиться подручными средствами.

— Ну ты Глист! Ложись-ка носом в землю и не вздумай дернуться. Махом горло перехвачу. — Тощий бандит немного покочевряжился, но почувствовав на шее холодное лезвие, улегся.

— Руки назад завел!

Тот подчинился.

— Архипка подойди сюда, возьми этого гада на прицел, если что то стреляй прямо в затылок. Митька, а ты за усатым смотри. Шевельнется — ноги ему прострели.

Архипка подошел и воткнул револьверное дуло бандиту в затылок. Я с силой дернул рукава пиджачка, в который тот был одет, стянул одеженку с плеч и наполовину освободив рукава, попытался связать их узлом, чтобы лишить бандюка возможности освободить руки. Но ничего не вышло — слишком толстые и короткие концы получились, надежно не завязать. Подбрав валяющийся бандитский нож, я дважды разрезал каждый рукав в длину до половины и легко связал образовавшиеся ленты на два узла. Путы получились не слишком надежные, но на какое-то время удержат молодца от размахивания руками.

— Лежи смирно, а то у пацана палец дрогнет и лишняя дырка в башке тебе обеспечена.

Потом подошел, к сидевшему на собственных ногах, усачу, спрятал свою недошпагу в трость и, вытащив дерринджер, сказал:

— Вставай! Бери подстреляного за руки и волокни его в овраг и не вздумай дрыгаться — махом продырявлю.

— Вы чего парни? Я тут совсем не при делах, это все они...

— Знаешь их? Как их зовут?

— Дак это Бобырь с Гуней.

— Под кем ходят? «Иван» кто?

— Голован у них за «Ивана».

— А ты?

— Я...?

— Ты — ты! Кто у тебя за главного? — Напирал я на заюлившего усача.

— Дак говорю же — не при делах я. Охранником в ювелирной лавке служу. Отпустили

бы вы меня.

— Отпустим. Пока волокни этого в овраг. — Указал я стволом на раненого, потерявшего к этому времени сознание. Усач выполнять приказ не спешил. Я выстрелил. Пуля воткнулась в землю в опасной близости от коленей усатого. Тот резво вскочил и снова сел не удержавшись на занемевших ногах. Я качнул стволом и сказал:

— Взял этого за руки и волоком тащи в овраг. Ну! Прострелю колено!

Усач встал и, ковыляя, подошел к раненому и взял того за руки и поволок в овраг. Очутившись на дне оврага и увидев, что я отвлекся на Митьку с Архипкой, попытался сбежать, но отсиженные ноги его подвели — он споткнулся и упал. Я подскочил и ощутимо врезал ему тросточкой по затылку. Обернувшись, крикнул Митьке:

— Тащите второго сюда! Митька дай ему в ему глаз, чтобы не трепыхался.

Пока Митька с Архипкой волокли бандита в овраг, я караулил лежащего усача и лихорадочно соображал, что все-таки с этими уголовниками делать. Убивать не хотелось, но и отпускать их никак нельзя. Сегодняшний Барнаул городишка совсем не большой. Населения тысяч двадцать от силы. Так что наверняка найдут пацанов. Вот ведь суки! Ну не нейдется им! Ладно! Решу попозже, а пока пораспрашиваю их кой о чем.

— Митька покарауль усатого. Начнет шевелиться дай ему по башке. На вот палку, лупанешь если что. Архипка вылезь на верх. Надо следы убрать. А я пока с этим ухарем потолкую.

Подойдя к тощему бандиту, сидевшему у крутой стенки оврага, оглядел его. Похоже Митька послушался меня и приголубил утырка. По крайней мере левый глаз того был не в самом лучшем состоянии. Но правым здоровым глазом он с ненавистью смотрел на меня и злобно щерился.

— Ну что убогий? Давай вякни чегонибудь. — Я легонько пнул его по ноге. Того перекосило и он, брызгая слюной, заматерился, обещая мне всяческие кары. С минуту я слушал, но когда он начал повторяться выстрелил между его расставленных ног. Пуля прошла рядом с его гениталиями, заставив болезненно испуганно дернуться и заткнуться. Я не спеша вынул стреляные гильзы из обеих стволов, сунул их в карман и достав из того же кармана новые патроны зарядил свой пистолетик. Тощий бандит с погонялом Гуня, дернув кадыком на худой шее, заморожено смотрел на эти манипуляции и молчал.

— Заткнулся? А теперь слушай меня. Я тебе буду задавать вопросы, а ты будешь на них отвечать. Если будешь молчать или врать мне, то я пальну еще раз и на этот раз попаду. Кивни если понял!

Гуня судорожно сглотнул и закивал.

— Вот и отлично. Вопрос первый — сколько людей осталось у вашего пахана? — Я показал Гуне пистолетик и прицелился ему в пах. Тот заерзал вжимаясь в стенку оврага и заговорил торопясь и захлебываясь:

— Кроме нас с Бобырем еще трое, но они уехали куда-то.

— Как их зовут?

— Кого?

— Тех кто уехал.

— Филин, Хрипатый и Кила. — Вон как. Ну эти уже не вернуться.

— В доме у Голована есть еще ктонибудь.

— Сейчас никого нету. Раньше вон Бобырь там печку топил и за порядком следил.

— Усатый он с вами или нет.

— Нет не с нами. Сом у Ювелира служит.

— Сом? А почему Сом? Из за усов что-ли? — Полюбопытствовал я.

— Сомов его зовут.

— И чего тогда этот Сом за вами побежал?

— Ну так Ювелир его послал.

— Ага! Ювелир значит. Выходит в деле Ювелир. Небось боится, что вы его долю зажилите. Ладно посиди пока тут. Митька, покарауль этого, а я Сома за усы потягаю.

— Ну что «Сом с большим усом»? Очухался? Вижу — очухался! Тогда на коленки становись и снова задницу на ножки пристраивай. Давай-давай не стесняйся, здесь все свои. — Сказал я, поигрывая пистолетиком. Усач неуклюже заворочался устраиваясь. Дождавшись когда он примет надлежащую позу, подошел поближе и стал молча его рассматривать, стараясь сообразить, что мне все таки делать с этими «работниками ножа и топора». То что Гуню с Бобырем придется валить было уже ясно, но вот с этим-то что делать?

Усатый видимо что-то почувал и открыл было рот, но тут послышался какой-то вскрик и звук удара. Быстро обернувшись я увидел, что тощий бандит лежит на земле, а Митька охаживает его моей тросточкой.

— Что там у тебя? — Спросил я у Митьки и взглянув на дернувшегося усача погрозил тому пистолетиком.

— Да этот варнак одежду как-то сбросил, да на меня кинулся. Пришлось его стукнуть.

— А чего не стрелял?

— Дак ты сам говорил, что патронов у нас мало.

— А палкой зачем его лупишь.

— Чтоб впредь не повадно было.

— Ясно. — Ухмыльнулся я и обернулся к усатому.

— Ну рассказывай.

— Чего рассказывать?

— Расскажи для начала, зачем за нами пошел и не ври мне, иначе яйца отстрелю. — Я говорил медленно и не громко, глядя как бы сквозь него, стараясь пореже моргать. Этот взгляд почему-то очень нервировал и даже пугал усача. Попытка заглянуть мне в глаза не увенчалась успехом и усатый явно запаниковал. Он вдруг понял, что все может кончиться для него плохо, даже очень плохо и попытался снова втереть мне о своей якобы не причастности. Я молча и медленно стал поднимать пистолет и усатый сломался. Он вздохнул, косноязычно стал рассказывать.

Если вычленишь из его сбивчивых речей полезную информацию, то картина вырисовывалась следующая.

К Гуревичу время от времени подваливали дикие старатели предлагая золотишко, а иногда и камешки. Тот все это покупал, изрядно наживаясь. На этом не законным бизнесе и подловил «бедного» еврея Голован. После недолгих переговоров и запугивания пришли к консенсусу и теперь залетные одиночные старатели, обратившиеся на свою беду к ювелиру, расставались не только с золотишком но нередко и с жизнью, благо Обь река большая и трупы скрывала надежно. Усатый же не только охранял ювелирную лавку, но был человеком Голована и по его приказу присматривал за ювелиром, чтобы тот чегонибудь не учинил.

Еще я узнал, что сегодняшней наезд на богатенького меня был скорее всего инициативой Гуни с Бобырем, поскольку Голована дома нет. Уехал куда-то три дня назад. Золотничников

же раньше потрошил Филин с Хрипатым, а Гуня с Бобырем были на подхвате. Похоже мне повезло. Будь здесь Филин, то вряд ли мне бы удалось так легко отделаться.

Ладно, черт с ним с Голованом этим, может свалил куда насовсем. С одной стороны, нам хлопот меньше, но с другой заинтересовал меня этот Голован, очень сильно заинтересовал. Уж больно продвинутый какой-то. Мне казалось, что местные бандиты должны быть попроще и по сермяжнее. А может он тоже попаденец. Вот будет номер если это так, но пока нужно решить, что всетаки с этими утырками делать.

— Сом у тебя нож есть?

Тот с опаской глянул на меня и нехотя произнес:

— Ну есть.

— Доставай. — Видя что он мнется в нерешительности, повторил с нажимом:

— Доставай- доставай!

Тот полез за пазуху и вытащил вполне нормальное перышко.

— Теперь на коленках подполз к Бобырю и воткнул ему ножичик в сердце. Видишь мучается болезный, давай помогай бедняге.

Усатый не веря сказанному с недоумением смотрел на меня.

— Ну чего уставился? Давай делай, что сказано. — Я снова пальнул и пуля, чуть не задев его правую коленку, вошла в землю. И тот пополз. Добравшись до лежащего в отрубе Бобыря он оглянулся на меня. Я прицелился ему в лоб. Тогда, взревев, он трижды воткнул нож в грудь лежащего на спине Бобыря.

— Молодец! Теперь второго. — Указал я пистолетом на лежащего ничком Гуню. Усатый обреченно дополз и ткнул ножом ему в спину.

— Еще раз! — Приказал я.

Сом что-то завопив принялся с остервенением тыкать ножом в неподвижное тело. Подойдя поближе я выстрелил ему в спину. Усатый как-то странно выгнулся и, не выпустив из руки ножа свалился на мертвого подельника. Немного посучив ногами, Сом затих. Я снова перезарядил свой пистолетик и хотел стрельнуть в лежащего еще раз, но не смог и уселся рядом. В голове шумело и я не мог понять, что нужно от меня Митьке с Архипкой, которые трясли меня и что-то говорили. Наконец в голове немного прояснилось и услышал Архипкин вопрос:

— Немтырь? Ты че Немтырь?

— Архипка ты опять меня трясешь? Все нормально со мной, просто устал че-то.

Архипка, перестав меня трясти молча кивнул, явно находясь под впечатлением расправы над бандитами. Митька же нахмурившись глядел на меня, явно не совсем понимая и не одобряя мою кровожадность. Криво усмехнувшись я сказал:

— Нельзя было их отпускать. Вас они видели и наверняка стали бы потом разыскивать, городишко то маленький. А могли и в полицию сдать. Не хрен их жалеть! Они по крайней мере уже троих золотничников ухайдокали, да в реку бросили. И если бы не вы то и меня бы тоже на нож поставили, камешки забрали, труп бы в реку скинули. Так что все по честному. И потом ты же сам этому борову пузо прострелил. — Кивнул я в сторону лежащего Бобыря. Митька невольно посмотрел в ту сторону и побледнев сглотнул слюну борясь с тошнотой. Наконец глухо проговорил:

— И че теперь делать будем?

Я тяжело поднялся и оглядев это «мамаево побоище» сказал:

— А ничего больше делать не будем. Не трогайте тут ничего. Полезли наверх.

Выбрашись из оврага на тропинку, я огляделся: трупы с тропинки не видно, вокруг ничего не валяется. Правда остались на траве следы волочения тела и небольшое кровавое пятно на тропе. Подгреб ногами песок, засыпая кровь и попинал примятую траву, попытавшись скрыть следы. Трава выпрямляться не захотела. Поэтому пришлось вытоптать траву рядом, чтобы придать месту некое однообразие. Архипка с Митькой с удивлением смотрели на меня.

— Чего глазете? Траву потопчите, чтоб не было заметно где Сом того борова в овраг тащил.

Парни переглянулись и стали помогать мне скрывать следы. Я вспомнил, что где тут оставался нож Бобыря, который он выронил после того как Митька засадил ему пулю в живот, да фуражка Гуни должна тоже здесь быть.

— Архипка! Ты не видел здесь ножа с фуражкой? — вспомнил я, что посылал пацана убрать следы.

— Дык фуражку я рядом с этим длинным бросил, а ножик вот. — Показал Архипка нож.

— А ну-ка дай его сюда.

Архипка подал нож. Я повертев в руках довольно прилично сделанный нож, размахнулся и забросил его в овраг.

— Ты че Немтырь? Вон какой хороший ножик.

— Поэтому и выбросил. Ничего ихнего у нас должно быть.

— А сам-то зачем ножик этого Гуни взял.

— Какой ножик? Где он?

— Дак в кармане у тебя.

Я полез в карман и вытащил нож. Блин! Ведь точно. Разрезав рукава Гуниного лапсердака, нож машинально сунул себе в карман. Как только не порезался. Идиот!

— Тьфу ты! Забыл совсем. Молодец Архипка, что напомнил.

Размахнувшись отправил овраг и это перышко. Отпечатки пальцев стирать не стал. Не доросли еще местные криминалисты до таких крутых улик как отпечатки пальцев. А впрочем, я не помню когда появилась такая фишка. Может и практикуют где, но вряд-ли такие новации добрались до Барнаула. Да и толку-то, наших отпечатков в картотеке нет. Да и картотеки скорее всего никакой нет.

Свистнув Платошке с Антохой, прошли тропинкой до реки. На берегу я огляделся и никого не обнаружив сказал:

— Так мушкетеры! Про наши сегодняшние приключения никому ни слова, иначе можем оказаться у бандитов или того хуже в полиции. От бандитов мы, положим, отобьемся. А вот с полицией нам ничего не светит. Так, что молчок. Особенно это вас касается. — Кивнул я Платошке с Антоном.

— А че только нас? А Митька с Архипкой? — спросил Антоха.

— Их это тоже касается, но я в них уверен.

— Ты че Немтырь? Мы же понимаем все. Правда Антоха? — Платошка уставился на друга.

— Ага! — Закивал тот. — И это... Немтырь мне тоже пистоль нужен, а то у вас всех есть, а у меня фига.

— Ладно будет у тебя пистоль. Купим. Но пока нам всем придется пистолетики спрятать. Таскать их с собою по городу не будем, чтобы не нарываться.

— Да все понятно. — Сказал Митька.

— А раз понятно, тогда «Один за всех»! — подставил я ладонь.

— Все за одного! — проревели мои мушкетеры.

— И это! Спасибо пацаны. Если бы вы не подоспели, то эти утырки прирезали бы меня как гуся.

— Да ладно тебе. — Хлопнул меня по плечу Митька.

Добравшись до дома, я отобрал у парней все револьверы и спрятал в укромном месте в сараюшке.

Глава двадцать первая

Вечером довольно долго не мог уснуть. Не сказать чтобы меня сильно напрягли еще три трупа на моей совести, но и радости от содеянного не испытывал. Я же не маньяк какойнибудь, прости господи. Гораздо больше волновала проблема исчезнувшего Голована. Хорошо если он умотал куда либо насовсем, а вдруг возьмет и вернется. Попытка мысленно поставить себя на его место провалилась. Ничего путного я придумать не смог и бросил это занятие. Мои «мушкетеры» с Митькой давно спали, видимо совесть их нисколько не мучила. Оно и понятно — они ведь, признав меня командиром, особо не заморачивались решением всяческих проблем. Как справедливо заметил Владимир Семенович:

«Не надо думать — с нами тот,
Кто все за нас решит.»

Вот и придется мне решать. Ладно решим, но завтра, а сейчас спать.

Утром ничего особенного не придумав, предложил парням понаблюдать за домом где жил Голован. Сам же одевшись в новую одежду нацепив парик и бороду с усами отправился по магазинам и лавкам, тратить трофейные деньги.

Сильно потратиться не удалось. Купил лишь револьвер для Антохи, полсотни патронов, да заглянул в книжную лавку, посмотреть книги, ну и прикупить чегонибудь почитать, если не себе то пацанам. Здесь мне повезло. Попалось старое издание гоголевских «Вечеров на хуторе близь Диканьки», которыми зачитывался в детстве, да сборник стихов Фета «Вечерние огни». Остальные книги показались мне обычной макулатурой, а впрочем я не сильно там их рассматривал.

Вернувшись, застал Архипку, который сразу же накинулся на меня:

— Ты куда пропал Немтырь? Целый час тебя жду.

— Ты что такой взъерошенный? Случилось что?

— Голован вроде еще вчера домой приехал. А сегодня к нему тот пацан из ювелирной лавки прибежал. После этого Гоолован засуетился чего-то, похоже смыться хочет. Меня Митька до тебя послал.

— А сам он где?

— Митька-то? Караулить остался. Антоха с Платошкой тоже там.

— Ясно.

Я быстро метнулся в сараюшку и рассовав по карманам револьверы, быстрым шагом поспешил вслед за Архипкой. На подходе к головановскому дому встретил дежуривших парней. Спросил:

— Он еще здесь?

— Тута. Дома чего-то шебаршит. — Ответил Митька.

— Хорошо! Пацаны берите свои пистолы? — раздал я оружие. — Антоха держи. Это теперь твой. — подал только что купленный револьвер и пять патронов к нему.

— Оружие пока спрячте в карманы. Антоха ты останешься здесь. Платошка пробегись вон туда. — Указал я на противоположный конец улицы. — Вы на стреме, если кто появится, свистните. Митька мы с тобой попробуем зайти в дом. Архипка идешь за нами, будешь нас с Митькой подстраховывать. И это..., не подстрели нас ненароком. Понял? — Тот согласно кивнул. — Ну раз понял, то пошли.

Подошли к глухому забору с такими-же глухими воротами, остановились осмотреться.

Никаких прохожих не было видно, лишь Антоха с Платошкой маячили по разным концам улицы. Собственно улицей ее назвать было нельзя, поскольку несколько редко разбросанных домов глядели окнами на косогор, поросший крапивой и кустами. От косогора домишки отделяла, заросшая мелкой травкой, дорога. Надо сказать, не слишком удачное место выбрал Голован для проживания. С горы напротив двор его дома просматривался хорошо. Чем и воспользовались пацаны. Видимо Головану и в голову не пришло, что кто-то может наблюдать за его домом. Впрочем место было довольно глухое. Скорее всего именно это обстоятельство и послужило главной причиной выбора бандитской хазы.

Не успели подойти к воротам, как там распахнулась калитка и показался прилично одетый мужик. Большая по сравнению с туловищем голова сидела на короткой шее, несколько обрюзглое лицо с мясистым носом было налито нездоровой краснотой. В правой руке он держал саквояж, левая была в кармане. Мельком глянув на нас, он хотел пройти мимо, но я заступил ему дорогу:

— Господин Шубников Гавриил? — Вежливо спросил я.

Тот, не отвечая, приподнял явно тяжелый саквояж, отвлекая внимание от левой руки, которая змеей метнулась к моему правому боку. Ожидая чего либо подобного, я попытался защититься тростью, но лишь чуть сбил лезвие не длинного ножа, нацеленного прямо мне в печень. Голован очень быстро без замаха ткнул ножом второй раз, но я успел сделать шаг назад и перехватил трость обеими руками. Нож вспорол мой новый костюм и чиркнул по коже корсета. Я же ткнул концом трости ему в солнечное сплетение, а опомнившийся Митька со всей молотобойской дури засадил кулаком тому по уху. Двойного удара бандюган не выдержал и, выронив саквояж и нож, стал валиться на землю. Мы с Митькой не сговариваясь подхватили его под руки и потащили в калитку. Я не оборачиваясь сказал:

— Архипка подбери сумку и нож.

Подтащив пребывающего в нирване бандита к крыльцу дома, дверь которого была заперта на висячий замок, опустили расслабленное тело на ступеньки. Пошарив у него в карманах, нашел ключ и снял замок. Затащив тяжеленное тело в дом, связали ему руки, заранее приготовленной, веревкой. Увидев стоящее на лавке возле дверей ведро с водой, зачерпнул ковшиком, который висел рядом на гвозде, водички и плеснул, лежащему на полу Головану в морду. Тот открыл глаза и уставился на нас красными от лопнувших сосудов глазами. Я, подозревая в Головане еще одного попаденца, задал традиционный вопрос:

— Ты славянский шкаф продаешь?

Тот дико на меня посмотрел, явно не поняв пароля всех попаденцев. «Похоже все-таки местный» — подумал я, видя его недоумение.

— Значит не продаешь. — Разочарованно констатировал я факт.

— Вы кто? — Сдавленно прохрипел Голован.

— Дед Пихто да баба Никто. — Произнес я на автомате, прикидывая о чем мне спрашивать этого продуманного бандита.

— Что вам от меня надо? — Не унимался Голован.

Я посмотрел на его его красное с фиолетовым оттенком лицо и сказал:

— Задолжал ты нам Голован. Сильно задолжал. Подельники твои уже рассчитались. Теперь твоя очередь подошла.

— Ты чего несешь? Да я тебя, сучонок урою! — Заорал бандит, напрягаясь и силясь порвать веревки, но внезапно захрипел и, выпучив глаза, забился на полу.

Я с недоумением смотрел на него и вдруг понял, а ведь его сейчас ударчик хватит. Что с

этим делать я не знал, как-то не приходилось мне никого от инфаркта спасать. Или у него не инфаркт, а кровоизлияние в мозг — инсульт то есть? Пока я пребывал в растерянности, Голован выгнулся пару раз, поскреб ногами пол и затих, уперев в потолок взгляд остекленевших глаз. Вот блин! Похоже ласты склеил Гаврила.

— Чего это он? — Недоуменно спросил Митька. Архипка же держа в одной руке саквояж, а в другой нож, попятился не сводя с лежащего испуганного взгляда.

— Чего, чего! Дуба дал Голован! Копыта откинул гад! Сбежал можно сказать. — С досадой сказал я. И видя, что мои друзья не понимают, пояснил. — Помер Голован. Удар его хватил.

— И че теперь делать? — Растерянно спросил Архипка.

— Ну-ка Архипка дай-ка его ножичек. — не отвечая на его вопрос сказал я. Получив требуемое я хотел срезать веревку, но подумал, что так и не обыскал бандита. Наклонился и попытался прощупать пульс на его шее. Не обнаружив и признаков пульса, стал проверять его карманы, выкладывая содержимое на пол. Кроме пухлого бумажника ничего стоящего не оказалось. Не раскрывая сунул бумажник себе в карман, а все остальное вернул назад. Затем, попросив Митьку помочь, срезал с тела веревки и сунул нож в хитрые ножны на боку мертвеца. Держа в руке обрывки веревки, соображал куда их деть. А вот же саквояж у Архипки.

— Архипка сумку дай.

Тот подал саквояж. А саквояжик-то тяжеленький. Немного покопавшись открыл сумочку и еле сдержался, чтобы не выругаться вслух. В саквояже лежали деньги, в монетах и ассигнациях. Причем все лежало навалом. Такое впечатление, что мужик очень торопился, потому и валил все в кучу, доставая ценности из разных тайников. Разбираться с этим не было времени. Сунул сверху веревочные обрывки и закрыл саквояж. Глянув на лежащее тело решил, что поза вполне естественна для получившего инфаркт покойника, сказал:

— Валим отсюда по тихому.

Выходя из дома последним, прикрыл дверь. С улицы послышался свист.

— Платоха свистит. — Прошептал Архипка.

— Давайте за сарайку. — Шепотом сказал я.

Мы быстро спрятались за стоящую рядом с воротами сараюшку и замерли прислушиваясь. Кто-то пыхтя протопал мимо забора. Переждавши минуты две я тихонько прокрался к воротам и проткрыв чуть калитку выглянул в щелку. Увидел лишь заворачивающего за угол мужика с огромным мешком за спиной. Глянув в другую сторону и не увидев никого кроме Платошки, махнул рукой парням и мы быстренько вышли из калитки. Дойдя до сгорающего от любопытства Антохи, кивнул ему и мы, еле удерживаясь, чтобы не сорваться на рысь, пошли за угол. Платоха нагнал нас уже на другой улице:

— Ну че там пацаны? — Спросил он.

— Все нормально. Дома все расскажу.

Подходя к дому, где мы проживали, отобрал у парней их револьверчики, наказав им идти собирать на стол, вместе с Митькой пошли в сараюшку спрятать стволы и саквояж. Возясь с оружием я случайно задел рукой свой правый бок и с изумлением обнаружил, что костюм в районе печени слегка влажный. Глянул на руку — кровь. Сразу же почувствовал жжение в боку и стал стаскивать с себя сюртучок и снимать корсет. Рубашка под корсетом оказалась мокрой от крови. Блин! Достал всетаки меня этот гадский «папа». Сразу стало больно. Митька сначала с недоумением смотревший как я раздеваюсь, увидев кровь на

рубашке, забеспокоился:

— Это че у тебя?

— Блин! Митька помоги снять рубаху, а то че-то больно стало.

Разоблачившись с помощью Митьки, глянул на рану и от сердца отлегло — царапина. Несовсем конечно царапина; кончик ножа вошел в бок примерно на сантиметр и похоже перерезал какой-то сосудик. Отсюда и кровь. Выходит спас меня корсет. Спасибо писателю Акунину, хотя он и «редиска» белоленточная. Идею корсета как некое подобие бронежилета я слямзил у него. В свое время, от нечего делать, с удовольствием следил за приключениями Эраста Фандорина, и надо же как удачно получилось. С другой стороны, моя паранойя рулит. Буду и дальше придерживаться этого-же курса.

Осмотрев рубашку решил, что ее проще выбросить. Оторвал рукава, попросив Митьку разорвать рубашку на полосы и, с помощью того же Митьки, кое как перевязал рану. «Теперь оба бока покоцаны» мысленно усмехнулся я. Одед на голое тело корсет, натянул сюртучек. Затем открыл саквояж достал обрывки веревки и перевязал оторванные рукава, превратив их в импровизированные мешки. После этого стал доставать из саквояжа монеты и не сортируя складывать в полученную тару. Выгреб все монеты и достал из саквояжа небольшой мешочек, где что-то позвякивало и не открывая сунул его к монетам и завязал обрывком веревки бывший рукав, отложил в сторону. Митька круглыми глазами следил за мной. Когда я достал из саквояжа две приличные пачки бумажных денег он сдавленно спросил:

— Немтырь, что это?

— Трофеи Митька! Трофеи! Похоже Голован срочно свалить хотел да не успел. Вовремя мы его прищучили.

Говоря это заглянул в саквояж и увидел там еще один небольшой мешочек. Вытащил его и сначала не понял, что там. Песок на ощупь. Тяжелый песочек — на килограмм потянет. Потом вдруг враз сообразил — песочек то наверняка золотой. Забросил находку во второй рукав и на секунду задумался, что делать с бумажными деньгами: сунуть в импровезированную тару и прокопать в сараюшке, благо пол здесь земляной, или взять с собой. А ладно с собой возьму, пригодятся на текущие расходы. Много чего прикупить нужно будет. Да и парням премию выдать нужно. Теперь можно и с продажей камушков повременить.

— Митька лопату возьми, прикопай эти мешочки тут в уголке, да завали всяким хламом, чтоб в глаза не бросалось. И никому про них не говори, даже деду и пацанам. Расскажем позже, когда будем знать точно, что за ними никто не придет.

— Ты че Немтырь? Думаешь у Голована еще кто-то остался.

— Может и нет никого, но лучше перебдеть, чем потом локти кусать.

— Ладно. — Согласился Митька и пошебуршав в углу сараюшки, нашел лопату и раздвинув какой-то хлам стал копать яму.

Я же достал нож и стал разрезать саквояж. Хотя нож был хорошо заточен, кожа, из который был изготовлен саквояж, поддовалась с трудом, да еще и рану стало дергать. А ведь я даже не заметил тогда, что Голован достал меня своим ножичком. Вот так наверное вояки в пылу схватки, когда адреналин зашкаливает, не замечают ран и погибают от потери крови.

Пока Митька закапывал наши трофеи и маскировал клад, я изрезал саквояж. Бросил ошметки на земляной пол и потоптался на них, а потом кинул в угол к остальному мусору. Пусть пока тут повалается, завтра надо будет их сжечь или выкинуть в реку. Захватив, упакованные в остатки рубашки, ассигнации и кивнув Митьке вышел из сараюшки. Митька

выйдя следом, прикрыл дверь.

В доме, пацаны не дождавшись нас, сидели за столом и всю работу делали ложками, тягая кашу из единственной здоровенной чашки.

— Нам с Немтырем каши-то хоть оставили? — Спросил Митька.

— Вон на загнетке в чугушке. — Прошепелявил Архипка набитым кашей ртом.

Митька направился к печи, заглянул в горшок и ухватив его поволок на стол.

— погоди! — Остановил я парня. — Давай руки сначала помоем.

Я содрал с лица бороду и усы, вызвав у жующих пацанов приступ смеха. Потом мы вышли во двор и Митька полил мне на руки. Я поплескал водой в лицо, смывая остатки клея, помыл руки и в свою очередь полил Митьке.

Потом я немного посоображал: толи сначала перевязать рану и лишь потом поесть, или наоборот сначала поесть, а уж потом заняться болячкой. По хорошему, конечно надо бы обработать эту царапину, называть ее раной было бы большим превеличением, но и царапина получилась изрядная и даже ощутимо полбаливала.

Решил все-таки сначала пожрать. Достал чистую деревянную чашку и нагреб из горшка кашу, оставив Митьке гораздо больше продукта, чем наложил себе. Парню уже шестнадцать и он пожалуй по росту догнал своего отца и все еще растет. Так что жратвы ему надо много.

Пацаны уже поели и ждали пока мы с Митькой насытимся, чтобы хорошенько расспросить, но я их обломал. Утолив голод, начал раздеваться. Плохо наложенная повязка сбилась и ранка опять закровила. Увидев кровь, парни забыли про расспросы, окружили меня и загалдели. Лишь Митька остался за столом и невозмутимо доедал кашу, доставая ее ложкой прямо из чугушка.

— Немтырь! Кто это тебя так? — Спросил Платошка.

— Кто-кто! Утырок этот. Голован! Архипка достань мой мешок.

Архипка метнулся к лавке на которой я спал и, вытащив из под нее мой рюкзак и подал мне. В боковом кармане рюкзака имелся у меня холщевый мешочек, в котором были: небольшая бутылочка крепчайшего самогона, порезанное на бинты чистое полотно, мох в качестве антисептического тампона и пузырек снадобья, которое уже пробовал, когда получил две дробины в левый бок. Вспомнив, что так и не поинтересовался из чего его варганит Баба Ходора, решил сей чудодейственный бальзамчик не пить. Не хватало еще на наркоту какуюнибудь подсесть.

Достал бутылку с самогоном и полив его на тряпчку стал обтирать кровь вокруг ранки. Затем, немного поколебавшись, плеснул самогончику на рану и заприплясывал, зашипел сквозь зубы. Больно блин!

— Чего скалитесь? Бандерлоги! — Зло бросил я, когда боль немного утихла и обратил внимание на улыбающихся пацанов.

— Ты че Немтырь приплясываешь? Больно что-ли? — Ухмыляясь спросил Архипка.

— Нет блин — щикотно!

— Немтырь, а бандерлоги кто это? — Антоха как всегда был неподражаемо любознателен.

— Бандерлоги...? — Вот блин! Придется пацанам еще и сказку про Маугли рассказывать. Интересно написал ее Киплинг или еще нет? А может нет в этом мире такого писателя. Надорвался поди, таща «бремя белого человека». Где бы узнать?

— Ладно пацаны, расскажу потом про бандерлогов, а пока помогите мне перевязать болячку.

Перевязавшись с помощью пацанов, надел свою старую рубашку и осмотрел свой новый сюртучок. Блин похоже тоже на выброс. Мало того, что запачкан просочившейся кровью, так еще и порезан в двух местах. Можно конечно отстирать и зашить, но пиджачок-то мне нужен для понтов, ну тоест для представительства в интеллигентных кругах, а стираный и заштопанный он сразу теряет всякую ценность. Придется снова к Абраму Хайкину обращаться. Вытащил из кармана бумажник реквизированный у Голована пересчитал банкноты. Двести сорок три рубля. Не хило. А ведь еще две пачки денежек, завернутые в остатки рубашки, на лавке лежат. Одну пачку, не считая, бросил в рюкзак. Во второй оказалось три тысячи рубликов ассигнациями разного достоинства. Пацаны открыв рот смотрели на деньги. Наконец Платоха спросил:

— Немтырь? Откуда это у тебя?

— Не у меня, друг Платон, а у нас. У нас! Поняли?

— Поняли.... — Не уверенно пробормотал Платошка.

Антоха молча кивнул головой, но смотрел то на меня, то на деньги совершенно обалдело. Мда! Этот момент я как-то упустил.

— Вобщем так пацаны! Те утырки, что вчера меня, чуть за камушки не порезали, работали на Голована, ну того мужика к которому мы сегодня ходили. Он у них главный. Был. Его эти денежки. Он видно удрать намылился, а тут мы. Хотел я его кой о чем пораспрашивать, а он взял да помер. Удар его хватил. Вон хоть у Архипки с Митькой спросите.

— Об чем ты его хотел спрашивать. — Потребовал подробностей Антоха.

— Много об чем. Этот Голован, похоже главный бандит в Барнауле. Они тут диких старателей потрошат. Мужики, что тихонько золото моют, иногда обращаются к ювелиру, чтобы в тайне от властей за золотишко денежки получить. А тот их Головану сдает. Бандиты, что на Голована работают, золотничников выслеживают, золото у них отбирают, а самих режут, да трупы в реке топят.

— Врешь поди?

— Нет Антоха не вру. Те вчерашние сознались, что по крайней мере троих золотничников они ограбили и убили. А кроме того у этого Голована еще одна шайка была, которая в тайге старателей, что золото тайно моют выслеживала. Выследят, золото отнимут и убьют, чтоб те никому не рассказали. Вон у Архипка отца они убили.

Пацаны посмотрели на опустившего голову Архипку:

— Правда што-ли?

Архипка кивнул и отвереулся. Антоха торопясь проговорил:

— Так надо в полицию идти. Сказать про варнаков.

— А вот в полицию нам идти ни в коем случае нельзя? Голован там кому то денежки платил и на его преступления в полиции глаза закрывали. Так что пойдешь в полицию, а там этот гад прикормленный тебя бандитам сдаст. И тебя потом никто не найдет. Пойдешь рыбам на корм.

— И че теперь делать?

— А мы уже сделали все. Голован помер. А те вчерашние утырки друг друга перебили. Не верите? Вон у Митьки спросите. Митька подтверди.

Митька, очистив горшок от каши, пил из деревянной чашки квас и, оторвавшись, покивал головой. Получив подтверждение, Антоха с Платошкой уставились на меня.

— Не берите в голову пацаны. Но рассказывать никому ничего не надо. Будете болтать

сами сгинете и нас всех подставите. Понятно?

— Ты че Немтырь! Поняли мы, чай не дети. Правда же Антоха?

Тот энергично закивал головой, соглашаясь.

— Ну и ладушки. Завтра пойдем на базар подарки покупать.

— Подарки? Кому подарки? — Заинтересовался Антоха.

— А кому хочешь хоть родным, хоть невесте.

— Ты че Немтырь какой невесте?

— Что нет невесты? Ну так матери с отцом да братьям с сестрами чегонибудь купите порадуите родню. Ладно! Подарки завтра, а сейчас расскажу вам про бандерлогов.

Поздним вечером, когда пацаны, послушли сказку про Маугли и немного пообижавшись, на то что я их обозвал бандерлогами, улеглись спать, я уснуть не мог и все пытался понять почему мне нисколько не жалко всех тех утырков, которых прибил. В той жизни мне как-то никого убивать не пришлось, даже более того случись со мной там, что либо подобное, то совершенно не уверен, чтобы я смог так вполне хладнокроно когонибудь прикончить. А если и смог бы такое сделать, то наверное очень сильно страдал бы душевно. Здесь же, лично отправив на тот свет почти десяток пусть не самых лучших представителей рода человеческого, нисколько не страдал, а даже испытывал некое удовлетворение от содеянного. Уж не маньячила ли я? Подумав решил, нет не маньяк, потому как никакого удовольствия от убийства я не испытываю. Даже наоборот! От запаха крови и дерьма, которыми как теперь убедился пахнет смерть, меня откровенно подташнивает. А удовлетворение — это от того, что выполнил очень противную, грязную, но нужную работу. Правда было какое-то слабое чувсво, что работу-то выполнил, но недоделал до конца. Поразмышлявши, вдруг понял, что за всеми передрыгами этих двух нелегких дней, я забыл про господина Гуревича, мать его ювелира, который сдал меня бандитам. И что с ним теперь прикажите делать? А черт с ним! Завтра подумаю, а сейчас спать пора. Уснул на удивление быстро.

Утром проснулся еще до рассвета. Парни спали на своих лавках, а я пытался вспомнить, сон который мне снился. Мне казалось, что в том сне было что-то важное, какие-то ответы на мучившие меня вопросы. Ничего не вспомнив и мысленно плюнув на всякие вещи сны, решил всетаки обдумать как мне поступить с этим утырком Гуревичем М. И... Прикончить что-ли? Прикончить не проблема, только вот пользы от покойника ноль. Лучше поугатать до обосранных штанов да денежек с него слупить. Пожалуй так и сделаю.

Денежек мне надо много. Самолет из говна и палок не сгондобить, а уж про двигатель даже думать тошно. Хотя может быть за границей гденибудь уже и сварганили моторчик. Если таковой уже и есть, то наверняка стоит прилично, да еще и транспортировка из Европы в эту задницу мира обойдется как-бы не дороже самого изделия. Так что придется господину Гуревичу раскошелиться. А значит запланированный поход на базар придется отложить.

Решив наехать на ювелира, подумал, а в чем к нему идти. Вот же дебил надо было сразу два костюма заказывать. Теперь поздно вато метаться. Действовать нужно быстро. А то как-бы и этот куданибудь не свалил. С другой стороны, что я парюсь! Одну покоцанный костюмчик, покажу еврейчику дырки от ножа, да и выкачу предьяву. Тысяч на пять-десять. А чтобы соблюсти некую законность, отдам взамен денежек камешки, да расписочку возьму с молодца. Наверняка ведь обул меня с этими камешками ушлый италяшка; не стоят те брюлики десяти тысяч. Правда кто кого обул вопрос сложный. И ответ на него неоднозначный, может тот корешек, что мы с Савватеевной в Ватикан отправили, вполне

сопоставим по цене с камешками от Бальцони. А что! Употребит ватиканский поп элексирчик из того женьшеня, да и проживет еще лишних два-три года. Стоят того брюлики? По мне так даже очень стоят. Два-три года жизни в столь преклонном возрасте, это вам не баран чихнул. Это что-же выходит — продешевил я. Вот ведь проклятые буржуины надули мальчонку. Придя к такому умозаключению, тихонько посмеялся.

Полежав еще немного решил вставать. Вспомнив про рану, осторожно спустил с лежанки ноги, бок немного дернуло, но терпимо. А ведь я мог запросто вчера в ящик сыграть. Этот уголовник, несмотря на несколько неказистую внешность оказался, очень ловким и быстрым. Пожалуй, не сбей я немного его ножичек, он бы меня хорошо достал. Чувствуется и опыт и умение. И не факт, что пресловутый корсет спас бы мою печень от этого подлого удара.

Блин! Расслабился я, возгордился, круче вареных яиц себя почувствовал. Вот получил бы в печенку несколько сантиметров железа и амба. Надежды, что снова попаду в чьенибудь тело очень мало, можно сказать совсем нет. Ведь я пытался поразмышлять о феномене переселения сознания. Пришел к выводу, что никакого переселения не произошло. Похоже в той скале спрятан какой-то древний инопланетный артефакт, который снял копию с личности старика из будущего и вставил в подходящее тельце, а тот старик так и помер там в своем мире. Тем более я, то есть не я, а старик тот, по мобильнику тогда разговаривал, вот и поспособствовал смартфончик копированию личности. Так что я скорее всего, наполовину копия старика Щербакова, а наполовину четырнадцатилетний пацан — Ленька Немтырь по фамилии Забродин.

Но как бы там ни было, метаться поздно. Что выросло то выросло! Может позже навещу то озерцо, посмотрю на каменюку, но наверх не полезу. Нафиг! Нафиг! Хотя скорее всего ничего у меня не получится — смартфона-то нет. А без мобилы никакого копирования сознания может и не получиться. Жалко, что в бога не верю, а то помолился бы истово, как советовала Баба Ходора, глядишь и вернулся бы в свое время.

Нет конечно, очень романтично очутиться в прошлом, но дочего-же здесь хреново. Сортирной бумаги и той нет, задницу подтереть нечем. Уж о том, что практически все приходится делать самим и вручную, я уж не говорю. Ладно! Хорош ныть. Вставать пора.

В полдень мы снова стояли недалеко от «Ювелирного салона» господина Гуревича. На этот раз я учел опыт прошлого и «мушкетеры» вместе с Митькой обзавелись шейными платками, из которых, немного потренировавшись, научились делать маски, а кроме того обзавелись погремухами, то бишь позывными. Я не стал заморачиваться придумыванием кликух, предложил им самим выбрать себе позывные, только сказал, что имена должны быть короткими.

— Зачем нам эти позывные? — спросил Платошка.

— А затем друг Платон, чтобы никто не узнал наши настоящие имена, когда снова придется с кемнибудь схлестнуться. А короткими они должны быть, чтобы можно было быстро о чемнибудь предупредить. Вот к примеру ты увидел, что к Антошке сзади подкрадывается какойнибудь варнак и тебе надо его предупредить. Поэтому ты крикнешь: «Тоха! Сзади», а не будешь говорить например так: «Уважаемый Антон Николаевич извольте оглянуться, к вам со спины приближается нехороший человек с ножичком в руках». Пока такое произнесешь Антоху и прирежут.

Парни засмеялись и стали придумывать себе позывные. Антоха предложил назваться «Атосом, Портосом и Арамисом». Подумав я забраковал эти позывные — слишком длинные.

В конце концов Антоху назвали Тохой, Архипку обзвали Белым, за соломенные волосы, а Платошка сказал:

— Я буду зваться Чуй! — Видимо парень так преобразовал свою фамилию Нечунаев.

— Чууй.... Я бы не советовал. — Сказал я ухмыляясь.

— Это почему?

— А ты в начале другую букву поставь.

— Ага! Букву ха. — Засмелся сообразительный Архипка.

Платоха поставил и под смех друзей ошарашенно протянул:

— Неет.... — И посмотрел на меня.

— Ладно Платоха будешь Греком. — И предваряя вопрос сказал:

— Был такой в Древней Греции ученый по имени Платон. Вот и будешь Греком.

— А ты себе какой позывной возьмешь? — Спросил меня Архипка.

— А чего мне его брать. Я Немтырь, так и зовите.

— А Митька?

— Митька? — Я задумался глядя на высокого и широкоплечего хлопца. — Митька будет Тором.

— А почему Тор? — Меланхолично понтересовался Митька.

— Тор — это какой-то герой скандинавский или даже бог. Он здоровенной кувалдой врагов своих крушил. А ты Митька тоже с кувалдой дружишь. Так что быть тебе Тором. И это мужики. Привыкайте к своим позывным.

Перед тем как зайти в «Ювелирный салон» я проинструктировал «мушкетеров»:

— Белый, Тоха, Грек остаетесь здесь на улице и как в прошлый раз игру какуюнибудь затейте, а сами посматривайте, если кто в лавку направится свистите. А если опять этот жиденок куда либо побежит, притормозите его. Не бейте. Припугните только. Тор! Пойдешь со мной. В лавке платок на морду натянешь. Если что подстрахуешь меня.

Я специально назвал парней позывными. Пусть привыкают к погремухам. Митька выслушав меня, молча кивнул и мы вошли в салон. Посетителей в лавке не было Приказчик узнав меня, побледнел и метнулся к дверям за прилавком. Но я был настороже и, перегородив путь, ткнул ему тростью в живот. Обернувшись к, закрывшему лицо платком, Митьке сказал:

— Тор дверь входную запри.

Митька сначала подвис, но опомнившись, заблокировал дверь, задвинув не хилый засовчик. Высокий и широкоплечий да еще и с задрапированной мордой, Митька выглядел внушительно и пугающе. Чтобы посильнее нагнать страху, я достал свой пистолетик и, ткнув дулом приказчику в спину, произнес:

— Веди к дядюшке Мише.

Парень оглянулся на страшного Тора, сглотнул слюну и понурившись, повел нас к ювелиру. Подойдя к двери, он хотел постучать, но я остановил.

— Не стучи! Открывай и входи.

Он покорно кивнул и открыл дверь. Я резко втолкнул приказчика в кабинет и ткнул ракояткой трости ему под колено. Тот от неожиданности уселся задом на свои ноги.

— Тор смотри за хлопцем, будет дергаться отрихтуй.

Сидевший за столом и что-то писавший в амбарной книге, пухляш поднял голову и с изумлением уставился на нас. Потом опомнившись сунул руку в ящик стола. Но я уже был рядом и погрозив пистолетом, произнес:

— Руки из ящика вынул! На стол их положи и не спеши. Давай медленно — медленно. Вот и славно. Так что у нас там? — Держа под прицелом побледневшего ювелира, обошел стол и заглянул в ящик. — О! «Лефоше». Дряннь револьверчик, но вам он ни к чему. — И положив на стол трость, достал револьверчик из ящика и сунул себе в карман. Потом взял в правую руку трость и резко ударил ею по столу рядом с его пальцами. От неожиданности тот подпрыгнул и отдернул руки.

— Ручки назад верните! Давай-давай! Не заставляй меня злиться.

Пухляш положил дрожащие ладони на стол и уставился на меня:

— Кто вы такие? Я полицию позову.

— Полицию! И что-же ты расскажешь господам полицейским? Может то, что вы на пару с уголовником Голованом золотничников грабите, да с камнем на шее в речку бросаете. Или то, что увидев мои брюлики ты своего жиденка к Головану послал, а тот на меня Гуню с Бобырем натравил. Мало мне этих двоих, так ты им в помощь еще и охранника своего направил.

— Это неправда никого я не посылал.

— Да? А кто Левчика в табачную лавку посылал. Только вот этот Левчик ни в какую лавку не пошел, а побежал прямо к дому, где обитает некий Гаврила Шубников известный как Голован. Поговорил там с кем-то и сюда рванул, опять же ни в какую табачную лавку не заходя.

— У вас нет никаких доказательств!

— Вот тут ты любезный ошибаешься, доказательства есть и кроме того, если хорошо поспрашивать Левчика или вот его — указал я на сидящего на полу приказчика, — то они расколятся до самой задницы. Мне-же доказательства никакие не нужны. Достаточно вот этих дырок, что твой охранник мне наделал.

Я показал притихшему хозяину ювелирной лавки порезанный сюртучок.

— Ваше счастье, что покойник не достал своим ножичком до моей печени. Если этот «Сом» меня бы уколошил, то мои друзья сильно бы огорчились. И прежде чем отправить вас к вашему Яхве, вот этот симпатичный молодой человек, вам бы все пальчики молоточком разmozжил. Все до единого! И на руках и на ногах. Нравится ему это дело. Мы его за этс Тором зовем. Как! Вы не знаете кто такой Тор! Ну как-же! Разве вам не знаком скандинавский эпос? Что! Даже оперу господина Вагнера не слышали? Нда! Какие-тс необразованные ювелиры нынче пошли. Ну хоть «Тору»-то свою знаете? А впрочем неважно. Ну так как! Познакомить вас с Тором или так договоримся. Ручки-то на стол верните, а то Тору неудобно будет молоточком пальчики торировать.

Я не знал упоминается ли Тор в вагнеровских операх, поскольку кроме увертюры из «Гибели богов», да еще «Полета валькирий» ничего не слышал, да и оперу видел единственный раз в той жизни, еще до того как познакомился с Ленкой, своей будущей женой. Одна из моих девушек водила меня по театрам, с целью повысить мой культурный уровень. Однажды затащила на оперу «Фигаро», которую привезли в наш город артисты из Новосибирска. Я конечно к тому времени Бомарше читал и решил, что мне и впрямь не помешает приобщиться к высокому искусству. Приобщился! Особенно меня восхитила певица, которая изображала семнадцатилетнюю Розину. Дама далеко за пятьдесят и весом за сто килограммов грациозно порхала по сцене нашего старого театра, и я всерьез опасался, что изношенные доски сцены не выдержат и Розина ухнет в тартарары. Так, что из меня еще тот знаток оперного искусства, но господин Гуревич М. И., думаю, не далеко от меня ушел в

этом вопросе.

Пухлящ, между тем, смахнул рукавом обильно выступивший пот и, вернув руки на стол проговорил, чуть дрогнувшим голосом:

— Что вы хотите?

А ведь неплохо держится хлопец. Другой бы на его месте растёкся желтой лужицей, а этот хоть и боится, но держится и похоже после моих слов о возможности договориться, уже начал крутить шестеренки в своей голове, стараясь видимо просчитать возможности. Даже немного зауважал хитрого еврея. Ладно уважение уважением, а давление на его психику ослаблять не буду. Тем более раз я назвался Остапом Бендером, то надо соответствовать, хотя до Ильфа с Петровым мне как до луны.

— За то что подставил меня под нож, мой дед свирепый янычар Реджеп-оглы потребовал бы отрубить тебе голову, а дом твой сжечь вместе с семейством. — Говоря это, я смотрел ювелиру в район переносицы, слегка расфокусировав взгляд. Читал где-то, что это очень нервирует оппонента. Посверлив бедного еврея полубезумным взглядом, добавил:

— Но моя мама, Двойра Мордухаевна, была мудрой женщиной и всегда говорила мне: «Ося — мальчик мой не бери пример с этого шлемазла Реджепа. Он ведь плохо кончил наколовшись на штык усатого русского поца. Слушайся маму — она тебе плохого не посоветует. Не убивай никого без особой на то нужды, ведь от покойников нет никакого толку, а с живого можно поиметь свой гешефт». Я маму свою люблю и слушаюсь, но и дедушка Реджеп не чужой мне человек, поэтому выбор у вас не велик: или я сейчас отдаю вас в руки Тора, а после режу вам глотку и жгу вашу лавчонку, или вы покупаете у меня вот эти камешки за десять тысяч рублей. — С этими словами я выложил на стол два бриллианта и три необработанных изумруда.

— И так милейший! Ваш выбор?

— Но у меня нет таких денег! И эти камни не стоят десять тысяч?

— Неужели? И сколько же они по вашему стоят. Только не говорите снова, что пятьдесят рублей, а то я сильно разочаруюсь в вас как в специалисте. Назовите реальную цену.

— У нас в городе эти камни можно продать за шестьсот в крайнем случае за шестьсот пятьдесят рублей. В столице можно выручить в два раза больше.

— Ну вот уже лучше. Хорошо! Вы меня уговорили. Пять тысяч рублей и камни ваши.

Увидев, что осмелевший ювелир открыл рот, чтобы возразить, сказал:

— И не торгуйтесь! Это последняя цена.

Для стимуляции процесса купли-продажи засунул свой пистолетик в кобуру, резко выдернул свою недошпагу из трости и приставив острое к подбородку враз побелевшего пухляща, прошипел ощеряясь:

— Деньги на бочку! И быстро! Жид пархатый! — Видя, что тот от неожиданного и резкого перехода от почти интеллигентной торговли к бандитскому наезду, может наделать в штаны, решил снизить градус давления на психику бедного еврея. Убрав от подбородка лезвие, хлопнул недошпагой ему по плечу:

— Успокойтесь милейший! И ведите нас в закрома. Давай-давай! Не тормози!

Тот с трудом встал со стула и на подгибающихся ногах подошел к вычуренному шкафчику, взялся за него двумя руками и оглянулся на меня, видимо не веря окончательно, что его грабят. Я не дал ему повода усомниться в серьезности моих намерений, слегка подтолкнув под задницу клинком. Тяжело вздохнув, он легко отодвинул шкаф, потом

пошарив пальцами по стенке, открыл совершенно незаметную дверцу, за которой обнаружился вполне себе солидный сейф.

— Ух ты! Оригинально! — Восхитился я. — Чего топчешься, вскрывай копилку.

Пухлящ, закрыв собой обзор, начал чем-то тихонько щелкать. «Код набирает» подумал я. Потом он снял с шеи крестик и сунул его в скважину повернул два раза и взялся за ручку, чтобы открыть дверцу.

— Стоп! — Он остановился и вновь оглянулся. Я зашел ему за спину. — Теперь медленно открывай. Открыл? Отойди чуть в сторону. Тор смотри за ними.

Я глянул на Митьку и ухмыльнулся. Даже в маске парень выглядел офаноревшим. Вообще-то Митька молодец, даже звука не издал слушая тот бред, что я нес. Дождавшись от него согласного кивка, кончиком своего ножика-переростка открыл пошире дверцу сейфа и осторожно, не приближаясь, заглянул внутрь. Не обнаружив на полках ни пистолета, ни бомбы, ни каких либо других сюрпризов, подошел поближе и пошевелил шпагой пачки денег и какие то шкатулки. Денег было явно больше чем пять или даже десять тысяч.

— А вы, милейший, шалунишка и врун. — Сказал я понуро стоящему пухляшу, с которым произошли разительные изменения во внешности. Из него как будто выпустили воздух и вместо, розовощекого довольного собой и жизнью, толстячка, передо мной предстал обрюгзжий, потный мужик, страдающий одышкой и ожирением.

— Кому стоим? Давай милейший отслюнявь мне мои пять кусков. И пошевеливайся.

Тот подошел к сейфу, взял две не слишком толстые пачки и присоединив к ним еще десяток ассигнаций, обернулся ко мне протягивая деньги. Я указал клинком на стол.

— Сюда клади!

Он шаркая подошвами, подошел к столу, положил деньги и застыл глядя на меня глазами побитой собаки. «Э как расстроился болезный. Прямо с кровью от сердца отрывает».

— Ну что вы опять застыли как памятник Дюку Ришелье, закрывайте уже свои закрома.

Гуревич с недоумением и робкой надеждой посмотрел на меня. Пришлось попенять недоверчивому еврею:

— Неужто, милейший, вы подумали, что я буду вас грабить?

Тот всем своим видом показал, что именно так он и подумал.

— Это, знаете, даже обидно. Уверю вас, милейший, я не грабитель.

— А как же это? — Несколько приободрившись, он указал на стол, где лежали деньги.

— А это называется акт купли-продажи. — Сказал я пряча деньги в карман. — Только что вы совершили самую выгодную в своей жизни сделку. За какие-то жалкие пять тысяч ассигнациями вы выторговали жизнь себе и своим близким. И даже более того — получили в качестве утешительного приза, вот эти побрякушки.

Я указал клинком на камешки, забытые на столе. Потом резко, со свистом, махнул своей недошпагой возле самого лица вновь побледневшего ювелира и мило улыбнулся, ощерив зубы. От этой улыбки беднягу пробрала дрожь. Он суетливо дрожащими руками стал закрывать сейф и задвигать на место шкаф.

— Тор! — Обратился я к молчаливому хлопцу. — Выведи этого парнишку в торговый зал и последи, чтобы он с испугу там ничего не натворил. Если будет кочевряжиться пальчики ему пересчитай.

Митька по прежнему молча кивнул и схватив приказчика за ворот, поднял с колен и выволок из кабинета.

— Ну что уважаемый! — Глянул я на ювелира. — Садитесь-ка за стол. Пришло время

серьезно поговорить. Вы как? В адеквате или совсем расписались?

Видя, что бедняга не совсем в форме, сказал:

— Эко как вас плющит. Ну ничего! Сейчас проведем сеанс химиотерапии. — Говоря это, я спрятал свою шпагу в трость, трость положил на стул и подошел к шкафчику, где стояли бутылки и графинчик со светлой жидкостью. Взял графинчик вытащил хорошо притертую пробку и понюхал. Пахло восхитительно! Водкой пахло. Нашел здесь-же рюмку, налил почти до краев и поставил перед страдальцем. Тот с полминуты недоумевающе смотрел на емкость, потом схватил и быстро не поморщившись проглотил живительную влагу. Я достал вторую рюмку, наполнил ее больше, чем наполовину и поставил рядом с пустой. Затем, углядев рядом с бутылками тарелку с како-то стряпней, поставил тарелку на стол. Гуревич медленно взял наполненную водкой рюмку, выпил и, похрустев какой-то печенюшкой, уставился на меня.

— Что смотрите милейший? Возьмите бумагу, перо и пишите расписку.

Тот посмотрел на меня как на умалишенного и испуганно и одновременно недоуменно произнес:

— Какую расписку?

— Пишите: «Я Гуревич М. И. купил у предъявителя сей расписки пять драгоценных камней за пять тысяч рублей». Ставьте число и подпись.

Тот покопался в столе извлек листок бумаги и стал безропотно писать. Написав, он в который раз посмотрел на меня, явно не понимая, что еще можно ждать от этого сумасшедшего. Я протянул руку через стол и взял бумажку. Внимательно прочитав, сложил и спрятал в карман. Проследив взглядом за злополучным листком Гуревич спросил:

— Зачем это вам?

— Что зачем?

— Расписка эта вам зачем?

Вот блин спросил! Я и сам не совсем понимал, на кой хрен мне его расписка. Я тут полчаса несу всякую пургу, чтобы сбить с толку, ну и покошмарить бедного еврея, имея целью срубить с него немного бабла, что ой как непросто. Пухляш оказался довольно крепким орешком и как только я снижал градус отмораженности, он тут же отыгрывал очки.

Конечно, я мог бы окончательно запугать его, но мне был нужен этот хитровыделанный еврей. А для этого его нужно было не только кошмарить, но и намекать на некие преференции в случае наших дальнейших и взаимовыгодных отношений. Расписка должна стать для него неким порогом между, бандитским наездом, причем с обеих сторон и почти джентельменским торговым соглашением. Эта, по большому счету, ни к чему не обязывающая бумажка должна дать ему и мне хотя бы тень некой юридической обоснованности наших дальнейших договоренностей. Но я не стал рассказывать обо всех этих хитросплетениях и, решив подпустить еще большего тумана, сказал стараясь придать своим словам нарочитую значительность:

— Во всяком деле должен быть порядок.

Тот еле заметно скривился, но видимо боясь вызвать новую волну не контролируемой ярости, не стал акцентировать свой скепсис насчет порядка. Я же, помолчал немного и, твердо глядя ему в глаза, заявил:

— Уважаемый господин Гуревич, я предлагаю забыть наши довольно мелкие разногласия и начать наши, надеюсь взаимовыгодные отношения с чистого листа.

У того видимо шумело в голове как от выпитой водки, рюмки-то были не маленькими,

так и от того кошмара, который я ему устроил. Потому он вначале не врубился и, глядя на меня глазами беременной коровы, молчал.

— Таак... — Протянул я. — Видимо химиотерапия не помогла. А может доза мала? Михаил Исакович вы себе еще из графинчика плесните. Вон он стоит — графинчик-то. С рюмочкой рядышком. — Указал я на стол.

Гуревич мутным взором прошелся по столу, оглядел рюмки, графин, тарелку с плюшками, камни, которые так и лежали на столе, потряс головой и спросил:

— Простите! Что вы сказали?

А молодец толстяк! Почти мгновенная адаптация. Надо мне осторожней с ним. А то сам не замечу как все «непосильным трудом» награбленное отдам, да еще и должен останусь.

— Да я, собственно, предлагаю забыть все эти мелкие недорозумения, что между нами случились. Подумаешь: вы меня пытались убить, я вам хотел горло перерезать. Ничего страшного. Дело-то житейское. Пусть это останется в прошлом. У меня, знаете, еще есть немного брюликов, да и зеленые камушки имеются. И я бы хотел их куда-нибудь пристроить, к нашей с вами обоюдной пользе. Как вы на это смотрите уважаемый господин Гуревич?

Тот некоторое время помолчал и, окончательно взяв себя в руки, произнес:

— Я уже вам говорил, что в нашем городе такие бриллианты сбыть затруднительно, то же самое касается и изумрудов, тем более еще не обработанных.

— Ой не парьте мне мозг. Никогда не поверю, что у вас нет связи с Питером или Москвой.

— А расходы на перевозку! А еще расходы на безопасность. Путь-то далекий и всякое может случиться.

— А еще чиновникам надо отстегнуть, попам занести, полиция опять-же. — Задумчиво добавил я. Потом спросил:

— Неужели в городе нет людей, которые могут себе позволить дорогие вещи?

— Богатые люди у нас есть, но это по большей части купцы. А они люди прижимистые и деньгами почему зря не сорят. Они их в оборот пускают.

— Понятно! — Пробормотал я.

Похоже не врет ювелир. Барнаул конца девятнадцатого века, городишко небольшой и пристроить не честно заработанные брюлики, здесь мне будет затруднительно. Хотя, что это я. Если нет на что либо спроса, нужно этот спрос создать.

Вспомнилось, что видел в интернете фотографию молодой Матильды Кшесинской и очень удивился, что такое нашли в ней великие князья, с цесаревичем во главе. По мне так коряга корягой с лицом хитрой стервы, а они на перебой передовали ее друг другу и бриллиантами обвешивали.

А брюлики ребята где брали? Конечно же у ювелиров покупали. А у нас тут и брюлики есть и ювелир в наличии. Нет лишь Малечки Кшесинской. Но что такого из ряда вон ценного скрывала у себя под подолом эта польская еврейка? Наверняка и в нашей глуши можно отыскать вполне симпатичных девиц «с низкой социальной ответственностью». Тут главное как подать даму. А не замутить ли в Барнауле «Кафе-шантан» с пением и плясками, где эти самые дамы под веселую музыку высоко задирают ноги и визжат, а жирные купцы, потея, пытаются разглядеть чего это они прячут у себя под пышными юбками. Идея интересная. А не впарить ли ее продошливому еврею? Начал издаലെка:

— Уважаемый господин Гуревич вы немецкий язык знаете? Не знаете! А идишь? Я

конечно не специалист в области языкознания, но читал где-то, что идишь это почти немецкий. Не так? Ну значит соврали. Я к чему это! Есть такая толстая, но очень умная книга на немецком языке — «Капитал» называется. Не читали? Нет. А зря. В этой книге автор, некий Карл Маркс, очень хорошо про деньги написал. Разложил подлец по косточкам, что такое деньги и откуда они берутся. Так вот там в книжке говорится, что если на ваш товар нет спроса, то его, спрос то есть, нужно создать.

Гуревич с обалделым видом уставился на меня. Похоже дядя скоро совсем кукухой поедет от такой моей начитанности. Ухмыльнувшись, я продолжил:

— Вижу господин Гуревич, что вы совершенно не в курсе современных экономических воззрений. Ну а в Париже-то вы хоть бывали? Не бывали? А зря! Прекраснейший город. Побывайте при случае и обязательно посетите там заведение одно. «Мулен руж» называется. Там девушки поют и танцуют. Танец такой у них интересный — «канкан» называется. Ноги высоко задирают и подолами трясут, а богатенькие господа им под подола заглядывают. Пытаются, знаете, разглядеть чего они там такого прячут под юбками. Не разглядев, девиц тех ангажируют и брюликами одаривают, чтоб значит, те показали все, что у них есть.

Я замолчал и стал со значением смотреть на бедного еврея, который похоже окончательно уверился в моей ненормальности и тихонько помалкивал, боясь рассердить неуравновешенного бандита, за которого меня принимал. И надо признаться основания у него были. Не хилые такие основания. Полюбовавшись на понурую физиономию сказал:

— Чтото вы сегодня кволый какой-то. Соображаете плохо. Ну да ладно! Я хочу предложить вам такой же «Мулен руж» организовать у вас здесь в Барнауле. Публики чистой в городе много. Думаю, что дело само по себе будет прибыльное, ну и торговлю драгоценностями наверняка оживит. Знаете как говорят у нас в Париже: «Лучшие друзья девушек это бриллианты». Так что подумайте над моим предложением. Если надумаете то я в доле. Вложусь деньгами и песнями. Ну, а пока позвольте откланяться. Окончательно не прощаюсь, зайду на днях.

Поднялся со стула взял тросточку и подойдя к двери оглянулся:

— Да чуть не забыл! Не вздумайте рассказать обо мне своему человеку в полиции. Для вас это будет смертельно, да и прикормленному вами полицейскому не поздоровится. Так что сидите тихо и дышите в тряпочку, а мои люди присмотрят, чтобы вас никто не обидел. Адью!

Выйдя в торговый зал, увидел забавную картину: приказчик сидел на полу с синяком под глазом, а над ним мрачной глыбой нависал Митька и сверлил того взглядом ничего хорошего бедному еврейчику не обещавшему.

— Тор, что тут у вас?

— Да вот крысеньш смыться хотел. Меня палкой огрел и к дверям кинулся.

— Во как! — Удивился я разглядывая боевого еврейского хлопца, который подняв голову с ненавистью посмотрел на меня. — И как это он смог к тебе так тихонько подобраться? Ты тут заснул что-ли?

— Да нет. Я это.... — Смущенно промямлил Митька.

— Это? Что еще за это?

— Сережки я хотел посмотреть. Только наклонился, а тут этот с дубьем....

— Сережки...? Где они?

— Вон там под стеклом. — Мотнул головой Митька.

Блин! Вот и доверяй этим долбодятлам. Сережки он хотел посмотреть! Хм! Никак зазноба у Митьки в деревне завелась, наверное подарок хотел ей сделать.

— Таак! Ну-ка ты, террорист недоделанный. — Подозвал я приказчика. — Подай-ка сережки. Тор какие тебе понравились?

— Вот эти с синим камушком. — Указал Митька на простенькие серебряные сережки с синей стекляшкой.

Подошедший приказчик неохотно выдвинул ящик и, достав сережки, положил их на стекло, рядом с царапинами, оставшимися после моего первого посещения.

— А что коробочки у вас тут никакой нет? Ну на нет и суда нет. Сколько стоят эти побрякушки?

— Сто рублей. — Чуть помолчав, сказал малый.

Я с интересом уставился на этого оборзевшего еврейчика. Оглядев его с ног до головы и отметив, что несмотря на некую напускную солидность, которую портил наливающийся синяк, парнишка молод. Лет восемнадцать — двадцать не больше.

— Во борзота! — Восхитился я. — Тор забирай сережки и тащи этого поца за мной. Будет вякать подбей ему второй глаз, но аккуратно, не убей не нарочком.

Я снова открыл знакомую дверь, пройдя коридорчиком, вошел к не ждавшему нас пухляшу. Следом за мной ввалился Митька, держа за шиворот полузадушенного пленника. Оглянувшись и увидев красную задыхающуюся физиономию юного борца за еврейскую независимость, сказал:

— Тор воротник отпусти, а то задушишь малого. — И обратившись к хозяину добавил. — Уважаемый! Что-ж вы так плохо воспитываете молодое поколение, так они у вас в революционеры подадутся. В народовольцы! Прости господи. Не дай бог на царя — батюшку покусятся.

Пухляш с испугом и недоумением уставился на меня. Я указав на полузадушенного приказчика пояснил:

— Вот этот горячий молодой человек опрометчиво попытался проверить крепость черепа у Тора. Спешу заверить, что голова у тезки скандинавского бога очень крепкая и он даже не сильно рассердился, поскольку ваш мальчик жив, хоть и не совсем здоров. Но чтобы подобного больше не случалось я налагаю на вас штраф.

С этими словами я взял со стола один брюлюк и положил его к себе в карман. Гуревич, проводив камешек взглядом, уставился на племянника или кем там ему приходится этот борзый молодец. Не дождавшись от пухляша комментариев, сказал:

— Ну что-ж раз инцидент исчерпан, то у нас есть до вас дельце. Тор покажи цацки.

Митька подал мне сережки и я положил их перед ювелиром:

— Что стоят эти украшения?

Тот, поглядев на меня потом на стоящего за мной и пытавшегося, что-то сказать приказчика, которому я вовремя заткнул рот легонько врезав локтем в солнечное сплетение, назвал цену, завывсив ее раза в два, если не больше.

— Пятнадцать рублей.

Я насмешливо поцокал языком и предложил:

— Урежь осетра, любезный. Назови нормальную цену.

Тот нехотя проговорил:

— Восемь рублей.

— Ладно! Хрен с вами. Тор заплати.

Митька покопавшись в кармане вытащил небольшую кучку бумажек и отсчитав восемь рублей положил их на стол. Я подал ему сережки и повернувшись пошел к дверям. У дверей остановился и пропустив идущего следом парня обратился к пухляшу:

— Я тут посмотрел вашу лавчонку. Как-то вы без огонька работаете на ниве впаривания ваших цацак клиентам. Тускло у вас все. Драгоценности должны сверкать и манить. Надо вам витрины подсветить. Жаль электричества у вас в городе пока нет, так хоть лампами осветите. Плакаты на стены повесьте, с красивыми дамами примиряющими брошки или колье, с надписью «Бриллианты лучшие друзья девушек» или «Для дамы замужней — ожерелье жемчужное». Напрягите фантазию поработайте мозгом и будет вам счастье. Да и о мом предложении насчет «Мулен руж» поразмышляйте. За сим разрешите откланяться.

Больше книг на сайте - Knigoed.net